

«ТАЙНА ХРАМА»

Пропал Ершалаим – великий город,
как будто не существовал на свете.

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Краткая аннотация

«Тайна храма» - интеллектуальный авантурный роман. Удивительные приключения и романтика путешествий, убийства и преследования, мистические артефакты и таинственные легенды. Оригинальные, зачастую провокационные авторские версии исторических событий, правдиво переплетающиеся с реальными историческими событиями и персонажами.

Главные герои книги. Молодая американская журналистка, внучка нацистского ученого вывезенного в США в 1945 году. Ее дед, американский физик немецкого происхождения, бывший нацистский ученый, оставивший в качестве наследства загадочное завещание. Русский математик, исследователь и путешественник, увлекающийся историей и археологией. Офицеры отдела ЦРУ, занимающегося учеными и их родственниками, переброшенными в США после второй мировой войны и др.

Действие книги происходит в наши дни. События последовательно разворачиваются в США, затем в Израиле, Турции и, наконец, в России. Сюжетная линия базируется на изложении исторических событий различных эпох: времени жизни Христа, Ивана Грозного, Второй Мировой войны и Сталинской эпохи.

Основная идея книги – в художественной форме дать читателю возможность не только ознакомиться с любопытными, но малоизвестными историческими фактами (например, с концепцией суфийского ордена), но и посмотреть на основополагающие события далекого прошлого под неожиданным, альтернативным углом зрения.

В этом приключенческом романе (а также в последующих романах этой серии) автор ставит перед собой интеллектуальную задачу подвергнуть сомнению незыблемые исторические постулаты и общеизвестные факты, предложить вниманию читателя особый взгляд на тайные смыслы, заложенные в крупнейшие памятники архитектуры и истории их авторами.

Повествование, опирающееся на реальные документы, фотографии и схемы, сопоставление различных исторических концепций и взглядов, в итоге развенчивает миф об исторически отсталой России. Напротив, автор предлагает читателю интересную возможность проследить, как герои романа находят многочисленные свидетельства того, что именно Москва и есть тот самый Великий Третий Рим.

Краткий экскурс. Американская малоизвестная журналистка становится обладательницей мемуаров своего деда, нацистского ученого. В мемуарах описаны события, связанные с выпускником Массачусетского Технологического Университета до второй мировой войны и после нее. Технические загадки найденных записей, трагические детективные события, убийства и преследования вынуждают молодую американку покинуть территорию США и отправиться в Израиль на поиск загадочных артефактов, могилы Христа и «Карты Рома».

В Иерусалиме она встречает русского ученого-авантюриста, который проливает свет на факты, изложенные в воспоминаниях ее деда. Вместе они отправляются в Стамбул и находят истинный Иерусалим и «могилу» Христа. Трагические события приводят их в дом суфийского шейха, который открывает им секреты бытия.

Разгадка секретов мемуаров нацистского ученого заставляет главных героев отправиться в Москву. Русский историк, проживающий в столице России, открывает им тайны Мавзолея на Красной площади, Покровского собора, Тетра Российской Армии. Ученый посвящает их в найденные им свидетельства особых взаимоотношений Сталина с Русской Православной церковью и прорицательницей Матроной Московской.

Бостон, штат Массачусетс, США

Эмма Рунге стояла в растерянности перед только что открывшейся, пугающей своей неизвестностью дырой в стене. Начиная ремонт в одной из комнат, молодая женщина отдирала старые обои и снимала со стен растрескавшиеся книжные полки. За одной из них она наткнулась на тайник, расположенный в небольшой нише, грубо выпиленной в деревянном перекрытии. Пластиковая коробка размером с пухлую книгу, отливая рассеянным сиреневым цветом, смотрела на нее мрачно и вызывающе. Легкий озноб пробежал по всему телу новой хозяйки дома: «Неужели клад?».

Едва сдерживая, охватившее ее возбуждение, Эмма вытащила пыльную коробку и осторожно перенесла ее на стол, укрытый толстой целлофановой пленкой. Взяв мокрую тряпку, она стала медленно и аккуратно протирать пластиковый контейнер, отдавая момент, когда надо будет его открыть. В голове нескончаемым потоком проносились отрывки из кинофильмов, в которых герои находили сокровища и становились сказочно богатыми людьми.

Три месяца назад на девяносто восьмом году жизни умер ее дедушка Карл Рунге, завещав старый добротный дом на окраине Кембриджа в штате Массачусетс единственной внучке.

Деда Эмма в своей жизни видела трижды. Первый раз – в ее смутных воспоминаниях, это было в далеком детстве. Они сидели на террасе большого дома вчетвером – мама, отец, дедушка и она у него на коленях. Было очень весело, дедушка привез в подарок большого плюшевого мишку и множество сладостей. Но после его визита родители сильно поругались, как никогда прежде, чем очень ее напугали.

Спустя много лет Мария, мать Эммы, рассказала ей, что Карл Рунге появился в их доме неожиданно. Явился, никого не предупредив, после многих лет забвения. Своего свекра в этот день она увидела впервые. Это был красивый мужчина, не по годам хорошо выглядящий. Роста он был выше среднего, худощав и статен. Густые каштановые волосы изящно оттеняли немного бледный цвет лица. Уверенный холодный взгляд больших карих глаза, нос с горбинкой и тонкие крепко сжатые губы говорили о нем, как о человеке сильном и замкнутом. Дорогой двубортный костюм и яркий галстук очень шли ему. Его можно было бы принять за успешного коммерсанта или даже артиста, если не знать, кто он есть на самом деле.

Отец Эммы, Рон Рунге, не любил рассказывать про свое детство, часто повторяя, что его попросту не было. Своего отца, Карла, он видел редко, а его воспитанием занимались то одна, то другая няня. Карл никогда не говорил с сыном о своей работе, впрочем, он вообще мало разговаривал. Старший Рунге был ученый, работающий на военных. Вот собственно и все, что было известно об этом человеке.

Сын был растерян, но рад визиту своего отца, которого давно не видел. Сначала разговор не клеился, Рунге старший уходил от вопросов, касающихся его существования, и явно без интереса расспрашивал Марию и Рона об их жизни.

Мария пригласила Карла отобедать вместе с ними, и он, к ее удивлению, согласился. Ей казалось, что этот человек просто случайно ехал мимо их дома и вдруг вспомнил, что у него есть сын и внучка, настолько странно и безразлично он выуживал из себя дежурные фразы.

Миссис Рунге в этот день приготовила холодный томатный суп и жареную утку. Неожиданно для всех глаза Карла засверкали, его голос потеплел, и он стал нахваливать стряпню женщины. Такая перемена в поведении гостя убедила Марию, что перед ней все-таки нормальный живой человек, забывший, к сожалению, что такое семья.

После обеда отец и сын уединились в саду и о чем-то беседовали больше часа. Мария с Эммой играли в гостиной, стараясь не мешать общению двух близких людей. В душе она надеялась, что их отношения наладятся, и их семья наконец-то станет похожа на другие добропорядочные семьи.

У самой женщины судьба сложилась тоже непросто. Родилась она в семье мормонов в небольшом поселении не далеко от Солт-Лейк-Сити. Их небольшой поселок насчитывал

около сотни семей, все занимались в основном сельским хозяйством и животноводством. Она была единственным ребенком в семье, что было не характерно для их общины.

Спустя много лет друзья часто ее спрашивали, почему она сбежала от мормонов. Это трудно объяснить, она ни от кого не бежала, там просто была другая жизнь, и ей было трудно с ней смириться. В их сельской общине все люди были работающие, готовые прийти в любую минуту на помощь друг другу. Они не употребляли алкоголь, не курили и вели праведный образ жизни. Но каждый следующий день был как две капли воды похож на предыдущий.

В ее поселке все жители были какими-то одинаковыми, и дело было не в вероисповедании, не в привычках, не в носимой одежде, а в устремлениях этих людей. Отец Марии, в отличие от матери, потихоньку нарушал многочисленные заповеди, особенно ему нравилось наслаждаться утренним кофе, употребление которого, мягко говоря, не приветствовалось.

Он много читал и любил пофилософствовать. В силу обстоятельств ему не с кем было обсудить прочитанное, и он часто сажал перед собой свою маленькую дочь и начинал рассуждать на разные темы. Мария была единственным, правда бессловесным собеседником своего отца.

Мать поначалу относилась настороженно к этим «дискуссиям», но, уверовав в то, что блажь мужа не сможет увести девочку с пути Господа, постепенно успокоилась. Самой Марии очень нравились эти беседы, она ничего не понимала, но ей было радостно и уютно рядом со своим отцом.

Шли годы, и в свои неполные десять лет девочка впервые взяла в руки одну из книг отца. И все изменилось, ему по-настоящему стало интересно ее мнение. В ответ на это сближение девочка стала захлеб читать все больше и больше «не рекомендуемых» в общине книг, в изрядном количестве присутствующих в их доме.

К пятнадцати годам она сильно изменилась. Ее знаниям не хватало практического опыта, и они стали выплескиваться в разговорах со сверстниками и даже взрослыми обитателями общины. В своих мыслях она жила в параллельном, совершенно другом мире. Ей хотелось путешествовать, открывать новые земли и идти к Богу собственным путем.

Все это было невозможно скрыть от жителей поселка. На одном из общественных собраний отцу пришлось разъяснять, что же все-таки происходит в его семье. Это было непростое объяснение. Уже много лет в небольшой общине не было столь яростной полемики.

Отец рассказал своим соседям, что уже много лет интересуется тем, как устроен мир, и его занимают разные точки зрения на этот счет. Он остается мормоном, но считает себя вправе познавать мир настолько, насколько позволяет ему Господь.

К удивлению отца, на его сторону встали несколько уважаемых семей общины. Мария не присутствовала на этом собрании, как и все другие дети, но итоги большого схода запомнила на всю жизнь.

Родственники матери, составляющие большую часть их поселения, были настроены категорически против такого вольнодумства. Они призывали изгнать отца Марии из общины, обвиняли ее мать в недосмотре и попустительстве. Другая немногочисленная часть населения взывала к чувствам терпимости.

Точку в споре поставил один из старейшин. Он вышел и долго стоял перед людьми, пока не стихли крики собравшихся.

– Мне страшно за ваши души! – начал он, чем сразу остудил пыл дискуссии, грозившей перерасти в свару. – Что мы обсуждаем? Желание людей больше знать, чем мы сами? Их стремление к свету, к знаниям и книгам, которые ниспослал нам Господь? Кто из вас возразит против того, что нас с вами направляет Господь Бог? Разве мы вправе осуждать и тем более клеймить?

Воцарилась тишина и старик продолжил:

– Что нас объединяет? Любовь к богу и ближнему своему! А что нас разделяет? Неверие во всемогущество Господне и уверенность в собственной правоте! Где эта граница? Откуда вам знать, где она?

Выступающий обвел огненным взглядом всех присутствующих:

– Все вы знаете, что мой род происходит от семьи одного из основателей нашей веры – Бригема Янга. Наши предки всегда были за чистоту сознания, за приверженность вере. И мы придерживаемся этих устоев и будем придерживаться. Но что вам мешает понять, что

мир, принесенный Господом, безграничен, он бесконечен, и мы созданы, чтобы познавать его! Среди нас дитя, не ограничивающее себя частоколом наших разумений и страхов! Человек оступился, и что с этим делать? Запретить? Изгнать? Или простить, принять и направить?

Это собрание общины внутренне раскололо общество на два непримиримых лагеря, хотя внешне это почти никак не проявлялось. В этот же год отец Марии погиб под ножами сенокосилки. Это случилось из-за его рассеянности или, как некоторые полагали, явилось наказанием свыше.

Через год мать Марии вышла замуж за своего троюродного брата – пятидесятилетнего вдовца, окруженного четырьмя дочерьми и шестью сыновьями. Нет, Мария не была золушкой из сказки, и ее не заставляли работать больше других. Но жизнь ее изменилась. Не было времени для книг, да и книг отца в этом доме не было. Все разговоры в женской половине дома касались только будущего замужества и той миссии, которая им предстоит на пути слова Господня.

Мать Марии приняла новую свою долю как должное, окунувшись в бесконечные заботы своей новой большой семьи. Однако для самой девушки это стало непреодолимым испытанием, и она ушла из дома в семнадцать с половиной лет.

Перед своим побегом она рассказала матери о своих надеждах и чаяньях, но не встретила ни должного понимания, ни сопротивления. Все, что она услышала, это то, что пути всевышнего неисповедимы, и она желает счастья своей дочери. И на том ей спасибо.

В день расставания мать тихо сказала ей, что будет помнить ее всегда, но просила, чтобы она, не возвращалась обратно никогда. «Никогда, ни при каких обстоятельствах», – твердо сказала она и сунула ей конверт с небольшой суммой денег, скопленной втайне от нового мужа!

Мария переехала в Нью-Йорк и довольно быстро нашла работу продавца в небольшом книжном магазинчике. Через полтора года именно здесь она и встретила Рона. Правильные черты лица и белозубая улыбка молодого человека сразу привлекли ее внимание. Ей показалось, что и он к ней не остался равнодушен. Несколько раз она ловила на себе его заинтересованный взгляд. Рон заказал у них несколько довольно редких книг, и она не смогла удержаться, чтобы не пролистать их после получения. Все книжки были по психологии и искусству управления людьми.

Через три недели молодой человек явился за книгами, появившись за десять минут до закрытия магазина. Посетителей уже не было, и Мария пошутила, отдавая заказ:

– У вас интересные книги, вы, видно, во всем этом здорово разбираетесь. Может, научите, как мне убедить моего работодателя поднять мне жалованье!

Посетитель смутился и искренне, как-то по-детски признался:

– Я пока только учусь, некоторые успехи есть, но очень скромные. Если хотите, давайте проведем эксперимент, научный эксперимент, и вместе посмотрим, что из этого выйдет.

Молодой человек пригласил ее в кафе, где они допоздна обсуждали, как убедить хозяина книжного магазина поднять Марии зарплату. Из этой затеи, правда, ничего не вышло, но молодые люди стали встречаться, и вскоре Рон сделал ей предложение руки и сердца.

– Мария! – голос мужа оборвал воспоминания женщины. – Карл хотел бы немного побыть с Эммой наедине.

Несмотря на протесты мамы, отец уговорил ее оставить дедушку с внучкой, а самим поехать в кино. Когда родители вернулись, их дочь уже спала, а перед ними предстала странная картина. Карл оттирал мокрым полотенцем замысловатый круг, испещренный знаками и начертанный мелом в гостиной прямо на полу. Два десятка наполовину сгоревших свечей были аккуратно сложены на газету тут же.

Мама испугалась и стала кричать на деда, но он поднялся с пола, не произнеся ни единого слова, и спешно покинул дом. Отец вынужден был признаться, что написал Рунге старшему о болезни его единственной внучки и о диагнозе врачей – тяжелой форме лейкемии, предполагающей, что жить ребенку осталось считанные месяцы.

Папа рассказал матери, что дед приехал попытаться спасти Эмму. Карл убедил его попробовать старинный обряд посвящения. Для Рона было настоящим шоком, что ученый

верит в подобные сказки. Но выбора не было. В тот вечер родители разругались, мама не могла простить, что отец затеял все это без ее ведома, а она, конечно, никогда не допустила бы ничего подобного.

Однако уже через две недели медицинские анализы показали, что ребенок здоров. Врачи лишь развели руками. Лечащий доктор сказал, что такое бывает, и в его практике это не в первый раз. Так и осталось загадкой, был ли причастен к чудесному выздоровлению Карл Рунге или нет. Сама Эмма была уверена, что именно благодаря деду исцелилась и больше никогда и ничем не болела, хотя, наверное, все впереди, и годы возьмут свое.

Несмотря на чудесное исцеление дочери, Мария не простила мужу колдовской эксперимент Карла Рунге. Будучи женщиной набожной, она все чаще и чаще стала пропадать в церкви, постоянно повторяя, что отмаливает грехи семьи. Отца Эммы это раздражало, и в некогда счастливом доме поселились ссоры и непонимание.

Второй раз Эмма видела своего деда на похоронах своего отца. На церемонии прощания присутствовало много людей, в основном коллеги Рона Рунге по работе в «Ди Моторс». В его адрес было сказано много теплых, очень трогательных слов.

Девочку тронули слова пожилой, роскошно одетой дамы вице-президента – компании. Ее короткая речь была даже опубликована в местной газете:

«Рон Рунге – самый блистательный маркетолог компании за всю ее историю. В наш технократический век он единственный, кто верил в действительно американский автомобиль. Мне всегда вспоминаются его слова, как американец выбирает свою четырехколесную мечту. Он говорил, что, конечно, важна надежность и функциональность при выборе автомобиля, это понятно. Но где эмоции, где страсть, где музыка переживаний?

Азиатские автомобили безлики, но они надежны и не так дороги. Поэтому мы их покупаем? Неужели мы, американцы, сделаем выбор в пользу предсказуемой и надежной, но безликой домработницы, в качестве своей спутницы, или скажем «да», красивой, но своенравной девушке с непростым характером.

Смерть Рона глубоко потрясла весь наш коллектив – мгновенная, непредсказуемая, страшная. Он заступился за девушку, которую избивали трое подонков, и получил удар ножом в сердце. Почему он не прошел мимо? И многие ли из нас способны на такой поступок? Я обещаю тебе Рон, что мы снова и снова будем задавать себе этот вопрос! Мы будем стараться быть достойными и сильными людьми, такими, как был ты, наш нежно любимый друг и коллега».

Эту выцветшую заметку Эмма бережно хранила в своей маленькой хрустальной шкатулке, подарке отца в честь окончания начальной школы.

Дедушка приехал на похороны своего единственного сына, но к удивлению матери, на кладбище он стоял вдалеке от всех. Он появился в середине церемонии, но не подошел проститься. Мама направилась было к нему, но старый Рунге отвернулся и быстро пошел прочь. Эмме на следующий день исполнилось одиннадцать лет. Проснувшись, она не спешила вставать с кровати, ей все еще не давала покоя вчерашняя нелепая выходка Карла, ее деда. Убежать с кладбища, проигнорировать единственную внучку и жену ушедшего сына... Обида, злость и непонимание переполняли ее. Это было не по-христиански.

Гибель Рона Рунге была катастрофой, но не случайностью. Почти каждый вечер он отправлялся на многочасовую прогулку подальше от все более ворчливой и недовольной жены. Он бродил по улицам, часто забредая в неподходящие для обывателя места в городе. За несколько месяцев до своей смерти он был избит и ограблен как раз во время своей вечерней прогулки. Но этот факт никак не повлиял на маршруты его ежевечерних выходов.

Третий и последний раз она видела Карла десять лет назад. Эмма уже училась в престижном Нью-Йоркском университете, мечтая стать литератором и известным на всю страну журналистом. Мать передала ей телеграмму, пришедшую от некоего Майкла Штольца, в которой тот сообщал, что Карл Рунге умирает в Бостонской городской больнице.

Мария наотрез отказалась ехать прощаться с тестем, но просила об этом дочь. У Эммы начались каникулы, и она планировала вместе с друзьями по университету весело провести время в Калифорнии, где у родителей одного из ребят был домик прямо на море.

Поездка к умирающему старику, о котором после смерти отца Эммы запрещалось даже упоминать, была очень некстати. С другой стороны ее подстегивало любопытство, она не видела своего загадочного деда так давно. Они с матерью даже не знали его адреса.

Письма, посланные по координатам, записанным у отца, оставались без ответа, да и сам адрес был до востребования.

Дед лежал под капельницей и абсолютно не отреагировал на ее визит. Может быть, просто не узнал, из девочки она превратилась в молодую женщину. Лицо его ничего не выражало. Девушка попыталась говорить с ним, но отрешенный взгляд старика убедил ее в бессмысленности этой затеи. Эмма вышла в пустой коридор, где и столкнулась с отправителем телеграммы.

– Вы Эмма Рунге, дочь Марии и Рона? – голос принадлежал плотному жизнерадостному мужчине лет пятидесяти. – Всегда хотел на вас посмотреть. Карл говорил, что вы просто красавица.

Эмма благодарно кивнула, не придавая значения этой выдумке.

– Я – Майкл Штольц, ученик вашего деда, профессор местного университета.

– Ученик? – с недоверием спросила девушка. – Неужели у такого нелюдимого человека могли быть воспитанники?

– Ну, ученик, конечно, сильно сказано, – сконфузился мужчина. – Мне хотелось бы так думать.

Майкл пригласил Эмму поужинать, но, к ее разочарованию, почти ничего нового не рассказал о жизни деда. С его слов получалось, что последние двенадцать лет Карл вел замкнутый образ жизни пенсионера-отшельника. До этого они вместе больше десяти лет работали в Массачусетском Технологическом Университете, но об этом он не мог говорить.

Девушка очень мало знала о Карле. Ее бабушка, Изабель, умерла при родах, и это было большим ударом для Карла Рунге. Ее отец, Рон, был уверен, что Карл не может простить сыну смерть своей любимой жены. Маленького Рунге вырастили няни, а его отец пропадал с утра до ночи на работе, практически не занимаясь ребенком.

Место, где работал Карл Рунге, находилось в пустыне Аризоны, и вся территория поселения была огорожена колючей проволокой. Это был военный закрытый объект, включающий в себя детский сад и начальную школу. Старших детей возили в школу в ближайший городок в двадцати пяти милях от базы.

Рон хорошо учился, пытаясь завоевать расположение отца, но тот оставался холоден и безразличен. В старших классах они могли не разговаривать друг с другом по несколько дней, и это не раздражало ни того ни другого.

Поступив в колледж и переехав в Нью-Йорк, Рон еще больше отдалился от отца. Рунге старший не отвечал на письма сына и финансово не поддерживал его.

Отец и сын встретились только через семь лет после отъезда Рона в Нью-Йорк. Написав отцу о своей свадьбе, молодой человек не надеялся на его приезд, просто написал по привычке. Каждый год он отправлял отцу открытку, поздравляя его с днем рождения.

Карл Рунге внезапно появился через полгода после бракосочетания Рона и Марии. Из припаркованной машины, стоящей напротив подъезда дома, где снимали квартиру молодые супруги, знакомый голос окликнул Рона: «Садись в машину, надо потолковать».

Карл взял сына за руку и попросил его ничего не говорить. Они сидели так не меньше десяти минут, оба смотрели в лобовое стекло, по которому стал накрапывать дождь.

Отец много раз рассказывал Эмме эту странную «молчаливую» историю. Карл передал сыну пакет с двадцатью тысячами долларов и попросил, чтобы тот больше не писал ему без крайней необходимости.

И это были все ее познания о человеке, который весьма холодно относился к своему сыну.

После ужина Штольц отвез девушку в отель и по дороге признался, что завтра утром ему надо лететь на конференцию в Канаду, и он надеется, что она не бросит своего деда в трудный час. Неловким движением он сунул ей свою визитку, пробурчав, что там домашний и рабочий телефоны.

На следующий день Эмма пришла навестить своего деда и встретила с его лечащим врачом. Им оказался пожилой седовласый мужчина в толстых роговых очках. Он представился Дэвидом Левинсоном и сказал, что ему нужно с ней поговорить.

Доктор пригласил ее в свой просторный кабинет и, едва усадив, начал быстро и возбужденно говорить:

– Ваш дедушка, Карл Рунге, очень необычный пациент. Мы не можем, определенно не можем поставить точный диагноз его болезни. Это странно, очень странно, и это впервые в моей практике. Когда его доставили к нам, и мы взяли все анализы, не было сомнений, что ему жить несколько часов. Но прошел день, затем второй, и его анализы стали другими.

Врач сделал многозначительную паузу, а затем продолжил:

– К нашему удивлению, некоторые показатели соответствуют состоянию молодого человека полного сил. Но ваш дедушка очень пожилой человек, и этого не может быть. Повторные анализы привели нас в еще большее замешательство. Перед нами старик, а его биохимия соответствует двадцатилетнему парню.

– Я не понимаю, – перебила его Эмма.

– Я тоже не понимаю, – воскликнул доктор. – Но перед нами здоровый человек, правда, находящийся в коме. Это абсолютный нонсенс, даже в теории этого не может быть.

– Так мой дедушка в коме или нет? – взорвалась Эмма. – Вы врач, а не я, и именно вы должны мне объяснить, что происходит!

– Да, да, именно так! – растерянно подтвердил ее слова Левинсон. – Но у меня нет объяснений, я надеялся, что, может быть, вы разъясните, что происходит! Я, признаюсь, не могу понять происходящее!

Этот разговор произвел странное впечатление на Эмму. Неужели американские врачи остаются до сих пор столь невежественными, или, действительно, человеческий организм столь мало изучен, что преподносит все новые и новые сюрпризы.

Войдя в палату к Карлу Рунге, ее охватило любопытство, правда ли все так, как преподносит этот доктор Левинсон. Она села рядом с кроватью неподвижно лежащего деда и стала рассказывать ему содержание недавней беседы с доктором.

В какой-то момент ей показалось, что Карл усмехнулся. Это было мимолетное видение, выражение лица дедушки не изменилось, только глаза будто сузились и блеснули.

Эмма несколько минут молчала, внимательно разглядывая деда, но ни один мускул не дрогнул на его лице. Она пододвинула свой стул к кровати больного и начала ему рассказывать историю своей жизни. Девушка начала с первого и единственного посещения Карлом их дома. Она мало, что помнила из своего детства, но этот визит сохранился в ее памяти до мельчайших деталей. Она благодарила деда за свое исцеление и корила его за внезапное исчезновение.

Эмма рассказывала о том, как они жили, наверное, не хуже и не лучше других семей. О смешных случаях, произошедших с ней. О своем дне рождения, где никак не могли задуть свечи на огромном торте. О том, как она упала с велосипеда, скатившись с крутой горки, и как она очнулась только в больнице с перевязанной головой. О своем первом поцелуе, когда одноклассник Гарри Филер поцеловал ее на перемене и естественно за это получил по шее от нее и ее лучшей подруги Холи. И это была первая и самая счастливая часть ее жизни.

После смерти отца все внезапно изменилось. Она как-то сразу стала взрослой. Денег в семейном бюджете постоянно не хватало. Маме пришлось много работать, и все равно они были вынуждены продать дом и переехать в небольшую квартиру на окраине города. Новая школа, новые друзья, совсем не такие, как в ее старой престижной школе.

Ей очень нравились книги, они и были ее по-настоящему верными друзьями. Особенно книги по истории. Читая их, она представляла себя то жительницей древней Греции, то испанской баронессой. Эмме нравилось путешествовать во времени, становиться героиней прочитанных книг. Фантазии и мечты позволяли ей не обращать внимания на неоднозначное отношение к себе одноклассников, на бедность и портящийся с годами характер матери. Все это сделало ее замкнутой и неуверенной в себе и убедило, что чудеса могут случиться с кем угодно, но только не с ней. Несмотря ни на что, она хорошо училась, окончила школу с отличием и поступила в университет. Особенно хорошо ей давалась математика и тесты на логическое мышление.

Девушка настолько увлеклась рассказом о своей жизни, что не заметила прихода Дэвида Левинсона.

– Он ничего не слышит, – почему-то шепотом прервал ее доктор.

– Может быть, – ответила Эмма, – но я должна ему рассказать, то, что он наверняка хотел бы знать. А почему вы говорите шепотом?

– Не знаю, – задумчиво произнес доктор, – и мне показалось, что он слышит вас, хотя это, конечно, невозможно.

На следующий день в больнице она познакомилась со своей ровесницей медсестрой Сьюзан. Эта постоянно улыбающаяся, яркая блондинка вносила в унылую жизнь медицинского учреждения искру надежды. Она была необыкновенно мила ко всем больным, и сама предложила Эмме с особым вниманием отнестись к Карлу Рунге.

К удивлению и радости Эммы, Сьюзан взяла и над ней шефство, убедила ее в тот же вечер отправиться в танцевальный клуб и развлекаться. Это было очень кстати, так как предыдущий вечер Эмма провела в Бостонской публичной библиотеке, решив выполнить задания, данные к началу следующего семестра. Девушка обложилась книгами, но перед глазами стояло ничего не выражающее лицо старого Рунге, думать о чем-то еще было просто невозможно.

Эмма с удовольствием приняла приглашение новой знакомой. Молодая медсестра танцевала как богиня, и от ухажеров у новых подруг не было отбоя. Сьюзан призналась, что пять лет училась в престижной танцевальной школе, но выбор сделала в пользу медицины и сейчас подрабатывала в этой больнице, надеясь в будущем получить здесь работу.

Эмма тоже в детстве училась танцам, а внешне была даже привлекательнее, чем Сьюзан. Роста Эмма была выше среднего, стройная, с красивыми рыжими волосами и зелеными глазами. Но в отличие от подруги Эмму нельзя было назвать яркой, ее красоту нужно было разглядеть. К тому же одевалась девушка скромно, неброско и недорого, хотя и со вкусом. Сказывались строгие религиозные взгляды матери, не допускающие вычурности и вольности в одежде, а семейный бюджет не позволял делать дорогостоящие покупки. Однако Эмма всегда старалась выглядеть элегантно, насколько это было возможно, и материнский аскетизм не разделяла, как не принимала столь популярный среди молодежи спортивный стиль «унисекс», который превращал девушек и женщин в бесполое существа.

Пролетела целая неделя, а состояние Карла оставалось неизменным. Доктор Левинсон осторожно предположил, что такое положение дел может продолжаться несколько недель. Эмма договорилась со своей новой подругой, чтобы та держала ее в курсе самочувствия деда, а сама уехала домой в Нью-Йорк. Через неделю после отъезда Эммы, Сьюзан позвонила ей и сообщила, что старый Рунге неожиданно для всех пошел на поправку. Эмма обрадовалась возможности наконец-то поговорить с человеком, который в их семье всегда был окружен ореолом тайны. Она попросила Сьюзан передать дедушке просьбу перезвонить ей, как только он будет в состоянии это сделать. Одна неделя сменяла другую, но звонка от Карла Рунге она так и не дождалась.

Эмма неоднократно звонила в больницу, но каждый раз ее переключали на медсестру Сьюзан Бековски, которая с сожалением сообщала, что Карл отказывается с кем бы то ни было разговаривать.

Когда Эмма в очередной раз позвонила в клинику и снова попала на Сьюзан, та сообщила ей, что ее дедушка в категорической форме отказался общаться со своей внучкой и потребовал, чтобы она его больше не тревожила. Такой отказ от общения был для Эммы неприятным, но не неожиданным. В конце концов, всю свою жизнь Карл Рунге старался держаться подальше от ее семьи. Эмма тоже не собиралась навязываться и решила впредь не беспокоить деда.

Эмма и Сьюзан продолжали перезваниваться каждый день в течение двух месяцев вплоть до выписки Карла Рунге из больницы. К удивлению всего персонала, их безнадежный пациент стал делать зарядку и перед выпиской совершал нескончаемые прогулки по коридорам лечебницы.

С тех пор прошло десять лет. Эмма получила известие о смерти деда и, как только смогла, прилетела в Бостон. Сразу позвонила своей старой подруге Сьюзан. Та была все так же хороша, как и в последнюю их встречу, только девичьи формы весьма округлились. Она стала доктором и занимала солидную должность заместителя начальника отделения. Успела выйти замуж, родить ребенка и развестись. Сейчас временно жила с родителями, по ее словам так было удобней для пятилетнего сына и для нее тоже.

Сама Эмма не стала, как мечтала, известной журналисткой и довольствовалась скромной должностью репортера светской хроники в небольшой газете. Личная жизнь оставалась неустроенной, а ее нынешний парень Джордж был зациклен на деньгах и на

здоровом образе жизни. Они встречались уже два года, но жених не становился мужем. Перед самым приездом сюда они были на Гоа, в Индии, и там он жрал проросшую пшеницу и заставлял ее вместе с ним употреблять эту гадость вместо того, чтобы лущить омаров и крабов, как все нормальные туристы.

Ее мать Мария все свое время проводила в местной церкви, где получала небольшое жалованье. Она отдалась от людей и единственным ее собеседником кроме Бога была Эмма.

После известия о смерти старого Рунге и неожиданном наследстве Эмма взяла отпуск и решила привести дом своего деда в порядок, надеясь выручить от его продажи приличную сумму. Именно об этом в своем коротком завещании просил ее Карл.

Двухэтажный особнячок, выполненный в викторианском стиле, был довольно просторный. Три большие спальни на втором этаже. На первом – огромная гостиная, кухня и кабинет с кожаным диваном невероятных размеров. Там же санузел и большая подсобка. Верхний этаж практически не нуждался в ремонте, и, вероятно, им почти не пользовались. В плачевном состоянии пребывала кухня с доисторической бытовой техникой и насквозь пропахнувший благовониями кабинет. С него-то женщина и решила начать ремонт дома.

Наконец, Эмма решилась открыть найденную в стене пластиковую коробку. Но ее ждало разочарование. Небольшая истрепанная тетрадь и старое золотое украшение на длинной цепочке – вот и все ее богатство. Женщина повертела в руках простенький золотой цилиндр диаметром не более четверти дюйма и длиной в два дюйма. Цилиндрик с одной стороны заканчивался петлей для цепочки, а с другой стороны круглым отверстием. Эта золотая подвеска была странноватой, но довольно элегантной.

Несмотря на сильно потрепанную обложку, тетрадь, исписанная аккуратным убористым почерком, оказалась в идеальном состоянии.

«Свои записи я завещаю внучке Эмме.

Меня зовут Карл Рунге. Сегодня 16 июня 1945 года. Завтра мне исполнится 33 года и моя жизнь скоро кардинально изменится. Наконец я могу вести записи. Все понимают, что война проиграна, а Германия разрушена и обескровлена. Гитлер не сумел построить новую империю и погубил наш народ.

Меня и Клауса Ланге захватили в плен американские солдаты. Они это называют приглашением на работу, все лучше, чем оказаться в плену в Советском Союзе. С этого дня у меня начинается новая американская жизнь. Эти первые строки я пишу на небольшой военной базе в Соединенных Штатах Америки, куда нас доставили сегодня ночью.

Отношение к нам корректное, и обещана полная лояльность при условии нашего сотрудничества.

Приятно снова оказаться в Штатах, где я прожил почти с самого своего рождения вплоть до возвращения в Германию в 1936 году. Вернуться на историческую Родину уговорил меня мой отец Александр Рунге, бежавший из Германии в 1914 году от военной мобилизации. С моей мамой они развелись, когда мне было шесть лет, спустя четыре года после нашего бегства в США. Она уехала с каким-то коммивояжером в Техас, прислала открытку, что скучает, но больше не писала.

Я не считал себя иностранцем, хотя дома с отцом мы говорили только по-немецки. В моей школе училось много детей недавних эмигрантов, и все мы называли себя американцами. После школы я поступил в Массачусетский Технологический Университет, который и закончил с отличием весной 1936 года. Мне повезло, и я получил предложение работы на кафедре после летних каникул.

Годом раньше работы моего отца по исследованию индийской кастопринадлежности, изредка публикуемые в штатах, заинтересовали новое немецкое правительство. В 1935 году его пригласили приехать в Германию и возглавить научную экспедицию в Индию. Следует отметить, что отец был историком и увлекался оккультными науками.

Приглашению на работу в Германию также способствовала его книга «Разоблачение. Тайные общества Европы». В 1933 году он написал книгу, но в США не нашел для нее издателя. По совету друзей немцев, живущих в Америке, он отправил

рукопись в Германию, где она была издана в 1934 году и стала весьма популярна. В ней он утверждал, что Розенкрейцеры, Тамплиеры, Масоны – это искусственная завеса для настоящих тайных обществ. То, что у всех на слуху, не может быть тайным. Он был убежден, что многие «тайные общества» использовались как ширмы для действительно засекреченных союзов и орденов.

Гитлер импонировал отцу своей неумной энергией и жадой эзотерических знаний.

Я не хотел ехать в Германию, но наступили летние каникулы и отец соблазнил меня возможностью посетить Олимпийские игры в Берлине. Тогда он еще не принял окончательного решения остаться в США или вернуться в Германию. Я же предполагал провести на исторической родине месяц, максимум два.

Прибыв в Берлин, папа с самого начала попал в круговорот нескончаемых интересных событий. Его постоянно приглашали на встречи и различные семинары. Выступления отца неизменно заканчивались овациями, и он был счастлив своей востребованностью, чего не было в Штатах. Немецким правительством были выделены деньги на подготовку его экспедиции в Индию, и он принял решение остаться.

Иногда я ходил на эти встречи вместе с отцом, где и познакомился с одним высокопоставленным чиновником. Он был уже осведомлен о моем техническом образовании и предложил познакомить меня с некоторыми технологическими наработками новой Германии. Я посетил несколько научных дискуссий и был поражен смелостью технической мысли и азартом, охватившим молодых немецких ученых.

Со многими я подружился. Меня удивляли рассказы об огромных ассигнованиях на науку новым немецким правительством, и это на фоне нищенских грантов в самой Америке, с трудом выходящей из экономического кризиса. Как мне показалось, Германия сэкономила на всем кроме науки. Все чаще в мой адрес звучали предложения поработать в Германии над настоящими проектами вместо того, чтобы стряхивать пыль с книг в библиотеке американского университета.

Переломным моментом для меня стала сама Олимпиада. Я был поражен мощью Германии. Немцы завоевали больше всех медалей, и это выглядело абсолютно естественно. Все немецкие и зарубежные газеты с восторгом отмечали нововведение немцев – доставку олимпийского огня из Греции в Берлин с помощью эстафеты.

Своими соображениями поработать в Германии я поделился с отцом, и он оказался горячим поклонником этой идеи. Для себя я решил, что у мировой науки нет государственных границ, и вполне можно годик поработать на исторической родине. Я послал телеграмму в свой университет, и, к моей радости, мое решение одобрил заведующий кафедрой.

Я поступил на работу в престижную Берлинскую Высшую Техническую Школу, но уже через полгода стало понятно, что настоящие изыскания проходят в закрытых институтах. Для участия в передовых исследованиях от меня потребовали подписать трехлетнее соглашение с немецким правительством о неразглашении и обязательство не покидать Германию в течение срока контракта.

Я вновь посоветовался с отцом, через несколько дней отбывающим в Дели. Он снова поддержал меня, заметив, что я становлюсь настоящим немцем. В апреле 1937 года я прибыл на новое место работы не далеко от городка Ингольштадт. Это был внушительных размеров подземный научно-исследовательский институт. Таких грандиозных сооружений я в жизни никогда не видел, и на меня это произвело неизгладимое впечатление.

С отцом мы виделись редко – не более трех-четырёх раз в год, он был все время в экспедициях. В один из моих приездов в Берлин в конце 1938 года папа присутствовал на закрытой встрече с правой рукой Гитлера, главой СС Генрихом Гиммлером.

Он вернулся с этого собрания подавленным, чем очень расстроил меня. Чтобы хоть как-то сгладить эту ситуацию отец попытался пошутить: «Гиммлер сумасшедший, одержимый фанатик, не удивлюсь, если каждый вечер перед сном он читает «Протоколы Сионских Мудрецов». Затем он стал необычайно серьезен: «К черту Гиммлера, у меня появился шанс заглянуть в прошлое и будущее. Моей команде, как и многим другим ученым, дали возможность приступить к масштабным исследованиям». Я не стал расспрашивать отца о подробностях этой встречи, по всему было видно, что он крайне разочарован.

В Августе 1940 года отец попросил меня о незамедлительной встрече. Мне удалось вырваться в Берлин всего на один день. Мы встретились в летнем кафе Карлхорста, пригорода Берлина, где отец снимал квартиру.

Папа был бледен, очень похудел и был как-то не по-человечески спокоен: «Мне надо тебе кое-что отдать». Он протянул мне железную коробку из-под конфет. Внутри оказалась тетрадь, исписанная мелким почерком, и золотое украшение.

«Спрячь это и никому не показывай, – продолжил он. – Это важно. Запомни, начав эту войну, Гитлер ее уже проиграл, ты должен это знать».

Мне показались странными эти слова отца. К этому времени немцы уже покорили Европу и победоносно вошли в Париж. Почти все население Германии было уверено в скорой победе Третьего Рейха и его новых идеалов.

Наступление на Европу в глазах немцев выглядело как освободительное движение от еврейской буржуазии. Европа «просила помощи» и немцы откликнулись на этот призыв. Газеты пестрели фотографиями разгромленных еврейских магазинов на Елисейских Полях. Издевались над объявлением, вывешенным немецким командованием в Париже: «Анонимки не принимаются». Парижане с первых дней установления новой власти завалили комендатуру анонимками друг на друга. Трудно сказать, было ли это правдой, но об этом никто не задумывался.

После слов о скором крахе Гитлера отец пристально на меня посмотрел, встал из-за стола и, не прощаясь, удалился. В последние два года он вел себя довольно странно, мог, например, назначить встречу и не явиться вовремя, чего раньше никогда не случалось. Иногда мог прервать беседу, чтобы начать что-то записывать в своем блокноте, жестом давая понять, что встреча окончена.

Я не придавал бы значения этой его выходке, если бы не рассказы людей, побывавших вместе с ним в многочисленных путешествиях. С их слов, отец часто наперед знал предстоящие события. Он спас двадцать человек своей команды, запретив садиться на паром, пересекающий Амазонку. И это несмотря на то, что была прекрасная погода, и билеты были куплены. Паром затонул, налетевший ураганный ветер и вызванные им огромные волны не дали шанса выжить многим пассажирам.

В Африке отец заболел малярией, но чудесным образом выжил благодаря обычному хлору. Сам он утверждал, что рецепт спасения пришел ему во сне. Снадобье из лимона, воды и хлора исцелило его и не дало заболеть другим участникам экспедиции.

В Непале он был укушен змеей и провел в лихорадке между жизнью и смертью более суток. Ему пригрезилось, что спасением для него станут листья ярко красного кустарника, растущего за его палаткой.

Немало удивив своих товарищей, отец попросил найти этот куст и принести ему его листья. Он жевал шершавые листья и прикладывал к месту укуса получившуюся кашеобразную массу. Через двое суток он был на ногах, а на месте укуса было лишь легкое покраснение. Местные проводники были настолько поражены этим случаем, что стали называть моего отца, начальника экспедиции, не иначе как «аватара», что в их понимании было проявлением божьих замыслов в человеке.

Вернувшись в Ингольштадт, я спрятал железную коробку на одном из многочисленных складов нашей лаборатории. Держать и вести дневники было запрещено.

Тогда я еще не знал, что это была последняя встреча с моим отцом. Письма от него приходили редко и уместались в несколько строк. В них он по обыкновению сообщал, что здоров и у него много работы. Спрашивал, удастся ли мне продвигаться по служебной лестнице.

Мы постепенно все больше и больше удалялись друг от друга. Наверное, так и должно быть, когда взрослые дети начинают самостоятельную жизнь. Отец всегда был для меня близким другом, но с переездом в Германию все изменилось, у меня появилась своя дорога в жизни.

В Соединенных Штатах папа работал в основном дома, писал статьи, научные рецензии. Мне нравилось приходить из школы и украдкой наблюдать за ним. Он обладал удивительной работоспособностью и самодисциплиной. Ежедневно он вставал в половине шестого утра и до половины восьмого работал. Затем будил меня, готовил завтрак и отправлял в школу, которая находилась в двух кварталах от нашего дома.

До моего прихода из школы он продолжал работать, успевая при этом приготовить обед. Жили мы достаточно бедно, и нам обоим не хватало присутствия женщины в доме.

Всю домашнюю работу выполнял отец, а я, как мог, помогал ему. Чем старше я становился, тем большее число домашних обязанностей становились моими.

После обеда мы обычно гуляли в небольшом парке рядом с нашим домом. Эти ежедневные прогулки стали для нас традиционными. Я рассказывал, что произошло в школе, и какие предметы мы сейчас проходим, а он посвящал меня в свои новые исследования.

Он всегда общался со мной как со взрослым, называя меня своим лучшим другом. Он любил рассказывать биографии великих людей, всегда подчеркивая, что своего положения они достигали не только благодаря таланту, которым наградила их природа, но главным образом благодаря своему трудолюбию.

Отец много читал и делал это с невероятной скоростью. Наша небольшая квартира наполовину была заполнена книгами. Кроме того он был частым гостем в нескольких библиотеках города.

После совместной прогулки мы возвращались домой, пили чай, и я приступал к домашнему заданию, а отец вновь возвращался к своим книгам и рукописям. Примерно через два часа, покончив с уроками, я убежал на улицу играть со своими сверстниками. Надо сказать, что учился я хорошо и редко просил помощи отца для выполнения домашней работы.

Не позже девяти я возвращался. Легкий ужин, и я погружался в необыкновенный мир, который мне приносили волны радиоприемника. Особенно я любил передачи о разных экзотических странах и царящих в них обычаях. Ровно в одиннадцать я шел спать.

Так продолжалось день за днем. Многим может показаться скучной такая размеренная жизнь, но меня все устраивало. Некоторые мои друзья изредка посмеивались над принятым в нашей семье «немецким порядком», но я никогда не обижался на это.

К удивлению отца, я принял решение поступать в технический университет. Сам он считал себя гуманитарием и был уверен, что я пойду по его стопам. Его немного расстроило, что из Лос-Анжелеса я должен буду переехать в Бостон.

После написания последних строк прошло несколько месяцев. Здесь в США у меня нет ни времени, ни желания продолжать свои записи. Но сегодня я узнал о гибели моего близкого друга по университету и решил отдать ему должное своими воспоминаниями.

Первые месяцы в университете я очень скучал по дому, но вскоре учеба и девушки полностью захватили меня. Моим соседом по комнате в общежитии оказался балагур и весельчак Гарри Каперс. Каперс был из семьи богатых промышленников, у него даже был собственный автомобиль. Девчонки обожали его за щедрость и веселый нрав. Душа всех вечеринок Гарри Каперс ни на шаг не отпускал меня от себя. Так волей-неволей я стал вести похожий образ жизни.

Мы оба были лучшими студентами на курсе и учились с такой же страстью, что и отдыхали. Единственным нашим отличием было то, что я отвергал спиртное и не курил. Мы часто обсуждали будущее Америки, и, к моему удивлению, Гарри часто повторял слова своего отца о том, что Соединенные Штаты может спасти только мировая война.

Семья Каперсов была уверена, что из кризиса их могут вытащить только военные заказы. Это, как оказалось, было мнением многих промышленников. Я спорил с ним, доказывал, что именно наука сделает США богатой и процветающей, но никак не война.

Как я был неправ, но понимаю это лишь спустя много лет. Гарри рассказывал мне, как, по мнению его отца, функционирует американское общество. Богатых, утверждал он, при любой власти не более полутора процентов. Их задача сохранить свое богатство и власть для последующих поколений семьи. Для этого необходимо создать и поддерживать буферную прослойку людей, обладающих капиталом.

Эта прослойка делится на две категории. Первая – очень обеспеченные люди, среди них встречаются даже миллионеры, имеющие свои предприятия или банки. Они имеют хорошие связи на муниципальном и федеральном уровне, но редко родственные. Их немного, около четырех-пяти процентов населения. В эту категорию входят также высокопоставленные чиновники государства.

Следующая категория – основная, и она должна составлять от двадцати пяти до сорока процентов населения. Она же и самая уязвимая.

Вторая категория это так называемый средний класс. Он делится на три подгруппы. Первая подгруппа – самая обеспеченная часть населения. У них есть постоянный доход, дом, несколько автомобилей. Они часто владеют небольшими предприятиями, являются высокооплачиваемыми управляющими. Вторая подгруппа, мечтающая дотянуться до первой, имеет почти то же самое, но не такого качества, не в том районе и так далее. Но самая интересная подгруппа – третья. Этим абсолютное большинство. Они разделяют ценности двух предыдущих подгрупп и, конечно, пытаются дотянуться до них.

О последней третьей подгруппе следует сказать особо. Это так называемый нижний средний класс, основа Соединенных Штатов Америки. Это те самые люди, которые делают себя сами ценой невероятных усилий и лишений. Их задача порвать со своим прошлым материальным положением и вывести себя и своих детей на новый уровень.

Именно они готовы работать сверхурочно и без выходных. Именно они готовы довольствоваться малым, отдавая всего себя работе. Они бьются за светлое будущее для своей семьи, и у них просто нет времени оценивать политическую ситуацию, складывающуюся в собственной стране. Они живут в мире лозунгов, и им некогда разбираться, насколько эти лозунги жизнеспособны.

Поначалу я был растерян от столь категоричных формулировок. Мне казалось, что жизнь в Штатах протекает по совсем другому руслу, известному каждому рядовому американцу. Прошло много времени, и я признаю правомерность формулировок семьи Каперсов.

Наши политические баталии никак не влияли на дружеские отношения между нами. Гарри умел веселиться и отдыхать, а постепенно этим искусством стал обладать и я. На старших курсах мы соревновались не в успехах в учебе, а в обольщении девушек.

После окончания университета наши пути разошлись. А сегодня я узнал, что Гарри пошел на войну и погиб 18 июня 1944 года. Мне часто снится его лицо, склоненное над моей студенческой кроватью, и его слова: «Просыпайся, самое интересное проспай».

Написав несколько строк о Гарри, во мне опять проснулось желание вспомнить недавнее прошлое.

Мои студенческие и школьные воспоминания помогали мне скрашивать вечера после работы. В выходные я чаще всего бывал в Ингольштадте, сам не знаю зачем, скука там смертная.

Весной 1941 года мне сообщили, что отец, находясь в очередной экспедиции, погиб в Турции не далеко от Стамбула. Он упал в старую шахту близ горы Бейкоз. Тело его найти не удалось.

Германия все больше втягивалась в войну. А я все больше уходил в ту работу, которой занимался. Политика меня не интересовала. Мой новый контракт с правительством я подписал на восемь лет. Полученное по контракту вознаграждение позволит купить хороший дом в США и жить безбедно. Однако я все чаще задумывался, не остаться ли в Германии навсегда. Здесь интересная работа, друзья, коллеги и фантастические перспективы».

Перевернув очередную страницу, Эмма поймала себя на мысли, что засыпает. Из любопытства она пролистала тетрадь до конца и, к своему удивлению, отметила, что в конце записей на отдельных листках находились непонятные рисунки и схемы.

Сегодня она узнала, что ее дед немец, работавший на нацистскую Германию. Отец об этом никогда не говорил, а может он и не знал об этом. В семье не принято было говорить о Карле, и вопросы Эммы всегда оставались без ответа.

Воспоминания нацистского ученого наверняка будут востребованы американской публикой. И Эмма Рунге, наконец, станет знаменитой писательницей. И ничего, что она станет известной не благодаря своему литературному дару, а старой пыльной тетрадке.

Молодая женщина закрыла записи. Было уже поздно, и она невероятно устала.

Следующим утром Эмма дозвонилась до Майкла Штольца, который за эти десять лет стал заведующим кафедрой университета.

- Алло, мистер Штольц. Это Эмма Рунге, внучка Карла. Помните меня?
- Конечно, дорогая, очень рад.
- Майкл у меня к вам дело. Можем мы с вами встретиться?
- Конечно! Приезжайте ко мне в университет!

Женщина догадывалась, что записи деда могут скрывать какую-то тайну. Ученый, работавший на нацистскую Германию, оказался в США и здесь продолжил свою секретную работу. Подобный материал поможет ей сделать журналистскую карьеру и возможно даже издать книгу.

По дороге к Штольцу Эмма заехала в копировальный центр, чтобы отсканировать тетрадь, но центр оказался закрыт.

Улыбка слетела с лица Майкла, когда женщина сообщила ему о своей находке и показала записи Рунге. Больше часа Штольц листал записи, но на его просьбу оставить тетрадь у него Эмма не согласилась, она пока и сама ее толком не прочитала. Женщина уступила, когда речь зашла о рисунках. Без Штольца ей, видимо, в них не разобраться, а тот обещал вернуть их через пару дней. Майкл просил Эмму к их следующей встрече сделать ему копию, уверяя, что это поможет разобраться в рисунках и схемах. На листке бумаги он быстро написал свой новый мобильный телефон и домашний адрес.

Пребывая в необычайном возбуждении, Эмма позвонила Сьюзан, чтобы поделиться с подругой своей невероятной новостью. Договорились, что встретятся за ленчем через час.

В своем рассказе подруге Эмма поведала о найденных мемуарах своего деда и, что в самом начале рукописи он обращается именно к ней, своей внучке. Также о том, что отдала несколько листов ученику деда, Штольцу, который в этом разбирается. Тому самому, который навещал старика в больнице десять лет назад.

– Ух, ты! А вдруг твой дед сделал открытие, – вскрикнула Сьюзан. – Нобелевская премия наследникам полагается?

– Не ехидничай. У меня не выходит из головы, что он будто предвидел, что именно я найду дневник.

– Но, Эмма, все оставляют завещания, часто обращаясь к наследникам по имени. Ты единственная наследница, которой он оставил дом, кстати, официально оформив завещание.

– Да, а я и не подумала об этом. Все, действительно, так просто.

– Ну, похвастайся, покажи тетрадку, – весело зашептала Сьюзан. – Обожаю тайны.

– А я с перепугу всю эту коробку с содержимым обратно в стену запихнула. Пусть лежит, где лежало. Поеду сегодня в библиотеку, надо почитать про нацистскую Германию, а то не понятно, о чем пишет дед.

– Ну и правильно. Может, поужинаем, где-нибудь в веселом месте... Ой, я же сегодня не могу, у меня свидание.

– Сьюзан! Не может быть! – рассмеялась Эмма. – Ты же говорила, что у тебя сейчас никого нет.

– Ну, понимаешь, – игриво зашептала женщина, – мы знакомы уже три года, он известный хирург. Приезжает к нам в больницу несколько раз в год, чтобы, так сказать, проводить мастер классы.

– Так вот с кем он проводит мастер классы!

– Получается, и это тоже, – прыснула Сьюзан. – Мы познакомились, понравились друг другу и вот иногда встречаемся. Но там серьезных перспектив нет, образцовый семьянин и пятеро детей, между прочим.

– Ты на свидание, а я в библиотеку, – шутливо заговорщицки прошептала Эмма. – Там такой читальный зал, дух захватывает. Посижу до закрытия, полистаю книжки. Может, познакомлюсь с каким-нибудь благообразным джентльменом, который ищет знакомства с серьезной девушкой.

– А я ни разу там не была. И когда закрывается этот дом мудрости. Извини, чуть не сорвалось терпимо...

– В девять, – с трудом сдерживая слезы, выступившие от смеха, ответила Эмма. – А тебе зачем? Понравилась идея?

– Слушай, не дашь мне ключи от твоей квартиры? – голос Сьюзан звучал виновато. – А то мы с моим профессором все по гостиницам. Я каждый раз боюсь нарваться на кого-нибудь из знакомых. Ты говорила, что на втором этаже три спальни... К твоему возвращению нас уже не будет.

– Без проблем. Я не появлюсь раньше десяти.

Оставив свою машину за квартал от дома Эммы, Сюзан с надвинутой на лоб кепкой поспешила к особнячку. Старый дверной замок долго ей не поддавался и когда она, наконец, справилась с ним, сердце ее бешено колотилось. Она подошла к зеркалу в прихожей и аккуратно сняла кепку, из-под которой на плечи заструились длинные локоны ее волос. Поправив прическу, женщина вошла в гостиную. Это был действительно старый дом, половицы мелодично поскрипывали, будто призывали ее идти медленно и осторожно. Она обошла все комнаты, с интересом рассматривая их.

Она еженедельно бывала в этом доме на протяжении последних десяти лет, но не в одной комнате кроме гостиной никогда не была. В разговоре с Эммой она предусмотрительно умолчала о своих визитах к Карлу Рунге.

Странное впечатление производил этот дом. Сюзан никак не могла понять, что здесь не так, пока до нее не дошло, что в доме отсутствуют фотографии и картины. В кабинете все говорило о начавшемся ремонте, стол и стулья были сдвинуты в центр комнаты и укутаны целлофаном. Многочисленные книжные полки были сложены в углу комнаты, а книги упакованы в картонные коробки. Сюзан улыбнулась, увидев на стене единственную криво висящую старую книжную полку.

Осторожно сняв ее, она несколько секунд стояла неподвижно, замороженно разглядывая отверстие в стене и коробку, оставшуюся в наследство от Карла Рунге.

В этот день в отделе 4268 ЦРУ собрался весь немногочисленный штат сотрудников. Настолько немногочисленный, что его можно было перечесать на пальцах одной руки. Курт Тейлор – шестидесятидвухлетний начальник отдела, проработавший здесь более тридцати лет. К своему преклонному возрасту он не заслужил ни высоких чинов, ни значимых наград, о которых так мечтал в молодости. Свою работу он считал очень важной и был уверен, что когда-нибудь и на его улице будет праздник.

За годы кабинетной работы он набрал немало лишнего веса и в последнее время сидел на диете, что немедленно отразилось на его и так непростом характере. Своих сотрудников он считал недостаточно профессиональными и при каждом удобном случае напоминал им об этом. Причудливая гримаса, похожая на улыбку озаряла лицо Тейлора лишь в мгновения, когда его взгляд останавливался на фотографии, где он был изображен вместе со своими сыновьями – офицерами военно-морского флота.

Патрик Стоун – заместитель начальника. Сухопарый, высокий пятидесятилетний мужчина с внешностью аристократа, попавший в отдел семь лет назад. Ходили слухи, что он напортачил где-то на Ближнем Востоке, и вместо увольнения его отправили служить в непрестижный отдел 4268. Что в действительности произошло с Патриком Стоуном до его перехода в отдел, не знал даже Тейлор. Стоун был замкнутым, но очень исполнительным офицером. Общение с коллегами вел всегда подчеркнуто вежливо, но никогда и ни с кем он не обсуждал свою личную жизнь. Известно лишь было, что он разведен, и его сын учится в колледже.

Генри Смит – невысокий сорокатрехлетний спортивный мужчина с внешностью настоящего мачо, десять лет назад пришедший в отдел по рекомендации высокопоставленного военного офицера. Смит был арабом по происхождению, его родители эмигрировали в молодости из Иордании, и сразу его отец сменил фамилию на одну из самых распространенных в Америке. Генри очень гордился тем, что его отец воевал во Вьетнаме. Смит закоренелый холостяк, весельчак и балагур, явно не равнодушный к любой мимо проходящей особе женского пола.

И, наконец, Линда Шапиро – незамужняя, амбициозная и весьма привлекательная двадцатидевятилетняя женщина, попавшая в отдел совсем недавно, точнее, ровно через неделю после известия о смерти Карла Рунге. Всему отделу было известно, что она пришла к ним отсидеться, как принято говорить. До этого она работала в престижном оперативном подразделении ЦРУ, но обвинила своего начальника в домогательствах. Был небольшой скандал, начальника тихо отправили на пенсию, а ей предложили на выбор несколько бесперспективных отделов на время, пока все не уляжется. Она выбрала 4268. Смит был

уверен, что Линда лесбиянка, так как она не обращала на него никакого внимания, и ее густые черные волосы были на его взгляд слишком коротко подстрижены.

Отдел 4268 в момент своего создания в 1948 году был весьма перспективным и насчитывал более трехсот сотрудников. Задачей 4268 была слежка за учеными, прибывшими из бывшей нацистской Германии, и членами их семей, которых насчитывалось несколько тысяч. С июня 1945 года по октябрь 1948 этим занимались сразу несколько спецслужб, что приводило к несогласованности в их действиях.

Главной задачей отдела было выявление зарубежных связей их подопечных. Одни ученые приняли свою новую родину, другие заняли выжидательную позицию. За время существования отдела было выявлено двадцать два предателя, сотрудничавших с зарубежными разведками или пытавшихся это сделать. Восемь человек предприняли попытку бежать из США. Троим ученым это удалось, причем один из скрывшихся был обременен женой, ребенком и пожилой матерью.

Информаторами отдела были и коллеги ученых, и их ближайшие соседи, и даже преданные им друзья. Открытые провокации с предложениями о сотрудничестве были малоэффективны, немцы были и так напуганы и крайне осторожны. За несколько лет сложилась целая армия добровольных информаторов, и многие из ученых даже жаловались на излишнее внимание к ним и членам их семей.

С каждым годом ряды ученых редели по естественным причинам, вслед за ними сокращался и отдел. Последние двадцать лет и следить было особо не за кем. Отдел 4268 несколько раз пытались закрыть, но благодаря усилиям Курта Тейлора он продолжал существовать. Отдел переключился на поиск мемуаров и дневников бывших нацистских научных работников. Большая работа велась с семьями ученых и с немногими из них, кто остался в живых. Потомки ученых расставались неохотно с записями своих родственников. Приходилось убеждать, а иногда и настойчиво напоминать о долге гражданина США и об ответственности перед правоохранительными органами.

Много шума наделал дневник Отто Кригера, попавший в отдел в 1995 году. Благодаря ему отдел 4268 существовал до сих пор. В дневнике математик Отто Кригер в частности утверждал, что господство Соединенных Штатов Америки закончится в 2042 году. Основой его умозаключений была неизвестная в Америке теория некоего немецкого профессора Эрика Шлица, с которым он был дружен в нацистской Германии. Эту теорию он кратко описал в своих записях.

Шлиц вывел свою довольно оригинальную формулу мироздания, в которой утверждал, что все, что происходит на Земле, уже предопределено некими космическими силами. Он указал на периоды развития человечества и достаточно подробно их описал. Прорывные открытия землян он обозначил периодами примерно в сорок лет и утверждал, что новые технологии не генерируются на Земле, а приходят извне. Лунный календарь по его теории – информационный бюллетень, сбрасывающий информацию землянам определенными циклами. Шлиц также предположил, что Луна – вовсе не планета, а некое подобие космического корабля. Можно было бы проигнорировать очередного «пророка», но этот человек описал весьма подробно научно-техническое развитие Земли.

Кригер, умерший в 1979 году, на основе теории Шлица предсказал многие события будущего, в том числе развал СССР с точностью до года и новое воссоединение внутри этой великой империи в 2032 году. Именно в этот год начнется формирование единого государства Земли, и завершится оно ровно через двенадцать лет.

Дневник Отто Кригера содержал и по-настоящему секретную информацию, которую нельзя было обнародовать. Кригер утверждал, что институт, в котором он работал, занимался созданием нового вещества, способного заменить человеку обычную пищу. И это вещество уже создано, и оно способно победить голод и многие болезни. В своем дневнике немец называет это вещество ОМ11 и подчеркивает, что его производство не имеет никакого отношения к сельскому хозяйству. Он также был уверен, что ОМ11 – информация пришедшая извне. Ученый предположил, что вещество ОМ11 используется на внеземных космических станциях, и оно просто необходимо при длительном нахождении в космосе для больших отрядов астронавтов.

Дневник Отто Кригера наделал бы много шума, выйди он в свет, но информатор в крупном издательстве своевременно сообщил в 4268 о готовящемся издании.

Тейлор, наградив своих подчиненных тяжелым взглядом, медленно произнес:

– Несколько минут назад осведомитель сообщил нам, что существуют записи всем вам известного Карла Рунге. Надеюсь мне не надо напоминать, кто это?

– Нет, сэр, твердым голосом среагировала на выпад начальника Линда. – До недавнего времени последний живущий на территории США нацистский ученый, за которым наш отдел...

– Великий ученый! – эмоционально перебил женщину Тейлор. – Гениальный инженер, настоящая загадка не только для нашего отдела, но и для многих других спецотделов. Никто так и не смог наладить с ним настоящий контакт. Неужели и вправду он оставил дневник или нечто в этом роде. Надеюсь, там есть что-нибудь стоящее и для нас.

– Наверняка, шеф, – уверенно произнес Стоун. – Одинокие, отгородившиеся от общества люди беседуют сами с собой при помощи ручки и бумаги.

– Скоро мы об этом узнаем, – успокоившись, продолжил Тейлор. – Наш информатор, а по совместительству подруга наследницы Рунге, уже сегодня попытается изъять записи. Все вы сегодня же летите в Бостон и завтра утром рукопись должна быть у вас. Эта женщина просит очень высокую награду, но я готов дать ей эти деньги, если содержание действительно того стоит. Мы возьмем записи Рунге, изучим их, посоветуемся со специалистами и тогда решим с вознаграждением.

– Ей это может не понравиться, – осторожно вставил Генри Смит. – Помните, три года назад она закатила истерику, чтобы мы от нее отстали, и она могла бы перевестись в другую клинику в Сан-Диего, кажется.

– Да, в Сан-Диего, Генри, – подтвердил Стоун, – ей предлагали очень перспективное место.

– Так вот, – продолжил, улыбаясь, Смит, – она уперлась, и ни на какие уговоры не шла. Мне пришлось провернуть фокус с дорожным происшествием...

– Мы помним, – поморщился Стоун и иронично добавил. – Вы, вроде, тогда остались довольны результатом.

– Хватит, – вмешался Тейлор. – Что вы хотите сказать, Смит?

– Она вполне может начать нас шантажировать и требовать деньги вперед.

– Вы для того и едете, – злобно отреагировал Тейлор, – чтобы этого не произошло. У вас все козыри на руках.

– Извините, сэр, – тихо произнесла Линда, – а что если информатор не сможет добыть записи? Или, предположим, Эмма Рунге не пожелает с нами сотрудничать, как нам действовать?

– Жестко, предельно жестко и быстро, – прошипел Тейлор. – Вы власть, и ради своей страны вы должны выполнить задание. Не поддается на уговоры, так запугайте ее в конце концов.

– Шеф, простите, – заулыбался Стоун, – может старый маразматик записывал в тетрадки время приема таблеток, а мы тут копыя ломаем.

– Может и так, – устало кивнул Тейлор. – Летите и привезите мне эту чертову тетрадь.

Стоя перед отверстием, где лежала долгожданная находка, Сьюзан с ненавистью вспомнила о своем знакомстве с Куртом Тейлором. Она готовилась стать врачом, и ей удалось получить медицинскую практику в крупнейшей в Бостоне городской больнице. Ей очень хотелось работать именно в этом медицинском учреждении. Она хорошо помнит, как ее вызвали в кабинет главного врача. В просторной комнате пили кофе главный врач клиники и солидный мужчина, представившийся сотрудником ЦРУ по фамилии Тейлор.

Без лишних церемоний Тейлор перешел сразу к делу. Она хорошо запомнила его слова: «Дело государственной безопасности, мисс Бековски. Нам нужна помощь. Довериться в этом деле мы можем главному врачу и вам, молодому специалисту, и, надеюсь, настоящему патриоту Америки. В вашу больницу доставлен Карл Рунге, нацистский преступник, согласившийся работать на США. Возможно, дни его сочтены, и он захочет поделиться с кем-то своими тайнами, в которых мы крайне заинтересованы. Нам бы хотелось, чтобы молодая красивая медсестра окружила заботой пожилого человека, подружилась с его внучкой, которая сегодня прибыла к своему умирающему деду и, конечно, информировала бы обо всем нас».

Сьюзан хорошо помнила, как с гневом отвергла предложение этого ужасного человека.

Однако он улыбнулся и вежливо попросил главного врача удалиться, чтобы пошептаться несколько минут с молодой женщиной.

Не успела захлопнуться дверь, как Тейлор выхватил из портфеля папку и грозно произнес: «Если не будете нам помогать, то можете забыть о карьере врача. Ваш дядя сумел спустить на тормозах инцидент с наркотиками, произошедший на третьем курсе университета. Тогда в хранении марихуаны обвинили вашу подругу, проживающую в одной с вами комнате. Ее выгнали из университета, а вас оставили. Мы можем поднять эту историю, и от вас откредитуются все медицинские учреждения США».

Тогда Сьюзан гордо заявила незнакомцу, что она не имеет к этому отношения. Но Тейлор бросил перед ней папку, где ее подруга подробно рассказывала, как она, Сьюзан и другие студентки курили травку и после этого часто позволяли себе вольности между собой и с противоположным полом. Это была правда, несколько раз такое бывало. Из этой некрасивой истории удалось выбраться, благодаря усилиям известного адвоката – родного дяди Сьюзан. Откровений соседки по комнате в общежитии было вполне достаточно, чтобы закопать карьеру девушки раз и навсегда.

После резкого выпада Тейлор внезапно изменил свое поведение и стал говорить о долге Сьюзан перед отечеством. Он даже пытался извиниться за свой шантаж, глубокомысленно заверив ее, что США всячески оценят ее усилия в деле, так значимом для Америки.

Конечно, это была игра, и любой здравомыслящий человек понимал это. Кто не с нами, тот против нас. Сьюзан была обещана помощь в трудоустройстве и покровительство в ее дальнейшей жизни. Кто же от этого отказывается!

Карл Рунге не умер, а выздоровел, и ЦРУ предложило карьеру в клинике в обмен на заботу о нем. Это было не обременительно, но противно. Раз в неделю ей предписывалось навещать больного и делать ему витаминные инъекции, попутно пытаясь влезть в доверие к старику. Последнее ей явно не удавалось, он был не многословен и не пускал ее в свою жизнь.

Получив выгодное предложение из Сан-Диего, она попыталась разорвать свои отношения с ЦРУ, но получила отказ. Сьюзан решила снова обратиться за помощью к своему дяде, и тот начал активно заниматься ее делом, но авария в пригороде Бостона положила этому конец. На пешеходном переходе она сбила женщину с ребенком. Это был ненастный день, и как оказалась женщина с ребенком под колесами ее автомобиля, она не может объяснить, они выросли будто из-под земли.

Проливной дождь, дорога пустая, и тут, откуда ни возьмись, появилась женщина с младенцем на руках. Все произошло вдали от населенных пунктов, истертая пешеходная зебра уже давно не вызывала у местных водителей чувства опасности. Именно здесь перед автомобилем возникла темнокожая женщина со свертком на руках.

Все произошедшее Сьюзан помнила плохо. Скрежет тормозов, удар машины о кустарник, быстро появившаяся полицейская машина, обвинения в ее адрес и сутки в отделении местной полиции. Слава богу, и женщина, и ребенок остались живы. За ней приехал помощник Тейлора, Генри Смит, и, что называется, быстро решил вопрос, потребовав взамен долгосрочное сотрудничество.

Уютно устроившись в огромном читальном зале библиотеки, Эмма положила перед собой стопку книг. Она неплохо знала историю второй мировой войны, но решила немного восполнить свои знания в этой области. Ее особенно интересовал период с 1936 года, когда дед и прадед приехали в Германию. Погружаясь в историю тех лет, она несколько раз ловила себя на мысли о том, почему именно Германия была инициатором обеих мировых войн. Страна, которая дала миру такое количество выдающихся людей.

Неужели самые развитые государства, в какой-то момент становятся самыми агрессивными. Неужели люди, как хищники, чувствуют слабость противника и тут же нападают. Но звери не нападают, когда сыты. Почему к самым прогрессивным странам неожиданно приходит чувство неумеренного голода, и на второй план уходит инстинкт самосохранения. История повторяется вновь и вновь, как будто человечество обречено проходить одни и те же круги ада.

Эти размышления привели Эмму к неутешительному выводу: люди, как и государства, стараются жить за счет других людей, и эта страсть неумеренна. Собственно и ей самой всегда

хотелось получить неожиданное солидное наследство и достойно жить на проценты, а не бегать, как загнанная лошадь в поисках куска хлеба. Вот тогда она бы стала заниматься благотворительностью и любила бы всех или почти всех.

Всегда были рабы и господа, и в Библии это черным по белому написано. Неужели человечество от этого никогда не избавится или это наша суть? Очнувшись от своих философских рассуждений, женщина увидела, что читальный зал почти опустел. На часах была половина девятого.

Эмма изрядно проголодалась и давно уже мечтала о сэндвиче и крепком кофе. Чтобы не мешать мастер классу Сьюзан и ее профессора вполне можно скоротать время в кафе.

Выходя из здания библиотеки, она обратила внимание на странного человека. Он выскочил из внезапно подъехавшего «бьюика» и помчался внутрь. «Вот она настоящая тяга к знаниям», – иронично отметила про себя женщина.

Пройдя два квартала, Эмма зашла в старое уютное полупустое кафе, которое заметила еще в прошлый свой приезд в Бостон. Она устроилась за столиком у окна, твердо решив порадовать себя не только сэндвичем, но и пирожным.

За окном начал накрапывать дождь, быстро превратившийся в сильный ливень. Резкий порывистый ветер отбрасывал капли на оконное стекло, рисуя замысловатые узоры. Эмма любила дождь, он ее всегда успокаивал своей барабанной дробью. Дождь затыкал глотку громко орущей пьяной уличной шпане, загоняя ее в темные подворотни. Дождь очищал город и от другой грязи, смывал с листьев деревьев пыль и гарь. Дождь – это жизнь, и Эмма удивлялась, что люди не радовались этому явлению природы, а ежась и хмурясь, пытались выскользнуть из этого потока чистоты, прикрываясь зонтами.

Неожиданно перед ее взором всплыл силуэт мужчины, спешащего в библиотеку. В его облике было что-то странное. Он очень торопился. И эта странная шляпа, которую носили мужчины в старых черно-белых фильмах. И плащ. Сейчас, конечно, уже октябрь, но редко кто одевает именно плащ.

Дождь закончился, и на часах было почти десять часов. Пора возвращаться домой. Эмма заказала такси, которое прибыло буквально через несколько минут.

Подъезжая к дому, она увидела с десятков полицейских машин с включенными световыми маячками. Женщина не сразу сообразила, что сгрудились они напротив ее собственного дома.

Выйдя из такси, она предстала перед оцеплением полицейских, но ее слова, что она хозяйка дома, возымели свое действие, и через минуту перед ней появился худой мужчина лет сорока пяти в мятом костюме.

– Я детектив Мартенс, мэ. Пройдемте со мной.

Зрелище, представшее перед глазами Эммы, было ужасающим. В кабинете перед дырой в стене лежала женщина с изуродованным лицом. Рядом с ней валялась пустая пластиковая коробка. Эмме стало плохо, и ее стошнило. Очнувшись в гостиной, женщина в белом халате протягивала склянку к ее носу. С трудом устранившись от врача, Эмма прошептала:

– Что происходит?

– Я и сам не знаю! – прозвучал мужской сиплый голос. – Я думал, вы мне ответите на этот вопрос. Это ведь в вашем доме находится труп, и мы были уверены, что убитая – Эмма Рунге, и вот вы неожиданно появляетесь и спрашиваете «что происходит», – не давая женщине опомниться, он продолжил: – Вы можете нам помочь, мисс Рунге?

– Сегодня моя подруга Сьюзан Бековски, это она лежит в гостиной, попросила ключи от моего дома, – дрожащим голосом начала Эмма. – Она хотела встретиться с мужчиной, ну знаете, подальше от чужих глаз. Они давно знакомы и встречаются, но он женат. У меня вечер был занят, и я дала ключи. Это все.

– А где вы были сегодня вечером?

– В Бостонской библиотеке, затем в кафе.

– Вы были одна?

– Да, но если вы намекаете на мое алиби, то это легко проверить.

– Проверим, – хмыкнул детектив. – Похоже, вашу подругу убил профессионал. Никаких следов, ни одного отпечатка.

– Я ничего не понимаю, у меня нет врагов, и в этом городе я недавно. Может это грабители.

– Или грабитель, – поправил женщину Мартенс. – Из дома вышел один человек. Вашей пожилой соседке, живущей в доме напротив, показалось, что прозвучал громкий хлопок, и она подошла к окну. Через несколько минут из дверей вашего дома вышел незнакомец и быстро пошел прочь от дома. Ей также показалось, что вслед за удаляющимся первым мужчиной, крадучись отправился еще один, и будто бы он появился из кустов. Возможно, их действительно было двое, или ей со страху привиделось. Старушка вызвала полицию. Прибывшие офицеры постучали в дверь дома, а она оказалась не запертой. С ваших слов получается, что подруга ждала в вашем доме своего любовника. Может это он убийца. Как его зовут?

– Я не знаю, – заплакала женщина. – Сьюзан сказала, что это какой-то известный профессор, приезжающий к ним в клинику несколько раз в год.

– У вас есть друзья, у которых вы можете переночевать, или вас отвезти в гостиницу? Здесь вам оставаться не стоит.

Эмма умоляюще посмотрела на Мартенса и замотала головой:

– Друзей у меня в этом городе нет, а в гостинице от страха я с ума сойду.

– Ладно, – тяжело вздохнул детектив, – поедemте в участок.

В полицейском управлении Мартенс отвел для Эммы пустующий кабинет с небольшим диваном и принес плед:

– Мисс Рунге, здесь вы в полной безопасности. Мой кабинет за стенкой, стучите, если понадобится. Перегородка тонкая, я услышу.

– Спасибо детектив. Разве вам не надо домой к семье?

– За меня не беспокойтесь, да и спешить мне некуда.

Мартенс потушил свет и закрыл дверь в помещение, где расположилась молодая перепуганная женщина. Перегородка между комнатами действительно оказалась формальной. До Эммы доносился звук стучащих компьютерных клавиш. Усталость пересилила внутреннее напряжение, и она уснула.

– ... понимаете! – незнакомый громкий голос за перегородкой разбудил Эмму. – Мартенс, ваша карьера в наших руках, подумайте еще раз, прежде чем ответить. Еще раз вас спрашиваю, где Эмма Рунге? Куда она отправилась?

– Я вам уже говорил, что понятия не имею, где она, – голос Мартенса звучал устало и уверенно. – Плевать я хотел на ваши угрозы, и мне не понятно, чем они вызваны. У девицы алиби, нет смысла ее задерживать, да и места для нее у нас нет. Днем она придет для разбирательства, и забирайте ее ради бога, будем только рады.

– А сейчас она где? – не унимался незнакомец.

– Да мне какое дело, – рассмеялся детектив. – Она не в моем вкусе. Может дома или у подруги или расслабляется со своим дружкой.

– Запомните, Мартенс, – уже дружески произнес все тот же голос, – мы ваш шанс на повышение, не подведите нас.

– Считайте, она уже у вас, – громко произнес Мартенс.

Хлопнула дверь, послышались звуки удаляющихся шагов. Эмма сжалась на диване, ей было страшно. Она слышала, как Мартенс с кем-то говорит по телефону. Медленно, чтобы не спугнуть тишину, она опустила ноги на пол, скинула плед и, подхватив туфли, на цыпочках направилась к двери кабинета. Не успела она сделать несколько шагов, как в комнату вошел детектив. Он включил свет и улыбнулся.

– Мисс Рунге! Судя по вашему поведению, вы все слышали. Приходил человек из ЦРУ, и вы ему очень нужны. Я ему не сказал, где вы, но пришло время все мне объяснить, такое внимание спецслужбы к вашей скромной персоне довольно странно.

– Почему вы ему соврали? – голос Эммы дрожал. – Возможно, этот человек хочет мне помочь!

– Может и так, – хмыкнул детектив. – Еще не поздно его догнать. Но одно обстоятельство смущает меня.

Мартенс сделал эффектную паузу и, прямо глядя женщине в глаза, продолжил:

– Следы штукатурки с голубоватым отливом на рукаве этого человека тщательно стерты, но заметны. У вас весь пол в доме в этой чертовой штукатурке. И ботинки у него свежeweымытые, блестят, будто только куплены. А после нас в вашем доме никого не было, я только что говорил по телефону с офицером, оставленным до утра на месте преступления.

– Вы думаете это он убийца... Почему же вы его не арестовали?

– А за что мне арестовывать офицера ЦРУ? Документы у него, судя по всему, настоящие, а остальное – это всего лишь мои предположения. Я предпочитаю меньше думать и больше знать. Сейчас этот человек выйдет из управления, не хотите на него взглянуть?

Детектив выключил свет в комнате, и они вместе с Эммой подошли к окну.

– О боже! – зашептала женщина. – Я его уже видела сегодня на ступенях библиотеки.

Эмме ничего не оставалось, как рассказать полицейскому все, начиная с первого дня знакомства со Сюзан.

Мартенс мрачнел на глазах:

– И где эта тетрадь, если предположить, что им нужна именно она?

– У меня с собой в сумочке. Я заехала домой после ленча и взяла ее в библиотеку, подумала, вдруг пригодится.

– Вы говорите, что утром передали часть бумаг господину Штольцу. У вас есть его домашний телефон?

– У меня есть номер его мобильного телефона, но сейчас ночь.

– Черт возьми, звоните немедленно, – теряя терпение, гаркнул детектив. – Да не с мобильного, выньте при мне из него SIM-карту и батарейку. Позвоните по городскому телефону.

Штолец не отозвался на звонок. Женщина растерянно развела руками и с надеждой посмотрела на Мартенса:

– Есть домашний адрес! Мы можем туда поехать?

Уже в машине полицейский стал инструктировать Эмму:

– Когда подъедем, не выходите из машины. Я так понимаю, единственный, кроме вас, кто видел бумаги Карла Рунге это ученик вашего деда.

Меньше чем через десять минут они остановились не далеко от дома Штольца. Мартенс выскользнул из машины и скрылся в темноте. Эмма дрожала всем телом. Страх переплетался с журналистским любопытством, и постепенно женщина взяла себя в руки. Ждать было мучительно. Минуты тянулись как часы, и воображение рисовало одну картинку страшнее другой.

– Это я, – в боковое стекло машины постучал Мартенс.

Сев за руль, мужчина быстро завел машину и тронулся дальше по улице. Несколько минут он молча сворачивал из одного переулочка в другой, и так не менее десяти раз, внимательно вглядываясь в зеркало заднего вида. Наконец, он остановил машину и, глядя перед собой, произнес:

– Тот, кого мы искали, мертв. Дом перевернут вверх дном. Сейчас я отвезу вас подальше от этого места и вызову полицию. Есть еще одно обстоятельство, о котором вам необходимо знать, и о котором я поначалу умолчал. Ваша подруга взяла на свидание пистолет.

– О, боже, – воскликнула Эмма.

– И самое удивительное, – спокойно продолжил детектив, – она успела выстрелить.

– Так убийца ранен?

– Скорее всего, нет, пуля застряла в стене, следов крови нет! Этот выстрел и услышала ваша соседка.

– Но из разговоров полицейских в моем доме я поняла, что Сюзан застрелили.

– Совершенно верно, выстрелом в лицо, и этого выстрела никто не слышал. Странная картина получается: и один, и второй берут на встречу оружие. Ваша подруга впускает в дом мужчину, следов взлома на двери нет, и потом стреляет. В ответ получает пулю из пистолета с глушителем. Прямо-таки дуэль какая-то.

– Но откуда у Сюзан пистолет? – удивилась Эмма.

– Оружие на нее оформлено по закону, и она имеет право на его скрытое ношение. Но небольшой мелкокалиберный пистолет в неопытных руках может не остановить противника, а только разозлить. Да и попасть в цель из него трудно из-за сильной отдачи.

– Вы можете отвезти меня в аэропорт? – умоляюще зашептала Эмма. – Я хочу домой к маме.

– В аэропорт нельзя. Сейчас я отвезу вас в одну гостиницу. Там вы будете в безопасности, ее хозяин мой должник. А дальше видно будет. Эта история очень странная. Из номера никуда не выходите, по телефону ни с кем не говорите, о своем сотовом забудьте.

Гостиница оказалась грязной и обшарпанной. Разбудив хозяина, детектив проводил женщину в номер. Комната на удивление оказалась чистой со следами недавнего ремонта. Владелец отеля, грузный метис по имени Лу, не высказал никакого интереса к внезапной ночной гостье. Они о чем-то пошептались с Мартенсом, и тот понимающе покачал головой.

Эмма проснулась далеко за полдень. У нее все еще была надежда, что случившееся с ней – страшный сон, но вид скромного гостиничного номера мгновенно вернул ее в реальный мир. Под входной дверью валялся листок бумаги: «Наберите на телефоне 26 и вам доставят завтрак и все, что вам понадобится».

Заказав яичницу из двух яиц с беконом, кофе и тосты, женщина отправилась в ванную комнату. Стоя под горячим душем, она пыталась разобраться в том, что с ней произошло накануне.

«Жалко Сьюзан, убить хотели все-таки меня, и она, возможно, спасла мне жизнь. Если она действительно пришла за тетрадью деда и за это заплатила своей жизнью, что в этих записях такого особенного? От них теперь зависит моя жизнь, и в них необходимо обязательно разобраться. Бедняга Штольц, прости меня. Этот детектив Мартенс, почему он помогает мне? Он точно не охотится за бумагами деда, ведь я ему сама сказала, что тетрадь со мной, а он даже не поинтересовался, что в ней».

Выйдя из ванной комнаты, Эмма обнаружила на журнальном столике дымящийся завтрак. Удобно устроившись в кресле, она открыла тетрадь на том месте, где прервала чтение в прошлый раз.

«Невероятно, но я был принят на работу в лабораторию Эриха Валленштайна. Для меня это оказалось полной неожиданностью. Даже имя этого человека являлось секретом, не говоря уже о его работах. О существовании в нашем подземном предприятии этого человека я слышал от своего приятеля из соседней лаборатории, но это было сказано после изрядно выпитого шнапса, и я тогда не придавал этому значения. Мой приятель упомянул, что Валленштайн – ученик знаменитого Николы Теслы.

Лаборатория Валленштайна находилась изолированно от всех остальных. Она впечатляла своими размерами. Чтобы в нее войти, необходимо было пройти два поста офицеров СС.

Военных было вдвое больше чем работающих ученых. Шефство надо мной взял Клаус Ланге, высокий худощавый брюнет. Этот разговорчивый парень, практически мой ровесник, никак не походил на серьезного математика, коим являлся. Валленштайн работал над созданием сверхмощных электродвигателей для летательных аппаратов и еще над чем-то, к чему у меня на тот момент не было доступа.

Эрих Валленштайн прибыл из США по приглашению новой Германии, также как и мой отец, и многие другие немцы. Он был человек веселый, часто вспоминал Николу Теслу, с которым проработал несколько лет, особенно его выпады в адрес Эдисона и Эйнштейна.

По его словам Теслу интересовала только работа. Это был человек замкнутый с тяжелым характером, избегающий женщин. Он ревниво относился к успехам Томаса Эдисона, с которым работал непродолжительное время, и от которого ушел, хлопнув дверью. Он даже подозревал Эдисона в поджоге своего офиса на Пятой авеню в марте 1895 года. Самое смешное, что в 1917 году Тесла был награжден медалью Томаса Эдисона, присуждаемой ежегодно Американским Институтом Электротехников, от которой естественно отказался.

Эйнштейна Тесла считал авантюристом, но не без таланта. Он часто иронизировал, что Альберт больше пользы принес бы науке, если бы посвятил себя игре на своей любимой скрипке.

Мне самому довелось встретиться с Альбертом Эйнштейном в 1949 году. «Рассеянный профессор» в точности соответствовал этому своему прозвищу. Дискуссии на научные темы не получилось. Передо мной был политик, эксплуатирующий идеи борьбы за мир во всем мире. На конкретные вопросы он не отвечал, предлагая связаться со своими коллегами. И конечно это собственное величие, от которого он, моему, и получал истинное удовольствие.

Возвращаясь к Валленштайну, хочу сказать, что таких ученых я практически не встречал ни в Германии, ни в Америке. Это был человек энциклопедических знаний, невероятного ума и абсолютно не заносчивый, чем страдает большинство «гениев».

Откровением для меня стало, что Эрих знал моего отца и даже находился с ним в переписке. Валленштайн сказал, что взял меня к себе именно из-за моих собственных способностей, но также добавил, что не упустил бы возможности взять на работу сына Александра Рунге. Вот и гадай, по какой из указанных причин он взял меня к себе в лабораторию.

Общение с Валленштайном дало мне очень многое. Он часто подчеркивал, что Никола Тесла, его учитель, был в первую очередь инженер и уже потом ученый, в принятом понимании этого слова. Главное в науке – практическое применение или перспектива этого применения, а не красивая теория.

Тесла, со слов Эриха, верил в воздействие шаманов и магов на природные явления. В средневековье его бы обязательно сожгли на костре, как черного мага. Он утверждал, что эфир или прана это бесплатная энергия, которая вокруг нас, и она жаждет выхода.

Мне нравились эти разговоры, но тогда я не понимал, что он готовит меня к нашей главной беседе. В феврале 1942 года он вызвал меня к себе в свой маленький, пропахший сигарным дымом кабинет. Мы говорили о текущей работе, о графиках испытаний и вдруг внезапно он обратился ко мне со словами: «Впрочем, все это чепуха, мне вам необходимо показать письмо вашего отца, которое он отправил за два дня до своей смерти».

Сердце мое сжалось. Отец написал письмо накануне своей гибели не мне, своему родному сыну, а другому человеку.

«Дорогой брат Эрих! Позволь тебя называть именно так. Мы не члены тайных обществ, и такое обращение кажется странным. Но я тебя называю братом, именно потому, что доверяю тебе как себе.

Наша с тобой дружба вселила в меня надежду, что я не одинок в своих попытках познать скрытое, неведомое. То, что стремится наружу, но остается тайной. Я чувствую точку перехода или смерти, как принято говорить. Переход в другой мир больше не пугает.

Все это странно, меня перестали мучить боли в коленях, и мое проклятие – астма – отступила. Я нашел священный потерянный город! Годы поисков увенчались успехом. Но это чередой событий. Будто меня кто-то направляет, соединяя отдельные ничего не значащие элементы в одно целое. Иногда, я чувствую себя пешкой в чьей-то большой игре.

Мои сны стали кошмаром, я вижу то, чего не может быть. Я посчитал бы себя шизофреником, но часть моих видений сбывается с абсолютной точностью через несколько минут после моего пробуждения, другие кажутся фантастикой и подтверждения им невозможно найти.

Я расскажу тебе, что видел в сновидениях. Возможно, я болен и мои иллюзии полный бред. Но кому еще я могу рассказать об этом.

Начну с того, что Гитлер позорно проиграет все, начатые им войны, и Германию растащат на части. Но это уже неважно. Придет время, и Германия восстановится и завоюет Европу без единой капли крови.

Промелькнут новые крестовые походы и в новом веке людям будут даны новые знания. Человек научится пользоваться своей собственной энергией и добывать ее из воздуха и воды. В своих снах я вижу, как человек садится в устройство для передвижения и своим присутствием дает этому аппарату энергию.

Но самое главное не это. Мир изменится до неузнаваемости, и мы снова с тобой встретимся. Луна отвернется от нас, и мы увидим окружающий нас мир совсем по-другому.

Присмотри по возможности за моим сыном.

Твой Александр Рунге».

После прочтения письма Валленштайн грустно заметил: «Как всегда кратко и насыщено. Третий Рейх, со слов твоего отца, обречен. Очень жаль. Знать свое будущее весьма печально, и я долго размышлял, показывать тебе это письмо или нет. Сам я не верю в скорый крах Германии и тебе не советую».

Мы долго молчали, затем он спросил меня, не знаю ли я, что мой отец имеет в виду, говоря о некоем священном потерянном городе. Я ответил, что не знаю. Валленштайн испытывающе посмотрел в мои глаза и поинтересовался, не слышал ли я о существовании записей Александра Рунге, с которыми с его слов он был знаком. О спрятанном дневнике я умолчал.

Эрих долго еще рассказывал мне об их первой встрече, произошедшей на лекции отца в Берлине, куда Валленштайн попал совершенно случайно. О том, как его заинтересовали идеи Александра, о том, как они горячо спорили на самые разные темы, касающиеся мироздания.

В начале 1943 года Валленштайн перевел меня в особо секретный отдел Р-7U. Несмотря на то, что этот отдел относился к нашей лаборатории, допуск туда имели всего двенадцать человек.

Наша работа заключалась в попытках генерировать сверхмощные электромагнитные импульсы. Но нас преследовала неудача за неудачей. В марте 1944 года в отдел Р-7U перевели моего товарища Клауса Ланге, к этому времени мы уже работали без выходных по двенадцать-четырнадцать часов в сутки.

В мае нашу лабораторию посетил очень важный человек – обергруппенфюрер СС Эмиль Мазув. На его пальце было заметно кольцо с черепом и перекрещенными костями. Валленштайн шепнул мне, что такими кольцами награждает за особые заслуги лично сам Гиммлер.

Он пробыл в нашей лаборатории больше трех часов, запершись в кабинете с Валленштайном. После встречи Эрих собрал весь персонал лаборатории и торжественно произнес: «Коллеги! Сам фюрер внимательно следит за нашей работой и надеется на скорые положительные результаты. Я призываю вас отдать все силы на благо родины».

Впрочем, он мог этого и не говорить, многие из нас даже ночевали в лаборатории.

Осенью всему персоналу было запрещено покидать расположение нашего предприятия.

В конце 1944 года Германия находилась в столь тяжелом положении, что это сказывалось и на общей атмосфере, царящей в нашем коллективе. Теоретически, мы, наконец, были близки к решению проблемы, стоящей перед нами, но на практике каждое новое лабораторное испытание заканчивалось неудачей.

Из всего нашего подземного предприятия к февралю 1945 года все люди были эвакуированы, и, по слухам, ходившим среди персонала, весь наш подземный городок был подготовлен к уничтожению.

Не знаю почему, но оставалась только наша лаборатория, в которой все еще кипела работа. Мы в точности не знали положения дел на фронте, не было практически никакой информации. Единственное, что нам было известно, это то, что наши войска ведут боевые действия уже на территории Германии.

16 февраля 1945 года Валленштайн собрал весь персонал и объявил, что мы должны начать срочную эвакуацию документов и оборудования. Для всех семидесяти двух сотрудников это не явилось неожиданностью, вот только все они, как и я, задавали себе вопрос, куда мы можем эвакуироваться.

С нами осталось всего десять офицеров СС во главе с гауптштурмфюрером Гельмутом Шнайдером, пожилым человеком с болезненным цветом лица. 2 марта мы должны были закончить, но из пятидесяти обещанных грузовиков к нам за это время прибыли только восемнадцать.

Обстановка становилась нервной, непонятно сколько сотрудников будет эвакуировано и будут ли. Офицеры СС стали минировать все помещения нашей лаборатории. Начали ходить разговоры, что нас могут взорвать вместе с оставшимся оборудованием.

5 марта Шнайдер объявил о роспуске персонала: «Мы не знаем, куда вас отправить, и мы не располагаем транспортом для этого. Связь с командованием потеряна, но мы должны выполнить приказ по уничтожению предприятия. Предлагаю вам самостоятельно продвигаться или к вашим родным, или куда пожелаете. На сборы два часа».

Через два часа мы с Клаусом Ланге покинули базу последними. Большинство наших коллег направились в Мюнхен. В салоны нескольких частных автомобилей сотрудников набилось по 8-10 человек. Чемоданы и сумки прикручивали к крышам автомобилей.

Несколько человек уехали на своих мотоциклах, остальные, как и мы уезжали на велосипедах. Эриха Валленштайна среди убегающих я не видел и о дальнейшей его судьбе ничего не знаю.

Мне и Клаусу было некуда идти, и мы направились в противоположную сторону от Мюнхена, в «горячо любимый» Ингольштадт. В городе у Клауса была любовница, овдовевшая в 1942 году Урсула Фишер. Уже через час после отъезда с базы мы колесили по полуразоренному городу.

Фрау Фишер приютила нас охотно. Меня разместили в маленькой узкой комнатке под чердаком, а Клаус разделил хозяйскую спальню с вдовой. Мы решили отсидеться и не подвергать свою жизнь опасности. Хаотичное движение беженцев, постоянные бомбежки и начавшийся голод плотно привязали нас к запасливой фрау Фишер.

Ее небольшой домик сиротливо стоял рядом с развалинами еще двух таких же. По ее словам дом чудом уцелел при недавней бомбежке. Передачи немецкого радио скупно говорили о положении дел немецкой армии и без конца призывали отстаивать родную землю всеми возможными способами.

Каждый день мы выходили на улицу и расспрашивали беженцев о том, что происходит в действительности. Отрывистые и противоречивые сведения были неутешительными. Ингольштадт будет занят противником в ближайшее время.

У меня стало неожиданно много свободного времени, и я все чаще предавался размышлениям, почему могучая, технически передовая Германия проиграла войну. На чердаке было много старых газет, и я с упоением изучал их. Они, отчасти, заполняли мои информационные пробелы, возникшие вследствие почти круглосуточной работы на секретном предприятии.

Та легкость, с какой Гитлер завоевал Европу, во многом была обусловлена появившимися в это время союзниками почти во всех европейских странах. Немцы были воодушевлены легкими победами, и авторитет фюрера стал непререкаем.

Крестовый поход против большевизма был встречен овациями. Никто не сомневался в быстрой победе немецкого оружия. Все именно так и начиналось. Сводки с фронта были ликующими, еще немного и падет Москва.

Но каким-то мистическим образом она не пала. Огромная Россия ошетичилась как раненый загнанный зверь и бросилась навстречу. Это было первое крупное поражение немцев. Очень быстро пришло понимание, что это настоящая война. На улицах тихих мирных городов появились военные инвалиды, и все больше похоронок стало приходиться в дома немцев.

Я сам видел, как пустеют города, мужское население нескончаемым потоком идет на фронт. На лицах женщин следы безумной тревоги за мужей, отцов и сыновей.

Личной трагедией для меня стало выступление против Германии Соединенных Штатов Америки. Я считал этот шаг неправильным, помня слова своего однокурсника.

Все это происходило на моих глазах, но я находился будто под гипнозом. Оправдываться бессмысленно, особенно тогда, ожидая своей участи в доме фрау Фишер. Поначалу война была где-то далеко, и это внушало непоколебимую уверенность в победе. Но пришел день, когда улицы немецких городов разрезала своим чудовищным звуком противоздушная сирена.

Каждый день я задаю себе вопрос, возможна ли была победа Германии? Но это неправильный вопрос, и его надо переформулировать: победа над кем или чем?

Второй вопрос: почему США поддержали большевиков? Без их поддержки СССР мог бы и проиграть эту войну!

Итак, с кем или с чем воевала Германия? Мой ответ прост, она воевала не против русских или большевиков. Стране нужны были ресурсы, земные недра этой огромной территории.

Для собственного технического прогресса нам не хватало не только редкоземельных металлов, но и элементарно бензина, то есть нефти. Это большей частью была «экономическая» война. Но если это так, то планы Гитлера – это несомненно мировое господство. Завоевав такие ресурсы трудно остановиться.

Вот я и ответил на оба поставленных вопроса. У США не было другого выхода.

Я пытался делиться своими мыслями с Клаусом, но Ланге лишь отмахивался. Всю свою энергию он тратил на вдову с какой-то присущей ему одержимостью.

Гуляя по улицам, мне часто приходилось говорить с беженцами. Я не задавал этим затравленным людям мучающие меня вопросы, просто пытался помочь, чем мог. Они говорили сами и, к моему удивлению, почти не жаловались.

Однажды, поздно ночью в дом фрау Фишер постучал мужчина лет пятидесяти в сопровождении молодой женщины с двумя малолетними детьми. Вдова ни при каких обстоятельствах не открывала дверь беженцам ни днем, ни ночью. Но в этот раз настойчивость незнакомца возымела свое действие.

Хозяйка вышла во двор и, недолго переговорив с мужчиной, пустила их в дом. Наутро Клаус шепнул мне, что гость попросился на сутки, щедро заплатив за свой визит кольцом с бриллиантом.

Мне удалось с ним встретиться и разговорить его за обедом. Он оказался немецким чиновником, работавшим в Праге. Уже на территории Германии их эшелон беженцев разбомбили и рассеяли. При налете погибла его супруга, но к счастью остались живы невестка и двое внуков.

Он представился Герхардом фон Шенбургом. Скорее всего, это было его настоящее имя. Передо мной был аристократ, и в этом не было никаких сомнений.

Я первый заговорил с ним и уже через несколько минут наслаждался его рассказом.

По его словам он прибыл в Прагу в 1942 году и выполнял некоторые административные функции. На этот счет он не стал распространяться, а углубился в ту тему, которая больше всего интересовала меня на тот момент.

В начале своего рассказа он поделился своим горем. Единственный сын пропал без вести под Сталинградом. Младший Шенбург был противником войны в любой ее форме, но ради семьи надел военную форму. У него осталась жена и двое детей, которых Герхард переправил к себе в Прагу.

Взгляд Шенбурга на войну несколько отличался от моего, и это была точка зрения человека, видимо, посвященного в государственные тайны.

Война с большевиками, по его мнению, была ошибкой. Гитлер панически боялся Сталина, считая, что тот готовит мировую революцию и захват Европы. Этот страх заставил его перейти границу с Россией.

При правлении Гитлера немецкие аристократы были загнаны в угол. Окружив себя малограмотными лизоблюдами, он перестал искать поддержку в кругах старой немецкой знати. Он поставил условие – либо идти с ним, либо против него.

Многие отговаривали его от похода на СССР, предлагали договариваться со Сталиным хотя бы до тех пор, пока не падет Великобритания. Он отвергал все предложения, считая выработанный курс на покорение России единственно правильным.

В конце 1940 года обсуждался план по завоеванию Южной Америки. Этот план предложила старая немецкая аристократия, но он был отвергнут. Латинская Америка с надеждой смотрела на Германию, особенно огромная Бразилия.

Лидер Бразилии Желтио Варгаса симпатизировал Гитлеру, но был сильным политиком, с которым необходимо было договариваться, давать ему преференции, а Гитлер этого не сделал. В результате в начале 1942 года латиноамериканская страна формально объявила войну Германии, Италии и Японии. А в 1944 году даже направила своих солдат в Европу участвовать в боевых действиях.

Гитлер часто говорил об исторических корнях немцев, игнорируя историю как таковую. Россию нельзя победить. Можно дойти до Москвы, сжечь ее, но после этого надо готовиться к тому, что русские вскоре постучатся в дверь твоего дома с ружьем в руках и мстить будут по-азиатски жестоко.

Политические ошибки, амбиции и, главное, самоуверенность погубили Адольфа. После покушения, чудом оставшись в живых, он поверил в собственную звезду и вместо переговоров о мире впал в состояние сумасшествия.

Сейчас мы проигрываем войну потому, что кончились немцы, просто некому идти на войну. Мы обескровлены и подавлены.

Любая война имеет свое логическое завершение. Но эта война изменит немецкую нацию навсегда.

На следующий день, рано утром Герхард покинул дом фрау Фишер. За свое кольцо он получил не только прибежище на сутки для своей семьи, но и мешок продуктов.

Из окна своей комнаты я наблюдал, как они вчетвером вышли на улицу. К сутулой спине Герхарда фон Шенбурга большим серым платком был прикручен чемодан, в руках у него были мешок и сумка. Вслед за ним шли, держась за руки, две маленькие девочки. Замыкала шествие их мать, одной рукой поддерживающая небольшой рюкзак, висящий на одной лямке.

В конце апреля в город вошли американские войска, и уже на следующий день добропорядочная немка Урсула Фишер сдала нас американцам...».

Стук в дверь заставил Эмму оторваться от чтения. Только сейчас она заметила, что за окном стало смеркаться, и ощутила чувство голода. Она подошла к двери и стукнула в нее со своей стороны. Негромкий голос успокоил ее:

– Это Мартенс.

Детектив вошел в комнату и сходу предложил:

– Поужинаем! Я страшно голоден и мне есть, что вам рассказать.

– Пойдемте в китайский ресторан, – обрадовалась Эмма.

– Наш ресторан в этой комнате, – усмехнулся мужчина. – Это для вашей безопасности.

– Да, да, вы правы.

– Мы закажем еду. Но прямо сейчас у меня к вам один единственный вопрос. Что именно вы показали Штольцу?

Женщина показала рукой на открытую тетрадь и грустно прошептала:

– Он пролистал записи и попросил оставить у себя несколько рисунков.

– Что за рисунки?

– Очень странные, на мой взгляд. Штольц сказал, что попробует в них разобраться. Я не сделала копии и отдала ему их.

Мартенс откинулся в кресле, и устало произнес:

– Ко мне сегодня приходили люди из ЦРУ, но самое интересное, что для них вчерашний визит их коллеги явился полной неожиданностью.

– И что это значит? – к удивлению детектива, прозвучал голос не измотанной произошедшими событиями женщины, а любопытного журналиста.

– Мне кажется, что виновницей всех неприятностей является ваша подруга Сьюзан, а не бедняга Штольц, на которого я подумал с самого начала.

– Но она обыкновенный врач...

– Наберитесь терпения мисс Рунге. Вспомните, ваша подруга попросилась к вам домой, якобы для встречи со своим другом...

– Вот именно...

– Не перебивайте меня мисс. Первое, профессор-любовник, это выдумка вашей подруги. Я позвонил в больницу. Действительно, несколько раз в год туда приезжает для повышения квалификации персонала известный врач. Но это вовсе не мужчина, а женщина преклонных лет. Возникает вопрос, кто же этот таинственный мужчина, побывавший в вашем доме. Если предположить, что это тот же человек, которого мы с вами видели, то вопросов становится еще больше. Она вас обманула, чтобы забраться к вам домой. Скорее всего, именно от нее убийца узнал о Штольце и то, что вы находитесь в библиотеке. Никто не ожидал, что тетрадь вы будете таскать с собой, а не оставите дома.

– Откуда вам это известно?

– Мы установили, что незадолго до своей смерти ваша подруга сделала местный телефонный звонок и вот его распечатка.

«– Алло. Здесь ничего нет.

– Ты все проверила?

– Коробка пуста!

– Ты со мной не играешь? Мы же договорились. Может, просто хочешь больше денег?

– И это тоже, но я говорю правду. Вероятно, Эмма взяла тетрадь с собой в библиотеку, а может она с ней поехала опять к Штольцу. Откуда мне знать?

– Штольц? Почему раньше о нем не говорила?

– Я не думала, что это важно. Да, Эмма ездила к нему утром. Это вроде как ученик Карла, вместе работали в университете. Ну, Эмма показала ему рукопись, но не оставила ее.

– Ладно, это не важно. Может тетрадь в доме? Ты хорошо смотрела?

– Не знаю. Я ее не нашла.

– Ладно, не волнуйся, я посмотрю сам. А с деньгами проблем нет. Открой входную дверь, я уже на пороге, деньги у меня.

– Но мы же с вами договорились встретиться в ...

– Я перестраховался и, как видишь, не напрасно. Уверен, рукопись в доме, и мы ее обязательно найдем».

– Она, что, агент ЦРУ? – недоверчиво спросила Эмма.

– Не думаю мэм, просто деньги. Ее подельники, если, конечно, их действительно было двое, находились рядом с домом, думаю, и после убийства тоже, ждали вашего приезда домой. Но их спугнула вызванная полиция, и они бросились в библиотеку, но к счастью опоздали. По тому, как быстро примчались в наше управление все эти типы из спецслужб или откуда они там, ваш дед личность интересная.

– А кому Сьюзан звонила? – взволновано начала Эмма. – По звонку можно определить...

– Не получается, – устало улыбнулся Мартенс. – Работаем над этим, но пока никаких результатов. Но в этот день она уже делала звонок, содержание неизвестно, но звонила она в ЦРУ и разговаривала больше тридцати минут.

Стук в дверь прервал их беседу. Лу внес в комнату большой пакет и тут же удалился. Приторно сладкий дурмящий запах еды мгновенно заполнил комнату. Несколько минут оба с жадностью поглощали содержимое картонных упаковок.

– Мисс Рунге, мне, пожалуй, пора. Пока ситуация не прояснится, оставайтесь здесь.

– Пожалуйста, зовите меня Эмма.

– Договорились, мэм, до завтра.

Курт Тейлор сидел в своем маленьком рабочем кабинете, неподвижно глядя в окно. Переполнявшие его эмоции так и не дали ему уснуть. Пропажа записей Карла Рунге и поднимающийся в связи с этим скандал ставили крест на его карьере. Кто-то опередил его, изъял дневник и убил двух человек. Замазаться в двух убийствах и провалить операцию, этого ему не простят.

Десять лет назад, в тот день, когда Карл Рунге впал в кому, к нему в кабинет вошел Пол Савски – высокопоставленный офицер НАСА (Национальное агентство по космонавтике и авиации). Без лишних церемоний он положил перед Тейлором тоненькую папку с грифом «Секретно» и бумагу предписывающую Тейлору оказывать всяческое содействие полковнику Савски, подписанную лично заместителем директора ЦРУ.

В папке лежал истрепанный листок бледно желтой бумаги, это был отрывок записей некоего Эриха Валленштайна, относящийся к событиям 1942 – 1945 годов. В нем он упоминает об успехе эксперимента с электромагнитными импульсами вихревой разнонаправленной структуры. Успех эксперимента обеспечивает «батарея» – неживое тело. Валленштайн с восторгом сообщает, что благодаря сведениям, переданным ему сыном Александра Рунге, Карлом, прорывной для науки опыт удалось осуществить.

Тейлор помнит, что после прочитанного только и смог из себя выдать: «Батарея, мертвое тело – мистика какая-то».

Савски рассмеялся и добавил, что думает точно так же, но их задача проверить наличие записей у Карла Рунге, подопечного отдела 4268. Он достаточно откровенно рассказал, что очень рассчитывает на помощь Тейлора с его опытом и обширной сетью информаторов.

Из этого разговора стало понятно, что запись Валленштайна попала в НАСА случайно и странным образом. Несколько лет назад в подконтрольную НАСА структуру пришла посылка с большой партией разрозненных записей, касающихся космических исследований и так называемых новых технологий. Отправителя послания определить не удалось, известно только что посылка была отправлена из крупнейшего порта США – Нью-Йорка.

Большинство информации не представляло интереса, но некоторые записи были весьма любопытны. Среди них листок с именем Эриха Валленштайна. Потом записку ждал долгий бюрократический путь, пока она не попала в руки Пола Савски. Офицеры НАСА несколько раз встречались с Карлом Рунге, но тот утверждал, что это фальсификация, опыты в Германии закончились неудачей, и Валленштайну он никаких сведений не

передавал. Почему упоминается имя его отца, Александра, он не знает, и ему это неинтересно.

Савски признался, что когда Карл попал в Бостонскую больницу, его люди сутки напролет обыскивали дом Рунге, но ничего не нашли. Может, ничего и не было, а, может, старик оставил свое послание каким-нибудь хитроумным способом.

Савски пришел к нему, Тейлору, за помощью, что переполняло гордостью начальника отдела 4268. В конце беседы офицер НАСА попросил их разговор оставить в тайне от сотрудников и затем туманно добавил, что некоторые его коллеги сомневаются в подлинности руки Валленштайна. Но он, Савски, уверен, что это тот самый знаменитый Валленштайн, чудесным образом растворившийся в оккупированной Германии.

Записка была написана на обычном листе бумаги, а не форменном бланке, и специалисты утверждали, что бумага создана никак не раньше 1950 года, а это значит, что немец сбежал и возможно строил где-то свою машину, устройство которой так скупко описал. Имя Валленштайна Тейлор слышал впервые, но понял, что это крупный ученый, каким-то образом связанный с Рунге, и ему надо добыть эту информацию.

Полковник настоятельно рекомендовал некоего Генри Смита для службы в отделе 4268. Именно он тогда наткнулся на листок Валленштайна, выяснил, что тот знаковая фигура среди нацистских ученых, пропавший в 1945 году, и отправил бумагу на имя Савски.

Тейлору не понравилось, что ему навязывают нового сотрудника и, возможно, соглядая, но деваться было некуда. Впрочем, Генри Смит оказался смысленным и трудолюбивым подчиненным.

Ежегодно начальник отдела 4268 писал рапорты для Савски о работе с Карлом Рунге, но, к сожалению, эти отчеты были безрезультатны. Вчера он доложил Савски, ставшему к этому моменту уже генералом, о существовании записей Карла Рунге. На удивление, тот не забыл и проявил огромный интерес не только к самому событию, но и к деталям операции. И сегодня ему, Тейлору, придется униженно докладывать о провале. Поразмыслив еще немного, он решительно набрал телефонный номер.

– Это Курт Тейлор, сэр!

– Ну, что там у вас, добыли материалы?

Тейлор подробно доложил о случившемся и ждал праведного генеральского гнева, но в ответ услышал ровный немного суховатый голос:

– Получается, что вас кто-то опередил. Днем Бековски сообщает вам о дневнике, а вечером ведет телефонный разговор с какой-то загадочной личностью. Бековски впускает этого мужчину в дом, и тот убивает ее. Затем он убивает Штольца. Однако в полиции Эмма Рунге не заявила о пропаже записей. Тогда, возможно, они все еще у нее, и есть вероятность, что преступник дневника не нашел и предпринял дальнейшие поиски.

– Простите сэр, скорее всего, это был не один человек. Свидетельница, соседка мисс Рунге, заявила, что видела двух мужчин, правда, не смогла описать их.

– Продолжайте, – озабоченно попросил Савски.

– У нас странная сложилась ситуация. В ночь убийства в полицейское управление явился мужчина, представившийся офицером ЦРУ, он искал Эмму Рунге. Детектив Мартенс, ведущий это дело, беседовал с ним и, по заверению детектива, удостоверение, представленное этим человеком, подлинное.

– Кто-то из управления тоже занимается этим делом? – удивился генерал. – Но я об этом ничего не знаю!

– Нет, сэр, не совсем так...

– Перестаньте мямлить, Тейлор, объяснитесь, наконец.

– Сэр, Мартенс запомнил личный номер агента, и он принадлежит Альберту Муру, действующему офицеру ЦРУ. Но у него железное алиби – он находился в тот момент за тысячу миль от Бостона. Описание внешности ночного визитера, данное детективом, полностью совпадало с внешностью Мура. Мы показали Мартенсу фотографию Мура, и он нашел необычайное сходство...

– И что? – не выдержал Савски.

– Детектив уверен, что с ним говорил другой человек, хотя сходство феноменальное. Я полагаю, что сделан дубликат удостоверения, и это может сделать только сотрудник ЦРУ.

– Только этого нам еще не хватало! – раздраженно воскликнул генерал. – Что намереваетесь предпринять?

– Будем искать дневник и таким образом выйдем на людей, которые его тоже ищут и, надеюсь, еще не нашли. Я обозначил предполагаемый круг подозреваемых, сэр. В него попадает наш информатор Бековски, пропавшая Эмма Рунге, Штольц, о котором я вам докладывал, и некто из нашего управления. Правда, в таком случае под подозрение может попасть и весь наш отдел и ... извините, вы, сэр.

В трубке воцарилась многозначительная пауза, во время которой душа Курта Тейлора в прямом смысле ушла в пятки и не возвращалась оттуда, пока не раздался голос Савски.

– Мне нравится ваш подход, вы не побоялись упомянуть и мое имя, и свое. Но Эмма Рунге сразу отпадает, зачем ей шумиха вокруг дневника деда, если предположить, что она собиралась его кому-то передавать. Наоборот, она тут же посвящает в нахождение записей двух малознакомых ей людей. Таким образом, она даже не понимает, о чем идет речь в дневнике. Вы согласны?

– Да, сэр, согласен и более того полагаю, что ее уже нет в живых. В полицейский участок она не вернулась, друзей в городе, судя по всему, нет, в гостиницах не объявлялась. Если убили Бековски и Штольца, то что мешало убрать Эмму Рунге.

– Может и так, – задумчиво произнес Савски. – Но наши оппоненты действуют уверенно и нагло, даже не пытаются замести следы. Если Рунге убита, то они не будут терять время, чтобы скрыть тело, а его мы пока не нашли. Поставьте на уши полицию, пусть прошерстят весь город и найдут нам эту женщину. Что по поводу остальных подозреваемых?

– Бековски и Штольц вполне могли сообщить кому-нибудь о находке. Хотя насчет Сьюзан Бековски я не уверен. Не понимаю, зачем ей гробить свою карьеру и связываться с сомнительными людьми, да и времени на это у нее не было. Зачем ей было звонить в наш отдел, если у нее был другой работодатель? Возможно, Штольц – лицо заинтересованное, тем более он один мог понять, о чем в действительности идет речь, он же работал с Рунге и считал себя его учеником. Кстати, сэр, Штольц в тот злополучный день произвел странный звонок, видимо, сразу после визита мисс Рунге. Я распечатку пошлю вам по электронной почте, а сейчас зачитаю: «Абу, немедленно приезжайте на наше место, вы слышите, немедленно». Что за Абу выяснить нам не удалось. Телефон записан на парня, который умер пару лет назад от передозировки наркотиков. Абу, скорее всего, прозвище, а не имя. Ясно одно, эти люди уже встречались раньше в каком-то укромном месте.

– Затребуйте результаты вскрытия Штольца, уж больно похоже на встречу наркоторговца и постоянного клиента, которому вдруг стало невтерпёж. В одном вы правы, Курт, этот Штольц понимал ценность находки и наверняка знал, как ей распорядиться.

– Да, сэр, Штольц вполне мог сообщить кому-то о найденном дневнике. Я вполне мог бы допустить, что Бековски и Штольц с подельником случайно встретились в доме Эммы Рунге. Произошла перестрелка, и Сьюзан Бековски погибла. Но эта версия никуда не годится. Женщина обсуждала по телефону свой гонорар и затем добровольно впустила убийцу в особняк. Но самое главное, абонент на другом конце провода только во время их телефонного разговора узнал о встрече Майкла Штольца и Эммы Рунге. Очевидно, что кто-то нас опередил, договорившись с Бековски, но это не Штольц.

– К чему вы клоните, Тейлор?

– Бековски позвонила в наш отдел и заверила, что дневник практически у нее в руках и наутро она обменяет его на обещанный гонорар. Она очень торопилась, выпалила в трубку информацию, поинтересовалась насчет денег и отключилась.

– Но что ей мешало, сначала выкрасть дневник, а уже потом связаться с вами, – удивился генерал.

– Она женщина эмоциональная, но довольно умная. Десять лет она была привязана к дому Рунге и вот, наконец, наступает развязка. Скорее всего, Бековски предположила, что нами завербован и Штольц, тогда немалые деньги достанутся ему, если он вовремя подсуется. Тем более что Эмма встречалась со Штольцем накануне и рассказала об этом Сьюзан Бековски. Это вполне логично. Штольц единственный коллега Карла, с которым старик поддерживал связь до самой смерти. Они со Сьюзан даже несколько раз сталкивались в доме Карла, она нам сама докладывала об этом. Мы тоже встречались со Штольцем, и он уверил нас, что если к нему в руки попадут записи Рунге, он немедленно нам об этом сообщит. Никаких денег, конечно, мы ему не предлагали...

– Но Штольц вам не перезвонил, когда узнал о дневнике, – язвительно заметил Савски.

– Это, к сожалению, именно так, – покорно согласился Тейлор, – но вы же знаете, работа с агентурой не дает стопроцентного результата. Но мы получили звонок от Сьюзан Бековски. Кто знает, если бы не она, нам никогда не узнать о существовании этих материалов. Как вы правильно заметили, Штольц нам не перезвонил. Возможно, у него самого были виды на этот дневник. Впрочем, может быть, он ждал того момента, когда Рунге передаст ему его. Он также пользовался доверием Эммы Рунге, ему первому она показала записи Карла.

– Так какова ваша версия произошедшего?

– Предположу, сэр, что в эту историю втянуты те, кто знал о существовании информатора Сьюзан Бековски. Эта информация строго секретная, и ей располагает только мой отдел. Предатель среди нас. Хронология событий это только подтверждает. Итак, Бековски сообщает нам о дневнике, предусмотрительно умалчивая о Штольце. Далее следует телефонный звонок с телефона Бековски на телефон ее подельника. Она сообщает, что не нашла дневник и упоминает о Штольце, у которого он вполне может оказаться. Не думаю, что она знала адрес Майкла Штольца, но тот был убит через несколько часов. Из этого мы делаем вывод, что убийца был осведомлен об адресе проживания профессора. В доме Карла Рунге происходит перестрелка, в результате чего Сьюзан Бековски погибает. Неизвестный отправляется в Бостонскую публичную библиотеку, но не застаёт там мисс Рунге. Камеры видеонаблюдения засекли странного человека, вбежавшего в зал и тут же покинувшего его. Лицо его невозможно рассмотреть из-за шляпы с широкими полями. Он прибыл на «Бьюике», но номера поддельные. Эту машину сейчас ищут. Тот же человек на этой машине приезжает к полицейскому управлению, куда увезли Эмму. Далее, в поисках Эммы Рунге, он встречается с детективом Мартенсом. Но, по словам детектива, к этому времени мисс Рунге уже покинула здание в неизвестном направлении.

– А что насчет Штольца? – поинтересовался генерал. – Его-то когда убили?

– Судмедэкспертиза уверяет, что Штольц был убит до описанного визита к Мартенсу. Скорее всего, после неудачи в библиотеке неизвестный едет к Штольцу и, видимо, неудовлетворенный этим визитом ищет полицейского, ведущего расследование убийства в доме Эммы Рунге.

– То есть вы тоже склоняетесь к тому, что дневника у него пока нет?

– Если Эмма Рунге жива, то дневника у него нет, но скорее всего она уже мертва, и тогда записи у убийцы.

– Курт, мне ход ваших мыслей понятен. В вашем отделе предатель, вы, естественно, вне подозрений. Но что за человек орудовал в Бостоне? Как он там оказался раньше вас? Хотя вы говорили, что их там было как минимум двое. Я не могу понять, каким образом преступники заставили Сьюзан Бековски работать на себя. Она же понимала, какие неприятности ее ждут при объяснении с вами.

– Ума не приложу, сэр. Получается, что ее никто не заставлял, и действовала она добровольно. При непредвиденных обстоятельствах, она всегда могла позвонить к нам в отдел, но этого не сделала.

– Непростая перед вами стоит задача, – протянул Савски. – А как вы намерены выявить в своих рядах «крота»? Действовать надо осторожно, взвешивая каждый шаг.

– Во время убийств все трое моих подчиненных еще находились в самолете, направляющемся в Бостон. Одному из них нужно было привлечь кого-то еще, кто живет в этом городе или неподалеку. Для этого нужны ресурсы и опыт в таких делах. Может попробовать проверку на детекторе лжи?

– Ни в коем случае. Во-первых, из трех ваших человек двое служили на оперативной работе, и для них не составит труда обмануть аппарат. Во-вторых, если вы выкажете недоверие, то наш оппонент затаится. Оставим пока все как есть, ищите Эмму Рунге.

Тейлор положил трубку и вытер платком вспотевший лоб. Через десять минут он уже мчался в аэропорт, до рейса на Бостон оставалось не больше часа.

Весь следующий день Эмма была поглощена чтением дневника.

«... Бесконечные допросы длились почти месяц. Не было смысла скрывать то, чем мы занимались в лаборатории, тем более, как оказалось, мой товарищ Ланге рассказал

все на первом же допросе. Нам предложили продолжить нашу работу в Америке, и это предложение не подразумевало отказа.

Я надеялся на снисхождение, потому как считал себя почти американцем. Но этот факт насторожил следователя, он даже высказал нелепое предположение о шпионском прошлом моего отца.

Клаус сидел в соседней комнате огромного подвала, находившегося в двухэтажном здании на краю города. Наша импровизированная тюрьма была раньше типографией, и в помещении, в котором находился я, стояли три разбитых печатных станка.

Со мной вместе сидело шестнадцать человек. В прямом смысле сидело, так как кроватей не было. Спали мы на полу, укутавшись предоставленным нам тряпьем.

Все были гражданские, но американцы в этом сомневались. Не знаю, но в военной форме никого не было. В эти дни я сблизился с пожилым искусствоведам из Дрездена.

Это был опустошенный человек, спящий не более двух часов в сутки. Он почти ничего не ел и делился своей порцией со мной и с совсем юным парнем лет четырнадцати.

Юноша был угрюмым и неразговорчивым, что резко контрастировало с его детским лицом.

Искусствоведа звали Винфрид, и родом он был из Ингольштадта. За два месяца до того он бежал из Дрездена, подвергнувшись чудовищным бомбардировкам, поселился в доме своей матери, но с приходом американцев был арестован. На допросе он плюнул в лицо офицеру, после чего был избит и брошен в нашу камеру заключения.

Я находился здесь уже два дня и, как мог, постарался помочь пожилому соотечественнику. Я ни разу от него не услышал ни одного стога, ни одной жалобы. Это был сильный человек, умерший неожиданно через несколько дней на моих руках.

Мне повезло пообщаться с ним, и меня поразило тот факт, что я впервые встретил человека, осуждавшего не только политику Германии, но и самого Адольфа Гитлера.

Он принимал свои побои от американских солдат как должное, как возмездие. Он плюнул в лицо американского офицера, за то, что тот позволил себе назвать немецких женщин, и его мать в частности, шлюхами.

Мы говорили о Германии, о ее историческом значении в глазах всего человечества. Винфрид был убежденным конформистом, он всегда пытался слиться с окружающей действительностью. Тяжелые авиационные бомбы превратили аккуратные домики их пригорода в месиво камня и металла. Его дом под Дрезденом рухнул, унеся под развалинами жизнь единственной дочери.

Он выжил, и это стало главной трагедией его жизни. Попытка уцепиться за дом своей больной матери в Ингольштадте закончилась позорным арестом. Его волокли по улице, а старая женщина, его мама, вцепившись за калитку, надрывно кричала, не в силах защитить своего сына.

В своем рассказе он не обличал ни американцев, ни русских, он надеялся, что победители проявят милосердие к женщинам и детям. Я тогда впервые ощутил, что немецкий народ ждет беспощадная месть, особенно со стороны русских.

Это был переломный момент моего сознания. Неожиданно я понял, что за грехи нации, придется расплачиваться и мне самому.

В одной камере с Клаусом Ланге я оказался через неделю после нашего ареста. Нас было двое в небольшой комнате. Две кровати были снабжены даже матрацами. Каждый день к нам заходил американский офицер и подолгу говорил с нами на самые разные темы.

Отношение к нам изменилось. Его нельзя было назвать дружелюбным, но уже не было той враждебности, которая была с самого начала.

В июне мы вместе с Клаусом прибыли на секретную базу в США и уже через две недели приступили к работе».

Эмма перевернула страницу и с удивлением заметила, что новые страницы тетради написаны заметно изменившимся почерком.

«Сегодня мне исполнилось 96 лет. И для такого преклонного возраста я неплохо выгляжу. Сам себя обслуживаю, по полчаса в день гуляю в саду. Готовить и убираться ко мне приходит дважды в неделю юная сербка.

Последние годы силы покидают меня, и я чувствую необходимость продолжить свои записи, возможно, объяснить свои поступки. Трудно поверить, что больше чем через шестьдесят лет можно вернуться к недописанному письму.

Я старый человек и очень одинокий. Мне трудно в этом признаться, но это так. Это трудное время, когда ощущаешь свою физическую немощь. Но, вопреки логике, именно в это время хочется жить. Сама жизнь кажется совсем другой на пороге смерти, ты так много знаешь, но твое время истекло.

Смириться с новой реальностью нет сил, но и нет сил сопротивляться. В этот момент ты вспоминаешь о близких тебе людях. Они становятся твоей частью, и самому тебе некуда бежать, да и ноги дальше не несут.

Я живу воспоминаниями, и мне горько, что они разные. Пришло то заветное время, когда не оправдываешь свои поступки даже перед самим собой.

Мои записи заканчиваются 1945 годом, с него и продолжу. Моя новая работа в Америке была не менее интересна, чем в Германии. Вместе со мной и Клаусом работали еще трое «приглашенных» немцев, наших коллег по немецкой лаборатории Валленштайна.

Характер Клауса стремительно портился, и работать с ним стало почти невозможно. Он обвинял меня в том, что мы остались в Ингольштадте, а не попытались бежать вместе со всеми. Я с ним не спорил, так как это еще больше злило его.

В декабре 1946 года он перерезал себе вены. Я тяжело переживал смерть Клауса, единственного мне близкого человека в последние годы.

Я снова взялся за свой дневник, потому что хочу рассказать, главным образом, об Изабель.

Мы познакомились в городке не далеко от нашей базы. У меня заболел зуб, и я отправился в частную стоматологическую клинику. Так делали большинство наших служащих. На базе был зубной кабинет, но врача называли «гвоздодер», и к нему никогда не было очереди.

Я попал в кабинет к очень красивой молодой женщине. Пальцы ее рук были тонкими и изящными, а голос мягкий и успокаивающий. Я влюбился с первого взгляда. Мы стали встречаться, и я не знал, как признаться, что я физик, выкраденный из терпящей поражение Германии.

Особенно трудно было в этом признаться дочери погибшего на войне офицера. Отец Изабель погиб в 1944 году, а ее мать, не вынеся утрату, не прожила и года.

Но однажды она сама сказала мне, что видит, как я мучаюсь, и тут же «успокоила»: «Весь город знает, что на вашей секретной базе работают немецкие ученые, и вы там разрабатываете электронное оружие».

Я был немало удивлен ее осведомленности. Мы действительно разрабатывали электромагнитные импульсы большой мощности для нарушения радиосвязи и вывода из строя электронных устройств противника.

Мы встречались больше года, но сделать ей предложение меня подтолкнул уход на пенсию нашего «гвоздодера» – стоматолога. Я переговорил со своим начальством и выяснил, что база охотно пригласит Изабель на эту должность. Все сотрудники военной базы и так лечат зубы в городе и стараются попасть к лучшему врачу клиники, а это Изабель. О моем романе с доктором, к моему удивлению, знали все мои коллеги.

Я очень волновался, предлагая Изабель выйти за меня замуж, но она сразу же согласилась и обрадовалась, что для нее есть вакансия на нашей базе. Впервые за долгие годы я почувствовал себя нормальным человеком со своими маленькими человеческими радостями.

У меня, конечно, были женщины, но я никогда не влюблялся и не терял головы. В Ингольштадте у меня даже был служебный роман с одной ассистенткой, длившийся почти два года, но это были отношения двух одиночек, симпатизирующих друг другу.

Любовь – это довольно странное ощущение, она ничего не имеет общего с влюбленностью, с собственными завышенными ожиданиями. Иллюзии рано или поздно рассеиваются, и ты рядом с собой видишь совсем не того человека, которого себе придумал.

Любовь это дар, приходящий к тому, кто его ищет. Это абсолютное самопожертвование, которое не отягощает, а наоборот питает тебя неземной энергией.

По моим наблюдениям, подавляющее число супружеских пар с годами становятся добрыми соседями, но этого как раз я не желал себе и Изабель. Как инженер я понимаю, что можно построить конструкцию, которую надо все время ремонтировать, а при ремонтнепригодности менять на новую. Но есть сооружения, в которых запас прочности превышает жизненную необходимость, и они всегда удостаиваются восхищения. Запас любви и прочности в наших отношениях был, несомненно, многократный, рассчитанный на целых три жизни.

Я не мог не отвлечься на это лирическое отступление. Это важно, чтобы понять ход дальнейшего повествования и мотивацию моих поступков.

Мы планировали очень скромную свадьбу, но, в результате, на торжество собралось более трехсот человек. Начальник базы, полковник Самуэль Флин, вызвался организовать это мероприятие, и я не мог ему отказать. У нас с ним сложились почти дружеские отношения, какие только возможны у начальника с подчиненным. И за вакансию для Изабель я был очень ему благодарен.

До последнего момента ни я, ни моя невеста не представляли себе, как будет происходить наше бракосочетание, мы полностью доверились Самуэлю Флину. За две недели до торжества всем гостям прислали приглашительные открытки. Получив такую открытку, я был немало удивлен: адреса не было, нарисована была только схема проезда к месту посреди пустыни, между городом и нашей базой.

В отчаянии я сел в машину и направился туда. Меня охватил ужас, когда я увидел девственную пустыню там, где предполагалось бракосочетание. Вернувшись на базу, я сразу бросился к Флину и потребовал объяснений. Но полковник обнял меня и сказал, что это сюрприз, подарок от всего персонала базы.

Я очень волновался и поделился своими сомнениями с Изабель, но она меня успокоила, проговорившись, что немного в курсе происходящего и беспокоиться не о чем.

В субботу, в день свадьбы меня попросили пройти в одну из наших подземных лабораторий и не мешать приготовлениям. Я сидел в пустом зале на глубине пятидесяти футов и впервые за столько лет ничего не делал, просто сидел и ждал, когда меня позовут.

Через 1 час 42 минуты меня вызвали наверх. Солнце уже спускалось за горизонт. Полковник сидел за рулем своего джипа и, хитро улыбаясь, пригласил меня сесть в машину. Мы ехали молча и через пятнадцать минут уже в полутьме передо мной развернулось фантастическое зрелище. Я не мог узнать это место, хотя понимал, что это именно тот участок, который я увидел пару недель назад.

Громадные бледно желтые шатры были освещены яркой красно-белой иллюминацией. К своему удивлению, выйдя из машины, я почувствовал под ногами твердую почву. Мой обескураженный вид настолько рассмешил полковника, что он не сразу смог выдать из себя: «Все это стоит на двенадцати песчаных понтонах, ну и специальная техника обеспечения тоже здесь. Вода, электричество и туалеты, правда, полевые. Для женщин, кстати, выделили абсолютно новые, со склада, уверен им понравится».

Нас встретили аплодисментами. Сначала мне показалось, что собралось больше тысячи человек, но, быстро пересчитав шатры и гостей в первом из них, получилось около трехсот. Почти все сотрудники нашей базы приехали меня поздравить и полсотни городских, с некоторыми из них я был знаком.

Изабель появилась в ослепительном белом платье, словно ангел, спустившийся со звездного неба. Священник прочитал свою трогательную речь, мы обменялись кольцами, и в этот момент темноту разрезали сотни сигнальных осветительных ракет. Это было небывалое зрелище, самый красивый фейерверк в моей жизни.

Изабель призналась мне, что все мероприятие подготовлено с ее участием, и пусть меня не смущает, что на столах обычные блюда соседствуют с солдатской тушенкой, это тоже изюминка торжества.

Этот вечер я плохо помню. Многочисленные поздравления соединились для меня в единый гул праздника. В четыре часа утра нас с Изабель отправили на базу, а гости остались веселиться до рассвета.

Через год после свадьбы Изабель забеременела. Беременность протекала тяжело, и при родах ее не стало. С тех пор моя жизнь разделилась на «до» и «после». Мы были так счастливы вместе, что это вряд ли можно передать словами. Она была совершенством во всем, хотя сейчас я вспоминаю, что Изабель не умела готовить и, наверное, что-то еще не умела делать, но это для меня не имело никакого значения.

Это главная запись в моей жизни, мое признание в любви к самой потрясающей женщине на земле.

Можно иметь симпатии, меняющиеся от внешних обстоятельств. Допустимо быть увлеченным, следуя собственным или приобретенным постулатам. Но приходит момент осознания, выбора. Если ты неподготовлен, то решение задачи не может быть верным.

Для человека самым сложным является проблема выбора, это проявляется на протяжении всей его жизни. Мужчина и женщина, созданные друг для друга, являются одним целым, монолитом в пустоте подобных связей.

Нельзя любить дважды или многократно, можно испытывать эйфорию влюбленности, ожидания и осознания законченности поиска. Но рано или поздно любой из нас понимает, нашел он ЭТО или нет.

Эта странная штука заложена в каждом из нас независимо от вероисповедания, образования или взглядов на жизнь. Рождение, смерть и любовь уравнивает всех нас. Рождение и смерть предначертаны, а любовь – наш собственный выбор, доступный, правда, единицам. Я по-прежнему люблю тебя Изабель!

Я виноват перед своим сыном Роном, что почти не уделял ему внимания. После смерти жены я находил спасение лишь в работе. Когда Рон вырос и уехал учиться, я понял, что теряю последнюю ниточку, связывающую меня с Изабель. Но тогда я уже ничего не мог поделать. Мои исследования и эксперименты сделали меня известным в узком кругу военных специалистов. Я стал носителем важной информации.

Почти сразу после отъезда сына в Нью-Йорк меня перевели сначала в крупный военно-технический исследовательский центр в штате Алабама, а затем на секретный завод в горах Колорадо.

Моя жизнь изменилась, каждый мой шаг контролировался. Все мои контакты отслеживались. Я стал собственностью Соединенных Штатов Америки или, как шутил начальник моих надсмотрщиков, ее достоянием.

Тогда я решил не портить жизнь Рону и максимально удалиться от него. Это было нетрудно сделать, так как мы к этому времени и так не общались. Он мне писал на старый адрес в Аризону, эти письма пересылались мне, но я на них не отвечал.

Со временем мне удалось перевестись в Исследовательский Центр Массачусетского Технологического Института, в мою Альма-матер. Университет был все тем же оплотом передовой технической мысли Америки, как и прежде. Наконец, я окупился в нормальную жизнь, хотя по-прежнему занимался все той же работой, что и прежде. Но теперь я жил не на обособленной территории, а среди обычных людей. У меня появился собственный дом.

Переломным моментом моей жизни стало известие о женитьбе Рона. Нет не сама женитьба, а неожиданное непреодолимое желание изучить дневник моего отца. На протяжении нескольких лет я брался за его чтение и бросал, это было не описание жизни, а некий путеводитель в потусторонний мир, что меня тогда совершенно не интересовало.

На первый взгляд это два абсолютно не связанных между собой события. Известие о женитьбе сына успокоило меня, я почувствовал скрытые во мне семейные узы, от которых долго отмахивался. Возможно, вскоре я и сам стану дедушкой.

Я стал вспоминать своего отца, наши с ним отношения и о том, как, в сущности, я мало знал его.

Я стал вечерами разбираться в его записях и постепенно пришел к выводу, что он занимался настоящим исследованием, а я трачу время впустую. По данным, находящимся в дневнике отца, я стал строить математические модели, и некоторые из них были удивительны.

В этих записях было непросто разобраться. Иногда он странным образом предавался, казалось, отстраненным воспоминаниям и уходил от описания того или иного события.

Повествуя о быте африканской деревни, он неожиданно вспоминает свою встречу с Карлом Хаусхофером.

«... я понимаю, почему Хаусхофер входит в ближайшее окружение Гитлера и так им обласкан. Карл не ученый, он царедворец, выдергивающий из контекста нужные ему цитаты. Он до конца не понимает слово «арий», но рассуждает об истории арийской нации. Конечно, интересна история утраченной Гипербореи или Атлантиды, как кому нравится ее называть, населенной древними арийцами. Многие древние трактаты говорят о том, что арии прилетели на землю с планеты из звездной системы Альдебарана, а с наступлением ледникового периода построили подземные города. Но какое это имеет отношение к сегодняшней Германии, я не понимаю. Хаусхофер уверяет, что атланты разделились на две группы – Агарта и Шамбала. Шамбала – отрицательные герои, а Агарта – положительные. Можно продолжать и дальше весь этот бред, придуманный для толпы. Но Карл вполне серьезно предложил мне работу в этой области, в секретной организации. Вероятно, он имел ввиду организацию «Аненербе», возглавляемую колоритным Вольфрамом Зиверсом. Я, конечно, отказался, ссылаясь на занятость в собственных проектах».

Далее отец, как ни в чем не бывало, продолжает рассказ об африканской деревне, размышляя о том, почему стены хижин укреплялись смесью коры и белой глины, которая в этих местах употреблялась местным населением в пищу.

Делая копию старинной карты, найденной в Непале и подробно описывая ее в дневнике, он неожиданно на полях помечает следующее: «Эрнст Шеффер неплохой парень и ему удалось то, что другим не удастся еще долгое время. Он добрался до Лхасы, и тибетский регент Квотухту разрешил ему снять фильм о ранее секретных ритуалах и магических практиках. Тибетский лидер даже написал письмо Гитлеру, где называл его королем. Эрнст говорил, что фюреру это очень понравилось. Я спросил его, почему королем, а не царем или императором. Мне кажется, тогда Шеффер задумался над моими словами, но разговор перевел в другую плоскость».

Отец обратил внимание на то, что мудрый Квотухту называет Гитлера королем, а не царем или императором, и подчеркивает этот его статус. Ведь король – глава лишь одной из территорий внутри империи, которой правит царь или император.

Многочисленные экспедиции убедили моего отца, Александра Рунге, что в нашей истории что-то не так. Не сходятся «гаечки с винтиками». Огромное количество исторических нестыковок либо игнорируются, либо фальсифицируются в угоду заказчику.

Особое место в его записях уделялось теории портала, своего рода машины времени во вселенной. Он упоминает о двух старых картах, почти идентичных, увиденных им на разных континентах, где, по его мнению, отмечены местонахождения порталов.

Впервые такую карту ему показал в 1938 году двадцатишестилетний король Ирака Гози I. Узнав, что в Багдад прибыли немецкие исследователи, он пригласил всю экспедицию, состоящую из восьми человек, к себе во дворец. Сначала король поинтересовался сегодняшним положением Германии, затем стал расспрашивать о целях экспедиции.

Его заинтересовали исследования Александра Рунге, и он рассказал отцу, что его особенно привлекает все таинственное и сверхъестественное. После ужина король пригласил его в свой кабинет, где и показал странную карту.

Никто в ближайшем окружении короля понятия не имел, что за черные кружочки оккупировали поверхность карты. Это была карта мира, явно недавно сделанная. Она являлась очевидной копией старой своей предшественницы. Король предположил, что глава немецкой экспедиции сможет пролить свет на загадочные черные кружочки на ее поверхности, но мой отец лишь развел руками. Копию карты монарх не позволил сделать.

Однако всего через год новая экспедиция Александра Рунге в Южную Америку вновь столкнулась с такой же картой, начертанной на каменной стене в полуразрушенном подземном храме. Отец сделал ее подробную копию. Новая карта содержала рисунки, отсутствующие на копии короля Ирака, которую отец хорошо запомнил.

На одном из рисунков стоял человек, из головы которого исходил луч, уходящий в звездное небо. Другой конец луча принимал ангел с огромными крыльями. Еще одна

картинка показывала человека и ангела, парящими среди звезд. Вероятно, это было земное окно для общения с другим миром. Возможно, черные кружки показывали месторасположение этих порталов на Земле.

Из записей я узнал, что отец прошел обряд посвящения в Северной Индии. После ритуала он мог предсказывать события и выбирать «свою» дорогу. Мне было нечего терять, и я решился пройти тот же обряд посвящения, не зря же отец описал его столь подробно. Честно говоря, я не особенно верил во все эти сказки.

Для проведения обряда не требовался никакой гуру, скорее это напоминало инструкцию к стиральной машине. Я все сделал в точности, как описывалось в его дневнике.

В первые дни после проведения обряда кроме сонливости я не испытывал ничего особенного. Но потом появилось странное чувство тишины, спокойствия и легкости. Это состояние трудно описать. Это примерно то же самое ощущение, когда приходишь на экзамен и знаешь все экзаменационные билеты. Тебе все равно, о чем тебя спросят, но ты ждешь этого момента просто для того, чтобы уйти с экзамена с нужным результатом. Ты не победитель, это просто данность, и тебе немного скучно от всеобщей суеты.

Свои научные работы я стал делить: «для них» и «для себя». В университете я занимался привычной работой, а дома полностью уходил в собственные исследования и эксперименты. Мир стал простым и понятным, но в одночасье рухнул, когда я получил письмо Рона. Он написал, что моя внучка Эмма, плоть и кровь Изабель, умирает.

Из дневника отца я знал, что некоторые посвященные могут возрождать угасающую жизнь, но в большинстве случаев жертвуя своей. Моя жизнь была мне не нужна, и я отправился к Эмме.

Жена сына встретила меня довольно холодно, но сам Рон был рад моему неожиданному визиту. Я убедил его, что смогу помочь внучке, и он согласился на обряд ее посвящения, который прошел его дед и я.

К моему сожалению, Мария и Рон вернулись слишком рано и застали меня в процессе ликвидации последствий ритуала. Однако мои усилия были не напрасны, и девочка выжила.

Все больше времени я посвящал изучению дневника отца. Искал старые книги, карты, стал постоянным посетителем букинистических магазинов. Мне открывался новый, невероятный, неизведанный мир.

Мои коллеги в научном мире, так же как и я, жили в плену устоявшихся аксиом, не замечая роли самого человека в стремительно меняющемся мире. Для меня стало очевидным присутствие новых физических законов и положение человека как самодостаточного импланта, внедренного для освоения новой территории.

Самым тяжелым испытанием после смерти жены стала для меня смерть сына. Я снова стал спасаться в работе. Но работа меня не радовала как прежде, и раздражала опека моей персоны со стороны спецслужб. Единственной отдушиной оставались мои собственные изыскания.

К сожалению, я имел неосторожность выдвинуть теорию космического окна и даже обосновать ее. Я это сделал в кругу своих учеников и коллег на одной неформальной вечеринке. К моему удивлению, этой теорией заинтересовались секретные службы.

Я дважды имел беседу с неким господином Козном, который, как мне показалось, говорил намного меньше, чем знал. Наши беседы были довольно откровенны в той степени, в какой это было возможно. Он легко ориентировался в последних достижениях физики и математики, и было совершенно очевидно, что передо мной незаурядный человек.

Но было в нем что-то неприятное, наверное, его взгляд – жесткий и колючий. От него тянуло холодом и пустотой, как из давно забытого старого деревянного погреба.

Из нашей беседы я понял, что не один я занимаюсь теорией портала, и что это интересно правительству США. Но на его предложение поработать в этой области я ответил отказом, сославшись на плохое здоровье. Какой-то внутренний предохранитель не позволил мне согласиться на его предложение.

Я стал более активно интересоваться теми, кто так же, как и я, занимался поиском дверей в другой мир. Пользовался я в основном открытыми источниками информации, но некоторые сведения «подсовывал» мне господин Козн.

Мне это стало понятно, когда «случай» столкнул меня с господином Фулером, считавшим себя последователем Джона Уайтсайда Парсонса. Фулер отчетливо дал понять, что знаком с Козном.

Про Парсонса я, конечно, слышал, но никогда его не встречал. Это был серьезный ученый, сделавший немало в области технологии ракетного топлива. В его честь даже назван лунный кратер. Он трагически погиб при странных обстоятельствах в 1952 году.

Фулер, как бы между прочим, упомянул, что главной страстью его наставника был поиск связей с другими мирами. Мистицизм привел Парсонса в лоно Ордена Восточных Тамплиеров в 1939 году. В свои двадцать шесть лет он сразу стал восходящей звездой ордена. После окончания войны судьба свела его с Л. Роном Хаббардом, будущим основателем сайентологии. Вместе они занимались магией, и Парсонсу, по его словам, открылся канал космической связи. Но вскоре обстоятельства личного характера сделали их непримиримыми врагами – Хаббард увел у Парсонса его законную жену.

Фулер еще долго смаковал подробности личной жизни Парсонса, пока я, наконец, не спросил его напрямую, чем я все-таки могу быть ему полезен. Он сделал вид, что засмутился, затем извинился, что вынужден ходить вокруг да около.

Фулер признался, что Хаббард и Парсонс особое внимание уделяли нумерологии. После смерти Парсонса осталась загадочная надпись, начертанная на стене его домашнего кабинета: «Лунный свет знаний – 37(0)37». Все это крайне странно. Ничего мистического в этом числе нет, хотя оно и может рассматриваться как математический фокус.

Мне кажется, я разочаровал своего собеседника. Фулер явно ожидал, что я заинтересуюсь его рассказом и числом 37037. Но я не выразил интереса и назвал все это ерундой.

Однако через несколько лет после нашей встречи я пожалел о том, что проигнорировал Фулера и не уделил этому вопросу больше внимания. Но все попытки найти этого человека закончились неудачей. Никто о нем ничего не знал. Он появился из ниоткуда и исчез в никуда.

В 1988 году я уволился из университета. Дома я продолжал работать над теорией космического окна – энергетического сгустка, места взаимодействия с другими мирами вселенной. Расшифровка дневника отца давалась мне непросто, приходилось много читать и оценивать информацию под другим углом зрения.

Многие вещи мне не были до конца понятны, в частности описание отцом найденной им старинной немецкой гравюры. «Нет сомнений, что перед нами разворачивается важнейшее библейское событие в истории человечества – казнь Иисуса Христа. На переднем плане гора Голгофа, солдаты и осужденные на смерть, вдали мы видим крепостные стены и реку. Нет никаких сомнений, что это река, вооруженным глазом видны даже небольшие лодки».

Незадолго до того, как я попал в больницу, мне совершенно случайно удалось купить репринтную копию первого английского издания книги Исаака Ньютона, вышедшей в 1728 году. Я был потрясен прочитанным, эта книга во многом подтверждала мои собственные умозаключения. Изучив ее, я позвонил Штольцу и порекомендовал ему ознакомиться с ней. Какого же было мое удивление, когда он сообщил мне, что не нашел самой книги и даже упоминания о ней в специализированных книжных каталогах. Я был удивлен и отправился в магазин, где ранее приобрел ее. Хозяин лавки, пожилой индус, подтвердил слова Штольца. Действительно, некоторое время назад тираж книги был отозван издателем, а купленные магазином экземпляры выкуплены за двойную цену. Хозяин лавки из уважения к нашей многолетней дружбе шепнул мне, что книга наверняка изъята по требованию спецслужб, и он с таким однажды уже сталкивался. Такой поворот событий подвиг меня вновь перечитать «Сэр Исаак Ньютон, Измененная Хронология Древних Королевств» («SIR ISAAC NEWTON: THE CHRONOLOGY OF ANCIENT KINGDOMS AMENDED»).

Великий математик, физик, астроном, создатель классической механики, основ дифференциального и интегрального исчисления, человек, открывший закон всемирного тяготения и построивший теорию движения небесных тел, подвергся насмешкам со стороны историков и коллег за свой анализ исторических дат и событий. Он значительно опередил свое время, но до сих пор его немногочисленные последователи подвергаются жестким нападкам так называемых «классических историков».

Эта и другие подобные книги позволили мне разобраться во многих записях отца. Несмотря на свой преклонный возраст, я стал готовиться к посещению Иерусалима. Отец оставил следующую любопытную запись, переведенную им с арабского манускрипта: «Со священной горы, где распяли царя царей, по правую руку останется священный город, а по левую будет Храм Царей в новом городе».

Моя дряхлая мирская оболочка не выдержала, и я попал в больницу незадолго до моего девяностолетия. Я желал смерти и покоя, но стоило мне туда попасть, как я увидел Эмму. Девочка была так взволнована! Больше получаса, обращаясь к моему бесчувственному телу, она говорила, что любит меня и желает моего выздоровления. Она рассказала, что в ее жизни произошло в последние годы, о том, что мой сын Рон, ее отец, незадолго до своей трагической смерти просил их с матерью позаботиться обо мне, когда придет время.

Эмма была так похожа на Изабель и так не похожа! У Эммы были красивые волнистые рыжие волосы и зеленые глаза. Немногочисленные веснушки придавали ей столько шарма и столько же милой детскости. Она была взрослой девушкой и ребенком одновременно.

С Изабель ее объединяли красивые тонкие черты лица, широкие опьяняющие скулы и улыбка, необычайная радужная улыбка, какая бывает только у ангелов.

И мне снова захотелось жить, чтобы снова и снова видеть ее. Но все, с кем я когда-либо общался, подвергалось пристальному вниманию спецслужб, и такой участи я не хотел для внучки. Я не выразил никаких эмоций при ее появлении и начал собственный процесс реабилитации только после ее отъезда.

Я часто говорю с Изабель. Она все так же молода и прекрасна. Я ей рассказал о визите Эммы, о том, как она похожа на свою бабушку. Я впервые за долгие годы получил облегчение, я заплакал, зарыдал, правильнее будет сказать. Мне казалось, что я разучился плакать, мои слезы навсегда высохли после смерти Изабель. Слава Богу, это не так.

Я буду жить до тех пор, пока со мной говорит моя прекрасная жена, запрещая мне присоединиться к ней. Неправду говорят люди, что боль утраты проходит, она не проходит никогда. В нас встроены механизмы, позволяющие идти дальше после смерти любимых людей. Этот предохранитель одним позволяет жить за двоих, другим освободиться от обязательств.

Самое дорогое, что у меня есть в этом земном мире, это Эмма, моя кровь и плоть. И со мной всегда мой отец Александр, моя любимая женщина Изабель, мой мужественный сын Рон. Разве этого мало?

Я живу, потому что я знаю, что у них все хорошо. Я стал абсолютно счастливым человеком. Я жду, когда придет время воссоединиться с Изабель и Роном. Я не тороплю свой переход, стараюсь привести в порядок все свои дела и довести дело своего отца до логического конца.

Я не чувствую сил посетить Иерусалим и поэтому ограничусь теоретическими выводами. В заключительной части своего послания я бы хотел подвести предварительный итог наших с отцом исследований. Переходные окна, так называемые порталы, наверняка существуют. Мой отец Александр Рунге дает описание, как найти их. Судя по всему, речь идет о четвертом, временном измерении. Портал – это отчасти машина времени, но совсем не такая, какой она описывается в фантастических рассказах.

Портал не может перенести нас в привычном понимании в прошлое или будущее. Сила его заключается в запуске событий, которые имеют к вам непосредственное отношение. Масштаб этих событий зависит отчасти от самой личности, вошедшей в контакт. Но он также регулируется и ограничивается сводом определенных законов.

Отец обращает внимание на некий феномен: порталы это всегда фундаментальные и, что самое интересное, рукотворные сооружения. Те, кто их строил, хорошо понимали их предназначение.

Многочисленные старинные трактаты сообщают о том, что на Земле всегда находятся особые люди с очень высокой степенью посвящения. Сменяя друг друга, они несут тайные знания. Это ничего не имеет общего с так называемыми тайными обществами. Здесь речь идет о какой-то неведомой нам силе. Именно эти люди руководили строительством порталов и умели ими пользоваться.

Мой отец нашел интересную наскальную надпись (уверен, что расшифрована она правильно) в том месте, где он обнаружил карту с нанесенными на нее «окнами». В ней говорится о том, что «дома» (здания), предначертанные для контакта, постоянно посещает много людей, не подозревающих об истинной силе этих построек.

Видимо, все эти сооружения религиозного характера. На одном из рисунков, сделанных моим отцом, изображена процедура инициации. Это очень странный и интересный рисунок.

Отец также нашел сведения, указывающее на то, что войти в портал может не только высоко посвященный. Если человек сумеет добыть некие предметы, то он сумеет открыть это запретное окно.

Александр Рунге считал, что он отыскал эти предметы. Он указал, как их найти своими рисунками и записями в своем дневнике.

Процедура перехода в другое измерение выглядит так: «Стоять необходимо в том месте, где ветры смогут дуть навстречу друг другу, и быть центром движения вверх. Чужая планета, глядящая неотрывно, должна полностью раскрыться. Копье должно поразить «Карту Рома» и совершить полный оборот вокруг себя».

Отец также дает дополнительную инструкцию: «Карта Рома» хранится в Храме Царей, в месте, где склоняли головы великие государи. В месте, где принимали они на себя бремя правителей, стоя в центре вселенной, подобно Солнцу. Сокрыта «Карта Рома» на виду у всех, в том предмете, который не всегда встретишь в других подобных местах. На него укажет выпущенная стрела. Открыть сей предмет просто, зная, что колесо времени крутится навстречу себе самому. Одному человеку это неподвластно.

Копье обретет свою силу в священном потерянном городе. Тот, кто откроет окно в другой мир, должен встать лицом к священной горе так, чтобы бегущая вода была по правую руку, и сжать копьё пальцами левой руки».

Мне также кажется необходимым привести некоторые рассуждения моего отца и рассказ о человеке, встреченным его экспедицией в Индокитае. Вот эта запись, привожу ее полностью: «Чтобы ответить на многочисленные вопросы, вставшие передо мной, мне пришлось долго идти к пониманию того, что нет людей плохих или хороших. Мы сами делаем их таковыми. У самого отпетого негодяя найдутся мать и сестра, считающие его самым добрым и заботливым мужчиной. Все люди являются заложниками своих собственных заблуждений, и они готовы забрать жизнь другого человека, ради процветания своей собственной».

Самая страшная болезнь человека – зависть, она съедает его изнутри. Кто-то из нас возмущен карьерным ростом своего коллеги или знакомого, считая себя более достойным для житейских изменений к лучшему. Кто-то сетует на судьбу, не дающую ему физических возможностей противостоять обстоятельствам. Кое-кто из нас требует решить проблемы с помощью высших сил, исключая из процесса собственное участие.

Наша главная задача – победить зависть в самом себе, и тогда мы увидим совсем другой мир, не похожий на вчерашний.

В 1939 году мне выпало счастье столкнуться в горной труднодоступной части Индокитая с небольшой группой французских Иезуитов. Семеро мужчин больше трех лет странствовали по стране, следуя пути своего необычного учителя. Имя наставника Жан Лерой, пятидесятилетний доктор философии Парижского Университета. Сопровождавшие его мужчины были возрастом от 30 до 40 лет. Этим людей вполне можно было бы назвать группой европейских исследователей, если бы мне они не представились именно так – французские Иезуиты.

Их снаряжение было первоклассным, все выглядели здоровыми. Нас немцев было пятеро и семь человек сопровождающих, набранных нами из местного населения.

Встретили нас приветливо. Лагерь французов расположился у развалин старого храма-крепости, и здесь они находились больше недели.

Жан Лерой оказался очень интересным собеседником. Родился он не далеко от этих мест в 1888 году в Камбодже. В это время страна находилась под французским протекторатом. Отец Жана был доктором, его мать медсестрой, и они оба с утра до вечера пропадали в больнице, открытой для местного населения. В четыре года его кхмерская няня умерла, и ее место занял пожилой монах из секты Тхаммаютникай. Монаха звали Сун, и он все свое время проводил в больнице, помогая супругам Лерой.

Заслужив безграничное доверие родителей маленького Жана, он стал его воспитателем. В семь лет мальчик пошел в школу, организованную французской миссией, и к этому времени свободно изъяснялся с местным населением на их языке. Монах Сун опекал Жана вплоть до его отъезда на Родину в 1902 году. Монах научил маленького Лероя говорить с самим собой и получать ответы на любые вопросы.

Француз показал мне эту технику, но объяснил, что устойчивый результат можно получить только через месяцы тренировок. Это действительно любопытно и помогает сосредоточиться. Суть упражнения очень проста – ты задаешь мучающий тебя вопрос и как бы вдыхаешь его в себя. Затем ты помещаешь его в сердце и на 5-7 секунд задерживаешь дыхание, выдыхаешь с уверенностью, что ответ уже есть.

Закончив во Франции школу и университет, Жан Лерой уехал на работу в Китай, где прожил шесть лет.

Он путешествовал по миру, но вернулся в 1919 году в истощенную войной Францию. Здесь он познакомился с теологом и философом священником иезуитом Пьером Тейяр де Шарденом. Они много общались, Пьер с наслаждением слушал рассказы Жанна о загадочном Индокитае и особенно о годах, проведенных в Китае.

К этому времени Тейяр де Шарден уже написал свое знаменитое эссе «Духовная сила материи», которое вдохновило Лероя на занятия философией и мистикой. Жан занимался преподавательской деятельностью и много читал. В 1928 году он впервые выступил с лекцией «Как найти себя». У него появились сторонники и ученики.

Лерой написал книгу «Возрождение ордена Иезуитов» и она стала пользоваться большой популярностью. В 1934 году он принял решение вернуться в Индокитай и начать миссионерскую деятельность. Финансово его поддержали несколько богатых последователей. Через полтора года удалось осуществить задуманное, он и несколько его учеников начали свое путешествие.

Четыре дня я и мои товарищи провели в обществе французов. Я рассказывал о местах, которые мне удалось посетить, а Лерой о приключениях, выпавших на его долю.

Философские взгляды иезуита были мне близки и интересны. Я записал несколько цитат, услышанных из его уст. Не знаю, принадлежат ли все эти высказывания ему самому, или некоторые из них где-то заимствованы. Впрочем, это неважно.

Не проси у бога того, что не можешь исполнить.

Не верь страждущим. Разве они познали истину?

Лжепророки даруют то, чего не имеют.

Родители. Возьми на себя заботу о них. Ты сам их выбрал.

Цени друзей своих. Они тратят на тебя время.

Не облагай данью близких тебе. Даруй им себя без корысти.

Давая деньги в долг, ты в долгу у должника.

Не имей с друзьями дел денежных? Но что за друзья, коим доверять нельзя малого.

Просящий совета почти никогда не нуждается в нем.

Гордыня, как посох в руках – всегда на шаг впереди своего хозяина.

Вершина горы пуста и холодна. Одинок покоривший ее.

Гнев твой, как лавина. Освобождает тебя, но накрывает других.

Видеть чужие мысли – то же, что без одежды быть в стужу.

Слуга и господин не сравниваются, а могут лишь местами поменяться.

Говоришь о нем – убогий. Так кто из вас ближе к Богу?

Мы тепло попрощались с Жаном Лероем и его спутниками. Перед расставанием он обнял меня и прошептал на ухо: «Чтобы заглянуть в другой мир, нужно скинуть тяжесть грехов в эту минуту. Я буду молиться за вас.» Не знаю, почему он так сказал, и что в действительности имел в виду, но если предположить, что он догадался, что именно я ищу, то его слова обретают совсем другой смысл.

Я думаю, что перед началом перехода в другую реальность надо покаяться, попросить прощение, как это предписано делать людям на смертном одре. Вероятно, это мысленное очищение вызывает определенное состояние организма, некий волновой процесс».

Проснувшись от шума на улице, Эмма с удивлением обнаружила себя одетой на диване, рядом с раскрытыми записями деда. На часах было 6:35 утра.

Много нового она узнала о старом Рунге, но еще больше возникло вопросов. Почему именно на нее свалилось это нелепое приключение, унесшее жизни людей, и подбирающееся к ней вплотную.

Сначала она злилась на деда, оставившего ей эту проклятую рукопись, затем на себя за свою болтливость, но, в конце концов, стала злиться на детектива Мартенса, бросившего ее в этом паршивом отеле и не появлявшегося больше суток, хотя обещал приехать на следующий день.

Надо было позвонить матери, она, возможно, узнала из газет, что в доме покойного Карла Рунге произошло убийство. И убийцы могли к ней наведаться. Эмма похолодела, только сейчас она ощутила всю ответственность за свои поступки.

Мартенс сказал, что звонить нельзя, но если это сделать быстро из другого, соседнего здания? На часах было почти семь утра. Женщина приоткрыла занавеску, плотно закрывающую окно, и осторожно оглядела узкую улицу. Напротив гостиницы находился маленький продуктовый магазин. Слева от него метрах в тридцати стояла телефонная будка, но рядом банкомат, а это значит, там была камера видеонаблюдения. Справа автобусная остановка и несколько ожидающих граждан, а за ней большие открытые ворота, около которых стояло на погрузку несколько автомобилей.

Эмма осторожно спустилась в холл гостиницы, который оказался безлюден. Подошла к стеклянным входным дверям, запертым на засов. Самым трудным оказалось обезвредить колокольчик, сопровождавший своей трелью открывание двери. Она подтащила стул и, ловко забравшись на него, обмотала носовым платком язычок колокольчика. Тяжелый засов открылся на удивление легко и бесшумно.

Перебежав улицу, женщина подошла к остановке автобуса. Пожилая пара сидела внутри остановки на скамеечке. Молодой крепкий африканец в потертом джинсовом костюме ловко щелкал по клавиатуре своего сотового телефона. Две девушки, на вид студентки, уткнулись в большую тетрадь, о чем-то тихо споря. Убедившись, что до нее нет никому никакого дела, Эмма незаметно вставила в телефон SIM-карту и батарейку. Стараясь быть спокойной, она набрала Нью-Йоркский номер матери.

– Алло! Мама!

– Эмма! Наконец ты позвонила! Я с ума схожу! Что происхо...

– Мама! У меня мало времени, объяснения оставим на потом. Со мной все в порядке.

Молодой негр лениво обернулся в ее сторону, и Эмме пришлось сделать несколько шагов от остановки.

– Не волнуйся, я тебе перезвоню, когда все уладится!

Эмма захлопнула свой телефон-раскладушку и огляделась. Она стояла у тех огромных ворот, где были припаркованы автомобили. Вокруг стояли тележки с пачками свежей напечатанной утренней газеты. Она сунула телефон в середину бумажной пачки и быстро отошла к остановке. Из прочитанных детективов, она знала, что плохие парни бросятся за запеленгованным сотовым телефоном и потеряют ее след.

Подошел автобус, и Эмма, стараясь не обращать на себя внимания, спокойным шагом направилась в гостиницу.

Испугав женщину, дверь перед ней раскрыл заспанный Лу.

– Хитро, мэм, указывая пальцем на колокольчик, – процедил хозяин отеля.

– Извините, так получилось, – растерялась Эмма.

– Мне показалось, вы звонили по телефону?

– Нет, то есть да! Но телефон я сунула в пачку газет, и сейчас он уедет куда-нибудь.

– Мэм, простите за откровенность, но это неумный поступок. Вас ищут. Телефон быстро найдут и приедут на то самое место, откуда вы позвонили, к типографии выпускающей местную газету. А здесь на три квартала только моя гостиница. Быстро собирайте ваши вещи, и мой сын Тони вывезет вас в безопасное место.

Эмма бросилась вверх по лестнице к своему номеру. Побросав свои немногочисленные вещи в сумку, она бегом спустилась и буквально столкнулась с молодым черноволосым парнем. Он взял ее сумку и молча вывел через черный ход. Во дворе стоял маленький потрепанный грузовичок.

Сев в машину женщина прошептала:

– Спасибо.

– Не стоит, мэм, – улыбнулся в ответ молодой человек, – не вы первая, и не вы, увы, последняя.

Эмма с удивлением наблюдала, как ловко Тони вел машину. Автомобиль нырял в переулки, едва протискиваясь по задним дворам ресторанчиков и магазинов. Судя по словам парня, она не первая, кто, сломя голову бежит из отеля, и маршрут эвакуации отработан до мелочей.

Минут через десять они въехали в большой заброшенный ангар.

– Вот и все, мэм, – с гордостью произнес Тони. – Доставил вас в лучшем виде. Вы сидите в машине, а я покурю на входе. Будем ждать вашего друга.

– Какого друга?

– Но это, мэм, вам виднее.

Молодой человек ушел, и Эмма осталась одна. «Что за друг? Наверное, это Мартенс. Какая же я дураха, подвела людей, которые мне помогали. И сын хозяина рискует, но вида не подает. Но позвонить надо было. Правда, Мартенс, наверняка, придумал бы другой способ, как сообщить матери, что со мной все в порядке...»

Свист тормозов испугал, а затем и успокоил женщину, это была машина детектива. Поравнявшись с грузовичком, он жестом пригласил Эмму пересест в свою машину.

– Ну и наделали вы шуму, мисс Рунге! Теперь вам нельзя оставаться в городе!

– И что же мне делать?

– Бежать, мисс Рунге, пока все окончательно не прояснится. Мне удалось договориться с начальником отдела ЦРУ, который вами интересуется. Он утверждает, что все ученые из бывшей нацистской Германии находились под особым контролем специально созданного для этой цели подразделения. Все их контакты среди гражданских американцев проверялись, и при первом же подозрении эти люди попадали в тщательную разработку. Ваш дед последний из этой блестящей плеяды ученых. Начальник отдела, Курт Тейлор, и трое его подчиненных пытались на меня давить, чтобы узнать ваше месторасположение, но два убийства это чересчур, и я попытался с ними поторговаться. Тейлор мне показался честным человеком, умеющим держать слово. Они сами не знают, кто за вами охотится, и не хотят дальнейших осложнений.

– Так кто же убийца?

– Под подозрением, тот, кого вы видели у библиотеки, но ЦРУ отрицает, что это их сотрудник. Может и так, но я уверен, что он из силовых служб или раньше там работал.

– Но за мной по пятам гонится отморозок, каким-то образом, первый узнавший о моей находке?

– ЦРУ готовы заплатить пятьдесят тысяч наличными, неофициально, разумеется, чтобы вы могли отдохнуть несколько месяцев в каком-нибудь уютном местечке, например в Европе, пока они не разберутся в этом деле. Взамен они требуют записи вашего деда.

– Но я не хочу в Европу!

– Мисс Рунге, все может быть намного сложнее. Ваша подруга Сьюзан была завербована ЦРУ десять лет назад, когда ваш дедушка находился в местной больнице. В таких случаях обещают деньги или продвижение по службе. Интересен тот факт, что на протяжении всех этих лет Карлу Рунге раз в неделю кололи укол с витаминами, и делала это ...

– Неужели Сьюзан?

– Именно она, за редким исключением! Наблюдение за вашим дедом продолжалось целых десять лет, и сейчас они не отступят. Боюсь, что вариантов у вас нет. Что за материал вам попал в руки, мисс? Впрочем, ничего мне не говорите, у меня и так хватает неприятностей. Неизвестные нам люди очень хотят получить эти записи, и если вы их отдадите ЦРУ, то они все равно от вас не отстанут, справедливо полагая, что вы тоже неплохой источник информации.

– Что же мне делать детектив?

– Брать деньги и улетать, пока не найдут убийцу и того, кто за этим стоит. Знаете куда отправиться?

Эмма стала лихорадочно думать, куда же улететь. Все складывалось так неожиданно и странно, как будто все это происходит не с ней. Решение пришло неожиданно и поразило полицейского.

– Я полечу в Иерусалим.

– В Израиль? Вы уверены?

Эмма кивнула и с надеждой посмотрела на детектива.

Мартенс криво улыбнулся и достал свой сотовый телефон.

– Алло, это детектив Мартенс. Мисс Рунге готова отдать вам дневник Карла Рунге, но у нее два условия.

Эмма с удивлением посмотрела на полицейского.

– Она полетит в Иерусалим, ей нужен билет на ближайший рейс, и она хочет получить деньги непосредственно перед посадкой в самолет.

Детектив убрал свой телефон и многозначительно посмотрел на женщину.

– Эмма, извините, мисс Рунге. Я хочу, чтобы вы спокойно улетели. Плохое предчувствие не покидает меня, вам надо быть очень осторожной. Эти люди сейчас перезвонят.

– Послушайте, детектив, а если опубликовать рукопись, тогда я стану никому не нужна.

– Может и так, но где гарантия, что вы не утаили еще пару тетрадок. Единственный путь это разобраться в записях и затем ими воспользоваться в нужном вам контексте, чтобы ни у кого не было сомнений, что тема закрыта раз и навсегда... Но на это нужно время.

Эмма взяла ладонь детектива в свою и тихо прошептала:

– Почему вы так беспокоитесь обо мне?

Мартенс вежливо отстранился.

– Мисс Рунге, несколько лет назад я потерял жену и дочь. Я верю, что они в раю, но мне, чтобы попасть туда, предстоит сделать еще очень многое. В своей жизни я часто поступал неправильно. Они погибли в автокатастрофе, грузовик потерял управление и врезался в такси, в котором ехали жена и дочка...

Разговор прервал телефонный звонок. Мартенс внимательно слушал своего невидимого собеседника, односложно отвечая «да» или «нет».

– Эмма, паспорт у вас собой?

Женщина кивнула.

– С этой минуты вас больше не ищут, вы свободны. Правда, мы с вами проявим осторожность, убийца пока на свободе. До рейса несколько часов, и мы переждем это время в надежном месте.

Говоря это детектив, вытащил SIM-карту из телефона и заменил ее на новую. Через пятнадцать минут машина Мартенса въехала в пустую подземную стоянку, строящегося офисного здания.

– Здесь пока нет усилителей радиосигналов и ретрансляторов и, кстати, Эмма, у меня есть подарок для вас, – протягивая ей сотовый телефон, добавил полицейский. – Это на всякий случай, если вам срочно понадобится мне позвонить или что-то сфотографировать на долгую память. А я с вашего позволения немного вздремну.

– Алло, Тейлор только что закончил свою очередную разгромную речь перед нами, и, кажется, дневник нашелся. Абу нужно быть осторожней, его видели у дома Эммы Рунге.

– За него не волнуйся, – в телефонной трубке раздался в ответ хриплый голос с сильным акцентом, – это опытный человек. – Что с записями?

– Все силы местного отделения ФБР и Бостонской полиции были брошены на поиски Эммы Рунге, объявленной в розыск, но все безрезультатно. Полицейский по фамилии Мартенс явно что-то знал о ней, но не шел на контакт. В результате он шантажировал Тейлора, обещая достать записи Рунге в обмен на снятие с женщины всяческих претензий со стороны правительства США. Тейлор кому-то позвонил, видимо, наверх начальству и получил на это добро. Сегодня женщина улетает в Израиль.

– Каким образом Тейлор получит рукопись Рунге?

– Этого я не знаю.

– Почему этот полицейский так заинтересован в судьбе девушки?

– Не знаю, судя по фотографии, она просто красotka.

– По твоему мнению, мог полицейский ознакомиться с содержанием дневника?

– Допускаю.

– А что говорят о Штольце?

– Есть телефонная запись его звонка Абу, Штольц на радостях позвонил ему со своего сотового телефона, но там не к чему особенно подкопаться. Никаких компрометирующих материалов в его доме не нашли.

– Ты мог попасть под подозрение?

– Все сотрудники отдела под подозрением, включая и меня, и это хорошо.

– Важная информация, спасибо. Аллах Акбар.

Машина детектива мчалась в бостонский аэропорт. Мартенс рассказывал Эмме, как она поменяет рукопись на деньги:

– В аэропорту к вам подойдет человек из ЦРУ и передаст деньги, вы в ответ передадите тетрадь, все просто. И еще одно, не хотел вас волновать, но не сказать не могу. После моего разговора Куртом Тейлором из ЦРУ мне перезвонил некий господин, представившийся начальником Тейлора. Он явно был в курсе всех наших договоренностей. Так вот, он угрожал, что не выпустит вас из страны, пока вы не отдадите листы со схемами, которые были в записях.

– Откуда он о них знает? – испугалась женщина. – Я говорила о них только вам, хотя постойте, возможно, я проговорила об этом на встрече со Сьюзан.

– Я так и подумал, – усмехнулся детектив. – Получается, что звонивший мне и есть убийца Сьюзан Бековски или его хозяин. Я пытался дозвониться до Тейлора, но на мои звонки отвечал уже знакомый мне голос. Он объяснил, что теперь переговоры надо вести только с ним. Видимо он использовал эмулятор телефона Тейлора. Несомненно, он работает в ЦРУ и обладает обширными возможностями. Но я уверен, что Тейлор об инициативе этого человека ничего не знает, так что посмотрим, кто кого переиграет.

– Но у меня нет этих листов, – чуть не плача прошептала Эмма.

– Успокойтесь, позвоните мне, когда сядете в самолет, мой номер записан в вашем телефоне.

Аэропорт «Логан Интернешнл» кипел как улей, вокруг было много полицейских. Это обстоятельство успокоило Эмму и придало ей уверенности. Пройдя паспортный контроль и таможенные формальности, женщина удобно устроилась в мясном ресторане в ожидании человека, который должен передать ей деньги.

Время тянулось медленно. Она заказала кукурузные чипсы с крабовым мясом и большую чашку кофе. Ожидая заказа, она украдкой наблюдала за окружающими, пытаясь понять, кто из мужчин может работать на ЦРУ.

За спиной раздался приятный женский голос:

– Извините, вы Эмма Рунге?

Перед Эммой стояла коротко стриженная красивая брюнетка.

– Да, это я!

Женщина, не дожидаясь приглашения, села за столик Эммы и положила на стол пухлый бумажный конверт.

– Госпожа Рунге, здесь обещанные деньги в дорожных чеках Американ Экспресс, от Курта Тейлора. Мне поручено задать вам несколько вопросов.

– Задавайте!

– Хочу вас сразу предупредить, я увижу, если вы мне солжете. При встрече с Майклом Штольцем вы упоминали имя Сьюзан Бековски?

– Точно нет, желание встретиться со Сьюзан появилось после встречи со Штольцем.

– Почему, рискуя карьерой, вам помогал детектив Мартенс?

– По-моему он просто хороший человек. Спросите у него сами.

– Обязательно спросим. И последний вопрос, после получения денег вы передадите мне все бумаги, какие у вас имеются?

– Да, абсолютно все.

– Я вам верю, прощайте, удачного полета.

– Вы меня не спрашиваете, сделала ли я копии с записей? – удивилась Эмма.

– Мой работодатель поручил мне забрать их и только, – загадочно улыбнулась женщина.

Следуя инструкциям Мартенса, Эмма, устроившись на своем пассажирском кресле в салоне аэробуса, набрала его номер.

– Рад слышать вас, мисс Рунге.

– У меня все в порядке, я в самолете.

– Счастливого пути, Эмма! Берегите себя.

На пустынной улице Бостона в автомобиле детектива Мартенса сидел еще один человек.

– Ну что, детектив, мы выполнили все свои обещания, Эмма Рунге в самолете. Очередь за вами. В дневнике Карла не хватает нескольких последних страниц. Вы сказали, что они у вас.

– Да, без проблем, все под вашим сиденьем.

Мужчина вытащил пакет из-под своего сиденья, затем ни слова не говоря, открыл дверцу и выбрался из автомобиля. Не успела дверца захлопнуться, как воздух прорезал едва слышный свист выстрела со стороны улицы.

Аэробус поднялся в воздух, и Эмма, окончательно успокоившись, машинально приложила руку к груди. Ее пальцы ощутили непонятный твердый предмет. Как она могла забыть о золотом цилиндрике, висевшем на ее шее? Хотя что-то осталось на память о загадочном Карле Рунге.

Сейчас, когда Эмму уже никто не преследовал, можно было наконец-то спокойно обо всем подумать. Почему Иерусалим? Выбор был импульсивным и неосознанным, но, поразмыслив, Эмма поняла, что руководствовалась вполне определенной логикой. Дед в своих записях дважды упоминал о своем желании туда направиться, но так и не смог его осуществить. Очевидно, что Карл хотел попытаться найти эти временные порталы, следуя по стопам своего отца, Александра. Для того чтобы войти в портал, как писал Александр Рунге, надо найти место, «где ветры смогут дуть навстречу друг другу» и иметь два предмета: «копье» и «Карту Рома». Для этого надо еще отыскать эти вещи. Александр Рунге, предположительно, обнаружил их и описал в своем дневнике, как найти по крайней мере один из них: *«“Карта Рома” хранится в Храме Царей, в месте, где склоняли головы великие государи. В месте, где принимали они на себя бремя правителей»*. Значит, надо искать этот «Храм Царей». Эмма на минуту задумалась. Судя по всему, этот храм – какое-то очень известное место, раз там венчали на царство, но, сходу в голову ничего не приходило. Ни одно всемирно-известное храмовое сооружение не носило такого названия. Это и понятно, вряд ли Александр, а вслед за ним и Карл Рунге, указали бы на это место открытым текстом. Ведь Карл вообще был «под колпаком» у спецслужб. Значит, это загадка, к разгадке которой есть ключ в самих же записях.

Тут она вспомнила слова брюнетки из ЦРУ о копии с рукописи и не удержалась от улыбки. В телефоне, который ей подарил детектив, была великолепная фотокамера, и она не преминула ей воспользоваться. Может, Мартенс дал ей такой телефон неслучайно.

Эмма быстро открыла телефон, куда успела скопировать мемуары деда, и нашла нужную страницу: *«Со священной горы, где распяли царя царей, по правую руку останется священный город, а по левую будет Храм Царей в новом городе»*.

Вот оно! Теперь осталось понять, что за священная гора, где распяли «царя царей». Самый известный во всем мире распятый на горе – это, конечно, Иисус Христос. Эмма слышала, что в некоторых религиозных текстах его называли царем царей, вероятно, в смысле высшего почитания. Однако немало было опубликовано исследований и художественных произведений, утверждавших, что Иисус действительно был царем или императором. Так что сомнений нет – речь шла о распятии Христа на горе Голгофе. Главное, что на этой же странице дед упоминал о своем намерении поехать в Иерусалим. Стало быть, ее выбор был правильным. В Эмме проснулся журналист – необходимо предпринять свои собственные поиски, может быть, именно ей суждено найти портал. Надо дочитать записи деда до конца.

Стюардесса предложила плед и подушку. Это было очень кстати, впервые за несколько дней можно было расслабиться. Эмма удобно устроилась в кресле и открыла последнюю часть записей Карла Рунге на экране телефона.

«Отец завершил свой дневник описанием встречи с экспедицией из СССР. “В 1939 году в турецкой Каппадокии мы столкнулись с русской экспедицией, располагавшейся в этом месте уже более полугода. Мы искали древнее покинутое селение Сум, но на его месте нашли палатки русских. Их было более 30 человек, все мужчины, большинство военнослужащие, судя по выправке.

Руководил ими известный исследователь Иван Максимов. Его статьи, опубликованные в 1932-1935 годах в мировой прессе, были настоящей сенсацией. Суть их была в следующем: советской экспедиции удалось найти подземный город в Андах, на территории Перу, залегающий на глубине более 3000 метров.

Конечно, все археологи мира были взбудоражены этим открытием. Правда, мнения ученых разделились. Одни называли это искусной фальсификацией, другие, как и я, отнеслись к открытию благосклонно. Было опубликовано полсотни фотографий из этого подземелья. Удивительным был и первый вход в поселение – 500-метровый вертикальный колодец с абсолютно гладкими стенами. Коридоры подземного города были необычайно высоки и превышали 7 метров. Сам город напоминал чашу, в центре которой находилось озеро, точнее искусственно расширенная часть подземной реки. Поднимающиеся вверх стены были испещрены аккуратными правильными отверстиями, будто это окна в высотном доме. Никакой бытовой утвари в покинутом городе найти не удалось.

Местные индейцы уверяли, что они видят время от времени выходящих из-под земли высоких белых людей с золотистыми волосами. Сам Максимов не сомневался, что под Землей есть жизнь, и он вполне допускал, что проживают там наши предки-инопланетяне. Он обращал внимание на то, что колодец, по которому его экспедиция спустилась в подземный город, – не воздуховод, а дверь на поверхность Земли. На дне колодца есть запорное устройство, прерывающее подачу воздуха. Таким образом в подземелье формируется особый микроклимат, пригодный для жизни обитающих там существ и не пригодный для человека, живущего на поверхности земли.

Не могу сказать, что в Каппадокии нас встретили с распростертыми объятиями, нам даже пришлось расположить свой лагерь в удалении от русского. Я решил попробовать разбить стену недоверия и пригласил «большевиков» на праздничный ужин. К моему удивлению, они тут же согласились.

Уже через несколько минут после начала ужина Максимов мне признался, что их продовольственные запасы скудны, и уже несколько месяцев основа их пищи – консервы. Спиртное добыть в этой местности невозможно, и они вынуждены блюсти сухой закон.

Здесь надо пояснить, что на столе стояло пиво, вино, жареное мясо и много чего еще. Почти все наши запасы спиртного, рассчитанные на два месяца, в этот вечер были уничтожены, но между членами двух экспедиций налачился дружеский контакт. После этого торжественного мероприятия мы пробыли в Суме неделю и с русскими вполне даже ладили.

Советской экспедиции удалось обнаружить подземный город, но им приходилось буквально вгрызаться в землю. Почти все туннели и пещеры были завалены землей и щебнем.

С самим Максимовым я имел несколько длительных и ужасно интересных бесед. Отбросив формальности, мы делились с ним результатами последних экспедиций. Поразительно, но наши устремления по большей части совпадали. Он, как и я, интересовался космическими порталами и видел карту таких мест, откуда человек взлетает в небо без всяких видимых устройств. Месторасположение порталов, найденных русским, почти в точности повторяло описанные мною.

Иван также поделился со мной совершенно невероятной историей, которая нигде не была опубликована. В Перу русская экспедиция нашла карту, высеченную на стене, которая указывала на множество подземных городов, раскинутых по всей Южной и Северной Америке. Объединял их гигантский по протяженности подземный туннель, пронизывающий огромные расстояния.

Максимов и трое добровольцев предприняли попытку пройти по подземной дороге. Но преодолеть они смогли не более трех миль. В конце пути туннель сузился настолько, что в получившееся отверстие не смог бы пролезть человек. На следующий день Иван вновь спустился в этот тоннель и, к своему удивлению, натолкнулся на узкое отверстие уже через полмили. Загадочный туннель был подвижен.

Излагая эти невероятные факты, Максимов не пытался найти им объяснения. Он просто рассказывал о фантастических приключениях очень спокойно, можно сказать, уныло-монотонно. Было совершенно очевидно, что этот человек много чего видел и знает, но не горит желанием рассказывать.

В очередной раз я прихожу к выводу, что мы совсем не знаем ни самих себя, ни окружающий мир”.

На последней странице своего дневника отец просил меня уничтожить его записи после прочтения. В первую очередь описание обряда посвящения. Перед окончанием своего повествования я так и сделал. Дневника Александра Рунге больше нет».

Иерусалим, Израиль

После произошедших с ней событий и длительного перелета Эмма отсыпалась почти сутки. Спустившись в ресторан отеля, женщина заметила нескольких человек в шортах. Ее темные джинсы и мохеровая кофта резко контрастировали с летней одеждой туристов. Глядя на шведский стол, уставленный всевозможными яствами, она поняла, насколько голодна. Устроившись у большого панорамного окна, Эмма наслаждалась наступившим спокойствием, чему немало способствовала ясная солнечная погода.

Напротив отеля на узкой улочке примостилась лавка торговца арабскими платками, подобные платки были весьма популярными лет пятнадцать назад в штатах. Торговец – высокий худощавый мужчина в сером балахоне до пят – беседовал с пожилой супружеской парой, явно туристами. Дама лет шестидесяти примеряла один платок за другим, оценивая наряд в большом мутном зеркале.

Торговец бурно жестикулировал, поочередно обращаясь то к мужчине, то к женщине. Наконец дама выбрала несколько платков, и начался театр восточной торговли. Не было совершенно никаких сомнений, обе стороны торгуются изо всех сил. В какой-то момент супруги положили платки обратно и попытались уйти. Но не успели они сделать и несколько шагов, как коммерсант перекрыл им дорогу, протягивая оставленные платки. Пожилой мужчина достал кошелек, но увидев цифры на калькуляторе, протянутом торговцем, только раздосадованно всплеснул руками. Начался новый виток торговли.

Как только пожилой турист предпринимал попытку засунуть кошелек обратно в штаны, коммерсант молниеносно печатал новую цену на калькуляторе. К лавке подошли еще трое путешественников, и в этот момент торговец уступил. По лицам пожилых людей было видно, что они уже были не рады, что связались с ним. Видимо испугавшись, что постные лица покупателей могут отпугнуть вновь подошедших, мужчина стремительно нырнул в свою лавку и вытащил из нее маленький сувенир.

Он галантно презентовал его пожилой даме. Женщина заулыбалась, а ее спутник дружелюбно поднял руку, чтобы попрощаться. Заученным движением торговец схватил кисть туриста и начал ее трясти в радушном рукопожатие. Со стороны казалось, что прощаются старые добрые друзья в предвкушении новой встречи. Свежая партия туристов с умилением смотрела на эту сцену, справедливо полагая, что нашли правильное место для покупки памятных подарков.

Эмма наблюдала за этой сценой с удовольствием. Люди покупают не нужные им вещи, наверняка переплачивают вдвое и уходят довольные. А режиссирует этот спектакль «бедный» араб в скромной одежде. Впрочем, пора и ей насладиться солнцем и местным восточным колоритом.

Через несколько минут она была уже на улице. Для покупки летних вещей портье порекомендовал большой магазин за углом отеля. Примерив элегантные белые шорты-юбку, едва доходившие ей до колен, Эмма принялась искать верхнюю часть одежды.

– Извините, – услышала она за спиной приятный женский голос.

Обернувшись, она увидела миниатюрную красивую израильтянку, держащую в руках вешалку с восхитительной снежно белой блузкой. Эта же продавщица любезно предложила занести старые вещи покупательницы в отель.

Эмма вышла из магазина и чуть не сшибла с ног чернявого парнишку лет двенадцати.

– Простите, мадам, – улыбнулся он, – такую красивую женщину в этих местах должен сопровождать мужчина, а если он к тому же лучший гид в Иерусалиме, то никак нельзя отказаться.

Парень забавно коверкал английские слова, и Эмма не смогла сдержать улыбку.

– Меня зовут Садык, – стараясь придать голосу взрослой мужской хрипотцы, выпалил он. – Я хороший гид и хороший друг, могу достать все, что угодно, и знаю каждую трещинку в этом городе. Пятьдесят американских долларов в день, это ведь для вас сущие пустяки. Я покажу, где купить сувениры и одежду за четверть цены. Ваши вложения окупятся, мадам, это очень выгодная сделка. Вы знаете, как переводится мое имя на английский? Правдивый! Я вообще никогда не вру.

Эмма с трудом остановила тараторящего мальчишку. Ей действительно нужен гид и желательно не из туристического бюро, наверняка, этот паренек знает в этом городе каждую улочку, не говоря уже об общеизвестных достопримечательностях.

– Посмотрим, – делая вид, что колеблется, произнесла Эмма. – Ты и вправду все здесь знаешь?

– Мадам! – обрадовался Садык. – Я знаю здесь каждый уголок. Что вы хотите? Контрабандные товары. Клубы для взрослых. Антиквариат...

– Нет, нет, – перебила его женщина. – Ничего такого. Мне хочется посмотреть город и послушать про его историю.

– Без проблем, мадам.

– Не называй меня мадам, мое имя Эмма.

– Мадам Эмма! Я расскажу тебе то, что не расскажет ни один экскурсовод в этом городе. Никакой толерантности, только голая правда, – торжественно произнес мальчик.

На удивление, старый город оказался невелик. Узкие улицы, многочисленные ступени и расстилающийся над ними многоязычный гул. Из объяснений подростка следовало, что город разделен на четыре квартала – армянский, еврейский, мусульманский и христианский. Садык и трое его братьев проживают в самом большом – мусульманском.

– Перед нами ворота святого Стефана, – начал экскурсию юный гид. – Отсюда начинается знаменитая Виа Долороза – путь Иисуса на свою казнь.

Из красочного путеводителя, захваченного Эммой в отеле, следовало: *«маршрут недостоверен, и он проложен в 18 веке. Удивительно, но факт: никто из четырех евангелистов, упоминая о Голгофе, не дал для нее сколь-нибудь точной привязки к местности. Лишь в Евангелии от Иоанна туманно говорится: "На том месте, где он распят, был сад"»*.

Ловко уворачиваясь от движущихся навстречу туристов и местных жителей, мальчик продолжал:

– "Официальное" расположение Голгофы было окончательно закреплено не так уж и давно – в XVI веке. Христиане, видимо, долго спорили между собой, где должна быть Голгофа и, наконец, определились. Именно тогда францисканские монахи начертали Крестный путь Исы по улицам Иерусалима. Однако улицы средневекового города не совпадали с планом города времен римского правления. Об этом местные гиды тебе никогда не скажут, но это факт.

– Не совпадают? – восхищенно, переспросила Эмма. – Откуда ты все это знаешь?

– Я же тебе говорил, что ты не пожалеешь, нанимая меня! – гордо произнес Садык. – Мой отец известный историк. Правда местные иудеи и христиане сильно критикуют его. Но это как ты понимаешь для них бизнес. Мусульман сейчас принято называть фанатиками, но ты сейчас увидишь, фанатики вовсе не мы, а они сами. Кстати, инициативу францисканцев многие христиане не поддерживали, не католические церкви не поддерживают до сих пор. Вот такие дела на вашем христианском фронте. И уважаемая моим отцом православная церковь лишь частично признает ныне существующую Виа Долороза, так как из четырнадцати остановок в Евангелиях упоминается меньше половины. Вот, кстати, и первая стоянка, где Иисус был приговорен к казни Понтием Пилатом.

Мальчик с улыбкой наблюдал за своей спутницей, недоуменно осматривающей окружающие их строения.

– Расслабься, резиденции римского прокуратора здесь давно нет, если, конечно, исходить из того, что она здесь когда-нибудь была. Теперь здесь женский католический монастырь, вот такие дела. Пойдем дальше. В нашем городе все неоднозначно.

На каждой стоянке находились не только праздные туристы, но и паломники. Кто-то из них молился, прижимая к груди Библию, некоторые возлагали руки на стены строений и к пыльным каменным ступеням, на глазах многих были слезы. Глядя на них, не было никакого сомнения, что пребываешь в Священном Городе. Да и повествование Садыка было мальчишески саркастическим лишь при упоминаниях явных нестыковок при проложении маршрута далекими предками. По его мнению или, вероятно, по мнению его отца, каждая улица в старом городе священна и требует к себе трепетного отношения от прибывающих сюда людей.

Выйдя на маленькую площадь, запруженную людьми, Садык благоговейно прошептал:

– Перед тобой Храм Гроба Господня, главная точка паломничества христиан всего мира. Ни мусульмане, ни евреи не поддерживают теорию гроба. Так хоронить в наших местах было не принято. Но, с другой стороны, кто знает наверняка? История храма такая – по приказу византийского императора Константина Мономаха была воздвигнута церковь, и она простояла до 1808 года. В тот год она почти полностью сгорела. Храм был восстановлен

и разделен между шестью противоборствующими христианскими общинами: католической, греческой православной, армянской, коптской, сирийской и эфиопской. И забыл тебе сказать, армянский квартал самый закрытый в городе, там лучше не появляться вечером. У нас тут армяне круче евреев, хотя мы их особо и не разделяем. Сейчас Голгофа официально принадлежит Иерусалимской православной церкви. Ну ладно, сама все увидишь! Я дальше с тобой не пойду, если не возражаешь, подожду тебя здесь.

– Тебе запрещено? – с участием поинтересовалась Эмма.

– Да нет, что ты, – рассмеялся мальчик. – Я был там тысячу раз. Много народу, людская толчея сильно изматывает. Ты сама все увидишь.

Эмма вошла в Храм Гроба Господня увлекаемая другими верующими. Направо по лестнице вверх – Голгофа, с левой стороны гроб Господень. Внутри храма полутьма, рассеиваемая множеством свечей. Люди поджигали связки свечей, затем тут же гасили их под специально устроенными металлическими колпаками, запах воска был повсюду. Голгофа оказалась храмом, в котором было невозможно осуществить предначертание Рунге: *«Со священной горы, где распяли царя царей, по правую руку останется священный город, а по левую будет Храм Царей в новом городе»*.

Проведя около получаса в храме, Эмма вышла из него воодушевленная и одновременно растерянная. Сама церковь произвела на нее огромное впечатление, но невозможность следовать инструкциям деда повергла ее в смятение. На площади перед Храмом Гроба Господня также невозможно было выполнить эти инструкции. Эмма в отчаянии ходила от стены к стене, пытаясь понять, в каком направлении искать «Храм Царей».

– Что с тобой, – будто издалека прозвучал голос Садыка. – Я много чего видел происходящего с людьми после посещения этих мест, но ты ведешь себя необычно даже по сравнению с ними.

– Извини, – оправдывалась Эмма. – Все в порядке.

– Странная ты, – недоверчиво прошипел Садык. – Будто что-то ищешь, но мне не говоришь. И сейчас врешь, а мне врать нельзя, я ж тебе говорил, что Садык по-английски «правдивый». Я сам не лгу и неправду сразу чувствую.

– Извини, пожалуйста, извини. Мой дед написал мне в прощальном письме, что от места казни Христа с одной стороны простирается Иерусалим, а с другой виден «Храм Царей».

– Напугала ты меня, – с облегчением выдохнул Садык. – Иерусалим теперь со всех сторон. Храмов и царей у нас тут было множество, но название «Храм Царей» я слышу впервые. Кстати, многие туристы спрашивают, почему Голгофа внутри Иерусалима, а не за его пределами, о чем говорится во множестве источников. Может тебя именно это интересует? Если так, то речь может идти о Гордоновой Голгофе, у вас на Западе это популярная версия.

Эмма пожала плечами.

– Я так и думал, – нравоучительно заметил мальчик. – Гордонову Голгофу часто называют Садовой могилой, она расположена на территории квартала Шейх Джарах. В 1882 году со стены старого города английский генерал и знаменитый исследователь Чарльз Гордон увидел в бинокль скалу, где расположение пещер показалось ему черепом с глазницами и отверстием, напоминающим уста. С тех пор протестанты уверяют весь мир, что библейская Голгофа находится именно там. И, честно говоря, это подходящее место для захоронения святого и его воскрешения. Там и сейчас находится известное арабское кладбище, где захоронены многие великие мужи. Оттуда стреляют из старой пушки в честь окончания священного для мусульман месяца Рамадана. Там же, следуя древним заповедям, должно начаться воскрешение перед Страшным судом.

– Нам надо обязательно туда пойти! – обрадовалась Эмма. – Это далеко?

– Здесь все близко, пошли, если хочешь.

Гордоновская гробница, вырубленная в белой скале, оказалась внутри пустой. Ни тебе толп туристов, ни священнослужителей, и прекрасный сад, окружающий это место. Разглядывая Гордонову Голгофу, Эмма открыла телефон и, «пролистав» страницы скопированных записей, нашла описание немецкой гравюры, приведенное Александром Рунге: *«Нет сомнений, что перед нами разворачивается важнейшее библейское событие в истории человечества – казнь Иисуса Христа. На переднем плане гора Голгофа,*

солдаты и осужденные на смерть, вдали мы видим крепостные стены и реку. Нет никаких сомнений, что это река, невооруженным глазом видны даже небольшие лодки».

- А где у вас здесь река?
- Какая река? – изумился Садык!
- Река между Голгофой и Иерусалимом?

Парень смотрел на американку, как на умалишенную, видимо, полагая, что сегодняшняя экскурсия лишила ее остатков разума. Через несколько секунд, к удивлению Эммы, он выдавил из себя:

– Теперь я понимаю твое странное поведение, надо было сразу сказать, что ты из этих...

- Кого ты имеешь в виду?
- Ну ... сомневающийся, – подбирая нужное слово, протянул юноша.

Немного помолчав, он неохотно продолжил:

– Несколько лет у нас тут производит раскопки большая международная экспедиция, недалеко тут, километров пять от города. Не знаю, чего там они ищут, но они часто такие вещи говорят, что повторять не хочется. У них русский работает, которого все очень уважают и слушают. Он знает больше остальных. Там все хорошие люди, я им то сигареты, то спиртное добываю... Но это между нами, – осекся Садык.

– Можешь дать адрес?

– Ну, одной туда нельзя, но в моем сопровождении, конечно, безопасно. Но это будет стоить тебе еще пятьдесят долларов.

– Без проблем!

– Хорошо. Вернемся к гостинице, и через час я за тобой заеду.

Эмма договорилась встретиться с Садыком в шесть вечера у дверей своей гостиницы. Прошло больше пятнадцати минут после назначенного времени, но такси с мальчишкой так и не появилось. Эмма на протяжении всего ожидания ругала себя за неосмотрительность – во-первых, что согласилась поехать с малознакомым подростком неизвестно куда, а во-вторых, что дала парню вперед полста долларов и сейчас наивно ждала его появления...

- Привет! – раздалось из-под шлема наездника, остановившегося перед ней скутера.
- Садык?

Прежде чем одеть протянутый ей шлем, женщина не удержалась:

- А разве у тебя есть права?
- У брата есть, – невозмутимо ответил он. – Мы очень похожи.

Скутер уверенно несся по узким извилистым улочкам, и Эмма немного успокоилась.

Через двадцать минут они остановились у большого ресторана на выезде из города.

На просторной веранде, за длинным столом сидела большая группа загорелых мужчин, к ней и направился юноша вместе с женщиной.

– Виктор! – приветственно вскрикнул Садык, подходя к большому шумному столу.

– Давно тебя не видели, и что за красавица с тобой? – на прекрасном английском отозвался красивый статный мужчина лет тридцати пяти. – Присоединитесь к нам?

– Ну, ты знаешь, мне нельзя, – уклонился мальчик. – У вас тут спиртное на столе... Я американку привез, она, приехав в Иерусалим, искала речку посреди города, ну я знаю, что ты в это веришь и все такое.

– Какую же вы ищите реку? – подойдя к ним, усмехнулся мужчина и, спохватившись, представился: – Виктор Дорохов, простите, у нас тут без церемоний.

– Эмма, – протягивая руку, тихо произнесла женщина. – Эмма Рунге. Мы можем где-нибудь поговорить?

Мужчина увлек их за собой в безлюдную часть ресторана.

– Так что вас интересует?

Эмма немного замешкалась, размышляя с чего же начать.

– Я ищу «Храм Царей» и реку между ним и Иерусалимом. Мой дед утверждал, что на старинных гравюрах казни Иисуса Христа изображена река.

– А кто ваш дедушка? – с нескрываемым интересом поинтересовался мужчина.

– Он недавно умер. По образованию он, кажется, инженер, и, насколько я знаю, хороший физик.

– Ну, теперь нас трое, – рассмеялся Дорохов, – тех, кто верит в реку у стен Иерусалима: вы, ваш дедушка и я. Мне довелось видеть такие рисунки, но ученый мир считает их выдумкой художников.

– Да, чуть не забыл тебе сказать, – обращаясь к женщине, замялся мальчик. – За нами сегодня все время таскался незнакомый мужчина.

– Американец, лет сорока пяти? – насторожилась Эмма.

– Да нет, – отмахнулся Садык. – Этому нет и тридцати, откуда он, не знаю, но вроде не местный, и я заметил, что в руках у него путеводитель на арабском. Думаю, ты ему приглянулась, вот он и ходил за тобой...

– Не пугай женщину, – перебил его Виктор. – Показалось, наверное.

– Да точно, шел за нами, – вспыхнул мальчик. – Я такие вещи на раз вижу. Осторожный человек. Я еще подумал, опять полиция мной интересуется. Но это не полицейский, и интересовался он не мной. В Храм Воскресения он пошел за американкой и вышел вслед за ней.

– Что за Храм Воскресения? – удивилась Эмма.

– Арабы, да и не только они, так называют Храм Гроба Господня, полагая, что гроба никакого не было, – пояснил Дорохов. – В этих местах хоронили, просто заворачивая тело в одежду. А что касается таинственного преследователя, то, думаю, что это арабский паломник, видящий женщин у себя на родине исключительно в хиджабе.

– Почему же ты мне сразу не сказал, что меня преследует этот мужчина? – возмутилась Эмма.

– Ну, это мужское дело, – приняв важный вид, рассуждал Садык. – Зачем беспокоить женщину, находящуюся под моей защитой. А сейчас другое дело, я это говорю в присутствии мужчины, моего друга.

Пытаясь успокоить Эмму, Виктор поинтересовался, понравился ли ей старый город.

– Все интересно, но я ждала чего-то большего. Голгофа оказалась не горой, а холмиком, спрятанным в церкви. А крестный путь больше напоминает маршрут, специально проложенный для туристов. Но главное, я не нашла того, что искала.

– Голгофа действительно вызывает много вопросов, – воодушевленно подхватил Виктор. – В 325 году в пригороде Константинополя, в городке Никея состоялся Вселенский Никейский Собор, инициированный Византийским императором Константином Великим. На нем был утвержден символ веры, согласно которому Бог обрел плоть от Святого Духа и Девы Марии, воплотился в человека, принял муки на кресте, был погребен и воскрес на третий день. Необходимо было определить точное место гибели и воскресения Христа. Считается, что для этой цели Константин отправил в Иерусалим свою мать императрицу Елену. В 326 году Елена и епископ Макарий обнаружили в полузасыпанном рву фрагменты деревянных крестов. Один из них в ходе "чудотворной экспертизы" был объявлен тем самым, на котором распяли Иисуса. А возвышение, находящееся рядом – Голгофой. Доподлинно неизвестно, как Елене удалось установить истинность креста. Одни историки полагают, что на крест возложили больного, и тот якобы немедленно исцелился. Другие утверждают, что невдалеке проходила похоронная процессия, и крест воскресил покойного.

– А река, – с безнадежностью в голосе пролепетала Эмма. – Со слов Садыка, вы ее ищете.

– Не совсем так...

Неожиданно разговор прервала восточная мелодия, вырвавшаяся из сотового телефона Садыка. Мальчик покраснел и затем что-то сухо ответил в телефонную трубку.

– Извините, – засобиравшись Садык. – Брат позвонил, просит сейчас пригнать скутер. Я могу даму отвезти в отель, или, если она хочет остаться, вызовите такси.

– Я отвезу ее, – успокоил паренька Дорохов.

Эмме показалось, что Виктор обрадовался такому повороту событий. Она тепло попрощалась с мальчиком, пообещав обращаться только к нему, если еще что-нибудь понадобится в Иерусалиме, а мужчина продолжил:

– Я приезжаю сюда уже третий год. У нас здесь работает международная археологическая экспедиция, я к ней присоединяюсь осенью и работаю три-четыре месяца. В ней принимают участие люди из разных стран, я, например, русский из Москвы. В нашей группе археологи, историки, лингвисты, а я математик.

– Чем же может помочь математик? – усмехнулась Эмма. – Ведет бухгалтерию?

– Сарказм уместен, но я постараюсь все объяснить. Я и мои коллеги из разных стран, а это довольно большая группа математиков, историков и археологов, много лет занимается историей человеческой цивилизации, и, поверьте мне, она сильно отличается от традиционно принятой. Многие даты, к которым мы привыкли, не имеют ничего общего с

реальностью. Мы доподлинно не знаем, что происходило до десятого века нашей эры, а нам предлагают «подробности» происходившего до нашей эры.

– Но есть же научный анализ, позволяющий определить, сколько той или иной находке тысяч лет, – торжественно продемонстрировала свои знания Эмма.

Дорохов грустно посмотрел на нее: типичная американка, хотя и невероятно привлекательная, даже, можно сказать, красивая. Знает только то, что публикуют в прессе и верит всему, не задумываясь. Чувство им овладело двоякое: с одной стороны она явно заинтересовала его как женщина, а красивых женщин Дорохов любил, хотя и не принимал всерьез. С другой стороны он чувствовал досаду, что сейчас придется отвечать на вопросы, смысл которых она и сама скорее всего не понимает, а потом еще объяснять свои ответы. И что в итоге? Будет возмущаться и говорить, что такого быть не может, потому что должно быть по-другому. Американцы ведь всегда думают, что только они знают, как должно быть. «Ладно, посмотрим», – подумал он и неторопливо продолжил:

– Вы говорите о радиоуглеродном анализе. Радиоуглеродное датирование, предложенное Уиллардом Фрэнком Либби, не выдерживает никакой критики. Да, полвека назад его изобретение отметили Нобелевской премией, и идея сама по себе привлекательна. Но на практике разброс слишком велик, прошлогодний лист в парке могут датировать как пятисотлетний артефакт. Сегодня к этой методике большинство специалистов относится скептически. Наша группа выполнила датирование многих записей астрономического характера, а именно – описаний солнечных и лунных затмений, старинных звездных каталогов, гороскопов, то есть описаний расположения планет по зодиакальным созвездиям, покрытий звезд движущимися планетами и т.п. Оказалось, что во всех тех случаях, когда астрономические решения существуют, они попадают в эпоху X-XVII веков нашей эры. Названия многих городов перекочевывали с одного места на другое, но современные историки будто не замечают этого...

– Еще раз, – замотала головой Эмма. – Куда делись города?

– Извините! – рассмеялся Дорохов. – Мы здесь все время говорим на эти темы, а человеку со стороны конечно непонятно. Например, что касается Иерусалима. Существует теория, выдвинутая русскими учеными, по которой местоположение современного Иерусалима может отличаться от месторасположения библейского. Старый город, в котором вы сегодня побывали, раньше носил арабское название Аль-Кудс. Вас не удивляет логика древних строителей, выстроивших столицу в пустынной безводной местности. Дорог нет, до моря далеко, как, впрочем, и до ближайших рек. Что мешало построить город в более удобном месте? Город-порт это естественное расположение для столицы, что за напасть строиться в полсотни километров от моря. Кто-то может возразить, мало ли городов в пустыне. Ответ прост – не мало, но ни один не являлся столицей огромного государства.

– Действительно странно, – согласилась Эмма. – Но может в те далекие времена здесь протекала река, изображенная на старинных рисунках.

– Нет никаких тому подтверждений, скорее наоборот. Сегодняшний Иерусалим стоит там, где стоит, но возникает вопрос, всегда ли он здесь находился. Столицей великой Византийской империи являлся Константинополь, сегодняшний Стамбул, и православные христиане называли его Царьградом. Некоторые ученые полагают, что Царьград менял свое месторасположение, тогда, что мешало последовать его примеру Иерусалиму? Из истории мы знаем, что и Москва часто называлась Царьградом, а патриарх Никон пытался построить Новый Иерусалим в непосредственной близости от нее...

– Виктор! – взмолилась Эмма. – Я не очень хорошо знакома с русской историей. И, честно говоря, все это трудно воспринимается на голодный желудок.

– Да, конечно, – виновато воскликнул Дорохов. – Сегодня здесь великолепно приготовили баранину.

– Отлично! Я готова съесть все, что угодно.

Мужчина скрылся в зале ресторана и через несколько минут вернулся с огромной дымящейся тарелкой в одной руке и бутылкой красного вина в другой. Баранина действительно оказалась восхитительной, под стать ей и гарнир, состоящий из смеси орехов, сушеных и свежих фруктов.

Русский математик оказался прекрасным рассказчиком. Он говорил вдохновенно, поражая Эмму удивительными подробностями. Из его слов следовало, что никаких следов реки в окрестностях Иерусалима не обнаружено. А большое количество религиозных храмов разных концессий подтверждает лишь то, что эта местность на сегодняшний день является духовным центром для людей разных религий.

Виктор с восторгом говорил о современном большом разноплеменном Иерусалиме – городе, где исламский музей соседствует с музеем стран библии. Где расположен

единственный в мире музей налогов, а в иерусалимском зоопарке собраны все животные, упоминающиеся в Библии.

По дороге в гостиницу Эмма не могла избавиться от странного чувства. Дорохов ей однозначно понравился – высокий, выше шести футов, крепкий, с густыми темно-русыми волосами и серыми глазами. Черты лица крупные, мужественные, рот чувственный, а улыбка необыкновенно открытая. Но главное, что привлекало в его облике, это обходительность и спокойствие. Было видно, что и она ему нравится, и он этого не скрывал. Что-то произошло между ними, вспыхнула какая-то искра. С ним было хорошо, очень надежно.

Виктор вел машину и продолжал рассказывать об Иерусалиме, о его истории и современных нравах, царящих в этом удивительном и беспокойном городе.

Эмма поймала себя на мысли, что все это время почти не вспоминала о своем занудном американском бой-френде. Ей даже в голову не пришло обратиться к нему за помощью. В глубине души она была уверена, что он скажет «учись решать свои проблемы сама, я же не впутываю тебя в свои дела». Он часто так говорил, и в их совместной жизни постепенно выработалось правило «каждый отвечает за себя».

Машина остановилась у входа в отель, и Дорохов грустно произнес:

– К сожалению, мы уже приехали.

Ему явно не хотелось расставаться. Эмма оказалась не только красивой и обаятельной женщиной, но, вопреки его первому впечатлению, внимательной, вдумчивой и сдержанной собеседницей. Он вдруг понял, что она его действительно заинтересовала. В ней чувствовалась какая-то трогательная растерянность и неуверенность в себе. Хотелось ее поддержать, узнать о ней больше, ну и о ее таинственном деде, конечно, тоже. Дорохов просто не мог пройти мимо очередной загадки.

– Спасибо, Виктор, все было необычайно интересно...

– Так, может быть, я завтра покажу вам город? – не удержался Дорохов.

Эмма тоже в тайне надеялась на новую встречу с этим мужчиной, и его предложение было как нельзя кстати.

Начальник отдела 4268 Курт Тейлор выполнил все распоряжения генерала Савски. Лично привез ему тетрадь с рукописью, в тот же день по его приказу сделал копии всех страниц и ознакомил с ними сотрудников отдела, прилетевших вслед за ним в Лэнгли. Он добыл для генерала записи Рунге, но тому этого показалось мало, и он заставил Тейлора и его людей разбираться в этих записках сумасшедшего ученого. Зачем с этими материалами знакомить сотрудников?

Пытаясь успокоиться, Тейлор несколько раз глубоко вздохнул, после чего решительно набрал телефонный номер Пола Савски:

– Сэр, мы изучаем мемуары, но это какая-то абракадабра.

– Я с вами согласен, Тейлор, и по секрету хочу сказать, что особой ценности записи не представляют, но нам надо найти среди ваших сотрудников ренегата. И может быть, этот человек знает то, чего не знаем мы. Кто-то из троих ваших коллег гонялся за тетрадью, так пусть узнает его содержание. Я негласно приказал следить за каждым из них. И, кстати, какая атмосфера царит в вашем отделе?

– Да так, ничего особенного. Они не дети и понимают, что мы ищем человека с поддельным удостоверением нашего управления. Разгадаем записи – найдем его. Шапиро и Смит настаивают на слежке за мисс Рунге в Иерусалиме, полагая, что у нее осталась копия, и она может привести нас к убийце. А Стоун считает, что в мемуарах речь идет не об Израиле, а о другой стране. У меня самого голова кругом.

– Стоун – это тот, кто служил на Ближнем Востоке и его дело засекречено?

– Да, сэр, он вызывает у меня наибольшие подозрения. Не могли бы вы узнать, что там с ним в действительности произошло.

– Думаю, с этим проблем не будет. И, кстати, попросите наших израильских коллег позаботиться о мисс Рунге.

Экскурсия с Дороховым продолжалась уже больше двух часов. Эмме казалось, что она знает его всю свою жизнь, настолько легко и свободно она чувствовала себя рядом с ним.

Свое путешествие они начали с музея Иерусалима, в котором возвышается величественная цитадель – башня Давида. Виктор в свойственной ему ироничной манере заметил, что к самому царю Давиду башня не имеет никакого отношения.

Мечетью «Купол Скалы» они любовались издалека. Огромный золотой купол, светясь на солнце, будто освещал Храмовую гору, над которой вознесся. Это место с незапамятных времен считалось центром сотворения мира. Здесь Авраам готов был принести в жертву сына Исаака, царь Давид построил алтарь, а его сын воздвиг Храм, где находился Ковчег Завета. Считается, что с этой горы пророк Мухаммед вознесся на небо.

Сейчас они стояли у Стены Плача. Женщины молились с правой стороны пятисотметровой стены, мужчины – с левой.

– Стена плача – святое место для всех иудеев, – прошептал ей на ухо Виктор. – Евреи всего мира молятся в сторону Израиля, евреи Израиля молятся в сторону Иерусалима, а евреи Иерусалима молятся в сторону Стены Плача.

– А не иудеям можно подойти?

– Конечно можно! И не забудьте написать записочку с пожеланиями и сунуть ее между камней в стене.

При входе на женскую половину Эмме сдали в аренду большой белый платок, и она двинулась к стене писать просьбу Всевышнему. Подойдя вплотную к стене, она ощутила благоговейный трепет. Сотни женщин вокруг нее молились Господу. Пожилые усаживались на белые пластиковые стулья, стараясь подтащить их вплотную к стене. Время будто остановилось. Не было ни суеты, ни толчеи. Простояв несколько минут, Эмма двинулась обратно к Дорохову. Подходя к нему, ей показалось, что мелькнуло лицо уже сегодня привлекавшее ее внимание.

– Виктор, – возбужденно зашептала она. – Мне кажется, за мной следят. Только что я увидела молодого человека, который, встретившись со мной взглядом, отвернулся и быстро ушел.

– Вы очень красивая женщина. И одни мужчины бессовестно глазеют на вас, а другие вспоминают, что они все-таки у стены плача, и убегают от греха подальше...

– Нет, мне и вправду не до шуток, я его уже видела сегодня. А вчера Садык утверждал, что за мной следил молодой мусульманин.

– Эмма, – смеясь, успокаивал ее мужчина, – здесь все туристы ходят одними и теми же маршрутами и, конечно, все время пересекаются. Давайте, я отведу вас в гостиницу, и вы придете в себя.

Пытаясь отвлечь женщину от тревожных мыслей, Дорохов рассказал об истории стены и связанных с ней легендах. В какой-то момент она даже не удержалась и спросила, куда деваются записочки из Стены Плача. Оказалось, записки собирают раз в месяц и закапывают на Масличной горе. Свое название Стена Плача получила потому, что евреи оплакивают здесь Первый и Второй Храмы, разрушенные оба в один день, но в разные годы. Оказалось, что сами евреи называют ее просто «Стена».

В холле отеля расстроенная Эмма попрощалась с Дороховым, а на его предложение встретиться вновь, благодарно кивнула.

Не успел мужчина отойти от гостиницы и на пару сотен метров, как зазвонил его телефон.

– Виктор, у меня в номере кто-то рылся. Я страшно боюсь.

– Ваш номер? – уже на бегу прокричал Дорохов.

– 304, третий этаж!

Перепуганная женщина стояла у открытой двери своего номера. Комната была перевернута вверх дном.

– Надо вызвать полицию, – стараясь говорить спокойно, произнес Виктор.

– Хорошо, – согласилась Эмма.

Переполох, вызванный приездом полиции, вскоре улегся. Из номера ничего не пропало, хотя все было вывернуто наизнанку. Видеокамеры зафиксировали незнакомого человека, но лица его не было видно из-за надвинутой на глаза бейсболки. Полиция сняла формальные показания с Эммы и работников отеля. Менеджер расшаркивался и извинялся перед ней, предлагая бесплатный ужин в ресторане гостиницы.

Оставшись вдвоем с Виктором в комнате, Эмма взмолилась:

– У меня столько неприятностей, мне нельзя оставаться здесь.

– Ну, если все так серьезно, я, пожалуй, смогу помочь.

- Вы не требуете подробностей? – удивилась Эмма.
- Захотите, расскажите, – пожал плечами Дорохов. – Собирайтесь.

Виктор сделал несколько звонков, насколько поняла женщина, он говорил, видимо, на арабском языке.

- Алло, сэр, это вас беспокоит отдел 4268.
 - Докладывайте Тейлор, что там у вас стряслось.
- Голос Пола Савски на этот раз показался Курту Тейлору дружелюбным.

– Сегодня неизвестный перевернул гостиничный номер Эммы Рунге. Женщина уверяет, что ничего не пропало. Полицейские убеждены, что работал профессионал. Час назад мисс Рунге вышла из гостиницы в сопровождении русского археолога. Мне кажется, что мы ее недооценили. Сначала ей помогает Мартенс, теперь этот русский. Удивительная женщина!

- Но что там искали? – удивился генерал. – Это уже интересно.
- Да, очень странно, сэр, – устало согласился Тейлор.
- Вы говорили, что двое из трех ваших сотрудников посчитали, что за Эммой Рунге надо следить.

– Это Линда Шапиро и Генри Смит.

– И прекрасно, отправьте их в Иерусалим.

– Извините, сэр, я не поспеваю за ходом вашей мысли.

– Я надеюсь, что предатель кто-то из них двоих. Я навел справки о вашем заместителе Патрике Стоуне. У него была блестящая карьера, он был представлен к наградам. Стоун долгие годы возглавлял особую миссию на территориях Ирака, Ирана, Сирии и Турции, работая под прикрытием крупной американской торговой корпорации. Не вдаваясь в подробности, скажу, что он успешно работал с курдскими общинами. Его агентурная сеть трагически провалилась. Напрямую он не виноват, его характеризуют как умного и честного человека. Стоун был настолько потрясен, что готов был уйти в отставку. К вам он пришел по собственному желанию, надеясь найти спокойную аналитическую должность. Вы теперь можете смело отбросить подозрения, павшие на него.

– Это хорошая новость, сэр, он действительно хороший и надежный помощник. Вот только, сэр, вы предложили отправить двоих моих сотрудников в Иерусалим.

– И что?

– Мисс Рунге видела Линду Шапиро, она передавала деньги в аэропорту в обмен на записи.

– Тейлор, я не предлагаю вашей сотруднице прятаться по темным углам Иерусалима, следуя по пятам Эммы Рунге. Дайте этим двоим больше свободы, пусть действуют самостоятельно.

– А что мне сейчас предпринять, просить израильтян найти женщину?

– А зачем? Она и так напугана происшествием в гостинице. Приедут Шапиро и Смит, вот пусть они ее и ищут, а мы присмотрим за ними.

Уже больше часа старенький микроавтобус мчался по дороге на юг Израиля. Дорохов сидел на переднем сиденье и о чем-то весело беседовал с водителем-арабом. За окном проплывал клонящийся в сон, унылый пейзаж.

– Виктор, мы и вправду едем в пустыню?

– Это настоящее приключение, – воодушевился Дорохов. – Ночь в пустыне – мечта любого туриста. Мы едем к бедуинам. Их стоянка находится в окрестностях небольшого городка под названием Арад, расположенного на границе Иудейской пустыни и пустыни Негев.

– Может в гостиницу? – взмолилась Эмма.

– Ни в коем случае, – возмутился Виктор. – Обещаю, вам все понравится.

– Я читала, что они контрабандисты и очень ненадежные люди.

– Самые надежные. Мы едем в рафинированный туристический центр, а глава стоянки – отец молодого человека, работающего в нашей археологической экспедиции. Парень, кстати, – перспективный ученый, закончил престижный университет.

– Виктор, хватит издеваться. Бедуины и университет, разве это возможно?

– Это правда, бедуины давно уже променяли кочевую жизнь на оседлую. Времена меняются. Их дети учатся в университетах, занимаются бизнесом и по желанию служат в армии, и последних немало. Это умные, чувственные люди, воспитанные самой природой. Подавляющее большинство живет в поселках, и лишь незначительная их часть ведет привычный кочевой образ жизни.

– Так мы и правда едем к кочевникам? – ужаснулась Эмма. – Я думала, вы подтруниваете надо мной.

– Это самые продвинутые бедуины. Они, в нашей интерпретации, занимаются туристическим бизнесом. Принимают группы на одну-две ночи. Выгодный бизнес. Сейчас туристов нет. Впрочем, все сами увидите, мы подъезжаем.

Автомобиль съехал с асфальтированной дороги и несколько минут трясся почти по бездорожью, уходящему в пустыню.

– Приехали, – весело продекламировал Дорохов, открывая перед женщиной скрипучую дверь автомобиля.

В сумерках перед Эммой предстала стоянка, состоящая из нескольких десятков палаток темного цвета. Вокруг них бродили козы, и лежали верблюды. Навстречу им выскочил высокий улыбающийся мужчина в черном балахоне и белом платке на голове, перехваченным двумя черными кольцами.

Они дружески обнялись с Дороховым, после чего мужчина, не обращая внимания на Эмму, повел гостя к большой, покрытой черными шкурами палатке. Водитель подхватил вещи, жестами показывая Эмме следовать за ним.

В палатке, устланной шкурами и коврами, горел небольшой очаг, тускло освещая помещение. Дорохов и бедуин о чем-то шептались. Терпение женщины было на исходе, но тут Виктор, жестом показывая на собеседника, торжественно произнес:

– Сагиб, глава этого племени приветствует тебя.

Бедуин слегка кивнул головой и направился к выходу из палатки.

– Сагиб хочет показать свои владения, – шепнул Дорохов, следуя за хозяином и увлекая за собой Эмму.

На стоянке насчитывалось три десятка палаток, и дюжина из них предназначалась туристам. В центре палаточного городка стоял большой навес.

– Здесь проходят концерты для туристов и импровизированные свадьбы, – перевел слова Сагиба Виктор.

Отойдя от палаток метров на двадцать, они подошли к небольшому полотняному укрытию. Откинув покрывало, Сагиб с гордостью зажег болтающийся на веревке фонарь.

– Что это? – изумилась Эмма, разглядывая яму с воткнутой в нее старой корзиной и лежащими на ней двумя дощечками.

– Туалет, – признался Дорохов и тут же добавил. – А два мешочка с разных сторон заполнены камнями, это вместо туалетной бумаги или воды, которая у бедуинов всегда в дефиците.

Не обращая внимания на наступившее полуобморочное состояние женщины, Виктор продолжал:

– Когда все камни будут переложены, второй мешок встряхнут, и он станет выполнять функции первого и так далее, пока племя не выйдет к горным породам, которые позволят пополнить или заменить запас камней. Может быть, есть желание взглянуть на бедуинский душ?

Через несколько минут Эмма хохотала вместе с мужчинами. Настоящий бедуинский туалет входил в обязательную экскурсию для новичков. На этой стоянке оказались нормальные туалеты в пластиковых пеналах и сносные душевые.

Вернувшись в палатку, Виктор поделился с Сагибом своими опасениями за безопасность женщины. Прихлебывая только что сваренный кофе, бедуин хитро улыбнулся:

– Если чужой подойдет к стоянке, мы будем об этом знать. Салюки не подведут.

– Это местная порода охотничьих собак, – пояснил Дорохов, обращаясь к Эмме. – Эти твари очень быстрые и зубастые.

Около получаса, наслаждаясь крепким и сладким кофе, гости слушали рассказы Сагиба об истории и быте бедуинов. С особой страстью он критиковал внутреннюю и внешнюю политику израильтян. Сагиб был убежден, что бедуинам надо дать особые права и льготы, так как они хозяева этой земли. Не нравилось ему и желание чиновников влезать во внутренний распорядок жизни бедуинов, и нетерпимость к многоженству.

После ухода Сагиба повисла неловкая пауза. Им предоставили одну палатку на двоих, и это откровенно смущало Эмму. Дорохов, видя растерянность женщины, тихо произнес:

– Я остановился в соседней палатке. Мне кажется, вы устали, и вам надо отдохнуть.

– Не уходите, – спохватилась Эмма, – я бы хотела объяснить последние события, в которые невольно втянула и вас.

Легче всего рассказать о своих неприятностях малознакомому незаинтересованному человеку, будучи уверенным, что ваши пути в будущем не пересекутся. Ко всему прочему русский математик-археолог мог бы пролить свет на теории, приведенные в дневнике Карла Рунге.

Не торопясь, женщина рассказывала о своей жизни, о найденных записях деда и об ужасающих неурядицах, ворвавшихся в ее тихую, размеренную жизнь после этого. Эмма никогда не считала себя авантюрной. Она полагала, что у нее нет для этого достаточной уверенности в себе и внутреннего напора. Именно поэтому она так и не стала известным журналистом, каким хотела стать. В детстве она мечтала о приключениях, но они так и остались в ее фантазиях. А во взрослой жизни и мечтать перестала, стараясь всегда действовать осторожно и не привлекать к себе особого внимания окружающих. Эмма до сих пор не могла понять, как весь этот страшный детективный смерч мог обрушиться именно на нее, и как она решилась самостоятельно продолжить поиски, начатые дедом. Ведь до сих пор она даже никогда не покидала территорию Соединенных Штатов.

Дорохов внимательно слушал, полулежа у пылающего очага. Время от времени он машинально подкидывал в огонь мелко порубленные сучья, горкой сложенные рядом с ним, и странным образом кивал, будто одновременно вел невидимый разговор с самим собой. Что-то влекло его к этой женщине. Он чувствовал, что по каким-то непонятным ему причинам хочет быть все время рядом: следовать за ней или наоборот направлять. Он попытался разобраться в своих неожиданных ощущениях. С одной стороны, конечно, приятно играть роль такого «гуру», который открывает глаза наивной американке на факты и истины, давно ставшие прописными для него самого. К тому же Эмма порадовала его своей способностью воспринимать новую информацию – сходу ничего не отрицала и на своем не настаивала, как он ожидал поначалу. С другой стороны, он мог просто увлечься ее таинственной историей, и со свойственным ему азартом искателя хотел докопаться до причин случившегося. Но было что-то еще, какое-то новое ощущение или желание, которое он пока не мог для себя никак определить.

Размышляя таким образом и одновременно слушая Эмму, он ни разу не перебил ее и лишь после того, как она умолкла, в изнеможении откинувшись на подушки, прямо спросил, может ли он ознакомиться с таинственными мемуарами. Эмма без колебаний протянула ему свой телефон.

В маленьком, замызганном Иерусалимском кафе сидел молодой человек лет тридцати. Устроившись в глубине зала, он явно кого-то ждал. Посетителей было немного, и место было выбрано удачно. Отовсюду слышалась приглушенная арабская речь.

– Рад тебя видеть, Абу! – по-арабски приветствовал сидящего грузный мужчина. – Все– таки тебе понадобилась помощь братьев.

– Да, Дауд! Эта американка исчезла в мусульманском квартале. Я упустил ее. С ней в первый день был арабский подросток, он навязался ей гидом по городу. Сегодня ее сопровождал белый, вместе с ним она и пропала.

– Ну, если в нашем квартале, то я постараюсь помочь, – успокоил собеседника Дауд. – Ты сообщил шейху?

– Я его снова подвел, но он не сомневается, что Аллах, укажет нам путь.

– По-другому и быть не может.

Эмму разбудил ворвавшийся в палатку свежий воздух, к своему удивлению, она увидела сидящего у открытого входа Дорохова.

– Вы уже пришли будить меня? – заспанным голосом пробурчала она.

– Да, не мог дожидаться утра, – возбужденно начал мужчина. – Рукопись вашего деда – ценнейший документ.

– Виктор, вы не спали, – глядя на горящие красные глаза Дорохова, прошептала Эмма.

– Да разве можно заснуть, прочитав эти удивительные записки! Ваш дед общался с самим Эйнштейном, а прадед – с легендарным Шеффером. Фантастика, но в записках говорится о поиске таинственных порталов, мне это очень интересно, но, правду сказать, тема для меня новая. И, наконец, Иван Максимов, знаменитый советский исследователь, как говорят, близкий друг Сталина. Я немного знаком с Георгием Ивановичем Максимовым, сыном известного ученого. После смерти отца он стал довольно популярным журналистом и лектором. Но самое главное не это. Я попытался разобраться, и, мне кажется, нет, я уверен, что упомянутый священный город это не Иерусалим.

– Но в записках ясно сказано о Иерусалиме! – изумленно воскликнула Эмма.

– Я попробую объяснить. Но это непросто. Вы сейчас умывайтесь, завтракайте, а я зайду через час, и мы продолжим.

Освежившись прохладной водой, Эмма приступила к завтраку. На удивление, никакой национальной еды на столике не было. Пластиковые стаканчики фабричных йогуртов, упаковка мюсли, кувшин безвкусного пастеризованного молока и много, много фруктов.

Странное чувство охватило ее. Она увидела себя как бы со стороны. Она не выглядела несчастной, загнанной в далекую пустыню женщиной. Несмотря на то, что ее привычный и такой знакомый мир рухнул, Эмма этим нисколько не была угнетена. Все эти годы она жила как все. Устремления и уклад жизни мало отличался от тех людей, кого она знала, ее знакомых, коллег и соседей.

Эмма, как и все, следила за жизнью светских звезд и знала об их личной жизни куда больше, чем о секретах своих подруг. Ей, как и всем, хотелось оказаться на месте знаменитостей, быть богатой, известной, желанной. Истории их головокружительной карьеры были больше похожи на триллеры, где главный герой проявляет удивительные человеческие качества и, в конце концов, побеждает.

Временами в прессе появлялись сногшибательные разоблачения. Примерный семьянин, гордость Голливуда и всей Америки, оказывается, лупит свою жену последние десять лет. В порыве откровения бедная супруга звезды, недовольная многомиллионными отступными, рассказывает всю правду о своем беспутном муже. Неожиданно он предстает пьяницей, наркоманом, плохим любовником и беспринципным человеком. Читательницы рыдают, сопереживая несчастной, и даже пишут ей письма полные советов и сочувствия.

Придуманная праздная жизнь куда интересней повседневной собственной, переполненной страхами, недовольством, ревностью. Все последние изменения в ее жизни ужасны с точки зрения обывателя, грызущего попкорн перед телевизором. Кто захочет поменяться местами с Александром или Карлом Рунге? Но сейчас Эмме было совершенно очевидно, что ее предки жили поистине красочной, переполненной необыкновенными событиями жизнью. С ней сейчас происходило нечто подобное, провидение дало ей шанс окунуться в гущу ошеломляющих событий. Ей предстоял выбор: или в страхе бежать от всего этого, или взять происходящее под свой контроль.

Эмма почувствовала огромное облегчение. Как же ей повезло вырваться из плена рутины и скуки, когда невозможно вспомнить не только то, что было такого-то числа прошлого месяца, но и вчерашний день. Почувствовав необыкновенный душевный подъем, она выскочила из палатки и направилась к шатру Дорохова.

Неожиданно ее окликнул молодой женский голос. Девушка в голубом балахоне жестом предлагала следовать за ней. Под большим навесом в центре палаточного городка сидели Виктор и Сагиб. Дорохов вскочил, приглашая Эмму присоединиться к ним.

– У нас небольшие неприятности, – начал он, – только что к стоянке попыталась подъехать машина, в которой находились двое мужчин. Один из них араб из Иерусалима, а вот второй явно неместный. Он похож на молодого человека, которого учуял Садык в старом городе. Они ищут американку и предложили бедуинам хорошие деньги за помощь. Люди Сагиба отказались, сославшись на то, что их стоянка закрыта для туристов, и помочь они не смогут.

Дорохов внимательно посмотрел на Эмму и с удивлением произнес:

– Такое ощущение, что для вас эта новость не стала очередным потрясением.

– Что толку скучить от страха, – весело пропела женщина. – Чему быть того не миновать, а истязать себя я больше не буду. Помогите мне разобраться с записями деда, и тогда станет понятно, что нужно от меня этим людям.

Сидящий рядом Сагиб уважительно покачал головой и медленно произнес, обращаясь к Эмме:

– Аллах дал тебе силу смотреть в глаза опасности, для женщины это большая милость. Мой долг помочь вам, если потребуется, и оставайтесь с нами, сколько посчитаете нужным.

После этих слов бедуин рассмеялся и сказал по-арабски:

– Красивая, сильная женщина много детей нарожает, повезло тебе, Виктор, с невестой.

Сагиб удалился, а Эмма, глядя на смущенного Виктора, любопытствовала:

– Что он сказал?

– Он восхищен вашим мужеством и красотой.

– И это все? – лукаво улыбнулась Эмма.

– В общем, да, – опустив глаза, пробурчал Дорохов.

Пытаясь загладить возникшую неловкость, женщина подлила из чайника кофе в кружку Дорохова и с улыбкой протянула ему.

– То, что за вами следят, это не новость, – задумчиво произнес он. – И вы правы, не следует уделять этому излишнее внимание. Вы спросили меня, почему я думаю, что в рукописи речь идет не об Иерусалиме. Вам придется набраться терпения и выслушать мои аргументы. Начнем с того, что Карл Рунге оставил подробную инструкцию...

– Инструкцию? – иронично перебила его Эмма. – Это скорее ребус.

– Но давайте представим на секунду, что это не головоломка, как подумает любой, прочитавший эти записи, а четкая и ясная инструкция. Я с этим много раз сталкивался в старинных трактатах. Большинство исследователей это вводит в заблуждение, они ищут загадки там, где их нет. Обычно полотно повествования разбивается на множество не связанных друг с другом частей. Сложность в том, чтобы их правильно интерпретировать и каждый кусочек поставить в нужное место. Хочу напомнить, что ваш дед прямо об этом говорит: *«В заключительной части своего послания я бы хотел подвести предварительный итог наших с отцом исследований. Переходные окна, так называемые порталы, наверняка существуют. Мой отец Александр Рунге дает описание, как найти их»*.

Далее в своем рассказе Виктор упомянул о так волновавшей ее реке, упомянутой Александром Рунге. Один раз: *«Копье обретет свою силу в священном потерянном городе. Тот, кто откроет окно в другой мир, должен встать лицом к священной горе так, чтобы бегущая вода была по правую руку, и сжать копьё пальцами левой руки»*. И в другой записи: *«Нет сомнений, что перед нами разворачивается важнейшее библейское событие в истории человечества – казнь Иисуса Христа. На переднем плане гора Голгофа, солдаты и осужденные на смерть, вдали мы видим крепостные стены и реку. Нет никаких сомнений, что это река, невооруженным глазом видны даже небольшие лодки»*.

Читающего записи сбивает с толку тот факт, что Карл собирается в Иерусалим. Возможно, он хотел посмотреть этот город, и у него на это были свои причины, но он не мог не знать, что в Иерусалиме нет никакой реки, и никогда не было. В дневнике прослеживается своеобразная логика изложения, и из этого следует, что Иерусалим вряд ли может считаться потерянным городом, он всем известен.

В мемуарах дважды упоминается Турция, где расположены гора Бейкоз и подземный город Сум. В конце упоминается Иван Максимов, встреченный в Турции Александром Рунге. Ваш прадед погиб именно в Турции, в окрестностях горы Бейкоз, где он провел последние дни своей жизни. Кстати, Иван Максимов в свое время выдвинул невероятную теорию. По его мнению, древний Иерусалим, Рим, Царьград и Троя это один и тот же город, столица великой империи. И расположен он был на месте или в окрестностях Константинополя-Стамбула в сегодняшней Турции. Это идеальное географическое положение для столицы огромного царства. Правда, эта теория не получила должного подтверждения.

– Вы в это верите, Виктор?

– При первой нашей встрече я уже говорил, что в современной истории много домыслов как по датированию исторических событий, так и по местоположению городов, которые, как вы помните, могли перемещаться по примеру Царьграда или Рима. Теория Максимова и других русских ученых мне близка, так же как вашему деду была близка книга Исаака Ньютона, упомянутая в записях.

– А реки в Стамбуле есть?

– Стамбул окружен водой, как никакой другой город. Многочисленные бухты, проливы, каналы пронизывают эту местность. Есть, конечно, и реки. Под описание этот город подходит. В любом случае другого варианта у меня пока нет.

– А что за «Карта Рома» и таинственное копье, упоминаемые в тетради дедушки?

– Про копье мне ничего неизвестно, а «Карта Рома» – таинственная вещь. В старинных трактатах встречаются очень неоднозначные упоминания об этом предмете. Никто толком не знает, что это такое, одни полагают, что это карта древнего Рима, другие считают, что это дверь в преисподнюю, третьи уверены в том, что это ключ к мирозданию. Если мы отыщем «Храм Царей», то вероятно найдем и ее.

– Вы говорите «найдем», – едва сдерживая свой восторг, переспросила Эмма. – Что это значит?

– Вы все правильно поняли, – засмеялся Дорохов. – Одну я вас не отпущу и прошу взять меня с собой.

Эмма схватила руку Виктора, но испугавшись нахлынувших на нее чувств, отпрянула и прошептала:

– Я не смею подвергать вас опасности.

Дорохов, польщенный реакцией женщины, был очень убедителен:

– Во-первых, я вижу, без меня вам не разобраться в записях. Во-вторых, в Стамбуле у меня есть знакомый, к которому мы можем обратиться за помощью. В-третьих, в мусульманской стране вам необходимо сопровождение мужчины. Плюс к этому, о таком приключении мечтает любой исследователь.

– А как же ваша экспедиция, вы же что-то ищете под Иерусалимом?

– Моего отсутствия никто и не заметит. Мы раскапываем древний храм, но дело это длительное. Он интересен тем, что на стены нанесены рисунки, изображающие драконов и людей...

– Как в сказках?

– Да, примерно так, но это секрет. Нам помогает очень высокопоставленный чиновник, но если пресса узнает, то нас, скорее всего, закидают камнями местные ортодоксы.

– Так мы едем в Стамбул?

– Для начала я позвоню своему турецкому приятелю. Он археолог и в известной степени авантюрист. Его имя Мехмет Саджи. В узких кругах очень известный человек и у себя на Родине влиятельный ученый. Я с ним довольно часто сталкиваюсь на всяких научных и околонаучных конференциях, последняя два месяца назад проходила в Каире. Он живет и работает в Стамбуле и многократно приглашал меня к себе.

Разговаривая по телефону, Дорохов смешно и очень эмоционально жестикулировал. Он ходил взад-вперед, и его правая рука, свободная от телефонной трубки, рисовала невероятные картины. Можно было не вслушиваться в слова, лицезреть мимику Виктора и его правая рука описывали весь путь Эммы Рунге от Соединенных Штатов Америки до бедуинской палатки.

– Мы едем в Стамбул! – удовлетворенно резюмировал Дорохов после часовой беседы со своим турецким товарищем. – Мы обратились к тому, к кому надо, он очень заинтересовался. Мехмет уверен, что «Храмом Царей» называли либо храм Святой Софии, либо церковь Святой Ирины, стоящей прямо во дворце султанов и царей. Он считает, что название «Храм Царей» это неформальное название церкви, в которой венчались на царство византийские императоры.

– Есть одна проблема, – виновато глядя на Дорохова, прошептала Эмма. – Мой паспорт и деньги остались в сейфе отеля. Я так перепугалась, что совершенно забыла о них.

– Сначала мы поедem в отель, – успокоил ее Виктор, – затем ко мне в экспедицию, за моими вещами и сразу оттуда в аэропорт, на ближайший рейс до Стамбула.

– А если билетов не будет?

– Полетим с пересадкой, в самолетах и аэропортах с вами точно ничего не случится.

Эмме больше не хотелось говорить о злополучных записях, и она попросила Виктора рассказать о себе. Неохотно он согласился. Правда, его рассказ был скорее похож на краткую автобиографию. Родился Дорохов в 1975 году в российском городе Мурманске, расположенном за Северным полярным кругом. Отец – военный инженер, мама – врач, они и сейчас жили в этом городе. Сестер и братьев не было. Учился он в школе с углубленным изучением математики.

Почти все мальчишки Мурманска хотели стать моряками, как их отцы и братья, не исключением был и Виктор. Вместе со сверстниками он ходил в кружок «Мореплаватель», где вязал морские узлы, учился разбираться в картах, осваивал секстант. Скорее всего, Дорохов осуществил бы свою мечту и стал капитаном большого судна, но в его жизнь случайным образом влетела путевка на математическую олимпиаду в Москву.

Почему случайно? Виктор был лучшим на Мурманской олимпиаде по математике в своей школе, но только третьим в городе, а путевка в столицу СССР доставалась только победителю. Мальчик, занявший первое место, за двое суток до отлета в Москву простудился и лежал с высокой температурой. Второй финалист уехал с отцом на рыбалку на все выходные, не предполагая, что он может понадобиться.

Таким образом, Виктор впервые выехал в город, который больше его собственного, а Мурманск, кстати сказать, город маленький. Столица поразила мальчика какой-то своей неумной внутренней энергией и труднообъяснимой суетой. Здесь все куда-то бежали, особенно странно это смотрелось в метро. Первые и последние вагоны были полупустые, а те, что в середине состава, забиты людьми под завязку. И к удивлению юного математика, пассажиры стремились именно в переполненные вагоны, пытаясь выгадать несколько секунд времени на своем маршруте.

Олимпиада проходила в течение двух дней, и Дорохову не удалось войти в десятку сильнейших, а именно они и были награждены путевками в летний детский лагерь на берегу Черного моря. Несмотря на то, что он родился и вырос на море, покататься в нем не привелось в виду низкой температуры воды, и, конечно, как и все его сверстники он мечтал поплавать в теплом море. Всего в Москве участники всесоюзной олимпиады провели пять дней. В один из дней была организована экскурсия в Московский государственный университет. Виктор помнил, как его поразили этот чудо-город, возведенный для студентов и преподавателей, созданный сделать советскую науку первой в мире. Экскурсовод что-то говорил о самых больших в Советском Союзе часах на главном здании МГУ, но Виктор его почти не слушал. Он всматривался в лица студентов и пытался понять, чем же они лучше его, раз им выпала честь учиться в московском университете.

Перед ним пробегали такие же ребята, как и в родном Мурманске, и в лицах студентов не было ничего особенного. Именно в этот момент Виктор Дорохов для себя решил, что учиться он будет именно здесь.

Окончив школу с серебряной медалью, юноша отправился покорять Москву. Он без труда поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета и закончил его с красным дипломом. Студенческие годы в Москве для всякого провинциала являются существенной ломкой стереотипов, не стал исключением и Дорохов.

Первое и самое неприятное – студенты делятся на москвичей и не москвичей. Последние живут в общежитии и мечтают, чтобы после окончания университета их оставили в Москве. Единственное, что объединяло и тех и других, – это тяга к противоположному полу и нехватка денег. Подрабатывали почти все студенты.

После окончания московского университета поступило престижное предложение поработать на кафедре, но Виктор отказался, выиграв грант на учебу в Англии в знаменитом Оксфордском Университете. За рубежом он оказался первый раз и был, конечно, поражен их образом жизни.

По истечении двух лет администрация британского университета предложила ему постоянную работу и неплохой статус, но Дорохов решил вернуться домой, на родину. Ребята из России, с которыми он успел познакомиться в Англии, крутили пальцем у виска и отговаривали его. Никто из них не собирался обратно и не испытывал по этому поводу никакого дискомфорта. В то время в России было страшно и нестабильно.

Дорохов не чувствовал себя каким-то сверхпатриотом, но по России скучал, особенно по родному Мурманску с его суровым климатом и самыми открытыми на свете людьми. Дважды за время учебы в Оксфорде приходило приглашение из Московского Университета с предложением преподавательской работы.

Не сжигая мосты, Виктор взял двухмесячный отпуск и вылетел в Москву. Встречи с однокурсниками были веселыми и бесшабашными, очень напоминавшие студенческие годы. Многие ребята уехали за границу, а оставшееся большинство устроилось совсем не по специальности. В России в то время наука не пользовалась популярностью. Двое ребят из их выпуска, ставшие мужем и женой, остались работать в университете, они и познакомили его с русской версией новой истории и сопутствующей ей новой хронологией.

Теории новых русских хронологов настолько увлекли молодого математика, что он решил остаться в Москве на кафедре МГУ. Решающим фактором стала перспектива в ближайшие два года получить квартиру в столице на очень льготных условиях. Большим финансовым подспорьем стали международные археологические экспедиции, которые организовывал его приятель, преподаватель оксфордского университета шотландец Крис МакКинли. У него был талант выбивать гранты буквально по всем миру на свои исследования. Университеты Америки были главными спонсорами Криса. За глаза все его коллеги называли его не иначе как «Индиана Джонс», в честь знаменитого литературного героя – археолога.

Нынешняя экспедиция в Израиль, самая масштабная, была организована все тем же МакКинли. Для Дорохова она стала одиннадцатой их совместной экспедицией. В обязанности Виктора входил в основном анализ найденных артефактов и правильное их датирование. Кроме упомянутого выше радиоуглеродного анализа он пользовался своими собственными наработками и методиками.

Такая жизнь была ему интересна, но она не подразумевала создания семейного очага, вероятно, поэтому он до сих пор не был женат. Виктор прервал свой рассказ, обратив внимание Эммы на быстро надвигающуюся тьму.

- Алло, это Смит.
- Слушаю вас, Генри, – ответил глава отдела 4268 Курт Тейлор.
- Израильтяне дали нам адрес гостиницы, где прописалась Эмма Рунге, но она там не появлялась больше суток, похоже мисс Рунге сбежала из отеля.
- Что значит сбежала? – растерялся Тейлор. – От кого?
- Вероятно, она напугана. Камеры не зафиксировали лица грабителя. Можно предположить, что это мужчина. Действовал профессионал, это несомненно.
- Так где же мисс Рунге? – раздраженно спросил Тейлор.
- О ее местонахождении никто ничего не знает. Но есть интересная информация. Рунге, вызвав полицию, была не одна, а в сопровождении мужчины. Вместе с ним они и исчезли после происшествия, да так стремительно, что она оставила в сейфе отеля свой паспорт. Полиция взяла координаты ее спутника, это русский археолог Виктор Дорохов, ведущий раскопки под Иерусалимом.
- Что собираетесь предпринять?
- Сэр, мы полагаем, что Линда останется в гостинице ожидать возвращения Эммы, а я поеду в месторасположение экспедиции Дорохова.
- Действуйте и напрягите полицию, чтобы они искали Рунге и ее сопровождающего. И запомните, Генри, кто-то напугал Эмму, и для нас самое главное выяснить, кто это такой.
- Мы сделаем все возможное.

К полудню Виктор и Эмма были уже в Иерусалиме. Таксистом оказался бывший соотечественник Виктора, эмигрировавший в Израиль двадцать лет назад, и всю дорогу они проговорили на русском языке. В отеле Эмма забрала оставшиеся в номере вещи, документы и деньги. Через двадцать минут они уже подъезжали к месту дислокации экспедиции Дорохова.

Сами по себе раскопки велись на месте, где еще несколько лет назад стояли убогие домишки арабов мусульман. База экспедиции состояла из двенадцати одинаковых бытовок-домиков, сложенных в двухэтажную конструкцию. Встретил их лично Крис МакКинли. Пока Дорохов собирал свои вещи, Крис показывал Эмме результаты раскопок. Котлован размером в теннисный корт обнажил останки древнего сооружения. Мужчины в одинаковых оранжевых касках выполняли какую-то лишь им понятную работу. С предельной осторожностью они наполняли ящики песком и затем аккуратно поднимали вверх.

МакКинли знал Дорохова несколько лет по совместным экспедициям. Среди братства исследователей Виктор пользовался заслуженной репутацией авантюриста и ловеласа. Он не пропускал ни одной интересной загадки как и ни одной интересной женщины. И те и другие отвечали ему взаимностью и раскрывались, не устояв перед его умом и обаянием. Виктор был также известен своей способностью с кем угодно и о чем угодно договориться и найти выход из любой ситуации. В экспедициях эти качества были необыкновенно ценны,

поэтому МакКинли старался приглашать Виктора во все проекты, для которых Крису удавалось найти финансирование. Глядя на Эмму, МакКинли решил, что это очередное увлечение Виктора, которое не стоит принимать всерьез. На его памяти таких было немало.

– Увозите от нас неисправимого искателя приключений? – дружелюбно-укоризненно заметил шотландец.

– Это совсем ненадолго, – смутилась Эмма.

– Надеюсь, но не буду расспрашивать, – с легкой иронией прошептал МакКинли. – Просто верните его в целости и сохранности.

Крис предложил спуститься вниз и все осмотреть своими глазами. Честно говоря, Эмма была сильно разочарована. Неужели люди готовы отдать несколько лет своей жизни на раскопки непонятного каменного здания. МакКинли с гордостью показал рисунок на стене. По его версии на нем был изображен дракон и человек, кормящий его. Заподозрить в этих фрагментах фресок дракона было, на взгляд Эммы, по меньшей мере затруднительно.

Но МакКинли мысленно соединял едва различимые точки, рисуя картинку, и завораживающе описывал все это. Это напоминало рисунки созвездий, где россыпи звезд в чьем-то воображении неожиданно превратились в гидру, деву или медведицу. И сегодня с этим приходится соглашаться, так как преподносится публике как устоявшийся факт, над которым корпели лучшие умы. Вероятно, и обаятельному Крису удастся убедить достопочтенную публику в собственной интерпретации истлевшего рисунка.

Увлеченные люди всегда нравились Эмме, пока не переходили границу, за которой их называли уже фанатиками. Шотландец явно с трудом балансировал на этом рубеже. Ее выручил раздавшийся сверху крик Виктора, который попросил ее быстро подняться.

Оказалось, что на сегодняшний прямой рейс до Стамбула оставалось всего два билета, и те в бизнес-классе. Эмма без сожаления дала согласие на дорогие билеты привилегированного класса. Еще вчера женщина убедила Виктора в том, что финансировать их совместное путешествие будет она, и для этого у нее достаточно денег.

– Алло, босс, они в аэропорту. Рунге и ее новый знакомый. Летят в Стамбул. Я тоже взял билет, но прилечу позже их на двенадцать часов.

– Я уже знаю, куда они летят, израильтяне сообщили. Я тут по своим каналам сообщил, чтобы их «встретили» и каждый шаг отследили. Прилетишь и возьмешь операцию под свой контроль. Ты все понял?

– Не волнуйтесь, босс.

– Не напортач, как в Бостоне.

– Но я же вам докладывал, не моя в том вина.

– Ладно, проехали. И кстати, молодец, расшевелил муравейник. Жаль только, рисунков в номере не оказалось.

Во время полета Дорохов рассказал ей краткую историю заката Царьграда–Константинополя–Стамбула.

В свое время византийская империя охватывала практически весь мир. Но, как известно, все великие империи со временем терпят крах. Чем мягче и либеральней политический климат в империи, чем демократичней и нерешительней ее правитель, тем ближе она к своему распаду.

Заговоры и кровавые перевороты часто были закономерным противостоянием одной государственной группировки с другой. Так называемые «крестовые походы» следовали один за другим. В 1204 году в ходе так называемого четвертого Крестового похода Царьград был разграблен и сожжен латинянами. Интересно, что по этому поводу говорит традиционная история. Изначально рыцари при помощи венецианцев собирались в поход в святую Землю, имеется в виду Иерусалим, и, якобы в силу финансовых соглашений друг с другом, напали на Константинополь. После чего он был разграблен.

Следствием войны, как водится, стал дележ захваченного огромного государства. Обломки прежней державы провозгласили себя ее преемниками. Историки умалчивают о том, что после захвата Константинополя все рыцари-захватчики почему-то забыли о своем намерении идти в Святую Землю, будто и не собирались. Одним словом как-то не по-рыцарски получилось.

Дорохов был уверен, что рыцари изначально собирались в святая святых, а именно в Константинополь, куда и пришли. Цель похода – развал империи, точнее, ее дележ. Это был мятеж, который удался. Еще одна важная деталь: почему христианские рыцари Константинополя никогда не участвовали в походах западноевропейских рыцарей в так называемую Святую Землю, ответ очевиден и даже не требует комментариев, кто же будет объявлять войну себе самому.

В 1261 году Царьград был завоеван никейским императором Михаилом Палеологом, пытавшимся возродить Византию. После его смерти потомки Михаила продержались почти двести лет, но в 1453 году город захватили турки-османы. Город оставался столицей Османской империи до ее распада в 1922 году.

Стамбул, Турция

Воскресный Стамбул встретил Эмму и Виктора прекрасной солнечной погодой. Встречающий их мужчина оказался невысоким и полным человеком средних лет. Благостное гладко выбритое круглое лицо, по мнению Эммы, вряд ли выдавало в нем потомка грозных завоевателей. Подхватив тележку с багажом, он с невероятной легкостью и проворством, обгоняя других прилетевших пассажиров, двинулся к выходу из терминала.

Едва выйдя из аэропорта, перед ними оказался черный микроавтобус «мерседес», из которого выскочил крепкий мужчина, в считанные секунды погрузивший багаж в автомобиль. Не успели они устроиться и пристегнуть ремни безопасности, как «мерседес» резко тронулся, едва не задев проезжающую мимо машину.

До отеля добрались, как показалось Эмме, слишком быстро, минут за сорок, и она не успела дослушать рассказ Мехмета о прекрасной жене султана Сулеймана Великолепного, Роксолане. Ей достался большой красивый номер на втором этаже, а Дорохову комната под самой крышей. Гостиница принадлежала родственнику Мехмета, и за комнату на последнем этаже денег не взяли. Уже в отеле, удобно расположившись в апартаментах Эммы, Виктор дорассказал ей эту удивительную историю про турецкую султаншу, правда, уже с теми комментариями, которые отсутствовали в рассказе турка.

Роксолана – это прекрасная легенда, окутанная множеством мифов. Почти все художественные произведения о жене Сулеймана Великолепного написаны не турками, что было бы логично, а славянами, жившими намного позже султанши.

Эти «писатели» утверждают, что якобы девушку пленили татары и переправили в Стамбул, где она и попала на глаза султану. Девушка была то ли полькой, то ли русской. Некоторые полагают, что имя ее Анастасия Гавриловна Лисовская, и она дочь священника. Откуда такая уверенность, неизвестно.

Султан влюбился в рабыню, и она сделала головокружительную карьеру, став любимейшей женой. Но «биографы» старались не замечать очевидные нестыковки этого удивительного взлета.

Первая странность – это то, что султан пополнял свой гарем из ворованных славянских девиц из простых семей и затем делал их своими первыми женами. Но знать в самой империи и за ее пределами мечтала породниться с султаном, и преподнести ему своих дочерей. А он вроде как сопротивлялся изо всех сил, предпочитая простолудинок.

В то время не было принято, как сейчас, отпрыскам королевской крови связываться с тренером по фитнесу. Женитьба – политическое действие. Если правитель провозглашал одного из своих сыновей наследником, то он должен был быть уверен, что у того нет в роду наследственных заболеваний. Для этого необходимо было знать все о своей супруге и ее предках в нескольких поколениях. Это закон.

Вторая странность – это то, что все современники Сулеймана отмечали – девушка не была красивой, возможно, милой, не более. Если это так, то зачем было показывать ее султану, рискуя попасть к нему в немилость. Не проще ли было отобрать сногшибательных красоток и без особого риска преподнести их ему.

Третья странность – девушка за острый язык и веселый нрав получила прозвище «Хурем», что означает «Смеющаяся». Шутки простолюдинки из чужой страны вряд ли были бы понятны султану, даже если бы та говорила с ним на его языке. Да и кто стал бы терпеть шутки рабыни.

Четвертая странность – современники писали, что она была одной из самых образованных женщин в империи. Возникает вопрос, когда и где она стала заниматься самообразованием? В гареме? Представим себе картину: обитательницы гарема вышивают узоры, танцуют и поют, и только одна из них сидит в углу с книжкой с утра до вечера. Некоторые историки всерьез рассуждают о том, что Роксолана попросила у султана ключи от библиотеки и тем покорила его сердце. Анекдот, да и только! Входит наложница в спальню султана и с порога: «Как пройти в библиотеку?».

Сулейман I, прозванный европейцами «Великолепным», родился в 1494 году. Он по праву считается величайшим правителем из династии Османов. Прекрасно образованный монарх получил в самой Турции прозвище «Законодатель».

Покорить его сердце могла только равная ему женщина, с таким же блестящим образованием, уверенная в своем несомненном праве на престол, способная завоевать расположение знати.

Ряд других исследователей полагает, что она была очень знатного славянского рода, дочь царя-хана. Именно поэтому наследником империи стал именно ее сын, Селим, названный уже при рождении именем своего деда, отца султана.

Эмма слушала Дорохова, стоя у окна просторного гостиничного номера отеля Суменген, выходящего в сторону главных исторических достопримечательностей города. Кто она эта Роксолана? Жестокая интриганка или утонченная царица? Принцесса или рабыня? Кто она, любимейшая жена султана? И где в этих историях правда, а где ложь?

Будто угадав ее мысли, Виктор продолжал:

– Зачем писатели-историки утверждают, что жена султана – рабыня? Ответить на этот вопрос, как ни странно, очень просто. Это желание стереть христианское влияние из истории Османской империи, опорочить наследников славянской царицы. Чего стоит «известный факт», что султан Селим II – лентяй и беспробудный пьяница. Его называют даже «Селим Пьяница» и преподносят это как исторический факт. Эти же «исследователи» утверждают, что Селим погиб в бане, поскользнувшись в пьяном виде. В короткой и якобы беспутной жизни султана они обвиняют его мать и ее плохую наследственность...

– Как же так? – удивилась Эмма. – У такой необыкновенной женщины такой несуразный сын!

– Молодец девочка! – воскликнул Виктор. – Даже если допустить невозможное и представить себе, что султан прикладывался к бутылке, то он не продержался бы на троне и месяца. Строгие нравы того времени и окружение правителя просто не допустили бы этого. Да и откуда могло стать известным, как именно погиб Селим. Его старший сын, Мурад III, так почитавший своего отца, непременно скрыл бы нелюбимые обстоятельства смерти, бросившие тень на него, как наследника, и на весь род Османов.

Из окна Стамбульского отеля виднелись уходящие в небо минареты Голубой мечети, красивой величественной «сестры» другого фантастического сооружения – собора Святой Софии. Слушая рассказ своего спутника, женщина с удовлетворением отметила, что страх, преследовавший ее в последнее время, уступил место жажде приключений и радости от ее новых отношений с этим загадочным русским, который в одночасье бросил все ради нее. Такое бывает только в книжках, и то не во всех.

Она и не заметила, как Виктор обнял ее за плечи и прошептал на ухо:

– Позволь мне пригласить тебя насладиться таинственным воздухом Царьграда. Слишком долго он ждал твоего появления.

Для Эммы это было самое романтическое предложение о свидании. На перекрестке миров она находилась в обществе умнейшего и красивейшего мужчины во всей вселенной. Выйдя из отеля, они уже через несколько минут влились в многоголосую, жужжащую толпу туристов. Центральная старая площадь, раскинувшаяся от Голубой мечети до храма Святой Софии, была музеем под открытым небом.

Виктор с воодушевлением рассказывал ей о великом городе, а она наслаждалась его повествованием. Оказалось, что русские называют этот город «Стамбул», хотя турецкий, как и английский вариант предполагает прочтение «Истанбул» (Istanbul).

После полуторачасовой прогулки по старой площади Дорохов увлек ее в подземное хранилище водных запасов Царьграда. «Стамбульские подземные цистерны» произвели на женщину особенное впечатление. Собственно ее поразили не только размеры сооружения, но и отсутствие запахов затхлости, и прекрасная вентиляция. Стайки рыб то и дело вспенивали зеркальную гладь прозрачной воды к неописуемому восторгу многочисленных туристов.

Выйдя на поверхность, Эмма с удивлением заметила, что город погрузился в темноту. Стоящая напротив Святая София в свете немногочисленных прожекторов показалась ей еще более величественной и загадочной, чем при дневном освещении.

Дорохов взглянул на часы и присвистнул от удивления:

– Нам надо торопиться, через час в гостиницу придет Мехмет, и за ужином мы должны ему подробно рассказать о цели нашего визита.

Рыбный ресторанчик, в который их привел Мехмет, находился всего двух десятках метров от отеля. При этом их проводили на третий этаж ресторана, где кроме них не было

ни одного посетителя, несмотря на то, что первый и второй этажи были забиты туристами до отказа.

Стол уже был накрыт, и на нем присутствовало с десяток красиво оформленных блюд. Гигантские креветки, лобстеры, мидии, крабы, несколько сортов рыбы. Мгновенно появились горячие кукурузные лепешки и ароматные сырны палочки. Разлив по бокалам воду, официанты удалились.

– Теперь мы можем, наконец, поговорить, – с нетерпением начал Мехмет. – Я, правда, заинтригован, но совсем не понимаю, что происходит. Звонок Виктора был желанным, но уж очень неожиданным.

Виктор вытащил из принесенной с собой папки распечатанные листы мемуаров Карла Рунге. Пролистав несколько страниц, турок взмолился:

– Я не так хорошо читаю по-английски как ты. Расскажи мне все своими словами.

Слушая рассказ Дорохова о найденной тетради и зловещих Эммы, Мехмет постоянно вытирал платком вспотевшие лоб и шею. Время от времени он с жалостью смотрел на женщину и грустно мотал головой из стороны в сторону.

– Удивительная история, – раздался его хриплый голос, как только Виктор закончил свой рассказ. А что насчет «Храма Царей», о котором ты говорил по телефону?

Виктор нашел нужный листок из распечаток записей Карла Рунге: *«Карта Рома» хранится в Храме Царей, в месте, где склоняли головы великие государи. В месте, где принимали они на себя бремя правителей, стоя в центре вселенной, подобно Солнцу. Скрыта «Карта Рома» на виду у всех, в том предмете, который не всегда встретишь в других подобных местах. На него укажет выпущенная стрела. Открыть сей предмет просто, зная, что колесо времени крутится навстречу себе самому. Одному человеку это неподвластно».*

Мехмет на секунду задумался и медленно повторил:

– «В центре вселенной, подобно Солнцу...» и «карта скрыта на виду, в предмете, который не всегда встретишь в других подобных местах». Но это «Святая София», которая и называлась часто Храмом Царей, я в этом уверен.

– Вы серьезно? – не удержалась Эмма.

– Ученый должен все подмечать, – пафосно заметил Мехмет. – Коронация происходила в центре мироздания, на так называемой «карте вселенной», начертанной на полу. Интересно, что в записях говорится о предметах, которые не всегда встретишь в других подобных местах. И такие предметы, по моему мнению, в «Святой Софии» есть! Во-первых, в храме стоят два огромных каменных сосуда для воды. В основании сосудов водосточные краны, а наверху крышки. В точности, как у вас в православных храмах. И предназначаются они у вас для пресной воды.

– Для святой воды, – уточнил Дорохов.

– Да, да, для святой воды. Но в данном случае непонятно, что они там делают.

– Но, что же тут удивительного? – изумилась Эмма. – Это же древний христианский храм.

– Ставший мечетью, осмелюсь сказать, – продолжал турок. – А удивительно то, что эти предметы появились уже при султанах. Сосуды для воды были установлены внуком Сулеймана Мурадом III. Некоторые некомпетентные историки полагают, что сосуды использовались для омовения ног прибывающих в храм. Но достаточно пройти несколько сот метров до Голубой мечети, чтобы убедиться, что это невозможно. Омовение ног происходит вне стен мечети, и по-другому быть не может. Сосуды, поставленные Мурадом III, находятся в самом храме.

– Я окончательно запуталась, – расстроилась Эмма.

– Всеу есть простое объяснение, – вмешался Дорохов. – В те времена христианство и ислам были довольно близки. Султаны отдавали христианскому храму должное. Вполне возможно, что какое-то время в нем могли возносить молитвы и христиане, и мусульмане. Напомню, что в любой империи соблюдались принципы толерантности к другим обычаям и вероисповеданию.

– Может и так, – усомнился Мехмет. – Но главное, что в мечети эти предметы явно лишние. Но сосуды сразу отпадают, в них ничего не спрячешь. Я сам их исследовал, и там нет ни двойного дна, ни каких-либо других секретов.

– А что еще есть в храме, чего, я так понимаю, в других мечетях может и не быть, – спросил Дорохов.

– Да, в «Святой Софии» очень мало экспонатов, правда, следует отметить гигантские подсвечники, стоящие по обе стороны Михраба. Михраб – важнейший элемент мечети, священная молитвенная ниша, ориентированная на Каабу, – специально для Эммы пояснил Мехмет. – Это традиция, большие подсвечники стоят во многих мечетях, но, действительно, это не обязательный элемент. В некоторых мечетях нет подсвечников.

– А как выглядят эти подсвечники, – осведомился Дорохов.

– Ну, это просто, – рассмеялся Мехмет. – Завтра вы сможете тщательнейшим образом осмотреть их, ждите меня в отеле.

– Алло, сэр. Мы в Стамбуле.

– Что-то голос у вас невеселый, Генри, – зло прошипел Тейлор. – На то есть причины?

– Мы связались с властями, у них никаких предписаний по поводу Эммы Рунге и Виктора Дорохова не было на тот момент, когда они пересекли границу.

– Как не было, – взревел Тейлор. – Я лично его отправлял.

– Все так, сэр, – не скрывая своего волнения, затараторил Смит. – Но было воскресенье. Сейчас они его нашли, но это произошло сегодня, в понедельник.

– Черт знает что!

– И еще, сэр. Линда предложила разослать по отелям их фотографии, может так удастся их найти. Но полицейские посмеялись над нами, это ведь не преступники. Я лично думаю, что они поселились в частном доме.

– Аргументируйте.

– В Иерусалиме они исчезли из гостиницы. Я уже вам докладывал, что мы допросили водителя такси, который привез Рунге и Дорохова в Иерусалим. Он утверждал, что забрал их с бедуинской стоянки. Сэр! Они не просто уехали из города, они не рискнули заселиться в отель и отправились к бедуинам. Они допускают, что за ними следят, и сейчас поступят точно также. Любая гостиница это проходной двор, в частный дом или квартиру проникнуть незаметно почти невозможно.

– Может и так, – обреченно ответил Тейлор. – Возвращайтесь в Штаты...

– Но сэр, можно попробовать подключить к делу разные силовые ведомства...

– Вы их упустили! – заорал Тейлор. – Как их искать в таком огромном городе, в чужой стране. Мы толком даже не понимаем, зачем они туда отправились. Наша задача незаметно наблюдать за ними, а вы предлагаете чуть ли не войсковую операцию. Возвращайтесь немедленно.

На следующий день около полудня в гостинице появился Мехмет:

– Я принес пропуска, вы зачислены в мою исследовательскую группу. По ночам и по понедельникам в соборе идут реставрационные работы. Сегодня этими работами руководит мой хороший знакомый. Походите, осмотритесь, а когда все рабочие пойдут на обед, и зал опустеет, мы в нем останемся одни.

«Святая София» оказалась удивительным инженерным сооружением. Эмма никогда ничего подобного не видела. Громадная полусфера, покрывающая храм, будто парила в воздухе. Два десятка рабочих, словно пчелы, разместились на строительных лесах вдоль правой стены храма. Мехмет довольно долго общался в центре собора с крупным мужчиной в дорогом костюме и белой строительной каске на голове. Было совершенно очевидно, что сейчас в храме этот крупный мужчина главная фигура, и он руководит реставрационными работами. Однако с Мехметом он вел себя очень дружелюбно, даже уважительно.

Эмма в своем воображении попыталась воссоздать, что в этом месте происходило много веков назад.

Она представила себе, что главный христианский храм великой империи наполнился знатью и простыми людьми, тысячи свечей мерцающим светом озаряли покрытые золотом стены и прекрасную мозаику, отливающуюся всеми цветами радуги. Все находившиеся внутри люди возносили молитву Господу, и это было единственное место, где все присутствующие были равными друг перед другом. Это ощущение равенства давало беднякам веру в лучшее будущее, а богатым подтверждение своей избранности.

Под своды купола уносились просьбы и мольбы о помощи, огромное помещение наполнялось энергией надежды, веры и боли. Если Бог научил людей, как построить столь величественный храм, то сможет и научить их жить счастливо.

Эмма подумала, что на протяжении столетий молитвы к Господу не изменились и повторяются вновь и вновь, но правила «игры» остаются прежними. Все молятся, чтобы родители не пережили своих детей. Все хотят знать, зачем они появились на этой земле, и все хотят забронировать место в Раю. Все недовольны своим нынешним положением и претендуют на большее, мечтая опереться на плечо Всевышнего.

Люди так устроены, что они вроде как чисты в молитвах и обещают несбыточное, требуя взамен наслаждения в быту, в повседневной непростой жизни. Но выйдя из храма, будто бы освобождаются от своих обещаний, и мир вновь становится для них несправедливым.

Праведниками эти люди называют не счастливых, а несчастных, будто пытаются отыскать тех людей, кому еще хуже, чем им. Никто не готов порадоваться за других, но все готовы посочувствовать, в тайне гордясь, что они способны на это.

Эмму поразило это странное чувство, будто она беседует с Богом. Она ощутила себя без железных доспехов, в которых она должна общаться с другими людьми, без маски ласкающего лицемерия. Даже находясь один на один со своим собственным я, она лукавила, боялась признаться себе в том, что ей не давало спать по ночам. Но сейчас она почувствовала себя обнаженной. Ей почему-то было ужасно стыдно.

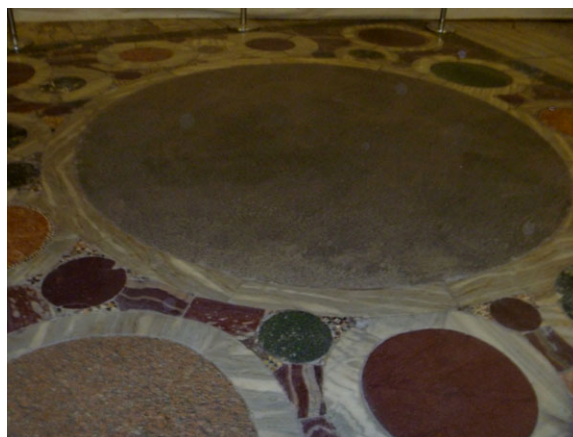
– Место необыкновенное, – голос Дорохова вернул женщину в двадцать первый век. – Чудесным образом переносишься в прошлое и сравниваешь с настоящим! Для этого и созданы столь великолепные сооружения.

Виктор наклонился к лицу Эммы и украдкой поцеловал ее в щеку. Никогда в своей жизни она не испытывала такого чувства от простого и короткого поцелуя. Для нее это была печать восхищения и какой-то нереальной преданности мужчины, который готов был последовать за ней в любую точку мира, лишь бы быть рядом.

– Пока ты предавалась размышлениям, мне удалось кое-что найти. Но давай не будем привлекать к себе излишнее внимание и прогуляемся по храму.

Описанные Мехметом мраморные сосуды были действительно большими. Два сосуда для воды были в человеческий рост, и Дорохов в восхищении изучал их.

В правой части храма на потолке под галереей Виктор обратил ее внимание на множество разнонаправленных свастик. Совсем рядом расположилась «карта вселенной» – квадратный участок пола с символизирующими планеты кругами разной величины и выложенными цветными камнями.

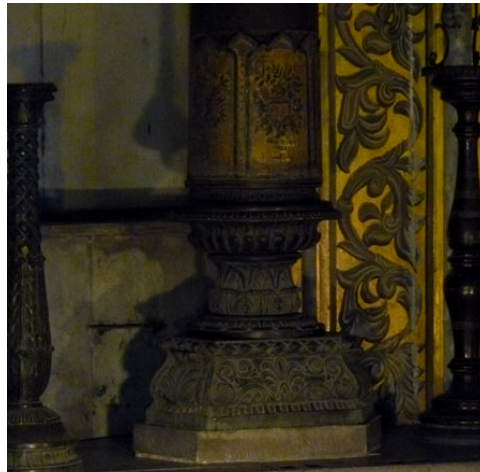

Они медленно двигались к громадным подсвечникам, стоящим по обе стороны Михраба.

– Обрати внимание на левый подсвечник, – прошептал ей на ухо Виктор. – В записях твоего деда прямо говорится о том, что в храме скрыт один предмет, а подсвечника два, и нам, видимо, нужен только один из них.

– Но почему именно левый?

– Видишь стрелку на стене рядом с подсвечником? Она указывает не только на сам подсвечник, но и с абсолютной точностью на его нижнюю круглую часть. Кроме того, стрелка показывает направление вращения нижнего «колеса». *«На него укажет выпущенная стрела. Открыть сей предмет просто, зная, что колесо времени крутится навстречу себе самому. Одному человеку это неподвластно».* Следуя инструкциям Рунге, верхнее «колесо» должно вращаться в противоположную сторону. И глядя на этот огромный подсвечник, очевидно, что одновременно вращать два «колеса» навстречу друг другу одному человеку не под силу, требуются как минимум двое.

Эмма заворуженно смотрела на начертанную на стене черную стрелу. Несомненно, у стрелки и не могло быть другого предназначения. Она схватила Дорохова за рукав и прошептала, боясь, что ее слова кто-нибудь услышит:

– Нам надо спешить, вдруг кто-нибудь заметит, что стрела прямо указывает на то, что этот подсвечник особенный. Неужели никто не задавался вопросом, зачем она выбита на стене, да еще такого размера, что не заметить ее невозможно.

– Не волнуйся, – еле сдерживая смех, отвечал Дорохов. – Сотни лет люди этого не замечали и еще столько же времени не заметят. Помни, если хочешь что-то скрыть, то расположи это на видном месте. Но все же давай не привлекать внимания реставраторов, половина из них не столько работает, сколько наблюдает за тобой.

– Я вижу себя неестественно, вызываю подозрения?

– Нет, ты просто очень красивая женщина, и мужчины не могут от тебя оторвать свой взор.

Эмма в смущении двинулась за Виктором. Огромных усилий ей стоило не обернуться на заветный подсвечник. Они были так близко к разгадке многовековой тайны.

Медленно поднимаясь на верхнюю галерею собора, женщина не могла ни о чем думать, как о тайне, скрытой в этом прекрасном месте. С верхней галереи с многометровой высоты храм выглядел совершенно по-другому. Гигантские подсвечники уже не казались такими огромными.

В дальней правой части галереи уцелело несколько старинных мозаичных изображений. Они остановились у довольно хорошо сохранившейся мозаики, где в центре находился Иисус Христос, а по правую и левую руку стояли царь с царицей.

Дорохов на протяжении долгого времени рассматривал эту картину и неожиданно обратился к Эмме:

– Не кажется тебе что-нибудь странным в этом изображении?

Женщина задумчиво отошла на несколько шагов от картины и неуверенно произнесла:

– Правая рука Христа, точнее его пальцы, сложены странным образом, я такого никогда не видела.

– Неплохо, – поддержал ее Дорохов. – Может быть, еще что-нибудь привлекает внимание?

Эмма еще раз внимательно пригляделась к мозаике и после этого разочарованно замотала головой.

– Пальцы Христа сложены в именословное перстосложение, довольно редкое в наше время. Но твоё внимание я хотел привлечь к первому и последнему словам, находящимся в

верхнем углу над царем. Эти две надписи резко отличаются от всех остальных. В первом слове с трудом читается имя Константин, а последнее слово мне не разобрать. Вполне можно предположить, что ранее вместо Константина здесь значилось другое имя, причем более короткое.

– И что же там было за имя?

– Откуда мне знать, – рассмеялся Виктор. – Мы же только что обнаружили это несоответствие, по моему опыту это очередная историческая мистификация.

– Вот вы где, – за их спинами стоял запыхавшийся Мехмет. – Через пятнадцать минут у рабочих будет небольшое собрание, и они покинут помещение минут на двадцать. – Вы готовы?

Турок очень нервничал. Вся ответственность за эту авантюру лежала на его плечах.

– У меня одно условие, – неожиданно выпалил Мехмет. – Если мы что-то найдем, то эта вещь останется в музее Стамбула.

– Я не сомневался, что ты так скажешь, – улыбнулся Виктор.

Помещение храма опустело, и Дорохов показал на стрелу, направленную на «колесо» у основания подсвечника. Мехмет восторженно присвистнул и обхватил руками нижнее «колесо». Виктор ухватился за верхнее.

– На счет ТРИ! – скомандовал Дорохов. – Раз, два, трии.

Колеса с легким скрипом стали поворачиваться друг к другу. Подсвечник «вырос» на высоту ладони, обнажив внутреннюю металлическую конструкцию, разделившую две чаши между вращаемыми колесами. Дорохов сделал предупредительный знак Мехмету, призывающий к крайней осторожности.

Мужчины стали внимательно изучать внутренности открывшейся полости. Виктор аккуратно вытащил из чрева подсвечника небольшую металлическую шкатулку размером с ладонь. Мехмет выхватил ее у него из рук и умоляюще зашипел:

– Посмотрим на нее чуть позже, нам надо скрыть следы взлома, обратно закрыть этот механизм...

Турок не успел закончить фразу, заметив, что Дорохов побледнел.

– Мы должны положить взамен шкатулки похожий по размеру предмет, – спокойно прокомментировал Виктор. – Рунге, если и открывал этот секретный механизм, то по каким-то причинам оставил «Карту Рома» на месте. Мы не сможем закрыть подсвечник, не положив шкатулку обратно. Видишь этот небольшой рычаг, если мы повернем «колеса» в обратном направлении без шкатулки, то механизм заклинит.

– Так что же делать? – взвизгнул Мехмет. – Мне голову оторвут, если узнают, что я тут с вами делал.

– Положить обратно находку, – ответил Виктор. – Или похожий по размерам предмет.

Мехмет суетливо стал разбирать свою небольшую сумку и извлек оттуда запечатанную пачку сигарет. Виктор осторожно положил ее вместо шкатулки и мужчины осторожно повернули «колеса» подсвечника в обратном направлении. «Колеса» вновь взвизгнули навстречу друг другу, и подсвечник принял свое первоначальное положение.

Через несколько минут вновь появились рабочие. Но в это время все трое взломщиков направлялись уже к выходу.

Они молча дошли до гостиницы, и только после того, как дверь номера Эммы закрылась, комната наполнилась восторженными криками. Мехмет пустился в танец, высоко над собой держа найденную реликвию. Его ноги описывали замысловатые фигуры, а себя он подбадривал какой-то энергичной песней. Поддавшись восторгу, охватившему Мехмета, Эмма и Виктор хлопали в ладоши, пытаясь попасть в такт звучащей мелодии.

Внезапно турок бросился к столу, положил на него шкатулку и без сил рухнул в кресло.

На столе лежала прямоугольная железная коробка зеленовато-песочного цвета, с выпуклым рисунком посередине.

Точно в центре располагалась окружность величиной в мелкую монету. Во все стороны от ее центра расходились восемь загнутых по часовой стрелке лучей. В торце коробки было встроено что-то, сильно напоминающее трехзначный кодовый замок, и рядом маленький рычажок с миниатюрной ручкой. На замке значились цифры 111.

– Что это? – с трудом выдавил из себя Мехмет.

– Надо полагать «Карта Рома» – ответил Дорохов, беря шкатулку в руки. – И судя по всему, ее еще предстоит открыть.

Виктор внимательно осмотрел коробку со всех сторон и протянул ее Мехмету:

– Это больше по твоей части, с обратной стороны надпись на арабском, которую мне трудно перевести.

Турок внимательно изучал надпись на тыльной стороне коробки и время от времени что-то записывал на листе бумаги. Наконец он поднялся из-за стола и торжественно зачитал переведенную надпись:

«Здесь код простой набрать ты должен,
Одна попытка у тебя,
Не торопись, сосредоточься,
Три цифры жду я от тебя.
Одна арабами любима,
Другая руссами взята.
Вода споет нам гимн величья
В тот час, когда она видна.»

– А почему так долго переводил такую короткую запись? – не удержался от дружеского укола Виктор.

Мехмет закашлялся и спокойно ответил:

– На арабском это поэтический слог, вот я и попытался сделать стихотворный перевод. На это ушло много времени.

– Потрясающе! – не выдержав нахлынувших эмоций, Эмма расцеловала турка.

– А чего вы радуетесь, – остудил их пыл Дорохов. – Это загадка, и у нас всего одна попытка решить ее.

– Но здесь все не так сложно, – возразил Мехмет. Первая цифра, особо почитаемая арабами – 4. Слова «вода споет на гимн величья в тот час, когда она видна» это ничто иное как радуга. Вода видна нам в семи цветах, а слова «споет нам гимн величья» это, несомненно, музыкальная часть, но мы знаем, что нот тоже семь. Зеленый, признанный цвет ислама, четвертый в радуге. Первая цифра четыре, последняя семь. Посередине та цифра, которую ты должен указать, ты же русский.

– Мехмет, ты гений, – вскричал Виктор. – С радугой я бы не догадался. Вот так запросто за пару минут ты раскалываешь эту загадку.

– Но насчет средней цифры у меня нет версий, – принимая комплимент, возразил Мехмет. – Может, эта цифра три или, может, шесть.

– Дорогой Мехмет, эта цифра 1. И в радуге первый цвет красный. А у нас с давних пор красная строка в летописях – первая строка. Красный угол в избе – главный и, значит, первый. Красные площади в наших городах – первостепенные. Кстати у русских есть еще понятие «красная рыба». И это понятие совсем не подразумевает рыбу с красным мясом, типа семги или форели, как многие полагают. Красной рыбой на Руси называли рыб осетровых пород, мясо которых было белым, но считалось лучшим и первым по качеству, а значит «красным».

– Виктор, я всегда гордился дружбой с тобой, восхищался твоим нестандартным мышлением, – осторожно начал турок. – Но хочу напомнить, что надпись на шкатулке предупреждает о всего одной попытке открыть ее. Давайте еще раз все обдумаем.

– Все наши умозаключения весьма логичны, – возразил Дорохов. – Первое решение, по статистике, самое правильное. Пусть решает Эмма, без нее мы бы никогда не узнали о существовании этого предмета.

– Я бы остановилась на числе 417, – уверенно произнесла женщина.

– Ну, раз так, – тяжело вздохнул Мехмет, – пусть код наберут женские руки. Не так обидно будет, если шкатулка не откроется.

Эмма повернула первое колесико и установила цифру 4, затем медленно, унимая дрожь в пальцах, повернула два следующих. На нее вызывающе смотрело число 417.

– Теперь надо потянуть рычажок на себя, – подсказал Виктор.

Медленно и очень аккуратно Эмма потянула миниатюрный рычаг на себя. Внутри шкатулки раздался глухой щелчок. Крышка разделилась на две половинки, которые сместились в противоположные стороны.

Внутри оказалась металлическая пластина, в центре которой была миниатюрная прямоугольная прорезь. Вокруг прорези был начертан тот же рисунок, что и на крышке шкатулки, только лучи были направлены против часовой стрелки. В левом верхнем углу было изображение, напоминающее якорь; с противоположной стороны – пятиконечная звезда, обрамленная луной.

– Это и есть загадочная «Карта Рома»? – разочарованно спросил Мехмет.

– Судя по всему, это она, – подтвердил Дорохов. – В любом случае, другой у нас нет. Правда, не хватает «копья» – ключа к шкатулке.

– Вверху справа расположился аналог турецкого флага, – многозначительно заметил Мехмет, разглядывая шкатулку. – Якорный крест, расположенный в левом углу раскрывшейся поверхности шкатулки, встречается на стенах катакомб ранних христиан. Составные части якорного креста – крест и полумесяц – символизируют начало жизни. Получается, что человек, активирующий «Карту Рома» входит в контакт с могущественной силой, самой главной в нашей солнечной системе. Луна есть признак внеземной силы, и контакт с ней опасен для непосвященных. Так гласят многие легенды.

– Что в Луне такого особенного кроме сказок, связанных с полнолунием? – не выдержала Эмма. – Хотя извините, я уже слышала, что луна атрибут империи, но почему?

– Луна действительно влияет на процессы, происходящие на земле, – принялся объяснять Виктор. – Мы наблюдаем приливы и отливы на нашей планете, связанные с воздействием Луны, но это верхняя часть айсберга. Влияние этой загадочной планеты или, как принято говорить, спутника занимает умы многих ученых. И мне кажется, что наши предки знали о ней куда больше, чем мы. Луна в фазе полумесяца присутствует в атрибутике империи, а после ее развала – на флагах и гербах многих стран. И всегда в «нижней» своей фазе, в виде полумесяца.

– Это так, – подтвердил слова своего товарища Мехмет.

– Я хочу вам напомнить, что в письме Александра Рунге, адресованного Эриху Валленштайну, речь идет об обратной стороне Луны, – задумчиво произнес Виктор. – Это крайне интересно.

– Что это значит? – удивилась Эмма.

– Луна всегда повернута к Земле одной своей стороной, – пояснил Дорохов. – Ее обратная сторона остается до сих пор загадкой. Но в старинных книгах она описывается как место, где рождаются летающие хрустальные замки, принесшие на Землю начало всему. Это своего рода база родоначальников всего живого на Земле. Некоторые старинные записи указывают на то, что Луна и ее стеклянные города прибыли из другого измерения и затем переселились на Землю. Переход жителей Луны на Землю был зафиксирован звездным мостом, во время которого сама Луна была повернута к земле «лицом». С тех пор Луна всегда повернута к земле одной своей стороной. В сказках всех народов мира присутствуют хрустальные замки, появляющиеся на Земле за одну ночь. Так же внезапно эти дворцы исчезают. И сегодня вокруг Луны находится множество осколков тех прекрасных замков. В честь Луны слагали церемониальные песни.

– «Лунная Соната» Людвиг ван Бетховена, – восторженно заметила Эмма. – Действительно необыкновенное произведение. Неужели все, что связано с Луной, настолько необычно?

– Необычайно и необъяснимо, – продолжал Виктор. – «Лунная соната» Бетховена многими сектами используется для медитаций. Считается, что прослушав это произведение тридцать три раза подряд, любой человек может задать вопрос, на который уже предопределен ответ. Может и так, но я не пробовал.

– Так что произойдет, если Луна повернется к нам своей скрытой стороной? – еле сдерживаясь, спросила Эмма. – Александр Рунге в письме к Валленштайну написал: «Луна отвернется от нас, и мы увидим окружающий мир совсем по-другому».

– Хороший вопрос, – отметил Дорохов. – Но никто на него не знает ответ. Это описание видений твоего прадеда. Я полагаю, что речь идет о новых знаниях для всего человечества или что-то в этом духе. Фантазировать на эту тему можно бесконечно.

– Нам сначала надо решить сегодняшние задачи, – расстроено хмыкнул турок. – У нас нет ключа. – Где нам взять это копьё, которое должно вонзиться в центр этой шкатулки.

– Давайте и далее следовать инструкциям из записей Рунге, – ободрил своего товарища Виктор, беря в руки копию этих записей. – *«Копье обретет свою силу в священном потерянном городе. Тот, кто откроет окно в другой мир, должен встать лицом к священной горе так, чтобы бегущая вода была по правую руку, и сжать копьё пальцами левой руки»*. Следуя его указаниям, мы нашли шкатулку и знаем о существовании некоего предмета, называемого «копьем». «Копье» должно активироваться в священном потерянном городе, а рядом должна быть священная гора и бегущая вода, т.е. река или пролив Босфор.

– А вот, что еще было написано у деда: *«Со священной горы, где распяли царя царей, по правую руку останется священный город, а по левую будет Храм Царей в новом городе»*. Храм Царей мы нашли. Это собор Святой Софии. Значит, где-то здесь, недалеко, у бегущей воды пролива Босфор есть какая-то священная гора, и, если ее найти и встать так, чтобы направление на «Святую Софию» было слева, то справа мы найдем священный город. Но, постойте, это должна быть гора, где распяли царя царей? Я-то полагала, что царь царей, которого распяли – это Иисус Христос, а гора – Голгофа. Я, собственно, поэтому и отправилась сразу в Иерусалим. Но как эта Голгофа может оказаться в Турции, в Стамбуле? Значит, я ошиблась, и царь царей – не Христос? – растерянно проговорила Эмма.

– Не спеши отчаиваться. Помнишь, я говорил, что Иерусалим, так же как и Царьград, могли перенести из одной географической точки в другую?

– Да, помню. Мы еще тогда рассуждали, что любая столица в древние времена должна была стоять на реке или море, а в Иерусалиме ни того, ни другого нет, – подхватила Эмма.

– Вот именно. Значит, если исходить из того, что Иерусалим был когда-то «перенесен», то вместе с ним «перенесли» и Голгофу, а настоящее местоположение города, так же как и место казни Христа постарались предать забвению. И город, таким образом, стал «потерянным». Так что будем искать Голгофу в Стамбуле или около него. Подсказка в том, что близ этой горы протекает пролив Босфор.

– Известно, что мой прадед погиб недалеко от горы Бейкоз. Может это там?

Вопрос женщины был адресован Мехмету, и тот, почесывая затылок, ответил очень туманно:

– Бейкоз – самая высокая гора в окрестностях Стамбула, местный городок имеет такое же название. Рядом находится военная база, и любые исследования очень затруднены. Есть там место поклонения в прошлом очень известному святому, но я об этом мало что знаю. Буквально накануне вашего приезда мой хороший приятель, очень известный историк, познакомил меня с интересным старцем. Он имам в небольшой мечети, находящейся не далеко от того места. Он что-то говорил о Бейкозе и о какой-то легенде и, кстати, приглашал в гости. Да у меня и адрес, и телефон его есть!

– Мехмет! – обрадовалась Эмма. – Вы найдете выход из любой ситуации.

Смущенный турок элегантно поклонился и смущенно произнес:

– Благодарю, что оценили мои скромные усилия. Завтра я отвезу вас на Бейкоз.

За полчаса до полудня за Эммой и Виктором заехал Мехмет на уже знакомом микроавтобусе «мерседес». За рулем был тот же водитель, что и в их первую встречу. Накрапывал дождь, Мраморное море заволгло полупрозрачной дымкой. Старый город сменили кварталы современного Стамбула. В отличие от исторического центра города, где преобладали деревянные дома, стилизованные под старину, а возможно таковыми и являющиеся, удаленные районы города возвышались панельными домами.

Мост через Босфор встретил их неприязненно, в узкое горлышко переправы устремилось огромное количество автомобилей. Громадные фуры нависали со всех сторон, водители нервно сигналили друг другу, пытаясь прорваться сквозь улей разномастных самоходных средств передвижения. Автомобиль Мехмета двигался довольно резво, несмотря на то, что он то и дело пропускал машины перед собой.

Вид за окном микроавтобуса казался довольно унылым и однообразным, пока они не въехали в лесистую горную местность. Многоэтажные дома остались позади, и на их пути встречались в основном небольшие аккуратные коттеджи.

В окрестностях горы Бейкоз, действительно, было множество проволочных заграждений с яркими предупреждающими знаками, информирующими о дислоцировании здесь военных. На контрольно-пропускных пунктах, встречающихся повсеместно, дежурили солдаты в полном военном обмундировании с оружием в руках.

«Мерседес» Мехмета добрался до вершины горы Бейкоз, где расположилась внушительных размеров заасфальтированная автомобильная стоянка. Путь от отеля в центре Стамбула до вершины горы занял почти полтора часа.

Каменные входные ворота вели к могиле Святого Йуши (Yusha).

Табличка, на турецком и английском языках призвана была дать некие пояснения:

YUSHA HILL AND YUSHA PROPHET

Yusha hill is the closest to and the highest hill of the Bosphorus. The tomb of Yusha and the mosque named after him were pleasantly situated on top of the hill overlooking the Black sea and the Bosphorus. The Yusha hill had been regarded as a holy place for so many centuries and different cultures and civilizations established temples there.

During the Ottoman period from the mid-sixteenth century onward Yusha Hill had been one of the frequently visited religious centers of Istanbul. Toward the end of the 18th century the number of visitors increased so much that Sultan Selim III (r. 1789 – 1808) prohibited holding religious ceremonies at the Hill.

In 1755 a small mosque was built there by Grand Vizier Yirmisekiz Celebizade Mehmet Sait Pasha (d.1761). He also got a wall built around Yusha's grave and appointed a caretaker to the tomb. The mosque was burned and then rebuilt in 1863.

ГОРА ЙУШИ И ПРОРОК ЙУША

Гора Йуши является самой высокой горой на Босфоре, а также самой близкой к нему. Захоронение Йуши и мечеть, названная в его честь, живописно расположены на самой вершине горы, откуда открывается вид на Черное море и Босфор. В течение многих веков Гора Йуши считалась святым местом, и представители разных культур и цивилизаций воздвигали там свои храмы.

Во время Оттоманского периода, начиная с середины 16 века и далее, Гора Йуши была наиболее часто посещаемым религиозным центром Стамбула. К концу XVIII в. число желающих посетить это место возросло на столько, что султан Селим III (годы правления 1789 – 1808 г.г.) запретил проведение религиозных церемоний на Горе.

В 1755 г. Великий Визирь Йирмысэкиз Челебизаде Мехмет Саит Паша (умер в 1761 г.) построил на этом месте маленькую мечеть. Он также заказал ограду вокруг могилы Йуши и назначил смотрителя захоронения. Эта мечеть сгорела и в 1863 г. была построена заново.

Могила поражала своими размерами – около семнадцати метров в длину и два в ширину. Ограда могилы была обнесена металлическим забором с многократно повторяющимся рисунком.

Внезапно появилась группа мусульманских женщин в темных платках. Они расположились вокруг могилы и, повернув ладони к небу, стали молча молиться. Мехмет едва заметным жестом показал, что Эмме и Виктору следует двигаться за ним к выходу.

– Я пойду разузнаю у местных служащих подробности захоронения, – вполголоса произнес турок, – а вы погуляйте с полчаса, пока опять не пошел дождь.

Обогнув маленькую мечеть, примыкающую к могиле святого, Виктор с Эммой вышли на безлюдную смотровую площадку. Перед ними был Босфор с тяжело нависшим над ним густым туманом. За проливом, словно декорации, возвышались густо покрытые зеленью горы, у подножия которых едва угадывались современные каменные строения.

– Странное место, – восхитилась Эмма, – и очень красивое. Здесь действительно хочется помолиться и побыть наедине с самим собой и Богом. Виктор, ты чем-то озабочен?

Дорохов облокотился на облезлые перила железной ограды и разочарованно заметил:

– Пока никакого потерянного города или старинной крепости не видно. Ни при подъезде к могиле святого, ни с этой смотровой площадки. Надо спрашивать продавцов сувениров, они всегда все знают.

Сувенирные лавки расположились прямо на краю автостоянки. Их было немного – не более десятка. Каждая из них была сверху донизу забита яркими предметами разной величины. Но, к изумлению Эммы и Виктора, не было ни одного сувенира, изображающего могилу похороненного здесь святого. Ни одной открытки, ни одного описания.

Попытки поговорить с торговцами закончились ничем. Никто ни слова не знал по-английски. Сразу стало понятно, что иностранцы это место посещают редко. Язык жестов, на который охотно откликнулись местные турки, только подтвердил тот поразительный факт, что сувениров, посвященных месту поклонения, нет. Это было просто невероятно – памятник, за которым тщательно ухаживают, есть, но нет даже сувенирной фотографии этого места.

В этот момент у сувенирных лавок появилась стайка женщин, покинувших могилу святого. Только сейчас Эмма заметила наличие большого экскурсионного автобуса на автостоянке.

– Женщины выглядят усталыми, но очень счастливыми, – с придыханием прокомментировала Эмма.

– Именно так, – за ее спиной раздался голос Мехмета. – Они ехали сюда из Измира больше восьми часов. Я успел побеседовать с женщиной, организатором поездки. По ее словам это место святое для мусульман, дарующее избавление от болезней и женское счастье. Она подчеркнула, что это одно из самых загадочных и почитаемых мест в Турции.

– Пойдите пока здесь, – попросил Виктор, – а я еще раз схожу к захоронению. Хочу не спеша все рассмотреть и подумать.

Он отсутствовал минут двадцать, а когда вернулся, вид у него был восторженный и несколько ошеломленный.

– Друзья мои! – еле сдерживался Дорохов. – Возможно, мы на пороге открытия. Эмма, мне нужно посмотреть на копию мемуаров твоего деда.

Дорохов довольно быстро нашел нужные ему записи и торжественно произнес:

– Сейчас я процитирую две записи, и затем, надеюсь, все сразу встанет на свои места.

«Многие вещи мне не были до конца понятны, в частности описание отцом найденной им старинной немецкой гравюры. “Нет сомнений, что перед нами разворачивается важнейшее библейское событие в истории человечества – казнь Иисуса Христа. На переднем плане гора Голгофа, солдаты и осужденные на смерть, вдали мы видим крепостные стены и реку. Нет никаких сомнений, что это река, невооруженным глазом видны даже небольшие подки”».

«Несмотря на свой преклонный возраст, я стал готовиться для посещения Иерусалима. Отец оставил следующую любопытную запись, переведенную им с

арабского манускрипта: “Со священной горы, где распяли царя царей, по правую руку останется священный город, а по левую будет Храм Царей в новом городе”».

– Итак, – распалялся Виктор, – в записях приводится описание немецкой гравюры и упоминается река, но, как мы и предполагали, это не река, а пролив Босфор. В дневнике подчеркивается, что это «немецкая гравюра». В данном контексте я полагаю, что слово «немецкая» подразумевает «заслуживающая доверия», иначе говоря, Александр Рунге доверял источнику, показавшему ему эту гравюру. Это сейчас, в век Интернет за несколько секунд можно найти десятки подобных гравюр, а в те времена это несомненно было таинством. У Александра в Германии был доступ и к так называемым тайным обществам, и к всевозможным архивам.

– Интересный взгляд на простое слово «немецкий», – недоверчиво пробурчал Мехмет.

– Уважаемый коллега, – примирительно согласился Дорохов, – прости мне мою легкую фантазию, но ею я хотел сосредоточить дальнейшее ваше внимание на незначительных, на первый взгляд, деталях. Во втором отрывке говорится о желании посетить Иерусалим и приводится цитата о священной горе, где распяли царя царей. Давайте посмотрим на удивительные вещи, которые сейчас предстали перед нашими глазами. На табличке, которую мы только что видели, черным по белому написано «Пророк Йуша». Вы понимаете? Написано «пророк»! И этого никто не замечает! Царь царей – повелитель царей, тот, кто выше их всех. Имена Йуша, Юша, Иисус есть одно и то же имя, произносимое разными народами немного на свой манер. Православные называют Йушу «Иисусом».

– Божий посланник, – осекся от произнесенного Мехмет.

– Из официальной версии вытекает, – продолжал Виктор, – что «в течение многих веков Гора Йуши считалась святым местом, и представители разных культур и цивилизаций воздвигали там свои храмы». А в конце XVIII века султан был вынужден даже ограничить паломничество в дни праздников к этому месту. Что это означает, Мехмет?

– Выходит, место было необычайно популярным, – с готовностью отозвался турок. – В дни праздников боялись толпотворений и давки. Сколько же народу сюда приходило! Уму непостижимо!

– Хочу еще раз сосредоточить ваше внимание на деталях, – уверенно продолжал Дорохов. – А именно на том, что на этой горе воздвигали свои храмы представители не только разных культур, но, подчеркиваю, и разных цивилизаций.

– И еще одна важная деталь, – не удержался Мехмет, – на табличке отсутствуют не только даты рождения и смерти, но и вообще какая-либо информация о святом. Я с таким сталкиваюсь впервые. Этот факт сам по себе поразителен.

– Но место поклонения находится довольно далеко от центра Стамбула, – вмешалась Эмма. – Я посмотрела сейчас Интернет, от центра города тридцать с лишним километров, и это по прямой. Мы же сегодня ехали сюда полтора часа на современном автомобиле, по современной дороге, не замечая горных спусков и подъемов, пересекая мост. Тот же путь пешком мог занять до двух дней в одну сторону. И это путь по горной малонаселенной местности.

– Но можно добраться на лодке по Босфору, – возразил Мехмет. – В Византии, а затем в Стамбуле самым популярным транспортом была гребная лодка на четверых и более гребцов. Удобный пирс – с пролива вы попадаете сразу к подножию священной горы. С горой связано имя великого человека. Мы о нем ничего не знаем, но разве шли бы толпы людей к могиле неизвестного? Очевидно, что они прекрасно знали, куда и к кому они идут. Получается, что в Турции это в прошлом одно из самых почитаемых мест. Более того, нам говорят, что это святое место для разных конфессий, и у них здесь стояли свои храмы. Но сейчас оно даже отсутствует в путеводителях по Стамбулу. Почему не осталось никаких исторических документов? А их не могло не быть. Похоже на спланированный перенос этого святого места, причем совместно принятый разными религиозными объединениями. Здесь же стерты все следы когда-то стоящих в этом месте храмов.

– Друзья мои, хочу обратить ваше внимание на один любопытный фрагмент, – Виктор с энтузиазмом потянул Эмму и Мехмета за собой.

Вместе они вернулись к захоронению, и Виктор указал на рисунок ограды.

Мехмет с удивлением констатировал:

– Изображены стилизованные лилии. В Византии лилия была знаком причастности только к особам царского рода. Этот знак принят во многих королевских домах Европы.

– Верно, – подтвердил выводы своего товарища Виктор. – И этот орнамент из четырех лилий образует крест. Если присмотреться, то мы увидим восьмиконечный крест.

– Что все это значит? – растерялась Эмма. – Причем здесь ограда?

– Такую ограду использовали для захоронения лиц королевской крови, причем, заметь, христиан королевской крови, – пояснил Виктор.

– Но как же так, – изумилась Эмма. – По-вашему, пророк Йуша был принцем или королем...

– А может и императором, – заключил Дорохов. – Немало исследователей вообще и моих коллег в частности, полагают, что Иисус Христос был царем или императором. И это вполне логично. Только правитель или его ближайший родственник мог стать в то время столь широко известным и на столь большой территории, что спустя несколько столетий все также оставался в народной памяти. Ведь именно огромная популярность Христа триста лет спустя заставила Никейский собор признать его символом веры. В отсутствие средств массовой информации в то время, никакой сын плотника или блаженный на осле не смог бы завоевать такую известность, какие бы чудеса ни творил. Так что Христос был царской крови, и, вполне возможно, он удостоился таких почестей, будучи человеком необыкновенным и почитаемым в народе, но несправедливо казненным.

– Так что же получается, – уточнила Эмма, – пророк Йуша это никто иной как Иисус – царь царей в прямом и переносном смысле? Но почему его могила таких размеров?

– Возможно это не могила, – пояснил Дорохов, – а место казни. Этим и определяются размеры огороженной площадки.

– Скорее всего, это символическое захоронение, – отметил Мехмет. – Такие гигантские могилы встречаются не только в Турции, но и в других странах. В прошлом году подобное захоронение я видел, будучи членом международной экспедиции, в окрестностях старинного города Бухары в благословенном Узбекистане.

– Значит, мы стоим на настоящей Голгофе! – воскликнула Эмма.

– Да, – ответил Виктор, – и этому есть еще одно безусловное подтверждение.

Эмма и Мехмет с удивлением посмотрели на Дорохова, но тот, не давая им опомниться, жестом пригласил следовать за собой. За сувенирными лавочками расположилось небольшое кафе, и они вышли на его открытую площадку.

– Мехмет, где у нас центр Стамбула со «Святой Софией»? Встань так, чтобы направление на храм было от тебя слева.

Мехмет быстро сориентировался и повернулся к Эмме и Виктору спиной. Молодые люди заняли такую же позицию, и Дорохов продолжил:

– А теперь посмотрите, что у нас внизу справа.

Сквозь деревья их взору предстали старинные развалины.

До крепости они ехали около десяти минут. Видимо, пропустив гостевую автостоянку, они припарковали машину не далеко от двух чудом сохранившихся сторожевых башен.

Именно в этот момент водитель микроавтобуса стал что-то настороженно нашептывать Мехмету. Но тот успокоил его и весело рассмеялся.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Эмма.

– Пустяки, – успокоил ее Мехмет, выходя из машины.

Водитель «мерседеса» остался в автомобиле, лениво погружившись в чтение многостраничной газеты, а Эмма, Виктор и Мехмет отправились к развалинам крепости. К их удивлению и разочарованию, вход внутрь цитадели был закрыт, и табличка на воротах извещала посетителей о проведении археологических работ.

Экскурсия вдоль стен крепости оказалась недолгой. Правая часть стены, примыкающая к двум господствующим на этой высоте башням, была недоступна для осмотра. Со стороны Босфора в нее врезалась металлическая сетка, увенчанная сверху двумя рядами колючей проволоки. Левая часть стены была обозрима всего на несколько десятков метров.

Мехмет предложил не отчаиваться и пообедать в ресторане, примостившемся у самых развалин. Они выбрали столик на самой дальней террасе ресторана, где открывался прекрасный вид на Босфор, и угадывались очертания центра Стамбула.

Не успели они сделать заказ, как Виктор поднялся со своего места и извиняющимся тоном произнес:

– Я вынужден еще раз вас ненадолго покинуть. Мне нужно кое-что проверить, дайте мне полчаса.

После этих слов он быстро удалился. Эмма в растерянности посмотрела на турка, но тот хитро улыбнулся:

– Дорохов только что доказал, что он первоклассный исследователь, и, если он говорит, что ему необходимо еще немного времени, то давайте предоставим ему это время, а сами насладимся турецкой кухней.

На пустую террасу ресторана ввалилась большая группа туристов и принялась шумно рассаживаться за столики. Стайка официантов деловито без суеты кружилась перед вновь прибывшими клиентами. Через несколько минут появился гид и громогласно объявил по-английски:

– Дамы и господа! Мы с вами заехали передохнуть и пообедать в прекрасный ресторан, как видите, находящийся у развалин древней христианской крепости.

Экскурсовода абсолютно не смутило, что за столиками ресторана в непосредственной близости от него сидели люди не из его группы. Нагловатый тон гида и манера поведения весьма удачно сочетались с его внешностью. Невысокий коренастый турок лет пятидесяти, с плутовской улыбкой на красном лице был одет броско или скорее вызывающе. Прежде всего ковбойская кожаная шляпа, залихватски сдвинутая на лоб. Странного вида темный короткий плащ, бордовые джинсы и пара замызганных кед завершали ансамбль. Впрочем, такого гида в толпе не потеряешь.

Для Эммы было весьма любопытно, что мужчина в странном одеянии много говорил об использовании этих мест для охоты султана, о выходе в черное море, о пиратах, мореплавателях, о чем угодно, только не о крепости. Кто-то все-таки поинтересовался самой крепостью, датой ее постройки и причиной разрушения. Гид отнес создание крепости во времена до нашей эры, упомянул Александра Македонского, а причиной разрушения назвал налеты неких могущественных кочевников. После этого почему-то назвал руины крепости незначительным историческим памятником. На замечание, что на вывеске перед крепостью стоят даты 1261-1282, невозмутимо ответил, что это годы восстановления древней крепости и окончательного ее упадка.

Прошел почти час, а Виктор не появлялся. Мехмет стал заметно нервничать и предложил позвонить Дорохову. Но к их радости знакомая трель мобильного телефона раздавалась совсем рядом.

Виктор появился с противоположной стороны. Он пришел со стороны Босфора, из того места, куда проход был закрыт. Там, на первый взгляд, было невозможно пройти. Густой низкорослый кустарник создавал видимость непреодолимого препятствия.

– Ты заставил нас волноваться, – укоризненно воскликнула Эмма.

– Мы на некоторые вещи не обратили должного внимания, – сходу начал Дорохов, – а именно на кресты, вмонтированные во внешние стены крепости. Сейчас вы все поймете, вставляйте.

Дорохов шел, весело мурлыча, какую-то победоносную мелодию. Мехмет потирал руки, воодушевленный предстоящими открытиями. Не пройдя и сотни шагов, они остановились у стены, и Виктор указал на каменную плиту с изображением креста.

– Видите, это восьмиконечный крест, схожий с крестом на ограде захоронения. Крест символизирует христианскую крепость.

Отойдя в сторону на несколько шагов, Дорохов привлек внимание своих спутников к другой каменной плите, на которой был изображен крест с трилистником на концах.

– Не может быть, – голос турка задрожал. – Лилия в кресте на стенах дворца – древний византийский знак резиденции царя или патриарха.

– Именно так, – подхватил Дорохов. – Священный город – царская резиденция. А пророк похоронен или казнен на священной горе в непосредственной близости от нее. Его захоронение было позже удостоено царских почестей, и одну из них воплотили в виде ограды, на которой присутствует сочетание креста и лилий.

– У основания креста изображен полумесяц, – глядя на плиту в стене, воскликнул Мехмет.

– Символ веры и могущества, – торжественно произнес Виктор. – Полумесяц под крестом – символ православной веры и великой древней империи.

– После завоевания Константинополя оттоманы оставили полумесяц, как символ великой страны, а крест заменили звездой, – согласился Мехмет.

– Но на ограде могилы Йуши нет изображения луны, – робко заметила Эмма.

Дорохов задумался и, беззвучно шевеля губами, стал о чем-то рассуждать сам с собой. Мехмет и Эмма напряженно молчали, боясь сбить Виктора с его размышлений. Через несколько минут он выхватил свой фотоаппарат и стал сосредоточенно вглядываться в открывшуюся фотографию. Эмма краем глаза заметила, что это был снимок ограды на могиле пророка.

– Есть луна, – наконец произнес он, показывая фотографию. – Каждая оконечность креста заканчивается полумесяцем. Я поначалу не мог понять, почему у креста такие округлые формы. Посмотрите, какое удивительное сочетание креста, лилий и полумесяца! Да это просто образец геральдики. Совершенные формы, необычайная простота и сочетание трех главных атрибутов власти и веры.

– Может это все только совпадение, – задумчиво пробурчал турок. – Но не могу не обратить ваше внимание на еще одну «случайность». Ты, Виктор, указал на то, что рисунок совершенен. В древности, в дохристианскую эпоху лилия и полумесяц означали власть повелителя, вождя, императора, называйте как угодно. В те времена от основания лилии шли два полумесяца, окружавших ее с обеих сторон. Полумесяц – символ прироста и возрождения, что связано со сменой лунных фаз. Два рога полумесяца означают удвоение, поскольку рог является символом изобилия.

– Действительно, – не удержалась Эмма. – На ограде каждую лилию окружают два полумесяца, перетекая в рисунок следующей лилии.

Дорохов, будто вспомнив что-то, стал быстро листать «страницы» на своем сотовом телефоне и, наконец, удовлетворенно представил фотографию, на которой был изображен флюгер.

– Все это атрибуты империи, – уверенно продолжал Виктор. – Несколько лет тому назад я ездил в Лондон на конференцию, посвященную Британской империи. Один итальянский ученый обратил всеобщее внимание на флюгеры в белом Тауэре. Это один из них. Венчает флюгер императорская корона, на которой четыре лилии, четыре креста с трилистником и восемь восьмиконечных крестов. Поверх короны изображен странный знак, он-то и вызвал горячую дискуссию. Итальянец утверждал, что это четыре луны, изображенные в виде четырехконечного и восьмиконечного креста одновременно. Каждая из лун изображена как полумесяц. На четыре стороны света, утверждал он, направлено имя Иисуса – IC. Верхняя часть флюгера, а именно четыре луны, должна была крутиться постоянно при дуновении ветра, имитируя образ полумесяца, в отличие от самого флюгера, показывающего направление ветра. Египетский ученый, коптский священник, подтвердил слова итальянца и добавил, что такие приспособления и сегодня используются для медитаций, но крайне редко. Он обратил наше внимание на круг посреди каждого полумесяца и пояснил: так часто изображали трилистный крест в полумесяце. Мы с вами только что видели такой крест на каменной плите, вмонтированной в стену крепости.

– Сокращенный вариант, – недоверчиво усмехнулся Мехмет.

– Зря смеешься, – парировал Виктор. – Крест-трилистник только одной своей окружностью касается полумесяца, она и сохранена. Копт пояснил, что луна с крестом слишком громоздкая конструкция для устройства, приводимого в действие ветром, и его часто заменяли именно такой урезанной версией.

– Но что это нам дает? – вмешалась Эмма.

– Очень многое! Все выше сказанное подтверждает правильный ход наших мыслей. А если ко всему этому добавить название города-крепости, написанное на сувенирной открытке... – загадочно произнес Виктор и протянул ее турку. – Мехмет прочитай!

– Йорос!

– Или правильной «Иерос». По-гречески Иерос (Hieros) – «священный», – улыбнулся Дорохов. – В сущности Иеросалим это священный город, поэтому вполне обосновано называть его просто Иерос. Латиняне священный город называли Иеросалим (Hierosolyma), оставив по сути прежнее название. Кстати, в разных языках Иерусалим пишется по-разному: по-болгарски – «Йерусалим», по-македонски – «Ерусалим», по-русски – «Иерусалим». Старое церковно-славянское и русское написание слова «Иерусалим» было через «о» – «Иеросалим», но в XVII веке его заменили на современное «Иерусалим». В других источниках он назывался также Ершалаимом.

– Откуда ты все это знаешь! – восхитился Мехмет.

Не обращая внимания на легкую иронию в голосе своего товарища, Виктор продолжил:

– До 1261 года город принадлежал Латинской империи, которая пала под натиском никейского императора Михаила Палеолога. Удивительное совпадение, что именно 1261 год значится как год постройки крепости, и, совершенно очевидно, что захватчики ее разрушили и восстановили. Вернулось и старое греческое название города-крепости.

Мехмет несколько секунд молчал и дрожащим голосом выдавил из себя:

– Иерусалим. Так значит, «Йорос» – не что иное, как немного искаженное сокращение от слова «Иерусалим»?

– Да! – одновременно ответили ему Виктор и Эмма.

– Иерусалим мог географически перемещаться, – продолжал рассуждать Дорохов. – Периодическая смена месторасположения Царьградов это только подтверждает. Небольшое искажение названий присутствует у большинства исторических памятников. Записи Карла Рунге привели нас сюда. В этом месте мы нашли множество доказательств тому, что именно здесь мог находиться древний Иерусалим. Могила пророка, о которой якобы никто ничего не знает. Священная гора – место поклонений разных культур и цивилизаций, но построенные на ней храмы бесследно исчезли. Город-крепость с удивительно знакомым названием, отмеченная знаком, как царская резиденция со стертой историей. Все это похоже на спланированный перенос города и связанных с ним святынь. И это еще не все, – загадочно добавил Дорохов. – Хотелось бы процитировать еще одну запись из дневника: *«Копье обретет свою силу в священном потерянном городе. Тот, кто откроет окно в другой мир, должен встать лицом к священной горе так, чтобы бегущая вода была по правую руку, и сжать копьё пальцами левой руки»*. Я побывал в крепости, и она подходит, как никакая другая. В центре цитадели это прекрасно видно...

– Ты был внутри крепости? – изумилась Эмма. – Неужели перебрался через эти высокие стены?

– Мне удалось обойти крепость со стороны Босфора. Отдельные несознательные граждане, спасибо им, игнорируя запреты, протоптали вдоль крепостных стен едва заметную тропинку. Я нашел два входа внутрь крепости в небольших стенных арках. Там нет ничего интересного, за исключением очень странных раскопок. В центре площади окруженной стенами снят грунт на участке в несколько десятков квадратных метров. Но все это не огорожено и сделано непрофессионально и наспех. Самое странное, что свежим собранным грунтом завалили чрева нескольких башен.

– Не может быть! – ахнул Мехмет. – Так археологи не могут поступить, я сообщу об этом безобразии в Стамбул. Но что там искали, что ты увидел?

– Не далеко от внутренней стены, к которой примыкают те две башни, с осмотра которых мы и начали свою экскурсию, вырыт прямоугольник. Со стороны стены глубина около метра, но ближе к центру крепости не более двадцати сантиметров. Внизу ровная площадка из камня, какими в старые времена мостили площади. Но вот под этими камнями находится каменное основание из очень плотно пригнанных друг к другу каменных плит, больше напоминающих пол в помещении.

– И это все! – удивился Мехмет.

– Очевидно, что раскопки брошены, – резюмировал Дорохов. – А вот нашли что-то или нет – хороший вопрос.

– Почему тебя так заинтересовало каменное основание из пригнанных друг к другу плит, – поинтересовалась Эмма.

– Обратите внимание, – продолжал Виктор, – даже из ресторана видно, что крепость многоуровневая, кольца стен сменяют друг друга. Из того места, где мы сейчас с вами сидим видна въездная арка. От нее до башен главной цитадели расположена площадь, она, как мы видим, и сейчас плоская, под небольшим углом поднимающаяся к стене с четырьмя башнями. На площади смог взойти только низкорослый кустарник, нет никаких деревьев. Похоже на несколько метров каменной кладки, без сомнения крепость уходит внутрь горы.

Дорохов вскочил с места, и, указывая рукой на одну из башен, произнес:

– Она стоит напротив арки, и, посмотрите, на ее стенах виднеются остатки разбитой надписи. Надпись, скорее всего, сбита намеренно, но все равно не удалось уничтожить некоторые буквы. Это те же буквы, что были приняты в Византии – смесь из латиницы и кириллицы. Кому понадобилось ее сбивать, и что могло быть написано, как не название города.

Эмма и Мехмет по очереди рассматривали башню с остатками надписи в мощную подзорную трубу.

– Предположим, мы нашли потерянный город, – медленно проговорил Дорохов. – Очевидно, что открыть «окно» или портал суждено именно Эмме. Но она не сможет пробраться в крепость той дорогой, которой прошел я. Слишком опасно, впрочем, и копья у нас нет.

Воцарилась пауза, которую неуверенно прервал Мехмет:

– Я вам говорил, есть имам, который может нам помочь. Мне сказали, что он мастер суфийского ордена.

Все трое направились к ожидавшему их микроавтобусу. Пока турок звонил имаму, Эмма шепотом спросила, что такое суфийский орден. Туманный ответ Виктора, что это мистическое направление в исламе, не прояснил ситуации, а лишь окутал ее пеленой таинственности.

– Он согласился нас принять, – немного нервничая, заговорил Мехмет. – Но у нас есть еще одна проблема, о которой я не хотел сначала говорить. Имам, к моему удивлению, предупредил сейчас, что за нами могут следить, но на мои расспросы не стал отвечать. Мой водитель уверен, что неизвестная машина преследует нас. Он ее заметил в первую нашу остановку на вершине горы. Из этого автомобиля никто не выходил, а когда мы двинулись в сторону крепости, она последовала за нами. Мы оставили свой автомобиль не там, где паркуют свои машины туристы, и подозрительный седан «БМВ» темно синего цвета остановился неподалеку. Об этом мне сообщил водитель, когда мы собрались покинуть наш микроавтобус, чтобы направиться к развалинам крепости.

Водитель микроавтобуса подтвердил опасения Мехмета. От подозрительной машины никто не отлучался. Однако он заметил, что двое мужчин покинули ее на пару минут, видно, по малой нужде. Описать их внешность он не смог, сказал только, что вели они себя подозрительно.

Мехмет долго сидел молча, затем, повернувшись к Виктору, процедил:

– Поедем к суфию, попробуем оторваться.

Микроавтобус резко сорвался с места и помчался по горной дороге. Через несколько километров автомобиль свернул на довольно узкую и абсолютно безлюдную дорогу. Но темно синяя машина не отставала и продолжала преследовать их. Уйти от погони не получалось, несмотря на ужасающую скорость. Видимо поняв, что слежка раскрыта, «БМВ» прибавил газу и, поравнявшись с микроавтобусом, попытался подрезать его. Водитель Мехмета оказался не робкого десятка и не свернул, ударив «БМВ» в правое крыло. Но это только распалило преследователей. Поравнявшись вновь с «мерседесом», из машины вытянулась рука, держащая пистолет с глушителем и приказывающая остановиться.

– Дави на газ, – зарычал Мехмет водителю и совершенно беспомощно взмолился:

– Дорохов, что делать?

– Давить на газ, что есть силы, – спокойно произнес Виктор.

– Я это уже сказал. Что еще?

В это время Дорохов перебрался в багажное отделение микроавтобуса:

– Мехмет, крикни мне, когда будет резкий поворот.

– Прямо сейчас, – заорал Мехмет.

Раздался звук разбиваемого стекла, затем жуткий скрип тормозов и оглушительный удар.

– Мехмет! Попроси водителя затормозить, – заорал Дорохов.

– Ты уверен?

– Да! Быстрее.

Виктор выбрался из остановившегося микроавтобуса и помчался назад к повороту, на котором произошла авария. Эмму трясло. Мехмет, пытаясь привести ее в чувство, что-то говорил, но она не слышала. Страх сковал ее тело, будто замуровал в ледяную глыбу. Она не чувствовала ни рук, ни ног. Струя воды, хлынувшая в лицо, стала возвращать ее к

действительности. Водитель виновато улыбался, держа в руках полупустую бутылку с минеральной водой.

Настойчивый телефонный звонок окончательно отрезвил ее. Телефонная трубка прокричала:

– «БМВ» в овраге, водитель и пассажир, кажется, погибли!

– Сейчас мы подъедем Виктор, не волнуйся, – Эмма сама удивилась своему спокойному и решительному тону.

Микроавтобус остановился у стоящего на обочине Дорохова. Первой из машины выскочила Эмма:

– Я должна взглянуть, кто нас преследовал.

Не дожидаясь ответа, она стала быстро спускаться к разбитому автомобилю. Искореженная «БМВ» пролетела не менее десяти метров вниз и распласталась среди сломанных ею деревьев. Двигатель машины врезался в салон и раздавил грудную клетку водителя. Голова мужчины безжизненно уперлась в остатки руля.

Второй мужчина вылетел через лобовое стекло и висел в полуметре над землей, на сломанных ветках поваленного дерева, прямо перед разможенным капотом. Он не подавал признаков жизни.

– Эмма! Не подходи к ним! – прокричал, бегущий за ней Дорохов.

– Я в порядке, – спокойно ответила женщина.

Вслед за ними спустился водитель микроавтобуса. Он был крайне возбужден и, не обращая внимания на развернувшуюся трагедию, стал очень быстро и эмоционально что-то говорить по-турецки, обращаясь поочередно то к Виктору, то к Эмме. Осознавая, что его не понимают, он свои слова подкреплял красноречивыми жестами.

Хватаясь за бедро, он показывал вверх, где остановился «мерседес». Его лицо выражало страдание и испуг.

– Эмма, отойди за деревья, не подходи и ничего не трогай!

После этих слов Дорохов бросился вместе с водителем вверх к машине. Мехмет лежал на заднем сиденье, обхватив двумя руками ногу. Кровь струилась у него между пальцев.

– Говори со мной! – как можно спокойнее обратился к нему Виктор, одновременно разрезая штанину ножницами из аптечки.

– Что говорит? – хрипло отозвался Мехмет. – Я сразу и не заметил...

– Теперь молчи, – разрывая штанину, прошептал Дорохов.

Через несколько минут рана на бедре Мехмета была обработана и перевязана.

– Пуля прошла навывлет, – успокаивал товарища Виктор. – Едва тебя задела, и жизни твоей ничего не угрожает.

– В меня стреляли? – в отчаяние вскрикнул Мехмет.

Оторопевшего водителя Дорохов заставил открыть капот и уткнуться в него, изображая банальную неисправность. Убедившись, что он выполняет указанную роль, Дорохов помчался вниз к Эмме.

Женщина не послушала его и сидела у огромной ели. На ее коленях лежал выброшенный из машины мужчина. Дорохов подскочил в тот самый момент, когда мужчина пришел на мгновение в сознание, что-то пытаясь сказать.

– Помогите мне, – прохрипел он.

После этих слов мужчина потерял сознание. Эмма в растерянности и с мольбой посмотрела на Виктора. Убедившись, что водитель «БМВ», застрявший в машине, не подает признаков жизни, Дорохов подхватил тело второго раненного мужчины и стал карабкаться вверх.

Бессознательное окровавленное тело незнакомца было помещено рядом с раненым Мехметом, несмотря на протесты последнего. Между ними примостилась Эмма. Виктор и водитель еще несколько минут суеились вокруг микроавтобуса и, наконец, все тронулись в путь.

– Что происходит? – тихо спросил Мехмет. – Куда мы едем?

– Мы едем в ближайшую больницу, – ответил Виктор.

– Нет, подождите, – еле слышно произнес, очнувшийся мужчина из разбитого «БМВ». – Мне нельзя в больницу. Наша организация не оставит меня в живых, скорее всего я не доживу и до утра. У меня есть номер телефона на случай непредвиденных обстоятельств, позвоните и меня заберут...

– По вашей логике, – жестко перебил его Дорохов, – если мы воспользуемся этим телефоном, то избавятся и от вас, и от всех нас. Вы американец?

– Да, – подтвердил мужчина. – Наверное, вы правы, звонить не нужно. Пусть будет больница, но прошу, оставьте меня у ее дверей инкогнито, и, пожалуйста, достаньте из правого кармана куртки мои документы и уничтожьте...

– Ты в меня стрелял! – истошно закричал Мехмет. – И еще указываешь, что нам делать...

– Он отключился, – тихо произнес Виктор.

– Не надо больницы, – скрипя зубами, процедил Мехмет. – Многое придется объяснять. У меня есть родственник, известный в Стамбуле хирург. У него частная клиника, позвоните ему...

Мехмета перебил его водитель, что-то эмоционально произнеся по-турецки.

– Мы в полукилометре от дома имама, – перевел сказанное Мехмет. – Через пару минут будем там.

Примостившийся между скал, одиноко стоящий, большой дом с высоким забором был едва различим сквозь вековые деревья. Микроавтобус съехал с асфальтированной дороги и пополз по старой узкой мощеной дорожке, пока не уткнулся в высокие деревянные ворота. Современный видеозвонок, нелепо вмонтированный в могучую деревянную стойку ворот, долго не отвечал.

Настойчивость водителя Мехмета, беспрерывно звонившего и что-то неистово кричавшего в переговорное устройство, наконец, была удовлетворена. Створки тяжелых деревянных ворот медленно раскрылись, за ними стояли двое юношей, жестаи указавшие путь дальнейшего следования микроавтобуса. Автомобиль медленно въехал на узкую идеально мощеную дорожку и пополз по ней, с трудом преодолевая крутые повороты. Через минуту машина остановилась перед большим домом, который из себя представлял внушительный прямоугольник.

Дом или точнее одноэтажные строения, связанные в единый архитектурный комплекс, напоминали крепость с окнами и дверьми, выходившими во внутренний двор. Во дворе стоял большой крытый деревянный помост, видимо, предназначенный для приема гостей. Рядом с ним, раскинув свои ветви, уносилось вверх большое тутовое дерево.

Хозяин дома вышел в сопровождении домашних и многочисленной челяди. Не было никаких сомнений, что он здесь главный. Высокий седой старик, облаченный в светлые одежды, встал посреди двора. Водитель Мехмета выскочил из машины и стал что-то судорожно объяснять хозяевам.

Мехмета и потерявшего сознание американца быстро занесли в дом. Эмму и Виктора проводили в небольшой флигель и попросили подождать.

– Прости меня, что подвергла тебя и твоего товарища опасности, – слезы отчаяния потекли по щекам Эммы.

– Все не так плохо, – обнимая женщину, прошептал Виктор. – Мы живы, у Мехмета легкое пулевое ранение, и сама пуля едва задела его ногу. Тот, кто хотел нас убить, уже сделать этого не может.

– Раненый американец, – всхлинула Эмма, – это тот самый тип, что преследовал меня в Америке, я видела его у Бостонской библиотеки в тот роковой день. Они неотступно следят за нами.

– Пусть так, но сейчас мы в безопасности, – успокаивал ее Дорохов. – Судьба благоволит нам, так давай будем ей благодарны.

Время странным образом тянулось очень медленно. Сквозь стены едва доносился тревожный шум, создаваемый обитателями дома. Эмма и Виктор просидели в ожидании больше часа.

Дверь в гостевую комнату приоткрылась, и вошел хозяин дома в сопровождении молодого мужчины.

– Это он! – в ужасе закричала Эмма, указывая дрожащей рукой на молодого спутника шейха. – Этот человек преследовал меня в Иерусалиме.

Дорохов, прикрывая собой женщину, попятился вглубь комнаты, ища глазами, чем можно защититься.

– Не бойтесь, – хриплым голосом на ломанном английском языке произнес старик, жестом предлагая сесть, вскочившим Виктору и Эмме.

Сам он устроился в кресле и, не находя нужных слов, обратился к вошедшему с ним мужчине за помощью.

– Меня зовут Абу, а это мой отец, шейх Сафир, – с хорошим американским акцентом и очень почтительно склонив голову, произнес молодой человек. – Отец плохо говорит по-английски и просит меня объясниться с вами. В дальнейшем, я буду переводить слова шейха и доносить ему ваши мысли. Я не представляю для вас опасности, но до сегодняшнего дня в мои обязанности входило не допустить чьего-либо расследования записей Карла Рунге.

– Откуда вы знаете про эти записи? – недоверчиво поинтересовалась Эмма. – И кто вы?

– Всеу свое время, – уходя от ответа, продолжил Абу. – Скажу только, что мы знакомы с содержанием мемуаров. Прежде всего мы сожалеем, что наша земля принесла вам сегодня столько испытаний, но вы живы и сейчас находитесь у нас в гостях и под нашей защитой. Прежде чем вы получите ответы на ваши вопросы, мы хотим задать свои...

В этот момент в комнату вошли две молодые женщины и мальчик-подросток. На небольшом столике перед гостями появился горячий чай, дымящиеся кукурузные лепешки и нежно белый козий сыр. Хозяин дома с улыбкой предложил им подкрепиться. Женщины и мальчик удалились так же быстро и незаметно, как и вошли.

– Мы понимаем, – включился в тонкую восточную беседу Виктор, – и благодарны вам, но я тревожусь за состояние моего друга Мехмета?

– С ним все в порядке, – ответил Абу. – Возможную медицинскую помощь ему оказали, но по его настоянию вызвали его знакомого доктора из Стамбула. Американец в тяжелом состоянии, мы дали ему обезболивающее. Мехмет кратко нам рассказал о случившемся, но мы хотели бы узнать от вас, что на самом деле произошло.

– Это долгая история, – неохотно начал Виктор. – И запутанная.

– У нас много времени, – спокойно заметил молодой человек. – И теперь ваша история имеет прямое отношение к нам. Надо вызвать полицию, но Мехмет просит этого не делать, хотя бы до приезда доктора. Мы решим, как нам поступить, после вашего рассказа и визита врача. Отец говорит, что час смерти для американца еще не пришел. Мы отвезем его в больницу.

– Он боится туда ехать, – мрачно произнес Виктор. – Считает, что его убьют свои же подельники.

– Все мы в руках Аллаха, да светится имя его, – услышал в ответ Дорохов.

Виктор рассказал о том, что произошло с Эммой в Америке, о ее визите в Израиль и об их знакомстве и бегстве в Турцию. О поиске загадочного «священного потерянного города» и вездесущих преследователей, покушавшихся сегодня на их жизни. Дорохов, правда, умолчал о некоторых деталях, включая найденную шкатулку.

– Что произошло по дороге в мой дом? – перевел вопрос своего отца мужчина.

– Нашу машину попытались остановить, затем стреляли. Я перебрался в багажник и, разбив заднее стекло, выбросил запасное колесо навстречу преследовавшему нас «БМВ». Повезло, что колесо валялось в багажнике. Дальше не видел, был резкий поворот, но, видно, машина налетела на колесо, потеряла управление и вылетела в овраг. Водитель автомобиля погиб, а пассажира мы дотащили до нашего микроавтобуса.

После этих слов старик встал, что-то шепнул своему сыну и быстро удалился.

– Отец очень извиняется, – вежливо сказал он. – Неотложные дела.

После небольшой паузы Абу вежливо добавил:

– Мехмет был более откровенен. Отдыхайте, мы сообщим вам о нашем решении.

После этих слов молодой мужчина покинул комнату.

– Не стоило врать старику, – с досадой воскликнул Дорохов. – Теперь сдаст нас всех полиция.

– Не сдаст, – успокоила его Эмма. – Он нас ждал. А про «Карту Рома» он наверняка уже знает от Мехмета. У меня такое чувство, что эта встреча важна не только для нас, но и для него. Ты почувствовал, какая в нем скрыта сила, какая уверенность в себе?

– Мужчина серьезный, аж мороз по коже, – демонстративно поежился Дорохов и добавил: – Слишком многое сейчас от него зависит.

– Виктор, а тебе не показалось, что он хорошо понимает по-английски.

– Я почти уверен в этом, – улыбнулся Дорохов. – Традиционная восточная уловка.

Виктор в сердцах махнул рукой и с жадностью набросился на остывшую пищу. Эмма отказалась от еды, едва пригубив чай. Она поджала под себя колени и почти сразу уснула. Дорохов встал с дивана и попытался укрыть ее своей курткой, но в этот момент дверь приоткрылась, и в комнату проскользнул уже знакомый ему мальчик.

– Надо идти отдыхать, – к радости Дорохова подросток, коверкая слова, заговорил по-английски. – Комната для вас уже готова.

Виктор аккуратно поднял на руки спящую Эмму и последовал за мальчиком. Они пересекли темный, едва освещенный двор и вошли в другую часть здания. В маленькой спальне стоял большой низкий топчан, застланный снежно белым покрывалом.

Мальчуган приоткрыл занавеску в небольшой нише и с гордостью произнес:

– Ванная комната, как в гостинице. Пять звезд!

Дорохов благодарно кивнул вслед убегающему пареньку.

Он примостился в широком кресле и долго, с удивлением и любовью рассматривал безмятежное лицо спящей Эммы. Слишком многое случилось в последнее время и особенно в этот трагический день. Он сам удивлялся своей смелости и сообразительности. Откуда-то взялись силы вытолкнуть запасное колесо из микроавтобуса, да так, что «БМВ» потеряло управление. Да и само колесо оказалось странным образом под рукой.

Он, возможно, спас сегодня свою жизнь и жизнь самой прекрасной женщины, жизни хороших людей – Мехмета и его водителя. Но это торжественное чувство гордости было разбито ощущением страшного раскаяния. Он убил одного из преследователей и второй вряд ли выживет. Теперь он убийца. Говорят убиенные приходят в кошмарах к победителям и не дают им покоя до самой смерти, теперь это известное поверие придется опробовать на собственной шкуре. Заснуть ему удалось только под утро.

Проснулся Виктор от шума во дворе дома. На часах был почти полдень, и Эммы рядом не было. Выглянув в окно, он увидел водителя Мехмета и несколько молодых людей, склонившихся у задней части микроавтобуса и что-то бурно обсуждающих. Среди них был и Абу, сын хозяина дома.

Дорохов быстро привел себя в порядок и вышел во двор. Все присутствующие его вежливо поприветствовали. Абу тут же жестом пригласил его следовать за ним в дом, на ходу заметив:

– В «мерседесе» три отверстия от пуль, повезло, что все живы.

В большой гостиной за прямоугольным обеденным столом сидел хозяин дома, Эмма, бледный, но спокойный Мехмет и незнакомый мужчина в белой рубашке.

Старик жестом пригласил гостя сесть напротив себя, Абу остался стоять позади отца. Шейх, обращаясь к Мехмету, медленно расставляя слова, начал говорить, время от времени отхлебывая чай из пиалы. Рядом с Дороховым появился завтрак, и хозяин кивком головы предложил ему подкрепиться.

– Приютивший нас человек, как ты уже знаешь, шейх Сафир, ты можешь называть его просто Сафир, он не возражает, – довольно бодрым голосом начал Мехмет. – Незнакомый тебе мужчина мой родственник, доктор Угур. Моя рана оказалась пустяковой, и Угур сказал, что ты очень грамотно оказал мне первую помощь.

Мужчина в белой рубашке признательно кивнул Виктору и, демонстрируя неплохой английский, высказался по поводу самочувствия американца:

– Состояние его стабильное. Я хотел отвезти его в больницу, но он панически против. Я сделал все, что мог, думаю, что с ним будет все нормально. Завтра я опять приеду и привезу необходимые медикаменты. Уважаемый шейх согласился пока оставить его у себя в доме. Я дожидался вашего пробуждения, чтобы узнать, нужна ли вам медицинская помощь?

– Благодарю вас, я не пострадал.

– Тогда я покидаю вас, – после этих слов Угур попрощался и в сопровождении Абу покинул комнату.

– Шейх выслушал наш с Эммой рассказ о том, что произошло, – продолжил Мехмет. – Особенно его заинтересовали те детали, о которых ты умолчал. Но он понимает, что ты это сделал из благих намерений.

В этот момент в комнату вернулся Абу и встал за спиной отца.

Виктор, извиняясь, развел руками и тихо сказал:

– Я не хотел вводить уважаемого шейха в заблуждение, передай ему, что я прошу за это прощения.

– Он уже простил тебя, да и меня тоже. Мы доставили ему и его близким столько хлопот. Но он очень заинтересовался этой историей и даже твоей теорией великой империи, которая объединяла многие земли и многие народы, о которой я не удержался и тоже поведал. Он говорит, что если мы будем с ним до конца откровенны, то и он оплатит той же монетой. Он очень благодарен, что в его доме появилась Эмма. Он надеется, что она достойна многого, и таких людей в своей жизни он видел очень мало. У наших хозяев есть электронная версия мемуаров, в точности такая же, как у вас. Кроме того, американский ученик Рунге, Майкл Штольц, просмотрев записи, предоставленные ему Эммой, весьма подробно изложил его содержание сыну шейха.

Глядя на удивленное лицо Дорохова, Мехмет с улыбкой добавил:

– Даже ты не мог бы предположить такого развития событий!

Не в силах сдержать свою радость перед Дороховым, Эмма воскликнула:

– Представляешь, рисунки Карла снова у меня! Сын шейха некоторое время находился в Америке, был на постоянной связи со Штольцем, и тот передал ему рисунки из тетради.

Несколько минут Дорохов с нескрываемым любопытством рассматривал схемы из тетради Рунге и, наконец, расстроено признался, что пока не понимает, как они помогут найти таинственный портал. Многие надписи еле видны и почти нечитаемы.

– Позвольте, я поясню, – вежливо вмешался Абу. – Мой отец и я члены древнего суфийского ордена Накшбанди. Мы считали возможным существование дневников Александра Рунге. Дело в том, что упоминаемый в записях Эрих Валленштайн нашел свое убежище у нашего ордена, и он настаивал, что видел дневник Рунге. Валленштайн предположил, что записи попали в руки его сына.

– Но как немецкий ученый попал к вам? – изумился Дорохов. – Из воспоминаний Карла следует, что он исчез в окрестностях Ингольштадта.

– Валленштайн покинул свою лабораторию незадолго до ее уничтожения, – продолжал Абу. – Аллах даровал ему жизнь и свободу. Ему удалось добраться до Турции, а затем перейти границу и скрыться в Ираке. Интересно, что в записях нет ни слова о четырехнедельной совместной экспедиции Валленштайна и Рунге в Ирак, где они познакомились с традициями Накшбанди у проживающих там курдов. Эти же курды приняли Валленштайна после бегства из Германии. Через много лет после смерти Эриха Валленштайна его рукописи попали к моему отцу, как к лицу, отвечавшему за безопасность ордена. В дальнейшем было принято решение найти дневник Александра Рунге, либо убедиться, что его не существует. Но самостоятельно найти сына Александра мы не смогли, его имени нет ни в одном справочнике по понятным причинам. Не помогли в поиске и наши обширные связи. Мы подбросили одну из бумаг Валленштайна американским военным, а наш человек помог в этом. Таким образом, шаг за шагом мы вышли на Карла Рунге.

– Вы с ним общались? – с надеждой спросила Эмма.

– Высокопоставленный член нашего ордена пытался это сделать, – разочарованно ответил молодой человек. – Ему удалось с ним встретиться, но Карл отрицал наличие дневника, а фамилию Валленштайн «не вспомнил». Нам сообщили о смерти Карла Рунге, и отец отправил меня в Бостон. Я был идеальной кандидатурой, так как закончил университет в Штатах и хорошо знаком с Америкой.

– Вы были уверены, что найдете дневник? – удивился Дорохов.

– Мои молитвы не остались без ответа, и я был уверен, что дневник существует, и я его найду, – очень спокойно и уверенно произнес Абу. – Я уже знал о Штольце и по приезде сразу встретился с ним. Он ничего не знал о дневнике, но предположил, что это возможно. Мне удалось его убедить, показать мне этот дневник, если волею Всевышнего тот попадет в его руки.

– Но каким образом? – вежливо осведомилась Эмма. – Майкл – не доверчивый человек.

– Мне пришлось открыть некоторые секреты, – вздохнув, отозвался рассказчик. – Я поведал об ордене Накшбанди, о том, что Рунге состоял в нем, и даже о том, что по нашему представлению упоминалось в его записях. Это было немного рискованно, ведь мы опирались только на воспоминания Эриха Валленштайна.

– И он поверил? – усомнилась Эмма.

– Скорее да, чем нет, – улыбнулся Абу, уклоняясь от прямого ответа.

Он быстро наклонился к отцу и что-то прошептал ему на ухо. Старик одобрительно кивнул.

– Я рассказал Майклу о том, что за его наставником следило ЦРУ, – продолжал Абу, – что военные хотели завладеть секретами Александра и Карла Рунге, и что сам Карл этого категорически не желал. Я показал Штольцу некоторые фотографии и бумаги, добытые нашим человеком в специальном отделе ЦРУ, чем окончательно убедил его. Он обещал сообщить мне, если ему что-нибудь станет известно.

– Вы это серьезно! У вас есть свои люди в ЦРУ? – присвистнул Дорохов.

– Наш орден – это большая организация, – усмехнулся молодой человек.

– Если Штолец добровольно передал документы вам, то кто же его убил? – едва слышно проговорила Эмма.

– Мисс Рунге, – Абу растерянно развел руками, – этого я не знаю. Майкл рассказал мне о вашей с ним встрече, о том, что вы оставили рисунки, прося его разобраться в них. Он также упомянул, что вы дали просмотреть ему тетрадь, но забрали ее с собой.

– Да, – подтвердила Эмма. – Я сначала подумала, что это просто воспоминания, а вот рисунки без посторонней помощи было не разобрать, и, возможно, в них скрыт какой-то секрет.

Сильно смутившись, женщина виновато продолжила:

– Мне хотелось верить в возможность обнародовать научную сенсацию. Это, конечно, наивно и, наверное, глупо звучит.

– Поверьте, – поддержал ее Абу. – Вы оказались более чем правы. Итак, на смерть Штольца я не могу пролить свет, но вашу знакомую убил американец, находящийся в нашем доме. Я был тем вечером у вашего особняка и видел, как он входил в дверь, которую ему открыла женщина. Минут через пятнадцать прозвучал выстрел, после чего он довольно быстро выбежал из дома. Я не смог сразу за ним последовать, так как из окна дома напротив выглянула пожилая женщина. Я постоял некоторое время в кустах, но женщина продолжала наблюдать за домом, она, несомненно, видела вышедшего из него мужчину. Понимая, что даю убийце уйти, я вышел из кустов и последовал за ним. Соседка наверняка заметила меня, но мне надо было обязательно проследить за незнакомцем. К сожалению, я его упустил.

– Но откуда вы узнали, что вечером в мой дом зайвится этот тип? – изумилась Эмма.

– Я и не знал. Наш человек в ЦРУ, сообщил мне, что ваша знакомая попытается выкрасть тетрадь, и я поджидал ее у вашего дома. В мою задачу входило отобрать у нее записи.

– Как отобрать, – возмутилась Эмма. – Избить, убить, напугать...

– Вы не волнуйтесь, – попытался успокоить ее шейх, голос которого мгновенно остудил начавшуюся бурю в душе Эммы. – Мой сын все объяснит.

– Меня обучили некоторым древним суфийским приемам, – замаявшись, пояснил Абу. – Вы называете это гипнозом. Она сама бы отдала мне дневник и не вспомнила бы о моем появлении.

– С нами, я надеюсь, вы не собираетесь это проделать? – пытаюсь разрядить обстановку, весело произнес Дорохов.

Шейх, впервые за все это время рассмеялся, а его сын вполне серьезно ответил:

– Наоборот, мы поможем вам найти точку вознесения и не будем ни в чем препятствовать.

– Мы видим, что перед нами очень достойные люди, и благодарим вас за помощь и откровенный рассказ, – с почтением произнес Виктор. – Вы говорите о вашей принадлежности к суфийскому ордену, но мы об этой стороне древнего учения ничего не знаем. Не могли бы вы нам также объяснить, кто по-вашему похоронен на святой горе, и что за крепость находится близ нее?

Своими словами Дорохов поддержал шейха – атмосфера стала слишком накаляться, и Эмма была переполнена эмоциями. На какое-то время лучше было перевести беседу в другое русло.

Чтобы Абу успевал переводить его слова, Сафир медленно, с длинными паузами начал свой рассказ: «Мое понимание жизненного пути основывается на Священном Коране, Благословенных Хадисах и учении тариката. Тарикат – слово на арабском языке, обозначающее «путь».

Прежде чем вступить в тарикат, необходимо безукоризненно придерживаться столпов Ислама, принципов шариата, быть в правильном вероисповедании.

Слово «суфий» многие чужеземцы трактуют неверно, думая, что оно близко к монашеству. Но в исламе монашества нет.

Я постараюсь объяснить происхождение слова «суфий». Рядом со священной мечетью Пророка некоторые беднейшие «асхабы» (последователи) жили на суфе (помосте). Поэтому их называли «ахли суффа» (люди суффы) или «асхабы суффы». Это историческое определение.

Суф – шерстяная одежда, «суфий» же означает человека, одетого в шерстяную одежду, рубище. Традиционно суфии носили одежду из шерсти. Это явное определение.

По причине того, что суфии очищают свои сердца «зикром» (вспоминанием Аллаха), постоянно заняты «зикром», то есть «Сафо ул-калб» (чистые сердцем), их называют суфиями. Это скрытое определение.

За то, что они распространяли среди людей священные «суннаты» (предписания Пророка), всегда выполняли их на практике, асхабов, твердо придерживающихся суфы, рубища и чистоты сердца прозвали суфиями. Это практическое определение.

Конечно, одежда человека не определяет его самого. Чистота сердца суфия и его вера позволяют ему делать правильный выбор и видеть мир таким, какой он есть на самом деле. Познать то, что, на первый взгляд, недоступно. Видеть то, что скрыто.

Все это не имеет никакого отношения к колдовству. Человеку многое дано от Всевышнего за его веру и праведные поступки. Испытания, посланные человеку, даны, чтобы укрепить его и дать ему большие знания.

Ваши вопросы по поводу святого места слишком прямые, но ваша жажда знаний похвальна. Слишком часто священные места поклонения были подвергнуты разорению, и поэтому многие из них были скрыты.

В мире все просто, и только человек придает ему вид запутанного клубка. Все всегда на поверхности, но видеть это может только зрячий. Правду смешивают с ложью, выдавая ее за истину. Все это делается, чтобы подчинить одних людей другим.

Священную гору я почитаю как могилу святого и крепость Иерос вижу как священный город. Но для меня эти два места являются не столько объектом поклонения, сколько местом очищения.

В этих местах нет места гордыни, нет места порокам. Там остаешься один на один с самим собой и с создателем. В этот момент не надо притворяться, нести личину видимого благополучия, а можно отряхнуться от пыли и задать действительно важные вопросы. И, как это ни странно, ответы не заставляют себя долго ждать.

В 1958 году я был призван в армию и попал служить родной Турции в эти места. Разрушенная крепость была частью военной базы. И сегодня часть крепости находится в ведении военных, а для посещения туристами и паломниками открыта верхняя часть цитадели. Думаю, вы это заметили.

Я был человеком молодым и весьма любопытным. В скором времени от своих товарищей по службе я узнал, что под крепостью находится подземный город, и туда ведут многочисленные туннели. Многие из них были замурованы. Говорили, что были случаи, когда солдаты уходили в подземелье и не возвращались. После таких трагедий закладывались кирпичами все известные входы.

Вместе со мной служил парень по имени Салим. Мы быстро подружились, и он мне открыл свою тайну. Сам он был из этих мест, и у него была девушка, которую он очень любил. Жила она неподалеку. Увольнений в нашей части почти не было, но он умудрялся встречаться со своей возлюбленной довольно часто.

Салим пользовался подземным ходом, расположенным прямо в нашей казарме. В одном из технических помещений, где располагалась бойлерная, под полом был лаз. Этот вход был замурован еще двадцать лет назад. Салиму было поручено перестелить полы в этом небольшом помещении, и он наткнулся на обвалившуюся свежую кирпичную кладку. Он выполнил порученную работу, но не смог не поддаваться искушению сделать секретный люк.

Его желание быть смотрителем бойлерной начальство удовлетворило сразу. Никто из военнослужащих не хотел заниматься этой работой. Здесь было особенно жарко в летние месяцы. Это был очень тяжелый труд.

Салим разобрал вход в подземный туннель и начал его исследовать каждую ночь. Его поразило обилие ходов и различных помещений, находящихся глубоко под землей. В одной из пещер он нашел карту крепости. На стене изображалась верхняя часть и план

подземного устройства. Это был без сомнений древний город. Многочисленные этажи подземного поселения, соединялись паутиной туннелей. То, что было на поверхности, не давало представления о городе. Город был скрыт под землей.

Каждую ночь солдат спускался в подземелье и исследовал его пядь за пядью. У него уже был подробный план крепости, но он мало чем помогал. Многочисленные завалы заставляли его искать все новые и новые проходы. Так продолжалось несколько месяцев.

В изысканиях Салима не было никакой цели. Мальчишеское любопытство подстегивало его идти вперед ради того, чтобы упереться в очередной тупик и найти из него выход.

Поиски привели его к глубокому колодцу, верхняя часть которого была замурована на уровне второго или третьего подземного этажа. Спустившись вниз метров на десять, он обнаружил хорошо сохранившийся туннель. Его длина была не менее двух километров.

Поначалу Салим отчаялся, туннель заканчивался земляным завалом. Три дня он не ходил в подземелья, но жажда приключений вернула его к завалу. Несколько дней он отчаянно вгрызался в землю, скованную сеткой окаменевших корней и, наконец, вырвался на поверхность. Вход в тоннель зарос непроходимой чащей кустарника, находящегося на склоне горы.

Салим привык не спать по ночам, умудряясь вырывать время для отдыха днем в своей бойлерной. В военной части считали его человеком замкнутым и странным. Всех устраивало, что бойлерная работала, а солдат не создавал проблем.

Таким образом, Салим и его возлюбленная получили возможность видеться, но проблема была в том, что девушка могла приходить на свидания только днем.

Как я уже говорил, мой товарищ открыл мне свою тайну и попросил меня помочь ему. Не сразу, но я согласился. Меня самого очень заинтересовали таинственные подземелья, но мне не хотелось становиться подчиненным «начальника горячей воды» и переезжать в маленькое неуютное помещение.

И все же я согласился стать помощником Салима. Сам он был одержим свиданиями со своей невестой, а я занялся исследованиями подземного города. Мы сменяли друг друга на посту в бойлерной, и мне выпала возможность исследовать подземный город, насколько это было возможно.

За все это время Салим не находил ни единого предмета, который археологи называют артефактами, и мне не удавалось найти ничего, подтверждающего, что в этих подземельях обитали люди. Это было довольно странно.

Я исследовал большие и малые пещеры, но не находил даже осколков какой-то бытовой утвари. Пещеры были пусты. Мне удалось обнаружить хитроумную систему вентиляции и колодцы, ведущие к пресной воде. Было ощущение, что город покинут организованно, и его покинули многие тысячи горожан.

Я стал заниматься изысканиями, пытаюсь понять, что же произошло. Но не нашел ничего. Крепости не существовало на карте современной истории. Ее просто не было. Но город-то был, и, более того, я был внутри него. Позиция нашего командования тоже была странной. Развалины древнего города существуют, но что это за город непонятно. Считается, что это развалины византийской крепости, да и только.

Однажды мне все же повезло. Одна из заброшенных пещер была испещрена надписями и рисунками. Я стал внимательно изучать их и скажу вам, что многие рисунки совпадают со схемами в записях Александра и Карла Рунге.

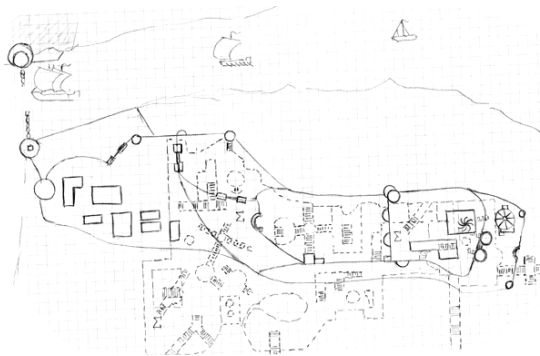
На стенах было много древних христианских символов и описание перехода человека в некое иное состояние. Это было что-то вроде инструкции. Некоторые рисунки из тетради очень похожи на те, что я увидел тогда.

Насколько я понимаю, вы не знаете, где находится такой портал и копье для соединения со шкатулкой, называемой вами «Картой Рома»?

– Нет, – почти хором ответили Эмма и Виктор.

– У меня есть рисунок, который я сделал в той пещере, возможно, это поможет вам.

Старик удалился и через несколько минут на стол лег лист пожелтевшей бумаги.

План крепости. Пунктиром обозначен план первого подземного этажа.

– Невероятно, – воскликнул Дорохов. – Неужели это план разрушенной крепости?

Шейх улыбнулся и кивнул в знак согласия.

– Смотрите, – подхватил Мехмет, тыча указательным пальцем в едва заметное изображение. – Видите, здесь изображен коловорот, как на шкатулке.

– Неужели мы нашли портал! – мечтательно подхватила Эмма. – Просто невероятно!

– Но, похоже, – немного разочаровано произнес Мехмет. – У нас проблема с копьем для «Карты Рома».

Шейх с удовлетворением наблюдал за оживленной беседой своих гостей и наступившей паузой после последней ремарки Мехмета.

– Города, конечно, уже нет, – тихим проникновенным голосом продолжил хозяин дома. – Священный город стерт с лица земли и нам он об этом говорит скорбными развалинами былого величия. Но мне не дает покоя фраза из записей, что копье обретет свою силу в священном городе.

– Но у нас нет никакого копья! – вскинув руки вверх, взмолился Мехмет.

– Забегая вперед, человек не должен забывать о божьем промысле, – спокойно ответил Сафир. – Место откровения уже открыли люди, готовые помешать вам.

– Там где произведены раскопки, – уверенно заключил Дорохов. – Нас возможно действительно опередили.

– И если всевышний благоволит вам, – продолжал старик, – то покажет вам и то, что найти вы не можете или не видите. На закате мой сын Абу отвезет вас в крепость, и вы постараетесь выполнить свое предназначение. Это самое подходящее время, запоздавшие туристы не вызывают подозрений.

– Но мне доктор запретил двигаться, – вмешался Мехмет. – Может быть, перенесем «экскурсию» на завтра?

– Ты останешься здесь, – не терпящим возражений голосом ответил шейх. – У наших друзей мало времени, им надо спешить. Мы с тобой узнаем обо всем, когда они вернутся.

Мехмет был обескуражен этим решением, но, не говоря ни слова, покорно кивнул головой.

– Я не поеду, – неожиданно резко вклинулась Эмма. – Я не сдвинусь с места, пока молодой человек не закончит свой прерванный рассказ о том, как и зачем он преследовал меня и записи моего деда. Напомню, что вы остановились на том, как поджидали Сюзан, чтобы вырвать у нее тетрадь.

Абу не стал спорить, и ему пришлось продолжить свой рассказ. Он остался не далеко от дома мисс Рунге и застал приезд полиции. Он видел, как детектив посадил в свою машину Эмму и поехал за ними до полицейского управления. Через два часа около его автомобиля притормозила машина, за рулем сидел все тот же неизвестный мужчина, выбежавший из дома. К удивлению Абу, тот уверенно направился в управление. Через пятнадцать минут он вышел и злобно стукнул по капоту своей машины, быстро сел в нее и умчался.

Молодой суфий напрасно просидел всю ночь у полицейского управления. Видимо, детектив на своей машине выехал с подземной автостоянки управления другим путем. О смерти Штольца Абу узнал утром от их товарища из ЦРУ, который сообщил также о том, что Эмма улетела в Израиль. Он же переслал им копию записей Рунге. Вслед за Эммой молодой человек отправился в Иерусалим, а рисунки, полученные у Штольца, выслал отцу.

В городе он пытался неотрывно следовать за женщиной, но его присутствие заметил сопровождающий ее мальчик араб.

Абу был свидетелем скандала, произошедшего в отеле, и без труда у консьержа узнал, в чем дело. Со слов работника гостиницы из номера Эммы Рунге ничего не пропало. В этот же вечер женщина в сопровождении незнакомого мужчины скрылась в мусульманском квартале. Для Абу это было удачей, в этом квартале не утаишь и иголку в стоге сена, все друг друга знают. У Накшбанди там немало последователей, и через несколько часов выяснилось, что беглецы направились в пустыню. Абу направился за ними, но после поездки в пустыню молодой человек отказался от дальнейшего преследования.

– Но зачем вы меня преследовали? – воскликнула Эмма. – Хотели напугать или убить?

– Нет, мисс Рунге, – спокойно возразил Абу. – У нас, как вы понимаете, оказались и мемуары, и рисунки. Мы полагали, что у вас кроме копии записей сохранены и копии рисунков. Моей задачей было не допустить, чтобы их у вас отобрали, ну а лучшим результатом для нас стала бы ваша копия. Я оставался наблюдателем.

– То есть вы полагали, что копии рисунков у меня, и вы готовы были ограбить меня?

– Забрать, мисс Рунге, – слегка смущенно парировал Абу. – И, пожалуйста, не забывайте, что по вашему следу шли убийца вашей приятельницы и ЦРУ. Ваш номер в гостинице обыскивал не я...

– Но позвольте, – вступил в разговор Дорохов, – вы сказали, что отказались от дальнейшего преследования. Значит ли это, что вы по каким-то причинам потеряли интерес к Эмме?

– Да, в значительной степени. Буду полностью откровенен и прошу правильно понять нашу позицию. То, что вы ищите, принадлежит не только вам и у нас на это не меньше прав. К стоянке бедуинов мы приехали на следующий день после вашего бегства. Но те слишком рьяно убеждали нас в вашем отсутствии. Мы не поверили и остались ждать. Наше ожидание вознаградил звонок Виктора Дорохова своему турецкому другу Мехмету Хаджи. Мы засекли этот звонок, прозвучавшая английская речь убедила нас в правильности долгого ожидания.

– Но как это возможно? – воскликнула Эмма.

– Это технически несложно, мисс Рунге...

– И в самом Израиле полно такой аппаратуры, – подтвердил слова турка Дорохов.

– Из этого разговора, – продолжал Абу, – нам стало понятно, что вы идете правильным путем, но рисунков у вас нет. Отец приказал мне больше не следить за вами и возвращаться домой. Со своей стороны шейх сделал несколько шагов, чтобы не упускать ситуацию из-под контроля. Он тут же организовал через своего знакомого случайную встречу с господином Хаджи.

– Вот оно как! – вспыхнул Мехмет. – Будто случайно упомянули о Бейкоз, а я купился.

– Слава Аллаху, – возразил Абу. – Благодаря этой встрече вы укрылись в нашем доме после нападения американца, и, поверьте, полиция никогда не будет преследовать вас по этому инциденту.

– У вас кругом многочисленные связи, – усмехнулась Эмма.

– Именно так, мисс Рунге, – голос молодого человека приобрел стальные нотки. – Нам помогают не продажные полицейские, а наши искренние друзья, вместе с которыми мы делаем одно дело.

– И что же это за дело? – саркастически заметила женщина.

Абу вежливо и дружелюбно ответил:

– Мы не даем этому миру упасть в пропасть, и, если позволите, помогаем вам и намерены дальше оказывать посильную помощь.

Эмма согласно кивнула и Абу продолжил:

– Я с вашего позволения закончу свой рассказ. Мы не ожидали, что вы сумеете отыскать легендарную «Карту рома», нам самим это не удалось. Отец сказал так: раз женщине удалось найти ее, мы обязаны теперь помогать ей во всем.

– Ваше недоверие к нам оправдано, – прервал сына Сафир. – Но сейчас вы должны решить, верите ли вы, что мы хотим вам помочь, или нет. Любой ваш ответ мы примем с благодарностью.

– Я вам верю, – усталым голосом отозвалась Эмма.

– Без сомнений, – подхватил Мехмет.

– И примем помощь с огромной благодарностью, – подтвердил Виктор.

– Вам пора, и пусть Всевышний поможет вам, – резюмировал шейх.

Крепость Йорос медленно погружалась во тьму. «Рено» Абу спряталось под кроной огромного дерева на некотором расстоянии. Вокруг не было ни души. Через несколько минут все трое стояли у закрытых ворот в цитадель. Табличка о закрытии памятника все так же висела перед огромным висячим замком на боковых воротах крепости.

Абу усмехнулся и без труда перекусил дугу замка мощными ножницами по металлу, предусмотрительно привезенными с собой. Хруст ломающегося железа эхом отозвался в темноте и замер, уступив жалобному скрежету открывающихся ворот.

Включив фонари, все трое вошли внутрь крепости. Абу аккуратно закрыл ворота. Виктор, увлекая своих спутников, медленно и осторожно двинулся к месту раскопок. Под ногами шуршала жесткая короткая трава, холодный и колючий ветер, дующий со стороны черного моря, пронизывал до костей.

Место раскопок было найдено без труда. Под светом фонариков были видны наспех брошенные земляные работы.

– Вставай на камни в самом центре, – прошептал Эмме на ухо Дорохов.

– Но у нас же нет этой штуки – копыя, – замялась женщина. – Оно что прилетит к нам с неба?

– Может и так, – не замечая сарказма женщины, продолжал Виктор. – Вставай лицом к горе, а Босфор окажется по правую руку.

Эмма стояла неподвижно. Вынырнувшая из облаков луна осветила женщину.

– Что-нибудь чувствуете? – вполголоса обратился к ней Абу.

Женщина пожала плечами и в этот момент вскрикнула. После этого она быстро расстегнула куртку и ловким движением сняла с шеи цепочку. Виктор и Абу одновременно подскочили к ней. Дрожащим голосом она прошептала:

– Кулон стал очень холодным.

Эмма держала в руках цепочку с небольшим золотым цилиндрическим предметом.

Дорохов выхватил цепочку с висящим на ней цилиндром и с изумлением отметил:

– Да он просто ледяной.

Абу отказался дотрагиваться до украшения Эммы и испуганно отступил на несколько шагов.

– Что это? – спросил Виктор, разглядывая украшение.

– Когда я обнаружила в стене дома моего деда коробку с тетрадью, там же была и эта вещь. Я понятия не имею, что это, но мне она показалась элегантной, к тому же память о деде.

– На копье не похоже, – констатировал Виктор, крутя цилиндр в руках под светом своего фонарика. – Но он явно состоит из двух половинок, по центру находится обруч. Видимо, здесь заложен тот же принцип, с которым мы сталкивались. Нужно крутить две части предмета навстречу друг другу.

Дорохов стал осторожно пробовать вращать части цилиндра, и неожиданно из него стало появляться небольшое лезвие-жало, действительно похожее на копье.

Не давая женщине опомниться, Виктор вложил цилиндр с появившимся язычком копья в левую руку Эммы и отошел от нее.

– Я чувствую его, – радостно зашептала женщина. – Я его чувствую! Оно становится теплым, даже немного горячим. Давайте попробуем открыть «Карту Рома».

Виктор передал Эмме шкатулку. Женщина медленно набрала код и открыла ее. Затем осторожно вставила «копье» в прорезь в центре шкатулки.

– Оно подошло! – радостно зашептала Эмма. – Мы нашли, то, что искали.

– Но ничего не происходит, ведь так? – грустно произнес Виктор. – В записях сказано, что копье обретет свою силу в этом месте и только. Вероятно портал не здесь, надо его найти, вот там и работает и шкатулка и копье.

– Это не то место, где надо задействовать «Карту Рома», – спокойно и уверенно сказала Эмма. – Я это отчетливо чувствую.

Уже в доме шейха, рассказав, что с ними приключилось, женщина немного успокоилась. Прийти в чувство ей помог особый отвар, который хозяин дома заставил ее выпить. Эмма попросила Сафира рассказать еще что-нибудь о священной горе и крепости. Шейх после недолгих размышлений согласился. Он не стал прибегать к помощи переводчика, и его сильный акцент заставил вслушиваться в каждое произнесенное им слово.

К удивлению присутствующих, старик обратился к Эмме с вопросом, знает ли она знаменитого американского писателя Льюиса Уоллеса. На что женщина с готовностью ответила, что все американцы знают автора знаменитого исторического бестселлера «Бен-Гур».

Шейх пояснил, что прохладно относится к литературному таланту американца, но с большим уважением – к самому Уоллесу, как к славному воину, выигравшему многие битвы. Еще большее уважение вызывает дипломатическая деятельность генерала Уоллеса, в 1881 – 1885 годах он занимал пост посланника в Османской империи. Знать Стамбула была заинтригована этим назначением, слава литератора уже опережала Уоллеса, хотя роман «Бен-Гур» был опубликован в Америке всего за год до назначения Уоллеса дипломатом в Стамбул.

Американский посланник удостоился особого приема в резиденции султана Абдул-Хамида II. Султан получил хорошее образование, в частности военное, много путешествовал по Европе. Его особенно интересовали боевые подвиги Уоллеса и его взгляды на новейшие военные стратегии. Они быстро подружились, а разница в полтора десятилетия давала возможность американцу считаться наставником султана.

Посланник был опытным политиком и сумел наладить хорошие отношения, как с местными сановниками, так и с представителями западных государств, в большом количестве пребывающих в Стамбуле. Вместе с султаном они посещали военные казармы и

часто обедали с офицерами, которым Абдул-Хамид выказывал особое расположение. Такое отношение к военным было, скорее всего, обусловлено постоянным страхом султана перед государственным переворотом.

Уоллес прибыл посланником в непростой период для империи. Экономическая ситуация в стране в последние годы была катастрофической, а в 1882 году Турция объявила себя банкротом и перестала платить по долгам. Кредиторы из европейских стран получили контроль над некоторыми государственными доходами. Несмотря на тяжелейшее состояние экономики султан не жалел денег на армию. При нем военные офицеры стали образованнейшими людьми империи.

Абдул-Хамид был опытным и противоречивым политиком. С одной стороны повелитель правоверных с презрением относился к христианам, с другой стороны заимствовал их военный опыт и последние достижения в технике. В зависимости от внешних и внутренних обстоятельств он выбирал ту или иную позицию.

Из достоверных источников известно, что султан попросил Уоллеса написать книгу о завоевании турками Константинополя и принял в этом активное участие. Американец был допущен к документам из личной библиотеки султана. Прототипом Мехмета II, завоевавшего Царьград, выступил сам Абдул-Хамид. Султану казалось, что он воплотил в себе все замечательные черты своего предка – умного, сильного и талантливого полководца и одновременно мудрого и изворотливого дипломата.

Книга получила название «Принц Индии» или «Почему пал Константинополь». Одним из главных героев повествования является Принц Индии. Персона мистическая, обладающая даром прорицания. В первую же встречу с Мехметом принц сказал, что его мать христианская княжна, и что это общеизвестный факт, подчеркивая тем самым, что султаны охотно брали в жены православных женщин княжеского рода.

В конце книги султан Мехмет II просит руки княжны Ирины, родственницы павшего в бою за Константинополь императора Константина. Следует отметить, что матерью султана Абдул-Хамида была также знатная христианка.

Сафир подумал, не прольет ли эта книга свет на заданные вопросы. Он хорошо ее изучил, и с удовольствием цитировал по памяти, но попросил снисходительно отнестись к его плохому английскому языку и возникающим в связи с этим неточностям в формулировках.

Часть третья книги посвящена княжне Ирине, славившейся непревзойденной красотой и испытавшей в свои молодые годы непомерные страдания.

В этой части Уоллес описывал место под названием Терапия (Therapia) – фактическую летнюю резиденцию Константинопольской знати, дипломатов, патриарха и самого императора. Терапия в переводе с греческого языка – «лечение». Действительно, благодатный климат этого места считался целебным. А в летние месяцы именно здесь высокопоставленные вельможи спасались от жары в своем узком аристократическом кругу.

Тарабия (Tarabya), так сейчас называют Терапию, была довольно обширным районом, где богатые люди, сановники и дипломаты строили свои резиденции. Император Константин подарил своей близкой родственнице, княжне Ирине, принадлежащий ему дворец, построенный именно в этой местности. Напротив, через Босфор находилась священная гора с могилой Йуши и крепость Йорос.

Интересно отметить, что тщеславие султана было безмерно и в книге есть такие слова, описывающие это место: «В дни Константина это был летний курорт, как и во времена волшебницы Медеи, как и во время добросердечного Абдул-Хамида». Как удалось султану навязать эту фразу американскому писателю?

Причем здесь Абдул-Хамид непонятно. Оба султана Абдул-Хамид I и Абдул-Хамид II правили много позже описанных событий. Но правитель Оттомании не удержался, желая прославить свое имя. Самое смешное, что он себя награждает эпитетом «добросердечный». Видимо, ему хотелось войти в историю под таким именем.

Стоит также обратить внимание на упоминание царевны Медеи, возлюбленной Ясона, похитившего золотое руно у ее отца. В книге открытым текстом говорится о том, что это древнее благословенное место.

Священная гора упоминается в тексте книги любопытнейшим образом – патриарх, почувствовав недомогание, отправляется из Константинополя на некую священную гору. Нет сомнений, что он направляется в свою резиденцию, расположенную в непосредственной близости от священной горы. Этой резиденцией, скорее всего, была

крепость Йорос. «Священная» гора в окрестностях Константинополя всего одна. Эта гора также упоминается в книге как гора Гигантов. Следует отметить, что священную гору так часто называли в то время из-за гигантской могилы Йуши на вершине и нескольких подобных у подножия.

Шейх замолчал, будто делая паузу, а затем добавил:

– Иногда могилу на вершине священной горы называют могилой Геракла, сына Зевса, после смерти вознесшегося на небо.

Сафир слегка наклонил голову, давая понять, что рассказ его закончен:

– Думаю и этого достаточно, чтобы вы укрепились в своих мыслях.

Утром из Стамбула приехал доктор Угур. Осмотрев Мехмета, он снял бинты и заклеил рану пластырем, предварительно густо смазав ее остро пахнущей мазью.

– Не морщись ты так, – засмеялся врач. – Это чудодейственное средство, его применял еще мой прадед, а он был уважаемый врачеватель в Стамбуле.

– Медицина с тех времен ушла далеко вперед, – язвительно заметил Мехмет. – Но не все Стамбульские врачи в курсе мирового прогресса.

– Американцу мазь понравилась, – продолжал доктор. – Он сказал, что у нее исцеляющий запах. Я его забираю в свою клинику.

– В какую клинику, – вскричал возмущенный пациент. – Он едва не убил меня!

– А что ты предлагаешь? Закапать его в сад? Зачем тогда вы его спасали? В полицию его сдавать нельзя, разве только вместе с тобой и твоими друзьями. Твой русский друг не против, чтобы я его забрал. Он с ним довольно долго говорил рано утром. Тебя я тоже увожу, отлежишься у меня под наблюдением врачей.

– И о чем же они говорили? – еле сдерживаясь, полюбопытствовал Мехмет.

– Я не присутствовал при их беседе, знаю только, что американец собирается сказать что-то очень важное всем вам. Он, кстати, оказался обеспеченным человеком. Прямо сегодня перевел деньги на мой счет за будущее лечение, да еще удвоил ту сумму, которую я назвал. Он заплатил и тебе солидную компенсацию, все уже на счету моей клиники.

Мехмет недоуменно взглянул на собеседника.

– С моего сотового телефона он вышел в Интернет, и деньги пришли очень быстро, – пояснил доктор.

– А что означает моя солидная компенсация? – с надеждой спросил Мехмет.

Доктор направился к двери, шутливо пропев:

– Тебе вредно волноваться!

Через час у кровати американца собрались пять человек. Мехмет, Виктор и Эмма сидели по одну сторону кровати. С другой стороны старик со своим сыном.

– Меня зовут Стив Гроссман, – медленно тихим голосом начал раненый. – Эмме Рунге больше не надо беспокоиться, что я ее буду преследовать. Я выхожу из игры.

– По-вашему это игра? – не удержалась Эмма. – Погибло столько людей!

– Простите меня, мэм, – простонал Гроссман. – Я плохой человек, но прошлого не вернуть. Вы спасли меня, и я вам искренне благодарен. Мне необходимо сообщить вам нечто важное. Вам следует опасаться человека из ЦРУ. Мне приходилось выполнять для него грязную работу на протяжении нескольких лет. К сожалению, я его не знаю в лицо и не знаю его имени. Этот человек помог мне выбраться из одной передраги, и с тех пор я работаю на него.

– Вы из ЦРУ? – удивилась женщина. – Мне детектив Мартенс сказал обратное.

– Нет, мэм. Я бывший полицейский. Много лет назад я попал в неприятную ситуацию. Меня обвиняли в вымогательстве и в неправомерном применении оружия. Мною был застрелен наркодилер. Я тогда получил ранение в плечо, но следователь посчитал, что это самострел. Неизвестный покровитель вытащил меня из этого дерьма с условием выполнять его поручения весьма деликатного характера. К своему стыду я согласился, но и выбора у меня не было – в противном случае меня ожидала тюрьма. Я выполнял разные поручения неведомого босса, а он прикрывал меня и платил неплохие деньги. Мне было приказано открыть частное сыскное бюро, в которое деньги приходили из разных мест, но никогда из ЦРУ.

– Разве можно верить убийце, – обращаясь ко всем присутствующим, вскричал Мехмет.

– Дело ваше, – медленно продолжал американец. – Я говорю правду. Мой босс могущественный человек и, наверное, занимает высокую должность в Центральном Разведывательном Управлении.

– А что по поводу Сьюзан? – еле сдерживая свой гнев, прошептала Эмма.

– Вы, мисс Рунге, рассказали о мемуарах врачу местной больницы и, как вы полагали, вашей подруге. Но она стукач ЦРУ. Карл Рунге десять лет назад попал в больницу, и управление завербовало молодую медсестру Сьюзан Бековски. Впоследствии она присматривала за вашим дедом. Насколько я понимаю, никто не подозревал о существовании записей, но чутье у моего босса фантастическое. Он просто ждал, как только он один умеет это делать.

– Но как вы так быстро оказались в Бостоне? – недоумевал Дорохов. – Утром Эмма рассказала своей подруге, а вечером вы были уже у ее дома.

– Я живу в Бостоне и по настоянию моего босса даже отпуск провожу в этом городе. Все произошло неожиданно, и мне показалось, что босс неохотно поручил мне это дело, но, видно, больше было некому. Я должен был забрать дневники и передать Бековски ее вознаграждение. Но все сразу пошло не так, как мы планировали. Забегая вперед, скажу вам, что детектива Мартенса убили в день вашего отлета, мэм.

– Подонки, – задыхаясь от возмущения, закричала Эмма.

– Я здесь не причем. В это время я уже летел в Иерусалим встречать вас, так сказать. Но все по порядку. Сьюзан Бековски после вашей с ней встречи позвонила в ЦРУ и пообещала добыть записи. Босс послал меня к ней, и менее чем через час мы уже разговаривали. Она была немного удивлена такой оперативности и даже потребовала у меня документы и кодовое слово. Когда я назвал пароль, она успокоилась. Пришлось объяснить, что я уже давно слежу за ней. Мы договорились с ней встретиться вечером и обменять тетрадь на деньги. Мне было приказано неотступно следить за Бековски. Она позвонила, и мне показалось, что она шантажирует нас, требуя больших денег. Пришлось войти в дом. Разговора не получилось. Я потребовал тетрадь, но она настаивала, чтобы ей показали деньги. Пришлось припугнуть ее оружием. Она испугалась и стала мямлить, что записей в доме нет, и, возможно, ее подруга Эмма Рунге взяла их с собой в Бостонскую библиотеку. Меня это страшно разозлило, и я ударил ее. Она лежала на полу, а я пытался найти тетрадь. В какой-то момент она очнулась, в ее руке оказался пистолет, и, к моему удивлению, прозвучал выстрел. Пуля просвистела в дюйме от моего лица. Механически я выстрелил в ответ, но я этого вовсе не планировал. После этого я помчался в библиотеку.

– Да, там я вас видела, – с отвращением сказала Эмма. – Детектив Мартенс уверен, что вы стреляли из пистолета с глушителем, вы с самого начала намеревались убить Сьюзан.

– Нет, мэм, это киношный прием. Есть оружие, которое стреляет бесшумно и по форме не напоминает пистолет. Это психологический прием – навинчивание глушителя на ствол, он парализует волю жертвы...

– Вас послушать, так вы не собирались никого убивать, – грубо прервала его Эмма.

– Так и планировалось, мэм. Босс предупредил, чтобы без лишнего шума. Но ситуация вышла из-под контроля. Позвольте я продолжу, это в ваших интересах. Себя я не оправдываю... У меня была ваша фотография, сделанная вашей подругой на мобильный телефон, но вас я ожидал увидеть внутри здания библиотеки, поэтому и проскочил мимо. Я предположил, что вы вернетесь домой и поехал к вашему особняку, но на беду там уже были полицейские. Я и так наделал много шума, а тетрадь не достал. Боссу это бы сильно не понравилось. У меня еще была информация, что копии записей передали Майклу Штольцу из местного университета. В доме Карла Рунге Бековски обмолвилась, что вы передали Штольцу еще какие-то бумаги. Они очень интересовали босса, их-то я и искал впоследствии в вашем гостиничном номере в Иерусалиме.

– Так это были вы, – с нескрываемым отвращением произнесла Эмма.

– Да, мэм, но позвольте мне продолжить. Возвращаясь к Штольцу. Найти его было нетрудно, я знал, где он живет, и заявился к нему в гости. Бедняга был так напуган, что рухнул с сердечным приступом, так и не сказав, где бумаги. Я думал, что он симулирует, но через несколько минут Штолец перестал дышать. Дело было безнадежно испорчено. Два трупа, а записей все нет. Мартенса я отыскал слишком поздно, он успел уже вас спрятать. Мне он тогда сказал, что отпустил вас, и я поверил. Гнев босса был страшен. Вас искали все. На уши была поднята полиция и армия информаторов. Но вы сами себя выдали.

– Звонком по телефону? – поинтересовалось Эмма.

– Да, мэ. Но детектив делал свое дело профессионально и к, раздражению босса, выторговал у него вашу свободу в обмен на записи. Босс быстро сообразил, что вы наверняка сделали копию и вполне могли не везти ее с собой в Иерусалим, а разместить где-нибудь в укромном месте в Интернете. Я сам так с ним общаюсь. Мне был дан приказ следить за вами.

– Вы перехитрили сами себя, – холодно заметила Эмма. – Копия была в телефоне и только там, а рисунков у меня вообще не было, я их передала Майклу Штольцу.

– К счастью, мэ! Вероятно, босс переоценил вас, хотя сейчас понятно, что это не так. Мне было приказано следить за вами, и я отправился в Иерусалим, но вы прилетели на несколько часов раньше, и я потерял вас.

– Как же вы нас нашли? – недоумевал Дорохов.

– Мы отслеживали телефон мисс Рунге. Она позвонила из самолета детективу Мартенсу, а его телефон оказался в руках босса. Мне было приказано обыскать гостиничный номер мисс Рунге в Иерусалиме, босса интересовали пропавшие рисунки из дневника. Я ничего не нашел и, к моему удивлению, босс не сильно орал на меня и велел лететь в Стамбул. Он был уверен, что вы появитесь в «Святой Софии» и на горе Бейкоз. Босс дал мне телефон местного турецкого парня Осифа, который должен был мне помогать. Он же должен был достать для меня оружие. Осиф обычный бандит, впрочем, его труп вы уже видели, он был за рулем «БМВ».

– Вы знали, что мы ищем? – довольно миролюбиво спросил Мехмет.

– Весьма смутно. Штуку, которая называется «Карта Рома» и копье. Их вы должны привезти на Бейкоз в старую разрушенную крепость.

– А как должны были выглядеть «Карта Рома» и копье? – обеспокоенно поинтересовался Виктор.

– У меня лишь устное описание, сэ. Маленькая шкатулка, на которой изображено подобие цветка и золотая безделица, которую называют «копьем». Обе вещицы вы должны были найти в храме Святой Софии.

– Откуда вам все известно! – в сердцах воскликнул Мехмет.

– Я получал лишь инструкции, сэ, но очевидно, что мы опережали вас. После этого я должен был проследить ваш путь в районе горы Бейкоз, – продолжал Стив Гроссман. – Босс предупредил, что если я опять потеряю мисс Рунге, то он закопает меня. Босс никогда не шутил, и к его предупреждению я отнесся серьезно. Он приказал следить за вами. Сначала все шло как по маслу. Осиф, мой турецкий помощник, засек вас на старой площади перед входом в храм Святой Софии и отследил, где вы живете. На следующий день мы двинулись за вашим «мерседесом» на котором вы выехали из Стамбула.

– Но раскопки, – недоумевал Мехмет. – Как вы сумели так быстро все организовать, на согласование требуется масса времени.

– Все это организовал пройдоха Осиф. Не знаю, как нашел его босс, но парень весьма талантливый аферист. Поддельная бумага и приличная сумма денег позволили нам закрыть крепость. Местные парни расчистили нужный нам кусок земли за несколько часов. Но мы ничего не нашли.

– А что вы искали? – не унимался Мехмет.

– Что-то вроде цветка, сам не понимаю. Босс приказал расчистить площадку от земли до камня, затем сфотографировать ее и отослать ему. Мне больше ничего неизвестно.

– Вернемся к вашему преследованию «мерседеса», – попросил Виктор.

– Мы предполагали, что вы едете в крепость, и здесь мы совершили первую ошибку. Минивен неожиданно поехал не в городок к крепости, а пополз на гору. Мы ехали следом, но понятия не имели куда. Сюрпризом оказался тупик на вершине горы и полное отсутствие других автомобилей. Сразу уехать с автостоянки было бы неосторожно. Еще хуже было возвращаться к подножию горы, где дорога уходила в двух направлениях. Там остаться незаметными было невозможно. Водитель «мерседеса» не мог не заметить нас. Оставалось только одно – ждать. Я не решился выйти из машины, боялся быть узнанным, а Осиф сильно нервничал, и его лучше было держать при себе.

– Это очень подозрительно – приехать в место поклонения и остаться в машине, – в сердцах вставил Мехмет.

– Вы правы, – продолжал американец. – Обстоятельства были против нас. Дальше оказалось еще хуже. Вы проехали гостевую стоянку для туристов у развалин крепости и

встали в таком месте, где в округе не было ни одного автомобиля и нам ничего не оставалось, как оказаться на виду у вас.

– Тогда мой водитель и заподозрил, что вы за нами следите, – вспомнил Мехмет.

– После посещения крепости, вы попытались от нас оторваться. Стало понятно, что мы раскрыты. Уйти от преследования в такой местности несложно. Стоит только затормозить у любого блок поста военных, которых здесь множество, и высказать опасения по поводу подозрительной машины. А дальше, пока у нас неспешно проверяют документы, скрыться из виду. Мы не могли потерять вас. Раз вы нас заметили, то дело почти провалено. Я решил, что нужные нам вещицы, «карта» и «копье», при вас, и их необходимо отобрать. Все лучше, чем ничего. Я хотел напугать, и поэтому стрелял так, чтобы не задеть пассажиров. Ну, а дальше вы знаете.

– Вы меня чуть не убили! – взвился Мехмет.

– Простите, сэр, я хороший стрелок, вероятно последний выстрел совпал с...

– Что будете теперь делать? – перебил его Дорохов. – Не боитесь босса из ЦРУ?

– Я давно продумал, как исчезнуть. Рано или поздно это пришлось бы сделать. Некоторые средства я скопил, а сегодня я опустошил счета моей фирмы. Босс меня не найдет.

– Стив, помогите нам найти вашего загадочного «босса», – взмолилась Эмма. – Он и без вас продолжит меня преследовать.

– Возможно, мэм, это вам поможет, – после непродолжительной паузы ответил Гроссман. – Я видел босса лишь однажды в полутьме и на некотором расстоянии. Года три назад, осенью была такая встреча в старых доках Бостонского порта. Он очень спешил, а я должен был передать ему пакет. Я положил пакет на видное место и отошел назад на сто шагов. Так было условлено. Появился человек, закутанный в пальто. Лица было не разобрать, роста вроде среднего. Он развернул пакет и явно остался очень доволен, даже хлопнул в ладоши пару раз...

– Ты что издеваешься! – не выдержал Мехмет.

– Продолжайте, – миролюбиво подбодрил Гроссмана Дорохов.

– Так вот, босс вроде как мне поаплодировал, и мне показалось, что он левша.

– Почему вы так решили? – недоверчиво поинтересовалась Эмма.

– Он хлопал в ладоши левой рукой сверху, а правша это делает наоборот. Мне в мою полицейскую бытность пришлось столкнуться с преступлением, которое совершил левша. Вы, мэм, если мне не верите, то посмотрите, как аплодирует наш президент Барак Обама, а он левша. Я думаю, эта информация может вам помочь, ведь таких леворуких всего-то процентов пять от общего населения.

– Да, – задумчиво произнес Абу. – Это может помочь.

Американец, вконец обессилив, попросил позвать доктора. Угур остался удовлетворен состоянием пациента, но попросил всех покинуть помещение. Мехмету, несмотря на его сопротивление, врач велел вернуться в постель.

Виктор попросил Абу помочь ему увеличить схемы из дневника Карла Рунге, а шейх пригласил Эмму прогуляться по саду.

Старый сад напоминал лабиринт. Узкие мощеные дорожки были окружены высоким густым кустарником, местами их ветви так тесно переплетались, что почти не пропускали дневного света. Сафир привел женщину к удивительному по красоте небольшому заросшему пруду. Плотная стена зеленых насаждений отделяла его от всего остального мира. Стоящая на берегу маленькая белая беседка с ажурными витиеватыми переплетами, подчеркивала сказочный пейзаж этого места.

– Я знаю, у тебя есть ко мне вопросы, – прервал молчание старик.

– Мне не дает покоя ритуал посвящения, которому меня подверг мой дед Карл. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что твой дедушка приблизил тебя к Божественному Свету, в твоих глазах я не вижу тьмы. Сердце твое рвется к истинным знаниям, и это твоя судьба. Мне не ведом тот ритуал, но если он помог исцелить божие дитя и защищает от злых людей, то просто прими его. Ты избрана, и к этому надо отнестись с благодарностью без тени гордыни.

– Ответьте Сафир, много ли на Земле людей необычных, не таких как все?

Шейх прошептал что-то на непонятном Эмме языке, после чего, тщательно подбирая слова, начал свой рассказ:

«Старинные трактаты говорят, что среди нас присутствуют:

Вали – «друг», во множественном числе «авлиё», что означает «друзья». Авлиё – друзья Аллаха, те, кто обрел Его довольство, люди, близкие к Аллаху. Они – возлюбленные и любимые Истинным Господом праведники, на которых пал Его взор, благочестивые, чудотворные и доверенные создания Его. Авлиё и после своей кончины, оказывая людям духовную помощь, являются в их сны, предупреждают людей о чем-либо или дают советы, делают предостережения.

Существует 6 степеней авлиё:

1. Кутб – самое высокое звание, дающееся суфиям, шейхам тасаввуфа. Эти авлиё, достигшие известной степени в тасаввуфе. Их две персоны. У каждого времени бывает свой «кутб», они появляются в каждой эпохе. Их сердца бывают связаны с сердцем Пророка Мухаммада.

2. Гавс – они также, будучи подобны «кутбам», по смыслу означают «оказывающие помощь».

3. Абдолы – люди скрытые, даже когда они среди людей, никто не знает, что они «абдолы». На фарси и в тюркских языках их называют «чилтан» или сорок человек. Если кто-либо из них умирает, на его место сразу же назначается новый. Поскольку они приходят на смену предшественнику, замещают, их называют «абдолы», то есть «заместители» от «бад ал» – «после того-то». В некоторых источниках утверждается, что их численность составляет 400 человек.

4. Автод – словарный перевод слова «подпорка, опора». Эти люди подобны «абдолам», их число равняется по некоторым источникам четырем, а в некоторым – семидесяти.

5. Нуджабо – авлиё из категории достигших высших степеней, которые заняты деятельностью только на благо людей. Их молитвы «дуо», возносимые за людей бывают приняты. В одних источниках говорится, что их семьдесят человек, а в других – сорок.

6. Нукабо – в тасаввуфе это имя дано той категории авлиё, которые являются основой членов общины мусульман. Они осведомлены о тайнах людей. Их 300 человек.»

Шейх выдержал паузу, давая Эмме возможность осмыслить услышанное, и продолжил:

– Мир прекрасен, но немногим дано познать его изнутри. Ежедневная работа над собой и очищение молитвой дают человеку возможность приблизиться к Свету, увидеть мир открытыми глазами. Спящим и дела нет до того, о чем я тебе сказал.

Женщина собиралась задать старцу еще вопрос, но у пруда появился запыхавшийся сын шейха.

– Русский разгадал рисунок Рунге, – выпалил Абу.

В гостинной, за огромным столом, заваленным компьютерными распечатками, стоял улыбающийся Дорохов.

– Все оказалось проще, чем я думал, – обратился к вошедшим Виктор. – Поначалу я не придавал значения числу 37037, упомянутому в записях, но сейчас все встало на свои места. До этого все мое внимание занимала описанная в дневнике карта с нанесенными на нее порталами. Среди рисунков этой карты нет. Я думаю, что она уничтожена намеренно.

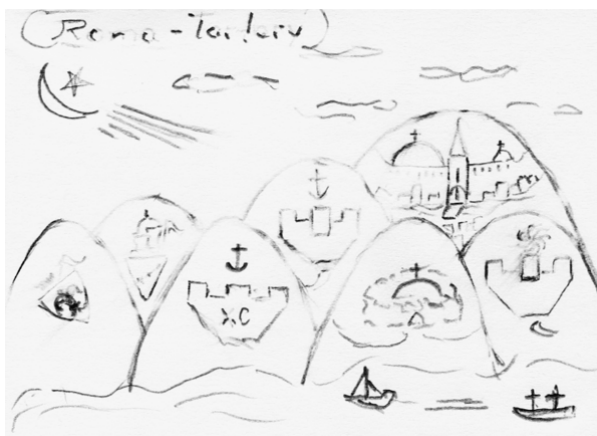
Дорохов, схватив со стола распечатку, зачитал: *«Дальнейшее меня просто поразило. Фулер признался, что Хаббард и Парсонс особое внимание уделяли нумерологии. После смерти Парсонса осталась странная запись. «Лунный свет знаний. 37(0)37». Все это крайне странно. Ничего мистического в этом числе нет, хотя оно и может рассматриваться как математический фокус.*

Мне кажется, я разочаровал своего собеседника. Фулер явно ожидал, что я заинтересуюсь его рассказом и числом 37(0)37. Но я не выразил интереса и назвал все это полной ерундой.

Однако через несколько лет после нашей встречи я пожалел о том, что проигнорировал Фулера и не уделил этому вопросу больше внимания. Но все попытки найти этого человека закончились неудачей. Никто о нем ничего не знал. Он появился ниоткуда и исчез в никуда».

– Как я уже говорил, сначала я не придавал этому числу никакого значения, – продолжал Виктор. – Мне показалось, что и сам Карл Рунге проигнорировал его. Работая благодаря Абу с увеличенным рисунком из тетради мне удалось восстановить почти утраченную надпись и

это слово «Tartary» («Тартария»), так иностранцы называли Российскую империю в XV – XVIII веках. Хорошо видна надпись «Roma». «Рим-Тартария» написаны через дефис, то есть это цельное название. На схеме изображены семь холмов, а мы знаем, что Рим воздвигнут на семи холмах. Итальянский Рим на семи холмах, Стамбул, часто называемый Римом, тоже стоит на семи холмах, как и третий Рим – Москва.

Видя всеобщее недоумение, Виктор спохватился:

– Мне показалось, что Карл Рунге не уделил внимания числу 37037, поначалу это, видимо, было действительно так. Но в своих записях он говорит, что эта цифра его «поразила», и что он пытался зачем-то найти Фулера. Столько подсказок, но я сразу не сообразил. Дело в том, что в большинстве документов и справочников долгота Москвы определялась как 37 градусов 37 минут. Во многих печатных машинках недавнего прошлого отсутствовал знак градуса, и его заменяли нулем в скобках, что было вполне логично даже с технической точки зрения.

– Потрясающе! – задыхаясь от восторга, выдавила из себя Эмма. – Но почему дедушка говорит о математическом фокусе?

Дорохов рассмеялся:

– Упомянутый Карлом математический фокус довольно прост и выглядит следующим образом. Умножьте 37037 на любую цифру от 1 до 9, а результат умножьте на 3. Произведением будет число от шести единичек до шести девяток, соответственно тому числу, на которое вы изначально умножали. Другими словами так называемое «зеркальное» число 37037 учителя Фулера, Хаббард и Парсонс, привязали к Третьему Риму неизменным числом три. Это в духе Парсонса – создать математическую головоломку.

– А причем здесь Луна? – поинтересовался Абу.

– «Лунный свет знаний» – не метафора, это время вхождения в портал. Скорее всего, речь идет о последней фазе Луны.

– Как на нашем турецком флаге?

– Да, – улыбнулся Виктор. – Рисунок совпадает.

– Но что за страна такая «Тартария»? – не удержалась Эмма. – Я о такой никогда не слышала.

Дорохов немного замялся, но шейх подбодрил его:

– Расскажите нам о «Grand Tartary» («Великой Тартарии»), она того стоит.

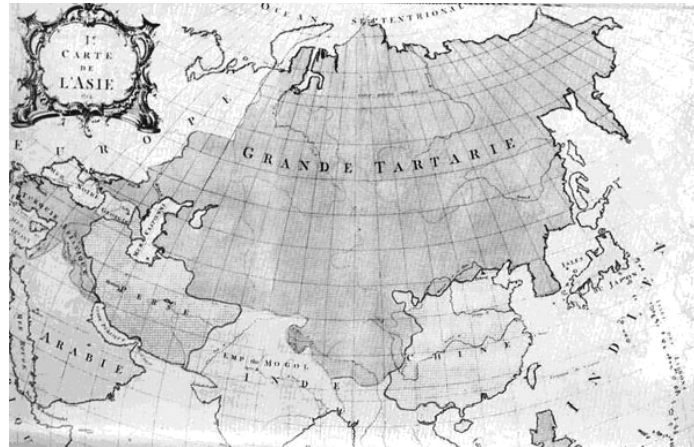
– Мне приятно Сафир, что вам уже известно о великой империи, история которой намеренно стерта из памяти людей. Я постараюсь быть краток...

– А вы не торопитесь, – улыбнулся шейх. – Я с удовольствием послушаю еще раз. А ваша спутница надеюсь, узнает много нового, хотя мне кажется, что она уже перестала чему-либо удивляться.

Быстрым движением Дорохов открыл свой ноутбук, и через минуту перед взорами Эммы, Сафира и Абу появился отрывок из энциклопедии «Британика» 1771 года: «TARTARY, a vast country in the northern parts of Asia, bounded by Siberia on the north and west: this is called Great Tartary. The Tartars who lie south of Moscovy and Siberia, are those of Astracan, Circassia, and Dagistan, situated north-west of the Caspian-sea; the Calmuc Tartars, who lie between Siberia and the Caspian-sea; the Usbec Tartars and Moguls, who lie north of Persia and India; and lastly, those of Tibet, who lie north-west of China».

«Тартария, огромная страна в северных частях Азии, ограниченная Сибирью на севере и западе. Она называется Великая Тартария. Тартары, живущие к югу от Московии и Сибири, это те, что из Астрахани, Черкессии и Дагестана, которые расположены к северо-западу от Каспийского моря; Узбекские Тартары и Моголы, это те, что живут к северу от Персии и Индии, и, наконец, Тибетские Тартары, те что живут на северо-западе Китая».

(Энциклопедия «Британика», Том III, Эдинбург, 1771 г., с. 887)

Глубоко вздохнув, Дорохов начал свой рассказ:

«В этой стране жили и русские, и татары, и многие другие национальности. Их войска назывались Ордами. Орда это большая войсковая группировка. Иноземные путешественники часто упоминали, что основной костяк Орды составляли русские воины. Тартария это огромный осколок разбитой Византии, сформировавшийся в единое сильное государство в конце XIII века.

Так называемое "татаро-монгольское иго" является особым, периодом в истории нашего государства. Никакого завоевания татаро-монголами не было. Население страны было разделено на две части. Одна часть, мирное гражданское население, управлялось князьями. Другая – постоянное профессиональное войско – Орда. Во главе Орды стоял царь или хан. Ему принадлежала верховная власть в Империи.

Орде платилась дань – десятина, десятая часть имущества и десятая часть населения. По нашим меркам вполне сносный налог. Такое положение дел оставалось в стране и после крушения ордынского периода в жизни империи.

Кстати, подобный порядок сохранялся и в Османии-Отомании до XVII века. За отказ платить налог-дань военная власть наказывала население карательными походами в провинившуюся область. Когда развалился Советский Союз, сложилась та же ситуация, отдельные территории объявили себя свободными от верховной власти, были, как вы знаете и карательные операции. Основную часть войска старой русской орды составляли потомственные военные – казаки.

Из традиционной истории следует, что казаки это беглые крепостные крестьяне, бежавшие на границы империи. Но это полная чушь. На то она и империя, чтобы тщательно охранять свои рубежи, на границе всегда сосредоточены воинские части для своевременного отражения атак недругов. В противном случае приграничные земли будут грабить все, кому не лень. Для того чтобы воспитать и подготовить профессионального воина требовались многие годы и система профессиональной подготовки.

– Но ведь считается, что монголы завоевали Россию, – неуверенно заметила Эмма. – Это всем известно.

– Замечательно, – обрадовался Виктор. – Давай размышлять логически. Кратчайшее расстояние от столицы Монголии Улан-Батора до Москвы 4624 километра. По железной дороге больше 6000 километров. Теперь представь, что в отсутствии дорог нужно пройти такое расстояние. Без дорог, через тайгу, которую и сегодня не пересечь! Зимой не пройти, летом клещи и комарье убьют лошадей, да и людей тоже. Тащить за собой надо огромное количество провианта. Но самое главное, откуда они знали куда идти? Посмотри на сегодняшнюю Монголию. В их жизни мало что изменилось за последние столетия, только человек с большим воображением может себе представить их великими завоевателями России. Слово «монголия» на самом деле было словом «моголия», что переводится как «великая» и происходит от «мог», «могу», «мочь», то есть «могущественная». Таким

образом, одно из названий Тартарии – «Моголия Тартария», что означает «Великая Тартария».

– Это все интересно, но почему в учебниках истории дается другая версия событий, – возразила Эмма. – Кому нужно переписывать историю?

Дорохов усмехнулся:

– Сама посуди, не так давно африканцы были рабами в Америке, и еще полвека назад они были достаточно бесправны. И что сейчас? Их теперь называют не иначе как афро-американцами. У вас теперь президент негр! Пройдет пара столетий и историю перепишут до неузнаваемости. И афро-американцы вполне возможно будут представлены, как титульная нация. Вся история будет переписана под них, и они предстанут коренными американцами. И это в наш информационный век. А раньше, как ты понимаешь, и читать умели немногие. Чтобы оправдать любой военный переворот или захват территории, всегда и везде переписывалась история, где очернялась бывшая власть. Победенная элита нещадно вырезалась, чтобы искоренить конкуренцию. Посмотри, что происходит после развала Югославии и Советского Союза. Вытесняется имперский объединяющий язык, преследуют ранее титульную нацию. Ненависть, войны, перепись учебников истории....

Ища поддержки, Эмма обратилась к шейху:

– Неужели это возможно?

– К сожалению, история переписывалась многократно, – бесстрастно ответил Шейх. – И будет переписана еще не раз в угоду новым завоевателям.

Дорохов благодарно кивнул старику и продолжил:

– Учебники истории России фальсифицированы Романовыми, победившими во времена великой смуты в начале XVII века. Эта династия пришла к власти, победив старую ордынскую власть. Им нужна была легитимность, право на престол, и они добились этого огнем и мечом. Россия сегодня находится на том месте, где простиралась Тартария. Вероятно, когда Москва объявила себя третьим Римом, был построен и храм, являющийся окном в некую другую реальность. Полагаю, что жрецы, высшее духовенство, и цари знали об этом куда больше нас.

– Так наша цель Москва, Россия? – не скрывая своего волнения, воскликнула Эмма.

– Я в этом уверен, – спокойно ответил Виктор. – И тому подтверждение – упоминание в записях встречи с Максимовым. Я давно уже говорил, что в этих записях нет ничего лишнего. Часть мемуаров посвящена трогательным воспоминаниям, другая – четкая инструкция к действию. Максимов явно не относится к первой категории.

– Что для меня темный лес, то для тебя открытая книга, – ласково упрекнула Дорохова Эмма. – Сейчас я уже догадываюсь, почему в конце тетради упоминается именно Максимов, ученый из России ...

– Конечная точка нашего путешествия! – подтвердил Виктор.

– Если смотреть на все это твоими глазами, то именно так, – хитро улыбнулась в ответ Эмма.

В этот момент раздался стук в дверь. Абу впустил в гостиную доктора Угура.

– Простите меня, уважаемый шейх, – извиняющимся тоном начал он. – Из моей клиники пришла машина. В нее мы поместили Мехмета и американца...

– Они, надеюсь, уже ладят между собой? – осведомился Сафир.

– Все как вы и говорили, – с готовностью ответил врач. – Людей объединяет либо взаимная любовь, либо неприязнь к общему врагу.

После отъезда доктора и его пациентов шейх обратился к Эмме:

– Каковы теперь ваши планы?

– Не знаю, – растерялась женщина. – Без «Карты Рома» задуманное не осуществить, а Мехмет настаивает, чтобы она осталась в каком-нибудь местном музее. Он потребовал вернуть ее, сразу после нашего ночного визита в крепость.

– А вы намерены идти до конца? – снова спросил Сафир. – Со слов американца опасность еще вас не миновала.

Эмма кивнула головой. Старик перевел свой взгляд на Дорохова, и тот утвердительно кивнул. После этого Абу вытащил из ящика стола «Карту Рома».

– А как же Мехмет, – не скрывая своей радости, воскликнула Эмма.

– Он сам мне ее оставил для вас, – продолжал шейх. – Ему очень не хотелось ехать в клинику, но доктор и я настояли на этом. Вам надо торопиться, а он должен отправляться на

лечение. Если вы сможете вернуть эту реликвию в Турцию, пусть так и будет, а сейчас забирайте ее.

Женщина было бросилась расцеловать старика, но в смущении остановилась. Шейх Сафир усмехнулся и нежно обнял Эмму.

– Я должен также предупредить вас, – с сожалением произнес Сафир. – Мы связались с нашим человеком в ЦРУ. Он сообщил нам, что из четырех человек, работающих в отделе один ярко выраженный левша, и это начальник отдела по фамилии Тейлор. Однако наш агент тоже мог бы попасть в эту категорию. Он переученный левша и одинаково хорошо владеет как правой рукой, так и левой. Имя этого человека я вам назвать не могу по понятным причинам. Я склонен доверять ему, но гарантировать ничего не могу.

– И за это спасибо, – поблагодарил Дорохов.

– Можем ли мы еще чем-нибудь помочь? – осведомился старик. – Что вы намерены делать?

– Главная проблема, как обезопасить себя от вездесущего «босса» Гроссмана из ЦРУ, – задумчиво начал Виктор. – Вероятно, он разобрался в той или иной степени в записях Карла Рунге. Благодаря его смекалке, нас уже ждали в Стамбуле и опередили в крепости. Возможно, он обладает еще какой-то дополнительной информацией помимо записей Карла. Со слов Стива Гроссмана получается, «босс» предполагал, что «копье» и «Карта Рома» находятся в одном тайнике.

– Но он ошибался, – радостно подхватила Эмма. – Значит, он не так уж и информирован.

– Скорее наоборот. Он знает то, чего не знаем мы. Вероятнее всего Александр Рунге уже вскрывал тайник и разделил две части одного целого. Шкатулку оставил на прежнем месте, а «копье» забрал с собой. Вполне возможно, что он испытал его силу. По каким-то причинам он не воспользовался идущей ему в руки удачей и сделал это намеренно. Если помнишь, он передал дневник и «копье» своему сыну, а затем вновь отправился в Турцию, где трагически погиб.

– И что это значит?

– Копье он передал сыну, как и инструкцию по дальнейшим действиям. Карл не воспользовался этим, но аккуратно передал все своей внучке. Неизвестный из ЦРУ уже многое из всего этого знает. Знает ли он, где действительно находится портал, вот в чем вопрос. Если знает, то нас уже и там ждут. Этот «босс» уверен, что мы нашли «копье» и «Карту Рома» в храме «Святой Софии».

– Так что же делать, Виктор, придумай что-нибудь, – в отчаянии воскликнула женщина.

– Мы пока не знаем, где в Москве находится портал. Думаю, и наш противник может этого не знать. Гроссман, очевидно, был слабым звеном в цепочке «босса». Не очень умный, не очень преданный, но готовый на все. Я думаю, он смертельно испугался мести своего хозяина. Гроссман опять проявил «инициативу» и открыл стрельбу в Турции.

– Ваш противник умен, – вмешался шейх. – Но пока он все делает вашими руками.

– Получается именно так, – согласился Дорохов. – Но в таком случае мы будем живы до того момента, пока он не получит «Карту Рома» и «копье».

– Ты говорил, что, скорее всего, он не знает точного месторасположения портала, – голос Эммы прозвучал спокойно и решительно. – Я почему-то в этом уверена.

– Уважаемый Сафир, – обратился к старику Дорохов. – Не могли бы вы помочь нам переправить «Карту Рома» в Москву. На всякий случай мы разделим две реликвии, «копье» останется на шее Эммы, а шкатулку мы встретим в Москве.

Шейх одобрительно кивнул и о чем-то попросил своего сына на турецком языке. Абу исчез, а затем вернулся, сопровождая молодую симпатичную женщину.

– Это моя родственница, – представил вошедшую Сафир. – Зовут ее Гюней. Она знает английский и днем позже вылетит в Москву. Напишите ей адрес, и она доставит нужную вам посылку.

Виктор написал адрес и записку, передавая их девушке, он прокомментировал:

– Я написал телефон и адрес своего друга в Москве. Вы ему позвоните и скажите, что везете ему посылку от меня. Передайте ему посылку и записку, в которой я объясняю, как поступить дальше.

Было решено, что Эмма и Виктор вылетят при первой возможности. Эту возможность невероятно быстро подтвердил Абу, забронировав места на ночной рейс.

Сын шейха отвез Эмму и Виктора в аэропорт. Свои вещи из гостиницы они забрали на всякий случай через черный ход. Портье был удивлен такой конспирацией, но пятидесятидолларовая купюра отбила у него охоту интересоваться. В этот день лил сильный дождь, и прощаться со Стамбулом было не сложно.

Однако в аэропорту их ждало новое приключение. При сдаче багажа залаяла служебная собака сотрудника аэровокзала. Натренированная на наркотики овчарка прильнула к сумке Эммы. Мгновенно вокруг женщины появилось несколько вооруженных людей.

-Мэм, вы путешествуете одна или в сопровождении этого мужчины? – произнося эту фразу, офицер указал рукой на Дорохова.

– Мы путешествуем вместе, – вмешался Дорохов.

– Ваш багаж эти две сумки? – нагонял страху своим тоном офицер.

Виктор, улыбаясь, кивнул.

Их сопроводили в кабинет и велели открыть сумки. Два офицера внимательно осматривали вещи, причем делали это так, чтобы видеокамера в помещении запечатлела этот процесс. Создавалось впечатление, что за ними наблюдал кто-то еще. Личному досмотру в специально отведенных для этого помещениях подвергли и Эмму, и Виктора. Процедура неприятная, но Эмма успокаивала себя тем, что мудрый Дорохов не взял с собой «Карту Рома», наверняка именно ее сейчас и искали. Толстая тетка, обыскивающая Эмму, восторженно прошипела, увидев ее шикарное нижнее белье. «Это стоит триста баксов» хотела крикнуть ей в лицо Эмма, но сдержалась.

Москва, Россия

Москва встретила их пронизывающим ветром и полным отсутствием снега. Таксист мчался по ночному городу, как показалось Эмме, с явным превышением скорости.

Дорохов, заметив ее беспокойство, тихо прокомментировал:

– Водитель пытается избежать утреннего автомобильного затора.

Тут и там зажигались огни, весело вспыхивая и занимая свое неизменное положение в огромном каменном мегаполисе. Из приемника автомобиля тихо лилась американская музыка, а водитель такси весело мурлыкал, подпевая Бритни Спирс.

– Я вот подумал, – нерешительно заговорил Дорохов. – Зачем тратить деньги на гостиницу, я поселю тебя в своей квартире, а сам переночую у товарища. Он живет в том же доме, что и я. И так безопасней, в нашем доме я почти всех знаю в лицо. Так что, если кто чужой появится...

– Хорошо, – признательно улыбнулась Эмма. – Но ты уверен, что твой товарищ примет тебя?

– Наверняка! Да я сейчас же позвоню ему.

– Кстати, мы почти приехали, – торжественно произнес Виктор. – Этот район Москвы называется Измайлово, а я называю его русским Манхэттенем. Расположение улиц очень простое, все параллельно-перпендикулярно. Заблудиться невозможно, шестнадцать парковых улиц пересекают два бульвара и несколько улиц, параллельных бульварам. Наша улица – 11-ая парковая. У вас там Центральный парк, а у нас Измайловский. Все как у вас, и вечером в парк ходят только экстремалы.

– А медведи у вас есть? – ехидно поинтересовалась Эмма.

– Какие медведи? – растерялся Виктор, но со смехом продолжил. – Ах, да, медведи! Они тоже не рискуют появляться в этом парке в темное время суток!

Многоэтажный панельный дом, где жил Дорохов, встретил их приветствиями двух русских мужиков, выходящих из подъезда. Видно было, что Виктор смутился под напором веселых реплик, обращенных к нему, и, как показалось Эмме, касающихся ее присутствия. В большом лифте, к ужасу Эммы, вместе с ними поднималась старушка с огромным ротвейлером без намордника. Собака рычала, а пожилая женщина старалась ее успокоить.

Выскочив из лифта и отправив выше любительницу животных вместе с ее злобным другом, Виктор прокомментировал:

– Собака последний год ни на кого не бросается, ее здорово проучил электорошокером один наш сосед.

– Как так можно относиться к животным? – возмутилась Эмма. – Надо было сначала поговорить с хозяйкой, объяснить ей...

– Так она глухонемая, как с ней говорить, – резонно возразил Виктор.

– Глухонемая, – растерялась женщина. – Но есть же родственники, полиция.

– Старушка живет одна, а полиция, точнее бывшая милиция, занята последствиями переименования в полицию, – задумавшись над сказанным, Дорохов пояснил. – У нашей полиции сейчас сложное время, они хотят стать лучше и больше зарабатывать, но пока не получается совместить два процесса.

Эмма решила, что сказанное про полицию шутка, как и про медведей, но поведение старушки действительно было странным, в лифте она ничего не говорила, а только мычала, пытаясь что-то втолковать своей огромной собаке.

Узкий коридор от лифта до входной двери в квартиру Дорохова был буквально завален велосипедами, детскими колясками, зимними санками и лыжами. Входные двери в квартиры напоминали ворота в банковские помещения – массивные железные двери, едва прикрытые дешевым дерматином.

Небольшая квартира Дорохова отличалась скромностью и простотой. Гостиная была превращена в кабинет хозяина. В спальне кроме кровати не было ничего. Маленькая уютная кухня вместила в себя электрическую плиту, несколько шкафчиков, стол и один единственный стул. Эмме было приятно, что квартира Виктора представляла из себя берлогу холостяка. Женским присутствием здесь даже не пахло.

Загудел электрический чайник, и уже через несколько минут на столе дымился ароматный чай, и лежали большие куски сушеного хлеба.

– Сухари, – по-русски произнес название этого блюда Виктор. – Это вкусно!

Эмма попробовала – действительно вкусно, но тут же вспомнила своего бой-френда, помешанного на диете и не удержалась:

- Диетический продукт?
- Да нет, просто больше ничего нет!

Виктор примостился на низком подоконнике, уступив единственный стул даме. Они пили чай с сухарями, а Дорохов увлеченно рассказывал о Руси-Тартарии. Странно было слышать, что дремучая Россия – это передовая цивилизация, утратившая свое влияние в междоусобных войнах.

Женщине было приятно, что Дорохов любит свою Родину и так хорошо знает ее историю. Оказалось, что русские принцессы выходили замуж не только за султанов, но и за европейских королей. Позабавило письмо королевы Анны Ярославны, супруги французского короля Генриха I. Своему отцу в Киев она сообщала, что попала в варварскую страну, где дома мрачные, церкви некрасивые, а нравы ужасные.

Незабываемый след в истории оставила Анна Павловна, русская принцесса, дочь царя Павла I, ставшая королевой Нидерландов. Ее сестры вышли замуж за августейших особ и разъехались по Европе, ей же достался принц Оранский, впоследствии ставший королем. Оказалось, что Наполеон I также просил ее руки, но ему было отказано.

Королева Анна фактически спасла Нидерланды и королевскую фамилию от разорения. После смерти мужа выяснилось, что у него огромные долги. Она просила своего брата – российского императора Николая I – выделить для ее спасения астрономическую сумму в 4,5 миллиона гульденов, предложив взамен коллекцию голландских полотен, собранную ее мужем. Николай не мог отказать сестре, и ему пришлось удовлетворить ее просьбу.

За окном давно уже было светло, и Эмма, к своему стыду, широко зевнула, едва успев прикрыть рот ладошкой. Это было, конечно, невежливо, но сил у нее действительно не было. Дорохов, к ее радости, не сделал ни малейшей попытки остаться вместе с ней в квартире. Радовалась она не потому, что не хотела бы этого в принципе, а из-за смертельной усталости.

Эмма проснулась днем в половине третьего. Пулеметная очередь, которую она слышала во сне, наяву оказалась скрежетом дрели. Закутавшись в одеяло, женщина обежала всю квартиру и к своему удовлетворению отметила, что здесь она одна. Сверлили где-то в соседнем помещении. На кухонном столе она обнаружила записку: «В холодильнике свежие яйца, сыр и ветчина. На подоконнике хлеб, хлопья и то, что называется у вас молоком. Проник в квартиру в 12 часов, только для того, чтобы доставить тебе завтрак-обед. На столе американское издание книги новых русских хронологов, рассказывающее кратко о новом прочтении истории. В ней найдешь много интересного и про Россию, и про Турцию, и про Америку. Ключи от входной двери на гвоздике перед входной же дверью, к ним пристегнут адрес квартиры и мой телефон. Не потеряйтесь, принцесса. Буду в 18-00».

На столе, действительно, взгромоздилось краткое описание новейшей истории в виде книги, которая в несколько раз по своему объему превосходила Библию.

Теория русских хронологов была изложена на хорошем английском языке, и, на ее взгляд, была рассчитана на явно подготовленного читателя. Из открытой ею книги веяло холодным неприятием всей мировой истории и жестким изложением своей теории. Поначалу было сложно читать, и Эмма дважды откладывала книгу, но через несколько минут делала над собой усилие и вновь заставляла себя продолжать чтение. В конце концов, мемуары деда ей тоже показались бы бредом сумасшедшего, но, во-первых, ее родственник оказался засекреченным ученым, а во-вторых, ЦРУ явно не разделяло ее мнение и не считало Карла Рунге спятившим.

Дедушка уважал и во многом принимал идеи Ньютона-историка и если она, Эмма Рунге собирается разобраться в этой запутанной истории, то ей необходимо объективно отнестись к теории русских ученых. Она представила на секунду, что ничего не знает об истории человечества, и первый учебник по истории в ее жизни сейчас находится у нее в руках. Теперь проще, все написанное является правдой и не конкурирует с общепринятой историей.

Психологически настроившись на новый лад, женщина стала с жадностью проглатывать содержимое одной страницы за другой. Удивительным образом

выстраивались события. В изложении, логике и огромном объеме знаний русские математики-хронологи были просто поразительны.

Книга убеждала фактами, цифрами, при этом избегая психологической оценки ситуации. Общепринятая история полна легенд и душещипательных любовных историй. Они в первую очередь и запоминаются: царь Соломон и царица Савская, Парис и прекрасная Елена, погубившие Трои. Авторам новой хронологии явно не хватало экспрессии.

Прерывая чтение, Эмма время от времени пыталась применить концепции хронологов к сегодняшнему дню. Вспомнив разговор с Виктором о президенте Америки, она попыталась проанализировать этот факт со всех сторон. И так, еще несколько десятилетий назад, никому бы и в голову не могло прийти, что президентом США станет афро-американец.

Женщина отметила, что она, как и многие американцы была внутренне подготовлена к такому событию. И эту идею воплотил в жизнь Голливуд. В кино все чаще стали изображать президента черным американцем. Да что президент, даже Бога изображали негром. Делали это в основном в комедиях, благодаря чему у зрителя отсутствовал отрицательный настрой. Это делалось для того, чтобы внедрить «прошлый» опыт в сознание граждан. Получается, что люди однажды уже сталкивались с цветным президентом, и ничего – все в порядке. А то, что подобный опыт приобретен в кино, разве это осознает среднестатистический обыватель?

Кино – важнейшее из искусств: человеку внедряется в сознание, на первый взгляд, фантастический сценарий. Например, ликвидация астероида, мчащегося на планету Земля. Судя по всему, когда все страны вступят в НАТО, простых американцев не надо будет уже убеждать, что повышение их налогов направлено на развитие Противоракетной Обороны (ПРО) в интересах всего человечества. Задача подкорректируется: сбивать будем не вражеские ракеты, а астероиды. И для всех это будет естественный процесс развития событий.

В сущности, новые хронологи говорят о том, что история – это прежде всего политика, позволяющая манипулировать мнениями и действиями граждан. Эмма вспомнила своего одноклассника, погибшего недавно во время войны в Ираке. Она была на его похоронах и, как и все присутствующие, слушала речь высокопоставленного армейского офицера о подвиге американских солдат. В тот же вечер, собравшись в кругу близких друзей дома у погибшего солдата, его отец сокрушался, что не знает за что погиб его сын.

Химическое оружие у Саддама Хусейна не нашли и верховный главнокомандующий, президент США, не понес за свои поиски никакого наказания. За его ошибки расплачивались простые американцы. Почему был выбран богатый нефтью Ирак, а не нищая Северная Корея? Или корейцы миролюбивы и меньше нуждаются в демократии?

Звонок в квартиру прервал размышления женщины, и она поспешила к входной двери. На пороге стоял Виктор с небольшим, но красивым букетом цветов. Эмма в растерянности отшатнулась, пропуская хозяина жилища.

Дорохов галантно протянул ей цветы и проскользнул на кухню. Ее потенциальный жених – американский бой-френд никогда не дарил ей цветов, он вообще ничего не дарил. Прижимая букет к груди, Эмма последовала за Виктором на кухню.

Холодильник постепенно наполнялся продуктами из большого пакета, принесенного хозяином квартиры.

– Эмма! Мы сегодня ужинаем у друзей! – Дорохов сиял от счастья. – Если ваш вечер свободен, на что я очень надеюсь.

– Ты принес цветы мне?

Виктор хитро огляделся:

– Кому же еще, как не принцессе, заточенной мной в замке и ждущей своей участи!

Эти слова показались бы вульгарными и наглыми от любого другого, но не от Виктора. Если он ее и добивался, а она на это в тайне надеялась, то делал это элегантно и очень старомодно.

– Мои близкие друзья ждут нас сегодня на ужин. Оба физики, муж и жена, Анатолий и Ирина Соколовы, интересуются всем на свете, хорошие люди, лишнего никто не спросит, уж поверь.

Со слов Дорохова дом был «сталинской» постройки. Здание было фундаментальное и очень красивое, а квартира друзей Виктора поражала своей дружеской атмосферой.

Хозяйка квартиры оказалась очень гостеприимной женщиной. Создавалось впечатление, что она привыкла к большому количеству гостей в своем доме. Из

открывшейся в коридоре тумбочки вывалилось не меньше десятка разнокалиберных домашних тапочек. Эмма отметила про себя, что в России, как и в Азии, требуется сменить уличную обувь на домашнюю.

За большим обеденным столом разместилось еще трое гостей. Все были примерно одного возраста с Дороховым и Соколовыми. Первым представился Эмме высокий улыбчивый мужчина:

– Иван, инженер и романтик, кстати холост. Рядом со мной наш друг Федор, химик по образованию, путешественник по призванию. И, наконец, Али – душа компании, между прочим, профессор и известный хирург.

Как по волшебству, на столе выросли три тарелки салата, большое блюдо с дымящейся вареной картошкой и две цельные курицы с необычайно аппетитной корочкой. Соки, прямо в пакетиках, две бутылки вина и большая бутылка русской водки, лоснящаяся от сползающей с нее изморози.

Иван поднялся со своего места, и это было сигналом хозяину дома. Он исчез и через мгновение появился с подносом замороженных в холодильнике рюмок. Водку разлили всем, включая Эмму, несмотря на ее сопротивление.

– Вы не сможете сказать «нет», – обратился к ней Иван. – У каждого напитка есть своя техника потребления. Я предлагаю немедленно насладиться леденящим нектаром в честь нашей американской гостьи, очаровательной Эммы!

Виктор, сидящий рядом, переводил на английский все сказанное в полголоса. По примеру всех присутствующих, Эмма заставила себя выпить рюмку залпом. Это было одним из самых странных ощущений в ее жизни.

Дома, в Америке водка была популярным напитком, но пили ее совсем не так. Широкий стакан, на дне водка комнатной температуры и пригоршня ледовых кубиков. Русские додумались не только охлаждать водку, но и наливать ее в замороженные рюмки. С точки зрения эстетики это не забываемое зрелище. На твоих глазах хрустальная рюмка медленно оттаивает и меняет свой облик и даже цвет.

Почти сразу за первым тостом прозвучал второй. На этот раз поднялся из-за стола Федор:

– Друзья! Мы собрались не просто так, а по поводу! Ира Соколова доказала, что она не только прекрасный физик, но и писатель! Ее первая книга появилась на прилавках магазинов именно сегодня, и первый экземпляр в моих руках.

Мужчина торжественно поднял красочную книгу в твердом переплете над своей головой.

– Я знаю, что никто кроме мужа Ирины и меня, еще не успел оценить это творение, и я завидую вам! Мы с Толей читали это в рукописи, а вам предоставляется возможность насладиться сладким запахом типографской краски. На мой взгляд, надо отметить это событие и передать слово автору будущего бестселлера, неудержимо рвущегося к читателю! Господа офицеры в запасе, стоя, троекратное «УРА» – два коротких, один протяжный»!

Мужчины поднялись со своих мест, и комнату наполнил гул: «Ура! Ура! Уррра!». Вслед за этим зазвенела посуда, Ирина и Анатолий наполняли тарелки гостей с необыкновенной ловкостью, которой мог бы позавидовать любой официант.

Эмме очень понравилась курица. Она не очень любила сухую куриную грудку, к которой ее приучал ее американский друг, но эта была необыкновенно сочна. Своим долгом она посчитала сделать комплимент хозяевам, но ее на полуслове прервал Иван.

– Прекрасный тост! Женщины в России говорят тосты сидя, мы просим американскую гостью оказать нам честь.

Эмма встала со своего места, несмотря на протесты мужчин:

– У меня немного закружилась голова от водки, и я явно стала смелее... Очень боюсь проснуться. Сейчас я в сказке, повезло Виктору, что у него есть такие друзья как вы. Сегодня я вместе с вами, и, конечно, поздравляю Ирину. Я журналист, и сама мечтаю написать книгу, но пока не получается. Но если я в Америку привезу рецепт приготовленной сегодняшней курочки, то уверена, что это будет бестселлером.

Гости с удовольствием восприняли ее тост, а Ирина взяла ее за руку и отвела на кухню. На хорошем английском она рассказала, что написала книгу кулинарных рецептов с задиристым названием «Лирика от физиков». Все рецепты необычайно просты, что не умоляет достоинств готовых блюд.

Примечателен был и рецепт курицы: «Обычная охлажденная курица разрезается вдоль грудины и укладывается на противень грудкой вниз. Весь секрет состоит в том, что сам противень усыпан обычной солью. Пачки соли вполне достаточно. Сверху курицу немного солят и перчат. Сорок пять минут при температуре 200 градусов по Цельсию, и блюдо готово. Физика процесса необычайно проста – соль впитывает жир и, образуя «подушку», не дает подгореть курочке. Мыть противень после приготовления очень просто – оставшуюся соль выбрасывают, а противень ополаскивают».

На кухню вбежал муж Ирины, Анатолий:

– Девушки! Все вас ждут!

Это был необыкновенный вечер. Не было привычных разговоров о налогах и ипотеке, о соседях и знакомых, о спасении человечества, о перемене климата и о роли американского народа в современной истории.

Теорию новых хронологов случайно подняла сама Эмма, и что тут началось! Али оказался правове́рным мусульманином, кстати единственным, кто поднимал тосты со стаканом минеральной воды. Он убеждал ее, что хронологи наверняка правы в том, что на Руси христиане и мусульмане не враждовали и жили в мире. А он и его друзья живой тому пример.

– Вот Анатолий утверждает, рисуя не понятные нормальному человеку формулы, что в ближайшие десятилетия жизнь на земном шаре изменится, – засомневался Али. – Он убежден, что именно физики откроют тайну мироздания и подарят медицине новые прорывные технологии. Но вы мне объясните, кто подарит нам совесть, терпение и человеколюбие.

– Али, – вмешался Анатолий. – Я говорил о том, что идет глобальное объединение наций, и люди не будут разделяться по национальному или религиозному принципу. Новые технологии позволят создать одно сверхмощное государство, способное подавить все остальные. Грядет новая мировая религия, и ее инструментарием станут новые фантастические технологии. Исчезнет преступность, голод, болезни...

– На смену старым болезням придут новые, – парировал Али. – Уже сейчас в современном мире наблюдается рост числа психических заболеваний. Шизофреник с искусственным сердцем все равно останется шизофреником. Вероятно, можно записать на подкорку человека «не укради», «не убей», и у него появится рефлекс, подобный боязни огня. Но что еще появится в его воспаленном мозгу при вашем вмешательстве, и что тогда делать? Удалять мозг или менять его на искусственный?

– Алик, – голос Соколова звучал примиряюще, – для меня будущее ни плохое, ни хорошее, я не даю оценку. Мы в нашем институте создали компьютерную программу, грубо говоря, загрузили в нее развитие человечества за последние двести лет, учли динамику этого развития, перспективные исследования, и компьютер выдал определенный результат.

– Вот видишь, – кипятился Али, – за тебя уже решает компьютер, а мы для него лишь исходные данные. Физиков надо запретить и переqualифицировать в кулинары, Иринин пример подтверждает правильность моей мысли!

Под всеобщий смех Али подошел к хозяйке и поцеловал ей руку. Не успели утихнуть страсти, как со своего места встал Федор и произнес новый тост:

– Может, коллеги правы, и нас в ближайшем будущем ждут Соединенные Штаты Земли, тотальный контроль и слабоумие. Но вы объясните мне неразумному, разве сегодня по-другому? В головах у людей все перевернулось, у многих обнаружилась тупость. Мой старший брат Михаил – как и я тоже химик – защитил докторскую диссертацию и все бросил. Его коллеги посчитали его сумасшедшим, крутили пальцем у виска. Он уехал в опустевшую деревню, где родился наш отец, и купил большой участок земли на берегу реки...

Со всех сторон раздались восторженные крики.

– Друзья, – продолжил Федор. – Эта часть моего рассказа специально для Эммы, в отличие от вас она не ездит каждый год на рыбалку к моему брату. Так вот, мой брат купил большой участок земли, практически не пригодный для земледелия и животноводства, так как почти вся территория занята тремя глубокими оврагами. Михаил прорыл небольшой канал из реки и заполнил овраги водой. В получившихся водоемах он успешно разводит рыбу и речных лобстеров – раков. Бывшие коллеги Михаила так и не смогли понять его поступка – внезапно пожертвовать столь успешной карьерой, но уверяю вас, он обрел себя. Он не стал отшельником и изгоем, сам он комментирует это так: «У меня появилось время думать и читать».

Эмме было приятно находиться с друзьями Дорохова. Все они были людьми веселыми, искренними и очень, очень дружелюбными.

В дом Дорохова в Измайлово они приехали за полночь. Виктор пытался откланяться на пороге квартиры, но Эмма притянула его к себе, ухватив пальцами пуговицу его пальто. Они медленно вошли в квартиру. Виктор не сводил своего восхищенного взгляда с ее лица, и она чувствовала этот взгляд сердцем, которое билось все сильнее и сильнее. Маленькую квартиру заполнил туман открытий, надежд и откровений.

Эмма проснулась от странного ощущения: лежащий рядом с ней Виктор ласково смотрел на нее и таинственно улыбался, как будто нашел ответ на какой-то вопрос, и этот ответ удивил его самого. Комната постепенно наполнялась солнечным светом, рассеивая расплывчатые золотистые блики по стенам.

– Ты почувствовала, что я говорю с тобой?

– А ты говорил?

– Да, только без слов.

– А можешь повторить теперь со словами?

– Попробую, но ты не смейся. Ты веришь в любовь – настоящую любовь, на всю жизнь?

Она задумалась и отрицательно покачала головой.

– А я теперь верю. Мне с тобой необычайно хорошо. Ты умная, красивая, тонкая и в то же время немного авантюрная. Ты сильная и слабая, уверенная в себе и немного стеснительная. Я хочу заботиться о тебе, быть рядом, говорить тебе о том, как ты прекрасна. Я ...

Эмма поднесла свои пальцы к губам Виктора:

– Мне с тобой тоже хорошо. Не торопи меня. Мне очень приятны твои слова, и ты мне тоже очень нравишься, но....

Дорохов виновато улыбнулся и процедил:

– Ты жалеешь о том, что случилось ночью.

– Ни капли, дурачок. Просто несколько дней назад меня хотели убить и убили знакомых мне людей. Я убежала из дома и приехала в чужую страну. Мой дед нацистский ученый, а я его внучка. У меня в руках загадочные записи, которые приносят одни только неприятности. Я далека от романтики. Я напугана, я устала, я не знаю, что делать.

Слезы покатались из глаз Эммы, и она уткнулась в грудь Виктора. Нежно глядя ее по голове, он тихо произнес:

– Вот я и говорю, что буду рядом с тобой, и мы решим любые задачи, стоящие перед нами. Но и ты мне кое-что обещай.

– Что именно? – заплаканные глаза Эммы святились любопытством. – Что я должна обещать?

Дорохов встал с постели, и, умышленно держа паузу, стал рассказывать по комнате. Наконец, он присел на кровать рядом с ней, взял ее лицо в свои большие руки и медленно по слогам произнес:

– Не от-ча-и-ва-ться и не пла-кать.

Эмма прижалась к нему и прошептала:

– Обещаю!

Неожиданно став очень серьезным, Виктор сказал:

– Сегодня у нас важный день, мы идем к профессору Георгию Ивановичу Максиму, к сыну того самого Максимова, который упоминается в дневнике твоего деда. Мне удалось с ним договориться о встрече, хотя это было не просто. Я с ним уже однажды встречался, но он мою фамилию не вспомнил. Точнее сказать, я присутствовал на его выступлении, и потом мне удалось с ним немного поговорить. Это очень образованный человек, прекрасно знающий историю. Его отца часто называли другом Сталина, но Георгий Иванович это не подтверждает и не опровергает, старается избегать этой темы. Несколько лет назад с ним произошло несчастье, его жестоко избили на пороге собственного дома. С тех пор он не появляется на улице, замкнулся, почти не общается с людьми. Говорят, что раньше это был прекрасный собеседник и даже балагур. Мне удалось с ним договориться, правда, он просит за наш визит пятьсот долларов, мотивируя это тем, что его время – деньги, в которых он крайне нуждается.

– Очень по-американски, – рассмеялась Эмма. – Если мы платим деньги, то и говорим на темы, интересные нам. Когда мы к нему едем?

– После обеда он ждет нас. А до этого времени я покажу тебе Москву, если ты не возражаешь.

– Конечно, нет.

Старенький «форд» Дорохова завелся со второй попытки, и они тронулись в путь.

Путешествие по Москве показалось Эмме довольно утомительным, главным образом, из-за автомобильных заторов. Большое впечатление на нее произвела великолепная крепость – Московский Кремль. Поразили находящиеся внутри Кремля самая большая в мире пушка, которая никогда не стреляла и огромный колокол, который никогда не звонил.

Красную Площадь украшал необычайно красивый Покровский собор, почему-то одновременно называемый храмом Василия Блаженного. Саркофаг Ленина показался ей холодным и мрачным, его она посещать отказалась. Понравился ГУМ – главный универсам столицы, очень красивое здание с космическими ценами.

Очень понравилась стометровая статуя царя Петра, погруженная прямо в Москва-реку. Большое впечатление произвели храм Христа Спасителя и Измайловская крепость, стоящая на острове. Они проехали много православных церквей, в некоторые заходили, и, к удивлению женщины, почти все они выделялись невиданной роскошью.

Обедая в небольшом ресторанчике, Эмма не удержалась и спросила Виктора:

– Ваши православные храмы поражают богатством, даже купола многих церквей покрыты золотом. Зачем это в небогатой стране?

Дорохов рассмеялся:

– Очень хороший вопрос! Но сам вопрос подразумевает ответ! Церковь в России, или точнее в Тартарии, была очень, очень богата, настолько богата, что золотом покрывалось не только внутреннее убранство соборов, но и внешние архитектурные элементы – купола, кресты, венчающие постройки, орнамент. Все это подчеркивало богатство Великой Тартарии. Сейчас ты видишь жалкие остатки былого величия. Большевики разграбили храмы, и сейчас даже трудно представить себе ту роскошь, которая окружала церкви в былые времена.

– Но золотом покрывать крыши не разумно, – сопротивлялась Эмма.

– Подумай, почему нигде в мире, кроме Руси, нет такой бросающейся в глаза роскоши, я бы сказал невиданной роскоши. В чем тут дело?

Женщина задумалась и, с трудом подбирая слова, попыталась ответить:

– Если следовать твоей теории, то всему есть разумное и простое объяснение, правда, противоречащее официальной версии. Если на какой-то территории, в каком-то государстве храмы покрыты золотом, то это говорит о превосходстве этой страны над всеми остальными.

– Потрясающе, Эмма, – воскликнул Дорохов. – То есть такому государству ничего не угрожало. При набегах врагов внутреннее убранство церквей можно спрятать, а золото с куполов нет. Не правда ли странно держать такое количество золота «на улице», будто приглашая захватчиков, овладеть им.

– Предположим, что Россия великая держава и добывает огромное количество золота...

– Извини! – мягко перебил ее Виктор. – Россия не добывала столько золота, Орде платили дань не только русские территории, но и чужеземные. Вся Европа, Азия и Америка. И не забывай, покрытие золотом куполов церквей является неликвидным вложением средств. Получается, что никто не сомневался в величии империи, и ей просто не было надобности держать много золота в слитках, то есть в обменной единице.

– Еще один вопрос, можно? – испытывающе спросила Эмма.

– Задавай, – усмехнулся Дорохов.

– Почему изображения святых на иконах в православных храмах столь мрачные? Никто не улыбается, все смотрят на тебя если не осуждающе, то строго?

Дорохов долго не отвечал, но затем растерянно заметил:

– Я этого не знаю, хотя и обращал на это внимание. Версий может быть много, но я не знаю ответ на это вопрос. Своих теорий на этот счет у меня нет. Я признаю и верю, что храмы построены в правильных местах, это места благодати, и никогда они не были случайными. Но по поводу изображений святых, точного ответа у меня нет. Кстати, нам пора к Максиму.

www.ky-club.ru

– Убегаешь от вопроса, – засмеялась Эмма.

Подъезжая к дому Максимова, Виктор озабоченно произнес:

– Я тебе не говорил, но профессор Максимов не только историк. Кроме традиционной истории он очень серьезно занимается изучением оккультных наук.

– Он что колдун?

– Да нет, – усмехнулся Виктор, – просто собирает информацию, всякие рукописи и биографии. В свое время он был допущен к секретным архивам. И еще, знающие люди говорят, что его нельзя перебивать, пока он сам тебя не спросит. И приготовься к тому, что он будет говорить долго, отвлекаясь на всякие любопытные детали.

Максимов открыл дверь и, к удивлению Эммы, перед ней сидел инвалид в кресле-каталке. Мужчине на вид было за шестьдесят. Седые волосы опускались до плеч, впалые щеки едва прикрывала неухоженная борода, а землистый цвет лица весьма подходил его потухшему взгляду. На нем был старый вытянутый свитер, ноги укутывал темный клетчатый плед, а макушку прикрывала вязаная, круглая, пестрая шапочка.

Хозяин встретил их довольно странно: открыл дверь, что-то буркнул и исчез в одной из комнат.

– Ничему не удивляйся, – шепнул Дорохов. – Видимо, это высшая форма доверия. Все по-домашнему, к этому надо привыкнуть, я с этим часто сталкиваюсь в среде ученых.

– Но ты не сказал, что он инвалид!

– А что это меняет, – удивился Виктор. – Да я и сам этого не знал.

Комната, в которую они вошли вслед за хозяином квартиры, напоминала склад реликвий и старых фолиантов. На большом столе посреди комнаты лежали планы зданий, рукописи и множество фотографий.

– И что же вас интересует, молодые люди? – Максимов блестяще говорил по-английски. От Дорохова Эмма уже знала, что он также владеет арабским, идишем, немецким, турецким и в придачу к ним некоторыми «мертвыми» языками. Любимым занятием профессора было самостоятельное изучение иностранных языков.

– Мы хотели бы показать рисунок одного ученого, американца. Эмма его внука, пытается разобраться в записях деда.

– Так показывайте скорее, надо же, американка, а ведь красивая, как наши русские женщины. Не может быть...

Максимов с удивлением рассматривал лист бумаги, лежащий на столе. В центре композиции была правильно начертанная пятиконечная звезда и здесь же, слегка искаженное ее изображение. Две спиралевидные кривые шли вверх и вниз от звезд и упирались в коловороты. Верхний коловорот был прикрыт дугой, напоминающей полумесяц. У основания звезды между двумя нижними лучами располагалось сооружение похожее на ступенчатую пирамиду. Справа был нарисован ангел с крыльями, держащий перед лицом трубу. Слева – подобие летучей мыши с такой же трубой, но меньших размеров. Внизу плохо читаемая надпись и ее перевод на английский: «As above so below, as on the left so on

the right. And all this is an illusion and verity» («Что внизу, то и сверху, что слева, то и справа. И все это иллюзия и истина»).

– Где вы это взяли? – с дрожью в голосе спросил Максимов.

– Прадедушка моей спутницы Эммы нашел этот рисунок и запечатлел его в своем дневнике.

– Вы знаете, что на нем изображено, молодые люди?

Виктор отрицательно покачал головой.

– Почему с этим рисунком вы пришли именно ко мне? И что за дневник, о котором вы упомянули?

– В записях моего прадеда описывается встреча с Иваном Максимовым, – осторожно начала Эмма. – Это произошло где-то в Турции. Их экспедиции встретились и...

– Не немецкая ли это экспедиция Александра Рунге? – не скрывая своего волнения, воскликнул профессор.

– Вы его знали! – обрадовалась женщина. – Простите, я хотела спросить, что вы о нем знаете и откуда?

– О-о, Александр Рунге, – восхищенно произнес Максимов, – путешественник, исследователь, философ. Неоправданно забыт, как, впрочем, и мой отец, как все те, кто искал иной мир...

– Иной мир? – не удержалась Эмма.

Максимов помрачнел и подтянул коляску поближе к женщине. Не обращая внимания на ее смущение, он несколько минут вглядывался в ее лицо, затем поинтересовался:

– Вы упомянули о записях, могу я на них взглянуть?

Эмма в нерешительности оглянулась на Дорохова, но этот взгляд перехватил профессор, саркастически проворчав:

– Иначе разговора не будет.

На стол перед Максимовым легли копии мемуаров Карла Рунге. Профессор быстро переворачивал страницы, демонстрируя искусство быстрого чтения. Время от времени с его губ слетало то удивленные «О-о», то одобрительное «Э-э». Прошло не более десяти минут, и откопированные страницы плюхнулись обратно на стол.

– Да-а, впечатляет, – выдавил из себя он. – На рисунке изображен переход в другое измерение, мой отец передал оригинал этого рисунка лично Сталину в начале 30-х годов прошлого века.

Эмма и Виктор изумленно переглянулись. Не давая им опомниться, Максимов огорошил их снова: – Мой отец занимался тем же самым, чем и ваш прадед. Иван Максимов действовал по личному поручению самого Иосифа Виссарионовича Сталина. Папа в своих записях упоминает о встрече с Александром Рунге. Немец был одержим поиском иного измерения, временным порталом. Собственно это и сблизило моего отца с вашим прадедом. Рисунок, который вы мне показали, дал Александру мой отец.

Покопавшись на полке, заваленной рукописями, Максимов вытащил тоненькую папку и достал оттуда точно такой же рисунок. Он усмехнулся, глядя на вытянутые от удивления лица, и продолжил:

– Ученые сентиментальны при общении друг с другом, делятся секретной информацией, не думая о последствиях. Таким образом, копия секретного рисунка попала к Александру и, к счастью, об этом тогда никто не узнал.

– Расскажите об Александре, – бросив умоляющий взгляд на профессора, попросила Эмма.

– Отец в своих записях отзывался о нем, как о неординарной личности. Содержание их бесед он приводит довольно кратко. Во многом их взгляды были схожи кроме, пожалуй, того, что мой папа верил в коммунизм, а Рунге нет. Это обстоятельство не мешало им рассуждать о порталах, космосе, внеземных цивилизациях. Оба с интересом отмечали, что сказки всех народов мира удивительно похожи. Животные умеют разговаривать, люди перевоплощаться, летать и жить под водой. В мире полно всяких волшебных существ и магические слова открывают заветные двери. Они оба умели замечать мельчайшие подробности, детали, крупницы знаний, то, на что не обратит внимания обычный человек...

Максимов, рассказывая о Рунге, продолжал копаться в недрах своего необъятного шкафа и, наконец, радостно поднял над головой лист бумаги:

– Слава Богу, нашел!

Профессор замолчал, будто подбирал нужные слова и с удивительным азартом продолжил:

– В мемуарах об этом нет ни слова, но в разное время мой отец и Александр встречались с нашим соотечественником, мистиком Георгием Гурджиевым. На обоих он произвел большое впечатление. Вот, что писал о нем мой отец.

Максимов надел очки для чтения и обратился к только что найденному листку бумаги:

– Довольно долго Александр и я беседовали о Гурджиеве. Этот удивительный мистик много времени уделял всевозможным мантрам и молитвам. Он изучал их и долго экспериментировал с их применением. Гурджиев часто вспоминал народную мудрость: «Всякая молитва может быть услышана наивысшими силами и исполнена ими, только если она произнесена трижды». Самое интересное, как Гурджиев рассуждал о технике молитвы. Произнеся пожелание трижды, мы запускаем программу необратимого действия. Первый раз мы эмоционально превозносим наши чаянья. Второй раз свое пожелание мы согласуем с самими собой, чтобы убедиться, что оно именно то, что нам нужно. Приготовившись произнести в третий раз, мы должны удостовериться, что не отнимаем ничего у другого. Мы довольно долго беседовали с Александром на эту тему. При кажущейся простоте это на самом деле самый сложный механизм в мироздании. Гурджиев также рекомендует ежедневно произносить три утренних молитвы: первая во благо родителей, вторая во благо близких и третья ради собственного блага.

Отвлечшись от чтения профессор, обратившись к Эмме, прокомментировал:

– Это вероятно знакомо каждому?

– Молиться за близких – долг каждого верующего человека, – смущенно произнесла женщина. – Но то, что каждую молитву надо произносить трижды, я не слышала. О том, почему это надо делать, я узнала только сейчас от вас.

Максимов удовлетворенно кивнул и продолжил чтение:

– В каждой религии существует особая техника чтения молитв. Мы с Александром с интересом перебирали их и все же пришли к выводу, что Гурджиев предлагал некую универсальную формулу. Интересно, что Георгий в беседе со мной настаивал на том, что после каждой молитвы надо трижды благодарить Всевышнего с тем чувством, что желаемое уже осуществилось.

Отложив листок в сторону, профессор с сожалением в голосе произнес:

– Вот, пожалуй, единственная сохранившаяся запись о той встрече. К сожалению, многие записки моего отца не сохранились. Он умер в январе 1979 года и последние четыре года жил безвыездно на нашей даче под Москвой. Многие свои труды он просто сжег. Мне, правда, удалось перечитать почти весь его огромный архив в том числе и книгу Александра об индийских кастах. Прелюбопытнейшая книга, доложу я вам, жаль, что и она утеряна безвозвратно.

– Простите меня, профессор, – виновато улыбнулась Эмма. – Вы упомянули об индийских кастах, которые изучал мой прадед. Я попыталась найти его книгу через информационный центр Бостонской библиотеки, но ничего не нашла.

– Не мудрено! – рассмеялся Максимов. – После победы над фашистами такие книги уничтожались. Но несколько экземпляров было доставлено в Москву. Одна из них попала к моему отцу, и мне выпало счастье прочитать книгу Александра Рунге.

Со слов профессора получалось, что именно Рунге сформулировал неизбежность трансформации старых каст в новые, которые обязательно образуются в ближайшие два столетия. Индия была взята Александром лишь для примера, хотя любому образованному человеку, по словам Максимова, было понятно, что касты пронизывают все человеческие племена на всей территории Земли, и, в сущности, они одинаковые. Каст в Индии великое множество или скорее это подмножество четырех основных сословий.

Брахманы – священнослужители и наставники.

Кшатрии – воины.

Вайшьи – торговцы, земледельцы, скотоводы.

Шудры – слуги, ремесленники, разнорабочие.

В любом обществе были все четыре вышеперечисленных сословия. Верховные правители практически всегда являлись и духовными наставниками своего народа. Профессиональные воины – основа государства – были всячески обласканы властью. Те же, кто кормил и одевал их, имели ограниченные права или вообще не имели никаких прав.

Александр Рунге подробно описывает, как с появлением огнестрельного оружия была разрушена вся система ценностей старого мира. Любое государство держится на насилии одних классов общества над другими. До изобретения огнестрельного оружия с профессиональной армией могла сражаться только такая же профессиональная армия. Ни о каком масштабном народном бунте не могло быть и речи. Несколько сотен рыцарей сравнительно легко справлялась с любым, пусть даже многочисленным, народным восстанием.

Но огнестрельное оружие почти уравнило шансы на победу в борьбе между разными кастами. Дорогие железные доспехи потеряли свою актуальность, а умение владеть холодным оружием не давало тех преимуществ, что были раньше.

Все крупномасштабные восстания и революции своим успехом обязаны огнестрельному оружию. Начался переходный период, закончившийся в начале двадцатого века. В большинстве стран сословия были формально упразднены.

И в это самое время Александр Рунге начал внимательно изучать касты обособленной от Европы Индии и пришел к удивительному выводу. А именно: разрушение сословий приводит к хаосу, и новые государства вынуждены строить новую систему сословий, практически не отличимую от прежней. По сути это не революция с новыми общественными ценностями, а государственный переворот.

Далее Рунге предвосхитил структуру будущих каст, просто описывая их основные положения на примере индийского общества того времени. Очевидно, что правители, то есть политические деятели, встанут у руля государства со своей новой идеологией. Но новое хорошо забытое старое, опираться им придется на новую военную элиту, и кормить тех и других будут по-прежнему нижние сословия.

Рунге делал упор на разграничении сословий, что позволяло, по его мнению, выстроить структуру сильного государства.

Первое и самое главное, что было и что будет – трудности перехода из одного сословия в другое. Браки производятся среди одной касты. Если юноша берет себе в жены женщину нижнего сословия, то он автоматически становится его членом с невозможностью вернуться обратно. Именно поэтому подобные браки были крайне редки и широко обсуждались и осуждались обществом. Следует также отметить, что подобные браки в большинстве своем быстро распадались.

Максимов от себя добавил, что раньше титулы наследовались, и родители не беспокоились за будущее своих детей.

Он прервал свой рассказ и неожиданно обратился к Дорохову:

– Судя по вашему выражению лица, вы имеете свою точку зрения на этот предмет!

– Простите! – замялся Виктор. – Не знаю как в Индии, но в России и солдат производили в офицеры, и за особые заслуги дворянством награждали, да и...

– Глупости! – раздраженно воскликнул профессор. – Это простое заигрыванье власти с простыми людьми. Кем мог стать солдат, сын крестьянина? Младшим офицером и баста. Разве он мог стать генералом? И дворянство, в основном давали не наследуемое! Все системообразующие касты бились за наследственную передачу того, что имели. Вот возьмем жрецов, священнослужителей в той же России. Сейчас об этом никто и не помнит, но писаны же книги, и это книжки наших общепризнанных классиков. Извольте, приведу пример, господин Дорохов?

– И без примера я доверяю вашим словам!

– Без примера никак нельзя! Никому не верьте на слово, особенно, когда это касается истории. Знаете ли вы русского писателя Николая Лескова? Впрочем, это риторический вопрос, конечно, знаете. Для вашей американской подруги поясню, что этот писатель ничуть не уступает Толстому, Достоевскому и Чехову, других я думаю, вы в этой Америке и не знаете.

Эмма открыла рот, чтобы что-то сказать, но Виктор вовремя схватил ее за руку и крепко сжал ее пальцы.

– Итак, Лесков, – не обращая внимания на странное поведение своих гостей, продолжил Максимов. – Его дед Дмитрий, священник со своим приходом, имел двух сыновей и дочь. Оба сына учились в духовной семинарии. Отец Дмитрий мечтал вскоре передать свой приход старшему из сыновей, но тот был убит в одной из потасовок семинаристов с молодыми городскими мещанами. Младший отказался идти в попы. Младший сын был тут же изгнан из отчего дома без гроша денег, ибо такое непослушание

было кощунственным и ставило под удар весь род Лесковых. Приход пошел в приданое дочери. Я подчеркиваю, происходила передача прихода по наследству. И мужем дочери Дмитрия мог стать только семинарист, сын священнослужителя. А что же жена священника? Помните ли вы, Виктор, что ее должны были величать «матушкой»? Так вот, для дочерей священников было специальное обучение. Это учение включало в себя не только будущие отношения со своим мужем, но и отношения с внешним миром, что налагало многие запреты на ее личную жизнь. «Матушка» – это, конечно, жена священника, но функции ее не ограничивались просто спутницей жизни священнослужителя. «Матушка» была воплощением женской святости, воплощением жены человека, отдавшего себя служению своей отчизне и высшим идеалам веры...

– Это очень интересно, профессор! – осторожно вмешался Виктор. – Но примеры из российской истории малопонятны Эмме.

– Ну, в этом вы правы, – неохотно согласился Максимов. – Оно, конечно, так. Я рассказал о кастах и добавил что-то от себя. Но ведь тема действительно интересная. Хотя понимаю, у вас вопросы, вопросы, вопросы.

– Спасибо, профессор, – поблагодарила Эмма. – Вы удивительный человек. Для меня важно знать, чем занимались мои прадедуска и дедушка. Вы сказали, что загадочный рисунок из дневника моего прадеда был известен Сталину.

– А-а, я вас понял, вернемся к рисунку Александра Рунге, – спохватившись, продолжил Максимов. – Итак, что мы видим на рисунке? Пятиконечная звезда или пентаграмма, древний, очень древний знак, часто используемый как оберег и символ власти. Большевики, захватив власть в 1917 году, планомерно вводят его как свою главную символику. Новая советская власть отводит этому символу особую роль, стараясь перечеркнуть власть церкви над народом. Новая геральдика также заменяет старые царские символы. Я уже по-моему говорил, что Гитлер был такой же мистик как и Сталин и оба огромное значение придавали магическим символам. Эти символы – обереги наносились повсеместно в огромном количестве.

– Простите, профессор, что перебиваю, – Эмма виновато улыбнулась. – Но по количеству звезд Штаты не уступят России. У нас много пишут сегодня, что это масонский символ, а в масонских ложах, как известно, состояли выдающиеся люди со всего света.

Максимов радостно потер руки и язвительным тоном продолжил:

– За что мне «нравятся» масоны и примкнувшие к ним, так это именно за то, что они выдают желаемое за действительное и с такой легкостью, что в это хочется верить. Леонардо да Винчи никогда не был масоном, как, впрочем, и Ньютон, что бы там ни сочиняли масоны. Они сами, пытаясь придать вес своим ложам, придумали свои исторические корни. Кто такие вольные каменщики? Неужели пропагандисты равенства и братства? На словах – да, на деле – нет. А насчет пентаклей – пятиконечных звезд – вы правы, они распространены во многих странах, в том числе и в США.

Максимов, набрав в легкие воздух, продолжил:

– Масоны объявили многие символы своими, и не только звезды. Многие магические числа были провозглашены масонскими, например, пугающее многих число тринадцать. Вот ваш доллар наглядный документ победы «масонства» над здравым смыслом. Сами посмотрите, в центре большой печати – усеченная пирамида, культовое сооружение, как мы знаем. С правой стороны купюры изображен орел, на правом крыле которого 32 пера – число ординарных степеней-градусов у масонов. На левом крыле, естественно, 33 пера, символизирующие высший 33-й градус, то есть особо посвященных масонов. В хвосте девять перьев – число градусов в Совете. Можно продолжать, но это интересно только самим масонам, знающим устройство своих лож. Куда интересней цифра тринадцать. В недостроенной пирамиде 13 слоев, а в девизе *Annuity Coeptis* – 13 букв. Орел держит в одной лапе 13 стрел, в другой – оливковую ветвь с 13 листьями. На груди орла – щит с тринадцатью полосами. В орлином клюве – лента с надписью «*E pluribus unum*» («Единое из многого») – 13 букв. Над головой орла тринадцать звезд.

Профессор поднял руку над головой и рубанул ею воздух сверху вниз:

– Но если отбросить масонские сказки, то в сухом остатке получим тринадцать первых колоний США, именно им и посвящена цифра тринадцать. Эти тринадцать колоний необходимо приумножать, именно этому посвящена недостроенная пирамида из тринадцати слоев. Но бог с ней с Америкой, вернемся к России. Американцы поддержали большевистскую «масонскую» революцию, – с грустью в голосе сказал он. – Они в тандеме с

англичанами могли с легкостью разгромить наступление «красных» на барона Врангеля и поддержать его усилия в борьбе с большевиками, но не стали, надеясь на создание союзного масонского государства. Ставка была сделана на Троцкого, простите, Бронштейна, рванувшего после февральской революции из США в Россию, чтобы не упустить момента захвата и дележа власти. Простите, но меня всегда раздражала манера большевиков брать себе клички и стыдиться собственных фамилий.

Максимов недовольно фыркнул и попросил Виктора налить ему стакан воды. Эмма была просто очарована профессором, его умением говорить обо всем, не сильно сбиваясь при этом с генеральной линии. От Дорохова она уже узнала, что статьи Максимова подвергаются постоянной жесткой критике. Ему отказано во въезде в США и в Германию.

Виктор наполнил большой бокал и профессор продолжил:

– Так вот, Сталин в отличие от Троцкого не был масоном в американском варианте. И, конечно, Иосиф Виссарионович не только не был сторонником масонства, он был его противником. Действительно, Сталин пропагандировал новое государство строителей коммунизма без иерархии надсмотрщиков, сверхбогатых, то есть тех, кто думает, что они выше Бога. Трудно сказать, возможно, в то время он действительно так думал. Но в результате коммунисты пришли со своей новой религией.

Максимов поймал нетерпеливый взгляд Дорохова, понимающе кивнул, но жестом попросил у своих гостей набраться терпения:

– Да, большевики – оккультисты похлеще нацистов и масонов. Сталин, как и Гитлер, верил в эзотерические знания и их власть над людьми. Оба много времени проводили в философских дискуссиях с крупнейшими мистиками того времени.

Максимов достал из шкафа толстую папку и, раскрыв ее, стал быстро перелистывать. Найдя нужный документ, он продолжил:

– Но вернемся к Александру Рунге. В докладе сотрудника НКВД, который мне удалось в свое время посмотреть, старший майор государственной безопасности Прохнин сообщает: «Все попытки контактов с Рунге не увенчались успехом, однако из агентурных источников нам стало известно, что он нашел так называемую «Карту Рома». В дальнейшем эта информация не подтвердилась. Наши высокопоставленные источники в Германии высоко оценивают деятельность Рунге как ученого, но о нахождении «Карты Рома» им ничего неизвестно».

– О «Карте Рома» упоминается в записях моего деда, – еле сдерживая свое любопытство, вмешалась Эмма.

– «Карта Рома», по мнению большинства исследователей, вовсе не карта в географическом понимании этого слова, – пояснил Максимов. – Скорее всего, это ключ к тайне мироздания. Редкие отрывочные сведения говорят о том, что этот предмет не велик по размеру, но сила, скрытая в нем, беспредельна. Его, вероятно, вы и ищите?

Дорохов безнадежно развел руками. Максимов в ответ на этот жест сочувственно заметил:

– Многие, очень многие искали «Карту Рома» и «Копье Василевса», но так и не нашли. В дневнике Рунге говорится о том, как найти заветную «Карту Рома», может вам и повезет, но мне кажется это красивая легенда.

– Вы сказали «Копье Василевса», что это? – робко поинтересовалась Эмма.

Профессор задумчиво протянул:

– Существует легенда, что это копьё малых размеров, и его прятали на груди великие цари, передавая друг другу по наследству. «Василевс», по-русски «Василий» – так называли Византийских императоров и других великих царей. Владелец копья открывал «Карту Рома» в священном месте, и тогда он мог видеть будущее, другие миры и даже остаться там. Но, пожалуй, давайте вернемся к рисунку, он меня куда больше занимает.

– Да, Георгий Иванович, – подхватил Виктор. – Нас тоже!

– Пятиконечная звезда должна была стать символом новой России. Рисунок, показанный вами, удивительным образом соответствует тому, что было построено в Москве после революции. Но прежде, чем я углублюсь в эту тему, позвольте мне некоторое отступление. В сталинское время было построено несколько странных оккультных сооружений. Главные из них: мавзолей на Красной площади, а также два великолепных здания, по иронии судьбы названные впоследствии театрами.

– Оккультных? – удивился Дорохов. – Я никогда не слышал об этом.

– Все скрытое когда-нибудь становится явным, – философски заметил профессор. – Но поверьте, в нашем случае никто ничего не скрывает, все выставлено напоказ, я бы сказал, с чрезмерным усердием.

– Но никто ничего не видит, – улыбнулась Эмма. – Как в заколдованном городе!

– Точно так! – воскликнул Максимов. – Очень правильно сказано. И прежде, чем свет прольется на три мистических сооружения, я озадачу себя и вас интересным и малоизвестным фактом. Виктор! – обратился Максимов к Дорохову. – Что вы знаете о святой Матроне Московской?

– Как и все, – замялся Дорохов, – Матрона Дмитриевна Никонова родилась в 1885 году в бедной крестьянской семье. Ее мать, носившая во чреве ребенка, незадолго до ее рождения увидела вещий сон. Не родившаяся дочь явилась в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами. Матрона родилась слепой. Ее глаза были закрыты. Девочка вместе с матерью часто посещала церковь. Храм находился не далеко от их дома, и, повзрослев, Матрона стала ходить туда самостоятельно и много времени проводила в молитвах. Когда ей исполнилось восемь лет, она уже была известна всей округе как прорицательница и целительница. В шестнадцать лет у нее отнялись ноги и ...

– Я очень вам признателен Виктор, – вежливо перебил его Максимов. – Дело в том, что я очень трепетно отношусь к этой женщине и много времени посвятил изучению ее непростой жизни. Вы упустили одну важную деталь. В 14 лет во время паломничества вместе с помещичьей дочерью Лидией Яньковой при посещении службы в Кронштадтском Андреевском соборе произошла знаменательная встреча Матроны с Иоанном Кронштадтским. С тем самым святым праведником, в миру носившем имя Ивана Ильича Сергиева. Батюшка попросил народ расступиться перед слепой девочкой и во всеуслышание назвал ее своей «сменой» и «восьмым столпом России». На 17-м году жизни у Матроны отнялись ноги... Э-э, я прошу прощения, что перебил вас, продолжайте Виктор.

– Но вы же лучше меня знаете эту историю, – удивился Дорохов. – Мои познания скудны. Не проще ли...

– Не проще, – перебил его Максимов. – Я хочу, чтобы наша американская гостья была в курсе дела. Это очень важно для дальнейшего объяснения.

– Хорошо, – вздохнул Виктор. – Известно, что она продолжала помогать людям, а в 1925 году перебралась в Москву, где скиталась без прописки, часто переезжая с квартиры на квартиру. Ее преследовали, пытались арестовать, но каждый раз ей удавалось ускользнуть. Умерла она в начале пятидесятих годов прошлого века.

– Вы знаете куда больше, чем я ожидал, – с почтением заметил Максимов. – Действительно, Матрона умерла в 1952 году. Правда, канонизировать ее чиновники от церкви не спешили. 2 мая 1999 г. блаженная старица Матрона была прославлена в лике местно чтимых святых, а в 2004 г. для общецерковного почитания. Ее святые мощи почивают в Покровском женском монастыре в Москве. Вы говорите, что ее преследовали, но не могли арестовать. Неплохо для слепой женщины, лишенной возможности передвигаться самостоятельно. Ряд собранных мною документов излагает эту историю несколько по-другому. У матроны был высокопоставленный защитник. По моим сведениям, он несколько раз встречался с ней и даже предлагал свою помощь для обретения собственного жилья, но провидица отказалась.

– Кто же этот смельчак, – не удержался Виктор. – Кто-то из ближайшего окружения Сталина?

– Да нет, – ухмыльнулся Максимов. – Сам Иосиф Виссарионович, собственной персоной. По моим сведениям они много беседовали, и Матрона оказывала на него положительное влияние. Именно она просила его не уезжать из Москвы в 1941 году. Некоторые историки, знающие об этой встрече, говорят, что Матрона предсказала, что Москва не падет, и Сталину нет нужды уезжать. Но я, опираясь на факты, вынужден их опровергнуть. Матрона сказала Сталину совсем другую фразу: «Если ты останешься, то святой город не будет сожжен недругами. Если убежишь, то страх скует волю оставшихся, и они погибнут до прихода врага».

– Невероятно! – прошептал Виктор. – Он же разгромил православную церковь. Я думал, она его ненавидела.

– Может и так, – спокойно произнес Максимов. – Кто знает? Святой человек по-своему трактует божий промысел. Матрона не умела ненавидеть. Не нам судить.

– В это трудно поверить, – не унимался Дорохов, – церковь об этом ничего не говорит.

– И правильно делает, – согласился Максимов. – О встречах Матроны со Сталиным говорят не фотографии, а иконы, размещенные в православных храмах.

– Вы шутите! – воскликнул Виктор. – Это невозможно.

– Ни сколько не шучу, – возмутился профессор. – Многие иконы уже уничтожены, и последние снимаются в наше время. В Москве в храме Святого Николая Чудотворца, который располагается за библиотекой имени Ленина, икону Святой Матроны Московской, сидящей рядом со Сталиным, сняли после того, как ее обнаружили журналисты. Работники храма не смогли объяснить, откуда у них взялась эта икона, и почему на ней изображен советский генсек. Это произошло в 2010 году. Журналисты увидели икону святой Матроны Московской, на которой изображена ее встреча с Иосифом Сталиным. Генеральный секретарь написан в полный рост, он одет в форму, стоит рядом со святой и внимательно ее слушает. Работники храма пояснили, что у них висит целая серия икон, изображающих сцены из жизни святой Матроны, и эта – одна из них.

Максимов закашлялся и грустно продолжил:

– Между тем это уже не первый случай, когда в церкви находят икону со Сталиным. В 2008 году изображение советского вождя было обнаружено в одном из храмов Санкт-Петербурга. На иконе Сталина благословляла все та же святая Матрона. Через полгода икону сняли, а отца Евстафия, поместившего ее в храм, разжаловали из настоятелей во вторые священники. Все это я вам рассказываю потому, как есть у меня одно довольно странное свидетельство некой Варвары Лукьяшиной. Эта женщина написала в 1979 году письмо в газету «Труд», в котором утверждала, что она знает о разговоре Сталина с Матроной, состоявшемся в 1942 году в доме отца Зинаиды Ждановой. По понятным причинам это письмо не было опубликовано, но корреспондент газеты встречался с автором письма.

– Но вы же никогда не работали в этой газете, насколько я знаю, – скептически заметил Дорохов. – Как вы об этом узнали?

– Хороший вопрос! – ответил Максимов. – Но уверяю вас, что многие журналисты в Москве знали о моем существовании. Я писал статьи об истории Кремля, выступал с лекциями и неоднократно упоминал о Матроне Московской. Власти относились ко мне снисходительно, хотя и не давали широкой трибуны. Корреспондент газеты «Труд» сам нашел меня. Это был довольно молодой человек, настоящий комсомолец, мечтающий стать членом партии. Но по натуре это был авантюрист, до конца не понимающий своего предназначения. Он приехал ко мне после встречи с Лукьяшиной. Представьте себе московского карьериста, работающего в центральной газете, у которого отказали идеологические тормоза. Он показал мне письмо Варвары, и это послание я покажу сейчас вам.

Максимов отъехал в свое драгоценное хранилище, находящееся в его большом шкафу, и через несколько минут вернулся. Перед Виктором и Эммой лег листок клетчатой бумаги, исписанный от руки.

– Это письмо Варвары Лукьяшиной? – с почтением произнес Дорохов. – Как вам удалось его заполучить?

– Нет, конечно, – огрызнулся Максимов. – Такое было невозможно в то время. Это копия, я переписал письмо. Но посмотрите, как оно написано, я специально оставил стиль женщины и орфографические ошибки, это, на мой взгляд, важно.

Профессор положил письмо в центр стола и попросил Виктора перевести его содержание для Эммы.

«Меня зовут Варвара Лукьяшина. В 1941 я приехала в Москву домработницей в семью Болдиных. Жена Болдина была мне даже дальней родственницей, но в Москву перебралась она уже давно. Жили мы не далеко от дома Ждановых, правда, в тот момент самой семье оставили только две комнаты в их особняке, зато с отдельным входом. Помню, как в их квартире поселилась слепая женщина по имени Матрона. Зинаида Жданова и ее мать оказывали ей всяческие знаки внимания и даже комнату отдали. Моя хозяйка и Зинаида Жданова дружили, и я часто между ними выполняла всякие поручения. Матрону я видела почти каждый день. Ко мне относилась она приятно, хоть я и просто прислуга в доме. Женщина эта претерпела много горестей и слепа была от рождения. Ноги ее не знали твердости, и сама я не знаю, за что бог дал ей столько испытаний. Сами Ждановы относились к ней с уважением и любовью, но это, и правда, хорошие люди.

Сначала, я слепую блаженную наблюдала, но потом привязалась к ней. Уж больно тихая она была и смиренная. Приходили в их дом люди, иногда до полусотни в день. Со своими бедами приходили они к провидице, и та жалела их.

От хозяйки своей знаю, что некоторые соседи писали доносы на Ждановых. Зинаиду арестовали в 1949 году, и Матронушка съехала с квартиры. Я потом узнала, что через несколько лет она преставилась.

Сама я от Болдиных в 1950 году переехала к их знакомым супругам Семеновым. Семеновы жили на Красной Пресне и ко мне относились хорошо, правда, выходных не давали.

В 1956 году устроилась я на фабрику «Красный Октябрь» и получила комнату в общежитие. Стала много читать и образовываться. Много времени прошло с тех пор и решилась я написать о том, чего всегда боялась.

В 1942 году на квартиру к Ждановым приехал Сталин, и имел он беседу с провидицей, о том нашептала моей хозяйке Зинаида, а я и подслушала. Помню я слово в слово ту беседу и хочу сегодня рассказать о ней. Наш великий вождь спросил ее, как старую знакомую, что делать ему. А она отвечала, что церкви православной надо вернуть утраченную силу и гонениям надо положить конец. Долго молчал Сталин и, наконец, спросил, поможет ли это победить в войне. На что Матрона ответила, что поможет. Дальше они говорили о вселенной, о мире вне времени, и прорицательница сказала ему, что поиски духа времени ему неподвластны, и надобного от этого отказаться. И он пообещал более не делать попыток, хотя и был этим явно огорчен.

В тот же вечер Зинаида имела с Матроной разговор, особенно он касался встречи с вождем. В самом конце Жданова спросила матушку: «Как же Господь допустил столько храмов закрыть и разрушить?» А матушка отвечала: «На это воля Божия, сокращено количество храмов потому, что верующих будет мало и служить будет некому».

«Почему же никто не борется?». А она в ответ: «Народ под гипнозом, сам не свой, страшная сила вступила в действие... Эта сила существует в воздухе, проникает везде. Раньше болота и дремучие леса были местом обитания этой силы, потому что люди ходили в храмы, носили крест, и дома были защищены образами, лампадами и освящением. Бесы пролетали мимо таких домов, а теперь бесами заселяются и люди по их неверию и отвержению от Бога».

Снится мне часто этот разговор и покоя не дает. Я решилась рассказать об этом случае, потому что всегда хотела, но боялась».

– Тот журналист, что принес мне письмо, – предался воспоминаниям Максимов. – Был человек неглупый, способный находить и сопоставлять факты. Он отметил, что с началом войны в СССР была свернута антирелигиозная пропаганда. Есть сведения, что уже в июле 1941 года состоялась первая краткая встреча Сталина с Митрополитом Сергием, от которой, как утверждается, оба остались удовлетворены. К октябрю 1941 года прекратился выход всех специальных антирелигиозных изданий. Пресловутый журнал «Под знаменем марксизма» переориентировался на публикацию историко-патриотических статей, а в 1944 году и вовсе прекратил свое существование. Тогда же была ликвидирована антирелигиозная секция при институте философии Академии наук СССР, а созданный Центральный музей истории и атеизма оказался фактически выброшенным на улицу.

– Можно ли верить, – усомнился Виктор, – что Сталин изменил свою политику после бесед с провидицей.

– Трудно сказать, – ответил Максимов. – Но факты говорят сами за себя. 4 сентября 1943 года, по общему мнению, является ключевой датой в истории церковно-государственных отношений советской эпохи. В ночь на 5 сентября 1943 года в Кремле состоялась беседа Сталина и Молотова с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). Главным итогом этой исторической встречи был созыв Собора уже через четверо суток. Другими словами власть и церковь возобновили диалог.

– И вы считаете, что Матрона могла повлиять на Сталина, – скептически заметил Дорохов. – Слепая неграмотная женщина.

– А почему бы и нет, – воскликнул профессор. – Эта версия имеет право жить. Я хочу обратить ваше внимание на фразу из письма Лукьяшиной: «дальше они говорили о вселенной, о мире вне времени, и прорицательница сказала ему, что поиски духа времени ему неподвластны, и надобного от этого отказаться. И он пообещал более не делать

попыток, хотя и был этим явно огорчен». Т.е. получается, что Сталин был занят неким «поиском духа времени» в «мире вне времени», и Матрона уже знала об этом, возможно, из предыдущих с ним бесед. Более того эти поиски «ему неподвластны, и надобного от этого отказаться». На мой взгляд, речь вполне может идти о строительстве советских храмовых сооружений.

– Так какая же связь между Матроной, Сталиным и нашими поисками, – не удержалась Эмма. – Профессор я совсем запуталась, вы привели столько фактов, рассказали столько историй, но у меня не получается связать воедино все эти события.

– Простите меня, милое дитя, – извинился Максимов. – Но сейчас постепенно все встанет на свои места. Перед нами появляется несколько иной Сталин, не проживший и года после смерти Матроны, бывший семинарист, разочаровавшийся в религиозном институте того времени. Человек, создающий новый мир, причем, создающий его любой ценой или, как скажут его приверженцы, изо всех сил. Рисунки из дневника Рунге красноречиво говорят о том, что Сталин интересовался тем же, чем и Александр Рунге. Мой внутренний голос говорит, что вы должны найти в Москве что-то очень для вас важное. Возможно, это связано с тремя культовыми Советскими сооружениями, строительство которых началось практически в одно и то же время. Это, как я уже говорил, Мавзолей на Красной площади в Москве и два больших монументальных здания. Одно из них «Дом Науки и Культуры» в Новосибирске, другое «Центр Агитации и Пропаганды» в Москве, оба впоследствии стали театрами. Надо отметить, что эти два здания в дальнейшем переданные под театры, предполагали собрание больших масс людей и выступления перед ними со сцены агитационных бригад. Что-то вроде Кремлевского Дворца Съездов в Москве, построенного много позже.

Эмма, затаив дыхание, слушала русского профессора. Его жестикация была столь экспрессивна, что, казалось, он мог рассказывать свои необычайные истории, не прибегая к словам. Восприятие действительности этим человеком было настолько не похоже на ее собственное, что его можно было смело причислять либо к сумасшедшим, либо к гениям или и к тем и другим одновременно. Перед Максимовым из большой толстой папки выглядывали старые черно-белые фотографии, которые он приготовился продемонстрировать.

Рассказ о строительстве мавзолея на Красной площади просто поразил ее. По словам профессора, Московский мавзолей – это, на самом деле, «зиккурат», древнее сооружение в форме усеченной пирамиды. Плоская площадка наверху предназначена для ритуальных действий и для обращения правителей к народу. Внутри зиккурата обычно существует погребальная камера, в которой расположено мертвое тело «терафима». Это храм новой религии, придуманной большевиками. По древней традиции внутри храмов находятся останки людей, которые при жизни были избраны богом или вселенной, кому как нравится.

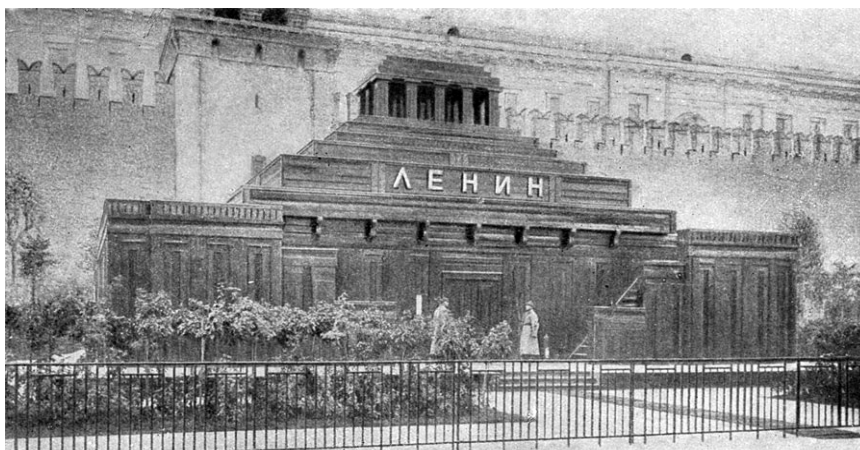
Эта традиция очень древняя. Останки выдающихся людей и сегодня находятся во многих церквях. И их тоже можно увидеть, как и вождя пролетариата Ленина в храме большевиков. Они называются «мощи», от слова «мощь» – огромная сила. Мощам молятся, чтобы они не теряли своей магической силы, а прибавляли ее!

Жрецы, управляющие народом – это часть ритуала. Зиккурату-мавзолею приносят жертвы и своего рода молитву поминанием усопшего и шествием толпы слева направо. «Слава КПСС», «Слава Ленину» и т.д. Вообще, скандирование одинаковых лозунгов подавляет индивидуальность и придает толпе единое общее сознание.

Первый деревянный вариант здания мавзолея был поставлен 27 января 1924 года. Он с самого начала строился как усеченная пирамида и представлял собой культовое сооружение.

«Неожиданно», через два месяца мавзолей закрыли и стали срочно перестраивать. Работы велись круглосуточно, и уже в августе 1924 года появился новый мавзолей, намного крупнее своего предшественника. Размеры новой усеченной пирамиды действительно впечатляли – высота 9 метров, длина 18. Все деревянные детали были покрыты специальным масляным лаком. Это позволяло зиккурату простоять не одну сотню лет. Двери и колонны верхнего портика были сделаны из редкого и очень практичного черного дуба. В строительстве использовались только кованые гвозди. Учебники по истории нас уверяют, что оба деревянных строения были временными, поэтому, мол, и был построен с июля 1929 года по октябрь 1930 года каменный мавзолей. Но ведь совершенно очевидно,

что второй деревянный зиккурат был построен на века, и современники того времени отмечали, что выглядел он величественно. Зачем его было перестраивать?

В исторических документах советские чиновники уверяли, что каменный вариант здания просто копировал предыдущий деревянный. Так ли это на самом деле? Максимов особое внимание уделил фотографии мавзолея, в котором похоронили Сталина, правда, как известно ненадолго.

В новой каменной версии мавзолея появились странные, непонятные изменения. Во внешней части могильника теперь была ниша, явно не имеющая архитектурной ценности – левый передний угол мавзолея вместо обычного внешнего стал внутренним, далее снова переходя во внешний угол. Причем располагалась эта своеобразная ниша только в одном месте, разрушая симметрию здания. Что мешало архитектору сделать все угловые части одинаково?

Но это была не безобидная прихоть зодчего. Появившаяся ниша – это своего рода энергетический принимающий механизм. Подобные вещи подробно описываются во многих древних мистических книгах. Эти ниши расположены только, как это ни странно, в одном

углу, именно там, где навстречу этому «устройству» идет скандирующая толпа. Толпа идет слева направо, это обязательное условие.

Ниша потребляет энергию и отправляет ее к «батарейке», останкам в основании зиккурата, и далее выходит на поверхность через верхнюю свою часть в виде спиралевидного столба.

Коммунистические жрецы восходили к могиле–зиккурату и принимали энергию толпы.

Еще одно «неожиданное» совпадение: в том же 1930 году, перед сдачей в строй нового мавзолея памятник Минину и Пожарскому перемещают со своего исконного места в центре Красной площади. Кому он так помешал или чему?

Почему именно в 1930 году исчез трамвай, бороздящий Красную площадь. 10 ноября 1909 года трамвайные рельсы пустили вдоль кремлевской стены с остановкой на месте нынешнего мавзолея, затем их ликвидировали.

Из вышеперечисленного понятно, что предыдущие мавзолеи-зиккураты не выполнили своей задачи. Простое посещение и поминание захороненного Ленина не давало нужного результата. «Мощи» вождя работали не в полную силу. Было принято решение о проведении массовых демонстраций с торжественным поклонением вождю пролетариата.

Для этого расчистили Красную площадь и поменяли сам «энергетический приемник» – мавзолей. Зиккурат изменился и внешне, и внутренне. Кроме появления в левом углу вышеописанной ниши очевидны и другие архитектурные изменения. Длина мавзолея по фасаду – 24 метра, высота – 12. Теперь пирамида мавзолея состояла из пяти равновысоких уступов, в предыдущем сооружении их было шесть. Это имеет прямое отношение к пятиконечной звезде, точнее к сакральному числу пять.

У новой пролетарской религии впоследствии кроме храма появилась и зловещая атрибутика – голова младенца в пентакле, названная октябрятской звездочкой. Ее торжественно вручали детям. Голова взрослого Ленина в пентакле, обьятая пламенем, называлась пионерским значком, он предназначался для детей более старшего возраста. Для молодых людей был придуман значок в виде все той же головы вождя, но уже на фоне красного знамени, символизирующего неустанную борьбу за «пролетарское» дело.

Все это отдаленно напоминает изображения серафимов, шестикрылых ангелов, у которых виден лишь их лик. Серафим – буквально означает «горящий». Считалось, что это самые приближенные к Богу ангелы.

Лозунг–молитва «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» производила на здравомыслящих людей жуткое впечатление. Или «Ленин и теперь живет всех живых»; звучит, по меньшей мере, странно. Он что воскрес?

Сталин создал новую религию – конкурента христианской православной церкви. Следует напомнить, что Ленин умер в 1924 году, а за два года до смерти практически отошел от дел вследствие неизлечимой болезни. Получается, что у власти он был всего около пяти лет, а затем его сменил Сталин.

Обратный отсчет для советской империи наступил со смертью мистика Сталина, унесшего с собой в могилу тайну зиккурата. Выстроенная им империя раздавила его.

Голос Максимова задрожал, и он торжественно произнес:

– Я бы хотел вам рассказать о еще большем архитектурном шедевре Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Самом таинственном и необычайно помпезном. Но сначала я просто обязан поведать вам о главном атрибуте большевиков – красной звезде, пентаграмме или пентакле. Вспомните «Фауста» Гёте, это одно из моих любимых произведений.

Максимов тут же с необычайной артистичностью продекламировал английский вариант.

Фауст:

Прощай, располагай собой.
Знакомый с тем, что ты за птица,
Прошу покорно в час любой.
Ступай. В твоём распоряжении
Окно, и дверь, и дымоход.

Мефистофель:

Я в некотором затрудненьи.
Мне выйти в сени не дает
Фигура под дверною рамой.

Фауст:

Ты испугался пентаграммы?
Каким же образом тогда
Вошел ты чрез порог сюда?
Как оплошал такой пройдоха?

Мефистофель:

Всмотритесь. Этот знак начертан плохо.
Наружный угол вытянут в длину
И оставляет ход, загнувшись с края.

Фауст:

Скажи-ка ты, нечаянность какая!
Так, стало быть, ты у меня в плену?
Не мог предугадать такой удачи!

Эмма зааплодировала. Максимов повернулся на коляске вокруг своей оси и шутливо поклонился:

– Считается, что пентаграмма обладает сильнейшими магическими свойствами. Это ключ для связи и общения с могучими силами параллельных миров. Чародеи использовали пентакли двух типов. В белой магии применялся пентакль с одним концом вверх и двумя вниз, так называемая «нога друида», а для черной магии чернокнижники обращались к перевернутому пентаклю, два верхних конца которого прозвали «рогами дьявола».

– В основе пентаграммы лежит теория «золотого сечения», – подтвердил слова профессора Виктор.

– Действительные параметры этого символа основаны на священной пропорции, называемой «золотым сечением», – подтвердил Максимов. – «Золотое сечение», или «божественная пропорция» проявляется в каждом отдельном луче пентаграммы и помогает объяснить тот трепет и «обожание», с каким маги во все времена взирали на этот символ.

– И что же, Сталин построил храм, посвященный пятиконечной звезде? – удивилась Эмма. – Я об этом никогда не слышала.

– Вот видите, – подхватил Максимов. – Удивительное по красоте здание, заключенное в пентаграмму – Центральный Театр Красной Армии, сегодня называемый Центральным Академическим Театром Российской Армии. Этот архитектурный шедевр мало кому известен даже здесь, в России. Он находится в Москве. Вам, молодые люди это покажется странным, но если Александр и Карл Рунге искали лифт в другое измерение, то это именно то, что им было бы нужно. И место правильно подобрано, и само строение не только поражает своей архитектурой, но и своим назначением.

– А что значит «правильно подобранное место»? – удивилась Эмма.

Профессор со свойственной ему экспрессией продолжал свой удивительный рассказ:

– За всю историю Москвы на месте, где был построен храм новой религии, никогда ничего не строили. Жители города обходили его стороной, будучи уверенными, что оно хранит страшные языческие тайны. Архитектор Жильярди, построивший Мариинскую больницу для бедных в непосредственной близости от этого места, упоминал его, как «Черный двор». Сейчас больница находится на улице Достоевского. Здесь, кстати, как можно догадаться, родился великий писатель Федор Михайлович Достоевский. Родился он во флигеле для персонала. Отец его работал в больнице штаб-лекарем.

Максимов, отвлекаясь от основного рассказа на всевозможные исторические события, намеренно демонстрировал свои энциклопедические знания и явно этим очень гордился.

Он подчеркнул, что место это было пустынным, и люди сторонились его. В 1930 году или годом ранее, на этот счет есть разные мнения, Сталин повелел разработать проект и возвести на этом месте здание «советской коммунистической пропаганды», которое объединило бы агитационные большевистские бригады, действующие по всей стране, в единый информационный центр.

Но строительство началось только в 1934 году, хотя изыскательские работы длились более трех лет. Окончание строительства датируется 1940 годом, несмотря на то, что сооружение было готово к эксплуатации задолго до этого.

По мнению профессора, «Театр Красной Армии» было довольно странным названием для такого огромного здания. Сцена и большой зал никак не напоминали театр, скорее дворец собраний. Зрительный зал был рассчитан на две тысячи мест, в центре была

предусмотрена трибуна для особых гостей. Это не театр в традиционном смысле этого слова.

Все исследования Максимова указывали на то, что «Театр Красной Армии» должен был стать главным храмом нового большевистского строя. Это фантастическое сооружение находится до сих пор вдалеке от туристических троп, хотя второго такого в Москве нет. Храм, парящий на девятиста двадцатиметровых колоннах, поражает своим архитектурным решением. Профессор был убежден, что Сталин строил сооружение, позволяющее контактировать с другими мирами.

По мнению Максимова, Иосиф Виссарионович предполагал, что Покровский собор на Красной площади, более известный, как храм Василия Блаженного, на протяжении столетий был как раз тем окном в иной мир, тем магическим лифтом для посвященных, который он искал. Но все его попытки воспользоваться им претерпели неудачу.

Большевики полностью расчистили Красную площадь для проведения поклонений-демонстраций, и им мешал только собор Василия Блаженного, но Сталин запретил прикасаться к нему в категорической форме.

Так называемый «Театр Красной Армии» был воздвигнут в виде пентаграммы, двух пятиконечных звезд, располагающихся одна над другой. Направленный луч усиливается тем, что эта верхняя точка главного пентакля лежит на горизонте, а все остальные четыре луча висят на постаментах. Не правда ли странно для такого симметричного сооружения? Что мешало сделать основание здания одинаковым со всех сторон?

Профессор признался, что долгое время не находил ответа на этот вопрос, но ему помогли документы, воспоминания ассистента архитектора Алабяна, воздвигшего это здание. Вот, что он пишет: «Лежать зданию одной своей частью на горизонте это личное указание Сталина. В точности, как лежит на горизонте только одна часть Покровского собора».

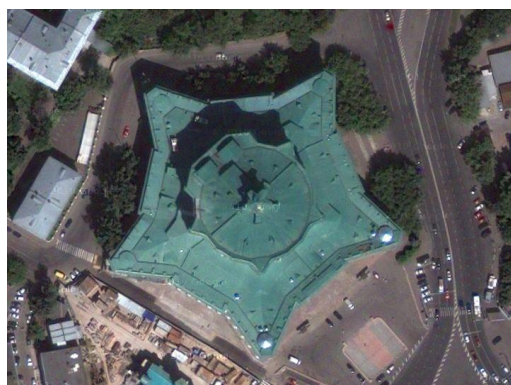
Этот храм-театр был выстроен как портал открывающий дорогу в иные миры и там должно находиться место, точка отсчета. Но, по мнению Максимова, ничего из этой затеи не вышло. Скорее всего, портал так и не был открыт.

Профессор собрал множество противоречивых исторических документов. В одном из них говорится, что тело Ленина, эвакуированное в начале войны с Германией, а именно в июле 1941 года, было отправлено не в Тюмень, а в подвалы московского театра.

Сведения об этих подвалах существуют самые разные. Одни утверждают, что эти подвалы уходили на десять этажей вниз, другие говорят, что на восемнадцать. Точно можно сказать лишь то, что там находился лифт для погружения под землю. Ради нескольких подвальных этажей его бы не стали строить. Информация об этом до сих пор засекречена и экскурсии запрещены.

В документах упоминается, что саркофаг с забальзамированным вождем пролетариата ранее уже побывал в этом здании.

Максимов был уверен, что это самое загадочное сооружение Сталинской эпохи. Все сведения о нем настолько скупы, что одно это вызывает удивление. Даже официальный сайт театра поражает скудостью информации. Хочешь что-то по-настоящему спрятать – выставь это напоказ. Какому нормальному обывателю придет в голову, что театр вовсе не театр, а нечто другое.

– Профессор! – вмешался Виктор. – Вы меня, конечно, извините! Но что вы скажете конкретно о рисунке Рунге? Простите наше нетерпение.

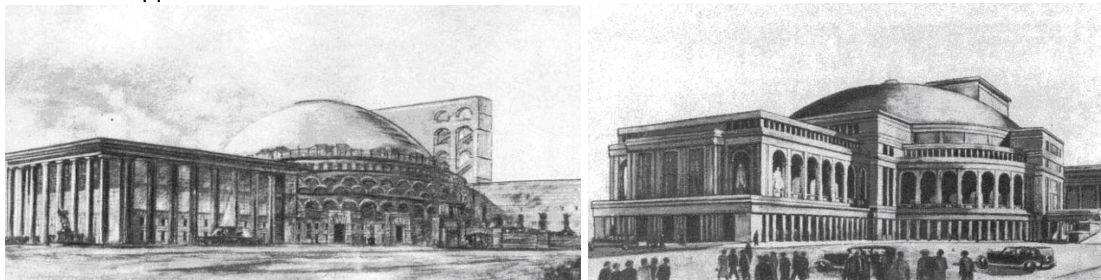
– Спасибо, молодой человек! – рассержено ответил Максимов. – Я, конечно, инвалид, но не на голову. Признаю, что несколько отвлекаюсь от темы. Но вы должны почувствовать самую суть. Рисунок очень старый, но в точности повторяет структуру сооружений, построенных Сталиным. Изображенная двойная пятиконечная звезда это, скорее всего, «Центральный Театр Российской Армии». Усеченная пирамида в ее основании – мавзолей-зиккурат. Видна только его часть. Так полагал мой отец, но мне кажется это больше похоже на ступени, символизирующие восхождение. Однако продолжим: к ним устремилась двойная спираль, напоминающая спирали ДНК человека. Возможно, здесь изображена даже не двойная спираль, но это характеризует контакт с высшими существами, у которых этих спиралей много больше. Ангел с трубой тоже является известным древним символом, через него идет обращение во вселенную. Летучая мышь символизирует ответную реакцию, в состоянии покоя это животное находится головой вниз, как вы помните. Фраза: «Что внизу, то и вверх, что слева, то и справа. И все это иллюзия и истина» очень любопытна. Внизу тот, кто взывает к небесным силам. Справа и слева две противоположности одного целого, своего рода современный телефон для общения с удаленным абонентом. Иллюзия и истина неотделимы друг от друга, очевидно, что это вопрос восприятия. Видимо, иллюзию надо в этот момент воспринимать, как истину. Может быть даже, их надо поменять местами.

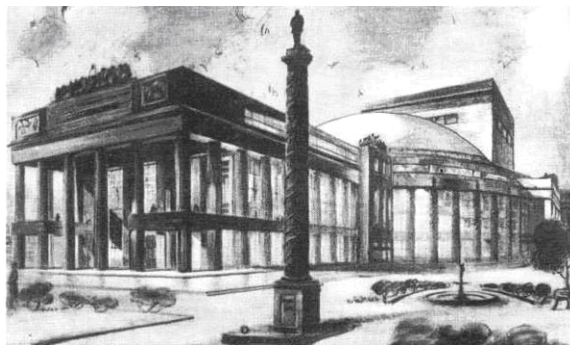
– Заставить себя поверить в иллюзию и отвергнуть реальность? – изумилась Эмма. – Разве на это способен психически здоровый человек?

– Для простого обывателя это сложно, – насмешливо пояснил Максимов. – Но, поверьте, для вас это не составит особого труда. Вы уже готовы поверить в то, что написано в тетради вашего деда. Давайте продолжим. Из этого рисунка следует, что в основании пентакля, а по моей версии у входа в театр, находится точка информационного отсчета. Зиккурат-мавзолей не может быть ею, так как физически он стоит в другом месте, но если предположить, что саркофаг-мощи можно перенести из зиккурата, то все встает на свои места. Звезда или точнее звезды устремились вверх к Луне. Звезда в Луне, как известно, символ власти, могущества и знаний. Таким образом, Луна это «дом знаний и величия».

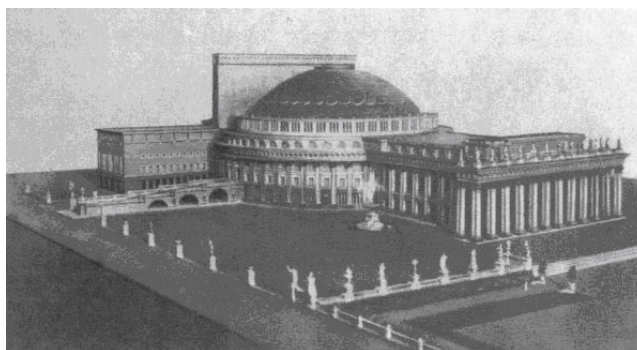
Максимов на миг задумался, а затем загадочно произнес:

– Сталин построил три грандиозных сооружения. Третье из них и не менее загадочное – Дом науки и культуры в Новосибирске. Возводилось оно в начале 1931 года, а в 1941 году было практически готово, правда, официально правительственная комиссия приняла его только в 1944 году. С 1941 по 1942 год строительство было законсервировано, но неожиданно приняли решение достроить это грандиозное здание. Этот последний факт кажется мне исключительно странным – в разгар Великой войны отвлекать очень значительные средства на строительство грандиозного клуба. Дом науки и культуры превратился удивительным образом в Театр оперы и балета. Но любопытно посмотреть на проекты этого здания. Очень многое станет понятным.

– Я мог бы продолжать показывать эскизы и рисунки, но здесь важно следующее, – загадочно произнес Максимов. – Этот проект был завершен в 1936 году во 2-й архитектурно-проектной мастерской Моссовета под руководством А.В.Щусева. В том же году к обсуждению проекта были привлечены архитекторы Алабян и Симбирцев. Знакомые все лица, не правда ли? Щусев проектировал мавзолей, а Алабян с Симбирцевым «Театр Красной Армии».

– Невероятно, – вырвалось у Эммы. – Здание мне очень напоминает собор Святой Софии в Стамбуле.

– Действительно, похоже, – поддержал свою подругу Дорохов.

– Определенно они схожи, – заключил Максимов. – Мне самому в первый момент на ум пришло то же самое, но меня удивило не только архитектурное решение, но и темпы строительства. Ощущение такое, что здание строилось и проектировалось одновременно. Спешка, огромное количество согласований с привлечением первых архитекторов страны. Зачем строить театр оперы и балета, не уступающий и даже превосходящий Большой театр в Москве и Мариинский в Ленинграде?

– И вы уверены, что в Москве и Новосибирске строились храмы новой советской религии, позволяющие провести переход в другое измерение? – не скрывая своих сомнений, осведомился Виктор.

– Сегодняшним языком выражаясь, это центры идеологического воспитания, – развеселился Максимов. – Концертные залы, универсальные площадки для приема большого количества людей. У этих двух храмовых строений двойное предназначение. Первое – строительство своего рода лифта в другое измерение, но это для избранных, а в нашем случае для одного человека. Второе предназначение – большое количество посещений гражданами для формирования и поддержания мощного энергетического уровня в зданиях. Что касается самого здания, построенного в Новосибирске, то там много архитектурных загадок или ответов на вопросы, кому как нравится. Вот, к примеру, зачем под зрительным залом расположен бассейн?

– Действительно интересно, – воскликнул Дорохов. – Может быть, вода могла использоваться как энергетическое информационное поле? Сегодняшние исследования ученых подтверждают удивительные информационно-накопительные свойства воды.

– Возможно и так, кто знает, – согласился Максимов. – Однако по моим выкладкам Сталин потерял интерес к строительству портала в Новосибирске именно в 1942 году, возможно после обещания Матроне. Этим объясняется «быстрое» окончание стройки в период с 1942 по 1944 год. Чтобы скрыть следы истинного предназначения сооружения, были залиты бетоном подземные этажи комплекса, на это ушло 90% средств, выделенных на окончание строительства.

– Так что же в сухом остатке, – взмолилась Эмма. – Объясните мне, наконец!

– Теперь я готов, и, главное, готовы вы, – насмешливо подытожил Максимов. – Рисунок, описывает портал перехода во времени, в этом нет сомнений. Сталин был знаком с этой схемой. Он строил собственную религию и свои храмы, но опирался на исторический опыт разных групп и конфессий, а также на свои собственные разумения. Мы не можем опровергнуть или подтвердить его вхождение в окно времени. Но мы можем утверждать, что он пытался это делать, и этому огромное количество доказательств, включая построенные им великолепные храмы. Бывший семинарист Иосиф Сталин разочаровался в постулатах церкви, но, видимо, веру не потерял. Правда, во что он действительно верил известно одному лишь Богу. Он не уничтожил православие полностью на территории завоеванного им государства по какой-то одному ему известной причине, хотя мог это сделать. Он в той или иной мере сохранил в прошлом титульную православную церковь и в какой-то период искал объединения с ней. В 1943 году наступил перелом в войне, и ему не было нужды договариваться с церковью, но он сел за стол переговоров. И это в тот момент, когда его собственная большевистская религия была готова к обращению Европы в коммунистическую веру...

Максимов замолчал на мгновение и с горечью в голосе произнес:

– Возвращаясь к святой, много мной уважаемой Матроне, хочу подчеркнуть, что церковь как институт не оказывала ей видимой поддержки, не приютила скиталицу в трудные для нее дни. Сама Матрона сохранила веру в Христа и не шла на компромиссы. Для Сталина, как и для многих простых людей, я думаю, она и была откровением Господним. Я полагаю, что ни мавзолеей, ни оба театра-храма не выполнили возложенную на них миссию. Я полагаю, что Матрона убедила Сталина поставить крест на его попытках заглянуть в другой мир. Это, конечно, только предположение, но в череде описанных фантастических событий и фактов выглядит вполне правдоподобно.

– Так Сталинские культовые храмы не являются порталами! – удивляясь выводам профессора, воскликнула Эмма.

– Не спешите с выводами, – назидательно подчеркнул Максимов. – Я только обратил ваше внимание, что внезапно интерес Сталина к своим культовым сооружениям угасает. Сами храмы, я думаю, действительно обладают мистической силой.

– Все, что вы рассказали, профессор, чрезвычайно интересно, – замялся Дорохов. – Но Александр Рунге никогда не был в Москве, как и его сын Карл, и маловероятно, что они интересовались Сталинскими культовыми сооружениями.

– Вы правы, – согласился Максимов. – Ни Александр, ни Карл не были в России. Но Александр Рунге пишет о встрече с моим отцом, возможно, после нее он предположил, что часть ответов на свои вопросы он смог бы найти здесь в России.

– Так, где же нам искать ответы на вопросы, – отчаялась Эмма. – Вы много рассказали, но ни на шаг не продвинули наши изыскания.

– Давайте еще раз обратимся к рисунку Александра Рунге, – успокоил женщину Максимов. – Сталин выстроил три храма, правда, от последнего, видимо, неожиданно отказался. Я и сам вижу, что выдвинутая мной гипотеза трещит по швам. Я, как и многие мои коллеги-историки, подтягиваю факты под укоренившиеся в моем сознании теории, и это мешает мне...

– Позвольте мне, профессор, – попросил Дорохов.

Максимов устало махнул рукой и буркнул:

– Извольте.

– Трудно было предположить, что наш визит к вам раскроет все тайны записей Рунге. Но мы сделали первый шаг. Много из того, что вы нам рассказали, кажется невероятным, но лично для меня не лишено здравого смысла. Сталин был уверен, что портал, если он его действительно искал, должен находиться именно в России. Что нам сейчас необходимо предпринять?

– Не знаю, – расстроено констатировал Максимов. – Я по большей части теоретик, сидящий в пыльном кабинете. Полагаю, что надо либо каким-то образом опровергнуть, либо подтвердить теорию о создании Сталиным портала. Я постараюсь разобраться с записями, возможно, они прольют свет на наши с вами поиски, а вы приходите завтра. Советую вам посетить «Театр Красной Армии», проникнуться его атмосферой. Помните, что все скрытое на виду, но не каждому дано это узреть.

– Мы не предполагали оставлять вам содержание записей, – извиняясь за сказанное, покраснел Дорохов.

– Но вы же просите меня помочь, – обиженно воскликнул Максимов. – Забирайте! У меня, к слову, фотографическая память. И в таком случае делайте то, что вам заблагорассудится, но уже без меня...

– Вы не так поняли Виктора! – бросилась спасать положение Эмма. – Мы, действительно, договорились не оставлять никому записи, это правда. Но мы и не предполагали, что вы отнесетесь к нам с таким участием. Конечно, мы оставим копию для вашего дальнейшего изучения.

Максимов, насупившись, молчал. Он демонстративно отвернул свою коляску к окну и неподвижно уставился в него.

– Ну, право же, профессор, простите, – извинился Дорохов. – Записи не мои, а Эммы и только она может ими распорядиться. Оставить их вам записи – ее решение, и я к нему с радостью присоединяюсь.

Максимов, словно оттаяв, мягко произнес:

– Правильно, что не оставляете рукопись в чужих руках, а я несколько погорячился. Но мне, конечно, можно доверять. В качестве примирения дам вам одну наводку. Несколько лет назад от своего давнишнего приятеля я услышал одну любопытную историю. В Театре Российской Армии, о котором я вам рассказывал, работает один человек. Как напьется, а делает он это регулярно, так рассказывает всякие небылицы про это сооружение. Но его рассказы похожи на правду, на ту правду, о которой мы сегодня говорили. Если мне не изменяет память то фамилия его Стешин, точно, Кондрат Стешин. Возможно, он до сих пор работает там разнорабочим.

В десять часов утра следующего дня Виктор и Эмма были уже на Суворовской площади перед зданием Центрального Академического Театра Российской Армии.

– Ух, вот это да! – выпалила Эмма, едва выйдя из машины. – Античный храм, да и только! Невероятно красиво!

– Пойдем искать окно во вселенную, – шутливо предложил Виктор, обнимая ее за плечи.

Войдя через главный вход театра, они оказались в небольшом холле, где располагались билетные кассы. Виктор подошел к кассирше и попытался выяснить, где можно найти Кондрата Стешина. Кассирша ответила, что знает такого, и согласилась позвать его. Некоторое время спустя появился пожилой человек в потрёпанной телогрейке. Несколько минут они с Дороховым шептались, после чего рабочий театра быстро удалился.

– Все в порядке, – подойдя к женщине, шепнул Дорохов. – Это и есть Кондрат Стешин. Да что с тобой, ты меня не слушаешь.

Эмма молча указала пальцем на пол. Виктор в изумлении отступил на несколько шагов и, едва шевеля губами, произнес:

– Не может быть.

Его взору предстали два коловорота, направленные друг навстречу другу, окруженные стилизованными лилиями. Наличие этого орнамента в холле билетных касс самого большого театра новой большевистской империи казалось невероятно странным. Вместо большой пятиконечной звезды или других символов революции в главном центре советской пропаганды на самом видном месте такой замысловатый рисунок.

Едва выйдя из театра, Эмма в восторге затараторила:

– Вот видишь, все как на «Карте Рома», как на рисунках из дневника, неужели Максимов прав...

– Похоже на то, – подтвердил Дорохов. – Все это действительно странно. Кондратий согласился со мной поговорить, и ждать его надо с другой стороны театра.

Обойдя несколько раз театр, они остановились в противоположном конце от входа в здание.

– Мы стоим на том самом главном луче пентакля, лежащим на горизонте? – скрывая волнение, спросила Эмма.

– Похоже, что так, – фотографируя, отозвался Виктор.

Эмма и Дорохов стояли перед высокими грубо сделанными железными воротами. И эти ворота явно не вписывались в идеальный облик театра. Расположены они были по направлению к главному лучу пентакля. Из них «выезжали» металлические направляющие, похожие на рельсы. И они вели как бы в никуда, упираясь в два столба, в две колонны. Точнее сказать, рельсы обрывались на полпути к ним.

– Что такое громоздкое и тяжелое выезжало из чрева этого огромного храма? – начал рассуждать Виктор. – Это не похоже на транспортный въезд, сюда неудобно вносить даже среднегабаритные грузы. Более того, мы видели три удобных технических въезда с красивыми деревянными воротами в нижнем основании этого громадного сооружения.

– Немного странно, что к этим рельсам нельзя подъехать, – подхватила Эмма. – Но можно подобраться сбоку, справа и слева.

– Вот именно «подобраться», – продолжил Дорохов. – Но кому бы пришлось в голову сделать подъездные пути между колонн, которые легко повредить при выгрузке? Три больших удобных въезда в театр исключают любые повреждения. Зачем понадобился этот?

– Это, конечно, странно, – согласилась Эмма. – Но как объяснить еще одни ворота между колонн в нескольких метрах от этих?

Женщина, понимая, что Дорохов упустил из вида безобразные, сколоченные из досок ворота, сделала несколько шагов по направлению к ним. Неожиданно ворота открылись и из них вышли трое рабочих, неся с собой потрепанные стулья. Кондрат Стешин, очевидно, был старшим из них не только по возрасту, но и по положению. Он двигался первым и с явным неудовольствием отметил присутствие женщины. Виктор нежно подтолкнул Эмму, давая понять, что хочет поговорить с рабочими без ее участия. Женщина прошла немного вперед и остановилась, наблюдая за действиями своего спутника.

– Здорово мужики, – приветствовал их Виктор.

– И тебе не болеть, – ответил старший из них, жестом приглашая Дорохова следовать за ними.

Мужчины вошли в небольшое сооружение, собранное из листов ДСП, сели на стулья и закурили. Импровизированный деревянный домик, примыкающий к железным воротам, едва вместил четырех взрослых человек. Виктор прислонился к стене и со смехом сказал:

– Вот гуляю и коленку расшиб о ваши рельсы, споткнулся, не ожидая подвоха.

Мужики рассмеялись, а Стешин добавил:

– Не ты первый! Народец и носы расшибал! Некоторые возмущение имели, да что толку!

– Так зачем вам рельсы? – попытался пошутить Дорохов. – У вас там, что бронепоезд часа своего дожидается?

– А ты не шути, мил человек, – оборвал его Кондрат. – Мы сами удивляемся. Поезда никакого нету, конечно, но место это странное. Мой отец Василий Федорович работал тут до меня и много удивительных историй рассказывал.

– Так что за истории? – с надеждой спросил Дорохов.

– А ты не спеши, если хочешь нам компанию составить и побазарить, то мы не возражаем. Рабочий день, точнее сутки, у нас закончились, и мы не против отметить это дело. Как мы с тобой давеча и договаривались. Раз тебя истории мои интересуют, то и ты прояви уважение. Работали мы давеча сверхурочно и сильно устали.

Дорохов понимающе улыбнулся:

– Чего не хватает для разговора?

– Пятьсот рублей, – оскалился своим белозубым ртом старший. – Петька сбегает, он место правильное знает.

Младший из мужчин выхватил пятисотрублевую купюру из рук Виктора и скрылся во дворах.

– На сатаниста ты не похож, – степенно продолжил рабочий. – Они тут частые гости. Немытые, злые и наглые. Мы им регулярно морду бьем. Они то мышей режут, то перья разбрасывают, а за ними убирать! Тунеядцы, одним словом! А ты вроде не такой, и девка с тобой опрятная, улыбается, вроде как на фотографию позирует. Ихнии девки другие, с сальными волосами и под ногтями у них сплошной чернотем.

Виктор слегка замешкался, но перед российским правдорубом решил себя вести естественно, уповав на его природную наблюдательность и смекалку:

– Моя спутница американка, а я математик, теоретик, одним словом. Ваш театр, а точнее история самого здания, может ответить на вопросы, стоящие перед нами. Много здесь странного, непонятного нам. Но, как говорить, все пути ведут в Театр Красной Армии.

Собеседник рассмеялся:

– Интересно излагаешь, видно, правду говоришь. Ну, откровенность за откровенность. Мой отец пришел сюда работать в 1947 году, отроду ему было 45 лет. Участник германской и японской войны. В Маньчжурии получил тяжелое ранение, демобилизовался в 1946 году в звании ефрейтора. Батюшка мой преставился в 2001 году, немного не дотянув до столетнего юбилея. До конца своих дней был в твердой памяти и передвигался на своих двоих.

Рассказчик неторопливо закурил сигарету и продолжил:

– Так вот, отец мой, Василий Федорович, рассказывал, что в театре этом разные привидения обитают, и однажды встретился он с одним из них нос к носу. Батя испугался поначалу, но потом вспомнил о спрятанной чекушке за пазухой. Она его и спасла. Выпил залпом и робость ушла. Дух тот пола не касался и, как мел, был весь белесый. Василий Федорович спросил, чего он к нему пристал. А тот отвечал, не открывая рта, мол, заперт я в этих стенах, но есть одна милость, которой я могу одарить человека. Батяня возьми и спроси, что за милость, да по-простецки заметил, может и ему что-нибудь обломится.

В этот момент появился гонец с бутылкой водки и пакетом снеди. Петькин стул превратился в стол, на котором появились четыре пластиковых стакана и разнообразная закуска. Дорохов от водки отказался, чем вызвал сочувствие присутствующих.

– То привидение засмеялось и сказала, что годков моему папочке подбросит, – охотно продолжил старший из рабочих. – Не понял Василий Федорович сказанного и переспросил. Тот дух поднялся к потолку и вроде как прилип к нему. Так они и находились несколько минут, привидение на потолке, а папаша мой внизу с задранной головой. Опять спустилось привидение и сказала ему, что наделено силой, которая продлевает жизнь человеку. И сила та пришла в те дни, когда хрустальный гроб был в этой обители.

Петька хмыкнул, но под строгим взглядом своего товарища виновато потупил взгляд.

– Отец спросил, что за гроб такой хрустальный, и зачем он здесь. Привидение ответило, что было оно тогда человеком, и ему было велено выкатить саркофаг на улицу. Как раз в том месте, где рельсы проложены, где ты мил человек коленку расшиб.

Мужики беззлобно рассмеялись.

Вытерев ладонью губы, рабочий продолжил:

– Но умер бедолага в тот же час, когда выкатили из обители гроб. С тех пор он здесь и заперт. Но если кто понравится ему, он может годков, не прожитых им, накинуть этому человеку. Вроде как и за него тот проживет свою земную жизнь. Испугался батяня, что проклинают его, не по-божески все это. Но привидение то сказала, что это не проклятие, а дар, но жить с этим даром надобно с благодарностью. Случилось это в 1958 году. Отец часто жаловался на боли в спине после осколочного ранения, но с того момента боли прекратились. Мне он рассказал эту историю только в 1970 году, когда ушел на пенсию. Переехал он в маленькую деревню, что на реке Волге и прожил в здравии еще больше тридцати годков.

– Ну ты даешь, Кондратий Васильевич! – вмешался младший из рабочих, Петька. – Сколько слушаю эту историю, столько и удивляюсь. Неужели сам ты веришь во всю эту брехню?

– Оно, конечно, удивительное дело, – задумчиво ответил рабочий. – Но сам, Петро, посуди, батяня прожил без малого сто лет. И сам я видел это привидение, но говорить с ним не пришлось. Видел я его, как тебя. Астма у меня с того момента прошла. Хочешь верь, а хочешь нет.

– Так вы видели привидение? – вмешался в разговор Виктор.

– А как же, видал, – подхватил Кондратий Васильевич. – И мне предначертано жить до ста лет, в этом я не сомневаюсь. Мне уже семьдесят четыре, а я работаю и больничных не беру, и на девок до сих пор шурюсь.

Дорохов с удивлением уставился на собеседника. На вид лет ему было не более шестидесяти или и того меньше.

– Так, что привидение? – переспросил Виктор. – Не стало говорить с вами?

– Отчего же, – продолжил мужчина. – Очень даже оно хотело побеседовать, но испугался я. В тот день мастерили мы декорацию. Сильно нас с нею начальство торопило. Разошлись мы за полночь, а я кепку забыл и возвратился от дверей. Захожу в раздевалку, свет включаю и наблюдаю привидение посреди комнаты. Замер я, ноги обмякли, шагу ступить не могу. Приблизилось оно ко мне, покрутилось, вроде как принохивалось. Но тут стук шагов сторожа–солдатика раздался, и оно улетучилось.

– Ну, ты даешь, Кондратий Васильевич, – развеселился Петька. – Тебя послушать, так ты особенный, и батя твой тоже. Чего они ко мне не являются? Уж я бы им показал...

– Дурак ты, Петька, – перекрестился Кондрат Васильевич. – Пьянеешь быстро!

Прикончив бутылку, мужчины подхватили стулья и, не обращая внимания на Дорохова, направились к воротам, из которых вышли. Виктор поспешил за ними.

– Кондратий Васильевич! Последний вопрос! А почему эти ворота деревянные, а те с рельсами железные?

– Так все по уму, как положено! – удивился рабочий. – Это ж пожарные выходы. У нас все ворота деревянные и входные двери тоже, а то как же. Приедут пожарные, и, чтоб ключей не искать, а действовать быстро, выбивая входные двери. А при пожаре, при панике, где ты эти ключи сыщешь. Порядок у нас здесь.

– Так рядом железные ворота, – не унимался Виктор. – Непорядок получается.

Кондратий Васильевич задумался и, почесывая за ухом, глубокомысленно произнес:

– Так это нам знать не положено. Но они же всегда были железными. Батя говорил, что по этим рельсам и выкатывали тот хрустальный гроб.

Со скрипом захлопнулась деревянная створка ворот, и Виктор поспешил на поиски Эммы.

Он нашел ее, греющейся в холле театральных касс. По дороге к дому Максимова, Дорохов пересказал услышанную от рабочего историю.

– Действительно, странное место, – выслушав своего спутника, задумчиво произнесла женщина. – Неужели все это правда? Больше похоже на легенду.

– Вокруг нас много странного, – продолжил Дорохов. – Но люди предпочитают ничего не замечать. Я где-то читал, что видеть невидимое это не дар, а наказание. Представь, что тебе не с кем поделиться твоими открытиями. Ты увлеченно рассказываешь о них своим друзьям, но после этого они не спешат вновь приглашать тебя в гости.

– А тебе не кажется необычным, – неуверенно выдавила из себя Эмма, – что ты встретил сегодня этого странного рабочего, и к тому же он рассказал именно то, что тебе нужно.

– Откровенно говоря, вся твоя история полна мистических совпадений. Как, впрочем, и история жизни твоих деда и прадеда. Как только ты открыла старую тетрадь, жизнь твоя потекла в совершенно не привычном русле. Но все эти совпадения не являются случайными. Вероятно, эта цепочка событий уже соткана во времени, и укрепит ее вера в успех, а не сомнения.

– Да ты философ! – рассмеялась Эмма. – Или ты так говоришь, чтобы посмеяться надо мной?

– Я говорю совершенно серьезно!

Последние слова Виктор произнес, уже остановив автомобиль во дворе дома Максимова.

Профессор был крайне возбужден. Приложив палец к губам, он покатил свою инвалидную коляску на кухню. Маленькое помещение сияло идеальной чистотой, чего не скажешь о кабинете ученого.

Взглянув на озадаченных гостей, он обратился к Эмме:

– У вас есть дядя в Бостоне?

– Нет, – удивилась она. – Только мама осталась в Нью-Йорке.

– Я так и подумал! – довольно провозгласил Максимов. – Вчера, после вашего визита ко мне заявился мужчина, американец. Я не хотел его впускать в квартиру, но он представился вашим дядей. Сказал, что вам угрожает опасность, и ему срочно надо со мной поговорить. Из любопытства я открыл дверь.

– И как выглядел мой дядя? – настороженно поинтересовалась Эмма.

– Это и показалось мне странным, – подозрительно прошептал профессор. – Он был сильно загримирован. Рыжие волосы с бакенбардами, густые усы и борода. Я его хотел выгнать, но он мне признался в том, что вы делаете в Москве, и что вы уже нашли «Карту Рома». Вы обманули меня, но я вас прощу, если вы расскажете мне всю правду.

Эмма тяжело вздохнула и поведала свою печальную историю. Максимов сидел к ней вполборота, отвернувшись к окну. Все это время Дорохов стоял позади стула, на котором сидела женщина, положив ладони на ее плечи. Он внимательно наблюдал за реакцией профессора, но тот был неподвижен и непроницаем. Было совершенно не понятно, слушает ли он Эмму или углубился в какие-то свои мысли.

Женщина замолчала, закончив рассказ, и в комнате повисла неловкая пауза.

– Георгий Иванович! – извиняющимся тоном начал Виктор. – Простите, что невольно втянули вас в эту историю...

– Не смейте! Не смейте извиняться! – воскликнул Максимов. – Я просто счастлив, что попал в круговорот столь запутанных событий. Настоящий детектив! Неужели ваш лже-дядя из ЦРУ? Каков сюжет!

Взглянув на потрясенных гостей, он громко рассмеялся:

– Я почти не выхожу из дома, моя жизнь скучна и однообразна, и тут такой случай!

– Профессор, но это очень опасно! – не выдержала Эмма.

– Очень подходящий для меня случай. Но вернемся к моему неожиданному гостю. Ваш «дядя» сказал, что вас разыскивает ЦРУ, и ему необходимо найти вас раньше их. Он также сообщил, что у вас записи его брата, и вы себя подвергаете огромной опасности. Он прибыл в Москву, чтобы спасти вас и вернуть записи американским властям. Он много говорил, но было очевидно, что весь его рассказ шит белыми нитками...

– Белыми нитками? – не поняла женщина.

– Врал не краснея, – пояснил Максимов. – Я сделал вид, что поверил. Он спрашивал, чем вы интересовались. Я предположил, что они могут вас прослушивать, и решил рассказать ему правду. Но только ту ее часть, которая касалась истории мавзолея на Красной площади. Через два часа «дядя» начал зевать и попросил меня связаться с вами. Но я ответил, что вашего номера телефона у меня нет, но вы собирались на следующий день посетить Красную площадь.

– И что же американец? – заволновался Дорохов. – Поверил?

– Думаю, что нет, – спокойно ответил Максимов. – Раз он пришел ко мне, значит, он следит за вами. Возможно, ваши телефонные разговоры прослушиваются, а теперь уже и мои. Именно поэтому я не стал вам вчера звонить после его визита. Сейчас мы на кухне, ведь в комнате могут быть прослушивающие устройства. Незванный гость сидел в моем кабинете, но на кухне не был.

– Вам бы в полиции работать, профессор, – восхитилась Эмма.

– Спасибо, девочка. Вот я и хотел вас спросить, может нам в полицию обратиться?

– А что мы им скажем? – грустно заметил Виктор. – Что мы ищем порталы в другие миры, но нас пытается опередить американский дядюшка?

– Смешно, – отозвался Максимов, – и грустно, так как надеяться придется только на себя. А вам, я так понимаю, надо оторваться от преследователей.

– Все так серьезно? – удивился Виктор. – Вы не преувеличиваете, опасность, грозящую Эмме.

– Не только девочке, но и вам, и мне, – убежденно констатировал Максимов. – Лучше перестраховаться.

– И что вы предлагаете?

– Первое – не возвращаться в вашу квартиру. Может кто-нибудь забрать из нее все вам необходимое и документы, чтобы скрыться на несколько дней?

– Мой друг живет в том же доме, и у него есть ключи от моей квартиры, – неохотно ответил Дорохов. – Но неужели все так серьезно? Но раз вы настаиваете, я позвоню.

– Не звоните с мобильного, – предостерег Максимов. – И с городского телефона тоже не надо. Воспользуемся телефоном соседей. У меня прекрасная соседка, Роза Ильинична. Пенсионерка, домохозяйка, сидит с двумя маленькими внуками. В это время они как раз дома обедают.

Максимов жестом пригласил Виктора следовать за ним и направил свою инвалидную коляску к выходу. Соседка, полная, опрятно одетая женщина, радостно встретила его на пороге своей квартиры и ничуть не удивилась просьбе позвонить с ее городского телефона. Дорохова Максимов представил как своего ученика. Женщина оставила их в коридоре рядом с телефоном и поспешила на детский крик, раздавшийся в глубине квартиры.

Вернулась Роза Ильинична в тот момент, когда Виктор положил трубку.

– Ну, что Гоша, – задушевно прокомментировала она. – Опять твой телефон прослушивают? Напрасно ты себя накручиваешь, но я не возражаю, если надо приходи.

– Да вот! – виновато ответил профессор. – Боюсь конкурентов, украдут мои статьи и опять выдадут за свои.

Женщина снисходительно на него посмотрела и только покачала головой, закрывая за ними входную дверь.

Вернувшись на кухню к Максиму, профессор заставил Виктора дать ему подробный отчет о сегодняшнем посещении молодыми людьми театра. На протяжении всего повествования Виктора он многократно и бесцеремонно вскрикивал: «Вот видите! А что я вам говорил!».

Хозяин квартиры после услышанной истории еле сдерживал переполнявшие его чувства:

– Вот видите, стоит повернуть нос в правильном направлении, и к тебе сразу устремится нужная информация. Но мне, к сожалению, порадовать вас нечем. У меня родилось множество гипотез после прочтения записей, но ни одна из них не выглядит стройной теорией. Я буду изучать мемуары со всем своим рвением, но вам надо исчезнуть на пару дней, чтобы не подвергать себя и меня опасности. Вы сами сможете мне позвонить, когда будет нужна моя помощь.

Дорохов договорился со своим приятелем, что они встретятся вечером не далеко от его дома, где тот передаст документы, вещи и его ноутбук, а также на своей машине отвезет его и Эмму к себе на дачу в нескольких километрах от Москвы.

Дача эта оказалась небольшим кирпичным домом, окруженным высоким металлическим забором. Они выгрузили из машины вещи и продукты, купленные по дороге в супермаркете. Хозяин дома, исполинского телосложения мужчина, легко подхватил багаж гостей и занес его в дом. За все время их короткого путешествия из Москвы до загородного дома этот человек не произнес ни единого слова, разве что в первый момент знакомства буркнул, что зовут его Гарик.

Эмма ехала на заднем сиденье автомобиля и с удивлением отмечала отсутствие у Гарика шеи между огромными плечами и головой. Дорохов, не вдаваясь в подробности, объяснил, что ему и девушке нужно укрыться на несколько дней от посторонних глаз. Водитель меланхолично кивнул в ответ, никак не выдавая своего любопытства. С таким же безразличием он передал Виктору сверток, который тот протянул ей. Аккуратно развернув его, Эмма обнаружила «Карту Рома».

Внешний невзрачный вид дома был прямой противоположностью внутреннему убранству. Большая комната на первом этаже была гостиной, столовой и кухней одновременно. У противоположной стены от входа возвышался огромный серый камин невероятной красоты. Такое впечатление, что его вынесли из музея или старинного замка. Над ним висело помутневшее от времени большое зеркало в массивной золотой раме.

Вся находившаяся в комнате мебель была темного дерева и сделана в одном грубовато-рубленом стиле. Все это напоминало старинную таверну или скорее рыцарский замок. Перед камином, по обе его стороны расположились два просторных кресла, вывезенных, видимо, из того же музея, где обитал раньше и камин.

Сколоченный из больших досок, но изящный, большой, круглый обеденный стол стоял посередине комнаты. Вокруг него, словно стражники, примостились четыре стула с высокими резными спинками. Справа и слева, между двух окон прилипли к стенам два одинаковых старинных буфета, грозно смотрящие друг на друга через обеденный стол. Все четыре окна закрывали темные деревянные жалюзи.

Входная дверь в комнату делила стену пополам. Справа уместилась небольшая и очень красивая кухня. Узкая столешница расположилась углом. Она начиналась от дверной коробки, поворачивала на девяносто градусов, проползала под подоконником окна и упиралась в боковую часть буфета. Под всей столешницей находились одинаковые, словно близнецы, резные деревянные ящики.

В правом углу там, где столешница поворачивала, в нее была врезана треугольная раковина медного цвета с массивным курносым краном. Через полметра по направлению к двери почти незаметно расположилась узкая газовая плита темно коричневого цвета. Над столешницей висели резные кухонные шкафчики, прибитые по всей стене, начиная от дверной рамы вплоть до самого окна, расположенного на другой стене дома.

Слева от входа расположился угловой величественный многостворчатый шкаф, упирающийся прямо в потолок. Там, как оказалось, спрятались два холодильника и еще множество нужных вещей. Между шкафом и окном элегантно закручивалась вверх деревянная винтовая лестница.

На втором этаже было не менее интересно. Между двумя комнатами втиснулась ванная, к большому удивлению, вполне себе современная. Одна из комнат была спальней, в которой царствовала большая деревянная кровать с балдахином. В этой же комнате стоял небольшой деревянный шкаф, по стилю напоминающий мебель на первом этаже, и два стула на высоких ножках.

Другая комната оказалась мастерской. Войдя в нее, сразу становилось понятно, что вся мебель была изготовлена хозяином своими руками.

Стоя посреди мастерской, Эмма восторженно хлопала в ладоши и в восхищении воскликнула:

– Неужели все, находящееся здесь, ваших рук дело? Виктор, переведи своему другу мои слова.

Гарик смущенно улыбнулся и ответил по-английски, с каким-то странным акцентом:

– Мне нравится мастерить, да и фамилия у меня подстать – Мастерков.

– Наш большой друг четыре года прожил в Австралии, – пояснил Дорохов. – Родители эмигрировали, а он, ко всеобщему удивлению, вернулся. Так что по-английски он говорит довольно бегло. Но ты, Гарик, не зазнавайся, девушка и так в полуобморочном состоянии от восторга. Холодильники, наверняка, не твоих рук дело. Их смастерили где-нибудь в Швеции, на них и лейбл соответствующий имеется.

Все трое громко рассмеялись. Видно было, что хозяину дома очень приятно такое внимание к его хобби, и он деловито добавил:

– На холодильниках пришлось заменить ручки с пластмассовых на металлические, больно хлипкие оказались.

– А ты не пробовал за них браться не всей своей огромной ручищей, а только мизинчиком, – продолжал подшучивать Виктор.

– А ты зря подсмеиваешься, – укоризненно заметил Гарик. – Кто тебе отрегулировал холодильник на кухне?

– Это правда, – согласился Дорохов. – Выл тот холодильник неистово, даже спать не давал. А сейчас, после твоего рукоприкладства еще хуже, подходишь к нему и прислушиваешься, работает он или нет. Тишина гробовая. Я нервничаю, открываю его по несколько раз на дню, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Мастерков шутливо пригрозил другу своим огромным кулаком, но заметив, как Эмма вытирает выступившие от смеха слезы, иронично добавил:

– Пусть Витя расскажет, как помогал мне строить камин.

– Только не это, – взмолился Дорохов. – Гарик, мы же с тобой друзья, не позорь меня перед женщиной, тем более иностранкой.

Но Мастерков решил идти до конца:

– Когда я решил сделать камин, Витя напросился помогать, уверяя меня, что когда-то в студенческие каникулы подрабатывал, складывая печи на дачах. Он даже сделал красивый проект на бумаге. Мы с ним сложили печь, а я на свою беду строго следовал его инструкциям. Все бы ничего, но дым от горящих поленьев пошел не в трубу, а в комнату. Дорохов решил сделать мне сюрприз и, пока я занимался делами во дворе, принес большую охапку дров и зажег их в камине.

– Но ты все-таки признаешь, – еле сдерживая смех, вмешался Виктор, – что я хотел сделать приятное другу, обрадовать его видом искрящихся поленьев.

– Из окон, дверей и, по-моему, сквозь стены повалил густой черный дым, – продолжал свой рассказ Гарик. – Я испугался, схватил стоящий в сарае огнетушитель и бросился спасать своего напарника. А он чуть не сшиб меня с ног, вынырнув из клуба дыма, в том месте, где должна была находиться входная дверь. Он был весь серый, всклокоченный и перепуганный до смерти. Орал, что есть мочи, что загорелся камин. Я нырнул в дом и залил дымящиеся дрова пеной из огнетушителя.

– Так дыма стало еще больше, – подхватил Виктор. – Гарик выпрыгнул на улицу и стал носиться вокруг дома, не зная, что предпринять. Прибежали соседи, кто-то вызвал пожарных. Но пожарная машина приехала только через час, а к тому времени весь дым вышел, и нам удалось открыть окна.

– Так вот, – невозмутимо продолжил Мастерков, – на целых две недели мне пришлось переехать жить в сарай. Гарью в доме пахло ужасно. Сколько ни проветривай – бесполезно. В конце концов, я сдался и уехал в Москву, закрыв дом на зиму. Весной я снова приехал и к своей радости обнаружил, что гарью больше не пахнет. Правда, вся мебель, стены, пол и потолок потемнели.

– Так лучше же стало, – воскликнул Дорохов. – Это называется дизайн интерьера.

– Да! – согласился Гарик. – Стало лучше! Первоначально вся мебель была сделана в светлых оттенках, но пришлось затонировать ее в темно-коричневый цвет, и, действительно, стало намного лучше смотреться. Камин я разобрал и переложил, а затем и облицевал его, к счастью без помощи Вити, хотя он продолжал рваться помогать мне.

Эмма с удивлением смотрела на этого большого доброго человека. В его голосе не прозвучало ни капли обиды на своего друга, скорее со всей своей философской основательностью он подтверждал поговорку «нет худа без добра».

Проводив Гарика до машины, женщина с удивлением отметила, как искренне тепло обнялись друзья на прощание. Войдя в дом, Виктор бросился разжигать камин, попутно заметив, что по этому поводу уже волноваться не стоит. Эмма, почувствовав себя хозяйкой, принялась раскладывать продукты в холодильники.

К стоящим перед камином креслам Виктор подтащил маленький низкий столик и поставил его между ними. На столике появилась пузатенькая бутылка коньяка, два широких стеклянных стакана и большая плитка шоколада.

Эмма обнаружила всю эту картину, заканчивая разбирать последний пакет с продуктами. Ей было почему-то очень приятно наблюдать за отдыхающим в кресле Дороховым. Женщину совсем не раздражало, что она хлопочет по хозяйству, а ее мужчина в это время отдыхает.

Она на цыпочках подошла к креслу, в котором угнездился Виктор, и скользнула к нему на колени. Он крепко обнял ее и нежно поцеловал в шею. Звук потрескивающих дров разрывал скопившуюся в комнате тишину. Лепестки пламени обнимали друг друга, превращались в яркие искры и растворялись в верхней части камина.

– У тебя замечательный друг, – прошептала Эмма. – Мне казалось, таких не бывает.

– А таких и не бывает, – словно эхо отозвался Дорохов. – Иногда мне кажется, что Гарик прилетел с другой планеты, где люди сильные добрые и преданные. На этой планете наверняка все люди счастливы, и их беспокоит только одно, что где-то другие люди плачут. Тогда они летят на эту планету и посвящают свою жизнь несчастным людям. Они не требуют благодарности и не осуждают этих людей за преследования, которым часто подвергаются с их стороны.

– Ты, правда, так думаешь?

– А как объяснить, что на нашей планете Земля должник убивает благодетеля, спасшего его, только ради того, чтобы не платить долг! Как понять тех, кто оправдывает свое убогое существование тем, что они вправе пройти мимо несчастья других людей. Что делать с теми, кто презирает немощность и добросердечие? Гарик совсем другой, он вне этой реальности, но он совсем от этого не страдает. Мастерков все понимает, но делает все по-своему. Он наивен и мудр. Он безоружен, но многим внушает страх. Он немного комичен, у всех вызывает улыбку его богатырская фигура в сочетании с его этаким мультяшной фамилией. Он совсем не такой как все, он другой.

– Дорохов, ты тоже другой. Ты необыкновенный. Мне хочется в этом доме остаться с тобой навсегда. Сидя у камина, ты будешь рассказывать мне всякие интересные истории, а я буду слушать и любоваться тобой.

Эмма потянулась поцеловать Дорохова, но в этот момент зазвонил телефон.

– Странная мелодия звонка, – пытаюсь отыскать телефонный аппарат, воскликнул Виктор. – Это не твой мобильник?

– Нет, – отозвалась Эмма. – Может Гарик забыл свой телефон?

Дорохов медленно шел по комнате, пытаюсь определить местоположение надрывающейся телефонной трубки.

– Эмма! Этот телефон в твоей куртке!

– Я совсем забыла! Он был в пакете вместе с «Картой Рома».

Дорохов включил телефон на громкую связь и ответил:

– Алло.

Трубка затрещала голосом шейха Сафира:

– Здравствуй, Виктор!

– Рад вас слышать, уважаемый Сафир!

– У меня для вас новости. Весь отдел ЦРУ, занимающийся записями Рунге, вылетел в Москву. Полагаю, что они уже там. Наш человек в отделе упоминает о некоем генерале Савски. Тот явился к ним в отдел и заперся в кабинете с их начальником по фамилии Тейлор. Всем было слышно, что генерал за что-то отчитывал Тейлора. После того, как Савски ушел, Тейлор заперся у себя в кабинете. Почти два часа сотрудники его не видели, а потом он вышел абсолютно пьяный и пожаловался: «Мне конец, если не найдем Эмму Рунге».

– Что это значит? – встревожился Дорохов.

– По мнению моего человека, истинным заказчиком дела Рунге, скорее всего, был Пол Савски, генерал НАСА, очень влиятельное лицо. Но это еще не все. Сегодня генерал скончался в больнице, подозревают отравление. Если генерал убит Тейлором, то все очень и очень серьезно. Если он на такое решился, то и вам несдобровать. Будьте предельно осторожны. Берегите Эмму. Я высылаю вам фотографии всех четырех сотрудников отдела.

Трубка замолчала, давая понять, что разговор окончен. Виктор показал фотографии Эмме, но она отрицательно покачала головой – никого из изображенных на фотоснимках мужчин она никогда не видела. Другое дело женщина. На фотографии была изображена именно та, которая обменяла дневник на деньги в аэропорту Бостона.

– Наше положение ухудшилось? – тихо спросила Эмма.

– Не думаю, – успокаивая женщину, прошептал Дорохов. – Мы живы, а грызня идет во вражеском лагере. И самое главное, у нас теперь есть фотографии, среди которых, будем надеяться, и находится «босс».

Целый вечер Дорохов был крайне сосредоточен. Склонившись над большим листком бумаги, он рисовал схемы, что-то перечеркивал и снова рисовал. Эмма устроилась в кресле с книжкой в руках, стараясь не мешать Виктору.

За эти безумные пару недель она впервые предалась любимому развлечению – чтению женского детектива. Углубляясь все дальше и дальше в сюжет книги, Эмма почувствовала, что читает любимого автора без прежнего интереса. Обилие эмоций и множество фактических нестыковок. Не имеющие ничего общего с настоящей жизнью сюжеты противоречили элементарной логике. Всего этого она раньше просто не замечала.

Окунувшись с головой в настоящее приключение, в настоящий детектив, сразу становилось понятно, что все написанное от начала до конца выдумка, и автор имеет весьма смутное представление о том, о чем пишет.

Эмма долго размышляла над своим изменившимся отношением к писательнице, новые произведения которой она всегда ждала с трепетом. Неверно было бы критиковать автора. Женщина писала для таких же как она женщин, полностью погруженных в блага цивилизации, огражденных высокой стеной от повседневного мира насилия и борьбы с ним.

Кто из обывателей может похвастаться знакомством с хитроумным и неуловимым вором, заменяющим музейные картины на копии. Листая книгу, среднестатистическая читательница представляет себе его весьма хорошо и даже готова дать совет литературному герою. А какое наслаждение идти рука об руку с известным сыщиком и распутывать вместе с ним сложные уголовные дела, а иногда даже быть прозорливее, чем он.

Но в жизни все совсем по-другому. Если кого-то убивают, то это очень страшно, и этот страх сковывает сознание. Преступники лишены книжного лоска, они по большей своей части омерзительны и примитивны, как Гроссман. Другие могущественные враги будто смеются над тобой, переигрывая тебя во всем. Раньше Эмма, читая очередной женский детектив своего любимого автора, легко разбиралась в хитросплетениях сюжета и раздражалась от нерасторопности главной героини. Ей казалось, окажись она на ее месте, то и клубок расследования был бы распутан быстрее. На самом деле в жизни все было не так. Эмма оказалась беспомощна и, если бы не хорошие умные люди, встретившиеся ей, кто знает, что с ней бы стало.

От этих грустных размышлений ее спас Виктор, бодро провозгласив:

– Эврика!

– Эмма, я составил план действий, – строго начал он. – Давай разберем по крупицам все, что мы имеем.

– С удовольствием, – улыбнулась в ответ женщина.

– Перед нами две проблемы. Первая – как обезопасить себя от вездесущего «босса». Думаю, надо посадить себе на хвост людей Тейлора и попытаться повести их по ложному следу.

– Но если они знают, где портал, то как мы их направим в другую сторону?

– Знают или не знают, нам это неизвестно. Будем решать проблемы по ходу дела, по мере их приближения.

Эмма грустно опустила глаза и, запинаясь, спросила:

– Так почему ты воскликнул «Эврика»?

– А это решение второй нашей проблемы, – загадочно произнес Виктор. – Мне кажется, я нашел место расположения портала. Подходящих вариантов всего два.

«Центральный Академический Театр Российской Армии» и Покровский собор, называемый чаще собор Василия Блаженного. И там и там находилось тело верховного правителя империи.

– Но в театре никто не захоронен, – удивилась рассуждениям Виктора женщина.

– Верно, но мы имеем несколько подтверждений, что тело вождя пролетариата привозилось туда для осуществления каких-то манипуляций. Кроме того, нам известно место в здании, где два коловорота мчатся друг навстречу другу.

– А что с Храмом Василия Блаженного? – поинтересовалась Эмма. – Мы же там были и ничего интересного для нас не видели.

– Так мы и не искали, пробежали по нему второпях. Я даже не успел тебе рассказать, что традиционная история утверждает, что юродивый Василий жил в эпоху Ивана Грозного. Ходил нагим и имел дар провидения. Похоронен он был с северо-восточной стороны Покровского собора. Но некоторые исследователи, в том числе и я, полагают, что Василий Блаженный – это никто иной как, царь Иван IV Васильевич по прозвищу Грозный.

Дорохов ловко извлек свой ноутбук и стал зачитывать отрывки своих записей.

Оказалось, что царь Иван Грозный, прославившийся одним из самых жестоких правителей тех времен, на самом деле был редким гуманистом. Впоследствии его правление очернили сбросившие существующий строй Романовы. Потомкам они навязывают образ деспота и тирана.

Если обратиться к традиционной истории, а точнее к цифрам, то все они будут не в пользу Романовых – прозападных правителей. Но, как известно, окончательно замести следы редко удается. За 37 лет царствования Ивана IV – 3 тысячи казненных. То есть меньше ста человек в год. И это в громадной империи.

Это оказалось куда меньше, чем в то же самое время в «просвещенной и прогрессивной» Европе. В Британии было казнено 72 тысячи человек по указанию Генриха VIII. Этот «образованный и одаренный» правитель закрыл все монастыри в Англии и разграбил их.

По воле Карла IX Валуа за одну Варфоломеевскую ночь в Париже было вырезано более двух тысяч французских протестантов – гугенотов. За короткий срок по всей Франции было убито еще более 30 000 человек. 200 000 гугенотов бежали из страны.

Романовы продолжили свою политику очернения правления Ивана IV. На самом деле царь Иван отличался особой набожностью. Тяжело заболев, он отошел от дел и превратился в юродивого. Когда он умер, то по старой традиции захоронения царей был погребен при храме. Сам храм обрел еще одно имя – собор Василевса Ивана Блаженного. Слово «Василевс» в Византии, а на Руси «Василий» означало попросту «царь» или «император». Максимов об этом говорил. Усилиями Романовых блаженный стал «Василием», а его царское происхождение подверглось забвению.

Кроме того Иван Грозный сыграл важную роль в организации книгопечатания. По его инициативе было осуществлено строительство в Москве храма Василия Блаженного и других сооружений, созданы росписи Грановитой палаты. В то же время Иван IV верил в волшебство и чародейство.

– Так Покровский собор тоже подходит нам! – восторженно воскликнула Эмма.

– И в его пользу несколько простых аргументов. Это самый таинственный собор на территории России, не похожий ни на один другой. Сталин не позволил снести его, несмотря на то, что он мешал демонстрациям на Красной площади. Все другие объекты на площади снес, включая религиозные, а этот храм оставил и даже заставил реставрировать его.

– Да, да! Максимов говорил об этом. Это просто удивительно.

– Мы активировали «Копье Василевса» в забытом Иерусалиме, священном городе, на который указывал Александр Рунге. Так вот, в старину Покровский собор назывался «Иерусалим» и считался воплощением небесного града. Царь Иван был христианином, не утратившим Византийские традиции, а Ленин таковым не являлся. Более того, Василия Блаженного канонизировали, и он причислен к лику святых. Похожая ситуация наблюдается и на горе Бейкоз. Могила пророка окружена забором, на котором изображены знаки царского рода. Помнишь, что копьё обретает силу, когда ты стоишь в Византийской крепости и взор твой направлен на могилу пророка.

– Много совпадений, – радостно потерла руки Эмма.

– Только мы не видели в соборе никаких коловоротов, – задумчиво заметил Виктор. – Полы там истертые, и на них никаких рисунков.

– Не надо отчаиваться, – уверенно произнесла Эмма. – Давай поступать, как подсказал нам суфий Сафир. Будем проводить разведку на местности. Уже один раз судьба помогла обрести нам заветное «копье», почему бы ей не быть благосклонной снова.

– И еще, Эмма. Сейчас мне кажется странным то, что Максимов подталкивал нас к зданию театра, к мавзолею и почти ничего не сказал про храм Василия Блаженного.

– Но именно он и отметил, что собор был сохранен по особому распоряжению Сталина, – рассмеялась женщина над подозрительностью Дорохова.

– Да, пожалуй, – согласился Виктор. – Старик пытался рассказать все, что знает. Перепрыгивал с темы на тему, уходил в сторону, но о соборе, действительно, говорил.

На следующий день Эмма и Виктор на электричке добрались до Москвы и спустились в метро. Такой подземки женщина никогда не видела. Несколько раз она просила Виктора выйти на понравившейся ей станции и зачарованно изучала подземный дворец. Дорохов с радостью согласился сделать небольшую экскурсию по нескольким центральным, самым красивым станциям.

В четверть двенадцатого они вышли из метро на станции Достоевская. Театр возвышался буквально в нескольких десятках метров от выхода из метро. К радости Дорохова в этот день в малом зале шел детский спектакль и начинался он в 12-00.

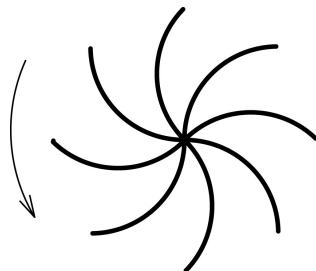
Пока Виктор стоял в небольшой очереди за билетами, Эмма внимательно рассматривала рисунок в центре холла, где и были изображены два восьмиконечных коловорота, направленные навстречу друг другу.

Внутри здание театра действительно было впечатляющим. До начала спектакля было довольно много времени, и они отправились изучать многочисленные залы, холлы и галереи. Множество помещений оставались за закрытыми дверями, но удалось увидеть большой и малый залы театра. Побродив до начала спектакля по зданию, Эмма и ее спутник покинули театр.

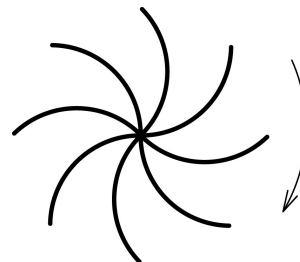
Они вновь спустились в метро и направились в центр города к храму Василия Блаженного. Женщину поразило тот факт, что собор устроен не так как другие церкви, какие она видела до этого. В свой первый визит она не обратила особенного внимания на это обстоятельство. Сегодня она смотрела на собор совсем другими глазами. Стены были расписаны узорами, напоминающими волшебные растения, увитые прекрасными цветами. Виктор пояснил, что первоначально все стены собора покрывали такие рисунки, но со временем облик храма был изменен.

Они долго ходили по небольшому зданию, пытаясь найти хоть что-то напоминающее коловороты. В какой-то момент они разошлись из-за многочисленной группы французских туристов. Эмма нырнула из одного помещения в другое, кружила по тесным коридорам и, наконец, буквально натолкнулась на неподвижно стоящего Дорохова. Он не произнес ни слова, лишь поднял указательный палец к потолку.

Женщина была потрясена, под самым куполом был изображен восьмиконечный коловорот закрученный против часовой стрелки, такой же как и на «Карте Рома». Ничего не говоря, Дорохов взял ее за руку и повел к выходу из музея.

коловорот, закрученный против часовой стрелки

коловорот, закрученный по часовой стрелке

Уже на улице, не сумев сдержать свое восторженное настроение, Эмма поцеловала Виктора и крепко сжала его руки. Со стороны они казались романтической парочкой, в

которой мужчина без конца фотографировал свою подругу на фоне московских достопримечательностей.

Они долго гуляли по Красной площади и, изрядно замерзнув, сели в такси около гостиницы «Метрополь».

Еще на даче Дорохов и Эмма договорились, что переедут обратно в московскую квартиру Виктора. Если за ними кто-то действительно будет следить, то пусть это будет в Москве, и пусть делают это в московском метрополитене, где любого иностранца видно за версту.

Эмму удивило это странное обстоятельство, на ее взгляд невозможно было определить, откуда человек приехал, но Дорохов пояснил:

– Принадлежность сегодняшней молодежи, действительно невозможно определить. Молодые москвичи, лондонцы, берлинцы похожи друг на друга, как две капли воды. Но люди старше тридцати пяти–сорока лет имеют явные отличия от своих зарубежных сверстников. Это едва заметные поведенческие стереотипы, оставшиеся с советских времен.

Из загородного дома они забрали деньги и документы, остальное по их плану впоследствии должен будет привезти Мастерков. В квартире Дорохова оставалась часть вещей Эммы, и с гардеробом у женщины не должно было возникнуть проблем.

Дома у Дорохова они переоделись и отправились в гости к Мастеркову. Причем приятеля Виктора в квартире не было, и этот шаг был заранее продуман и сделан из опасения слежки. Зная, что за ними наблюдает могущественное ЦРУ, вполне можно было предположить, что квартира Дорохова может быть на шпигована всякого рода шпионской аппаратурой.

Спустившись на два этажа вниз по лестнице, они оказались в квартире Мастеркова. Очень скромное жилище поражало своей чистотой и образцовым порядком.

– Гарик живет один? – поинтересовалась Эмма. – У него есть семья?

– Была, но несколько лет назад он расстался со своей женой Оксаной. Заурядная история, вечная тема бульварных романов. Мастерков часто уезжал из дома в довольно длительные командировки. Однажды он вернулся не вовремя. Я же говорю банальная ситуация.

– А как вы с ним познакомились?

– Дурацкий случай, – рассмеявшись, ответил Дорохов. – Я застрял в лифте накануне Нового года. Просидел почти час, пока не появился едва стоящий на ногах ремонтник. Бедолага уже вовсю праздновал, когда его вызвали. Рабочий долго ковырялся, но у него явно ничего не получалось. В какой-то момент я даже начал опасаться за свою жизнь. Кабина лифта медленно поползла вниз, и мне показалось, что она вот-вот рухнет с огромной высоты. Но все обошлось. Это Мастерков вызволил меня из плена.

– Твой друг не может пройти мимо чужой беды.

– Это точно, но за это ему часто достается. У нас даже есть пословица «не делай добра, не получишь зла». Он сделал всю работу за пьяного ремонтника и жутко перепачкался. Вышел из лифта я без четверти двенадцать и уже не мог добраться до своих друзей вовремя. Видя мою растерянность, и поняв в чем дело, он пригласил меня к себе домой встретить бой курантов. На удивление мой спаситель праздновал Новый год в одиночестве. На мой вопросительный взгляд он неохотно ответил, что месяц назад расстался с женой, и особой тяги к веселью у него нет. Мы выпили по бокалу вина, и я попытался заказать такси, чтобы добраться до ожидающих меня друзей. Но из этого ничего не вышло, свободных машин на ближайшие два часа не предвиделось.

– Новый год встречали два абсолютно незнакомых человека, – мечтательно произнесла Эмма. – Весьма романтично. Наверное, изливали друг другу душу?

– Что-то вроде того, но давай займемся делами. Слежки за нами я сегодня не заметил.

– Я тоже, но мы же с тобой не профессионалы. Людей этому специально обучают.

– Все равно давай придерживаться плана, выработанного нами в электричке, – подчеркнуто серьезно сказал Дорохов. – В этой квартире нам наверняка ничего не угрожает, так давай подведем итоги нашего с тобой сегодняшнего путешествия.

– Я до сих пор не могу отойти от дрожи, охватившей меня при виде коловорота.

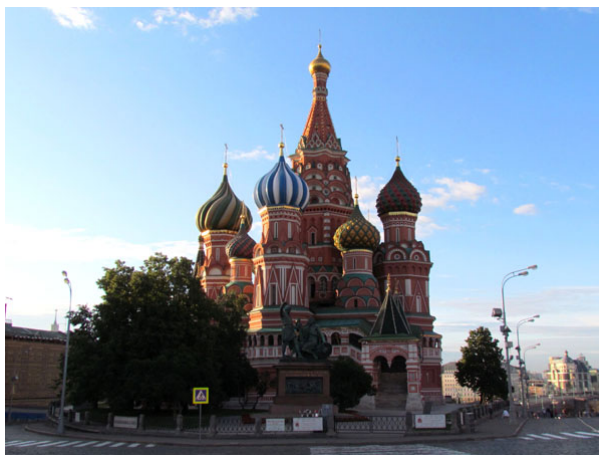
– Коловороты, – поправил ее Виктор. – Их в соборе три.

– Но ты мне показал только один, – изумилась Эмма.

– Но мы же соблюдаем конспирацию, – засмеялся Виктор. – Но ты не волнуйся, я все аккуратно сфотографировал.

Положив перед собой включенный фотоаппарат, Виктор на листе бумаги стал быстро что-то записывать. Он перещелкивал кадр за кадром и, наконец, поставив точку, пододвинул листок Эмме и кратко прокомментировал:

– Собор состоит из десяти церквей, собранных в единый комплекс. Девять церквей расположены на втором этаже, и одна церковь – на первом. Это церковь Василия Блаженного, она пристроена к основному зданию. Все церкви уходят вверх башнями. Таким образом, если смотреть на храм сверху, видна высокая центральная башня, окруженная восемью более низкими башнями. Подсознательно ощущается связь восьмилучевого коловорота с этим архитектурным ансамблем. Все башни увенчаны неповторяющимися куполами. Башня-колокольня нас не интересует, так же как и башня над церковью Василия Блаженного. Она была построена позже самого собора.

Эмма взяла список в руки:

1. Церковь Покрова Богородицы – расположена в центре и является самой высокой. Под куполом роспись, изображающая восемь расходящихся во все стороны двойных спиралей. Они напоминают рисунок ДНК.

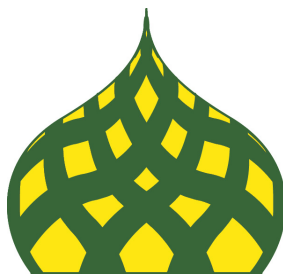
2. Церковь Входа Господня в Иерусалим – смотрит на Кремль. Изображение под куполом отсутствует.

3. Церковь Григория Армянского – под куполом изображен коловорот, закрученный против часовой стрелки, на куполе рисунок с двойным кручением навстречу друг другу.

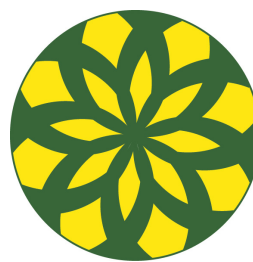

коловорот под куполом

купол вид сбоку

купол вид сверху

4. Церковь Киприана и Иустины – под куполом церковно-славянская роспись.
5. Церковь Трех Патриархов – под куполом церковно-славянская роспись.
6. Церковь Святой Троицы – под куполом изображен коловорот, закрученный против часовой стрелки, на куполе рисунок с кручением против часовой стрелки.

коловорот под куполом

купол вид сбоку

купол вид сверху

7. Церковь Александра Свирского – под куполом изображен коловорот, закрученный против часовой стрелки, на куполе рисунок с кручением по часовой стрелке.

коловорот под куполом

купол вид сбоку

купол вид сверху

8. Церковь Николы Великорецкого – под куполом церковно-славянская роспись.

9. Церковь Варлаама Хутынского – изображение под куполом отсутствует.

10. Малая церковь Василия Блаженного – под куполом церковно-славянская роспись.

– А почему под одними куполами есть коловороты, а под другими нет? – удивилась Эмма.

– Уверен, в свое время коловороты были во всех башнях, кроме центральной. Некоторые из них забелены-замазаны, на других – роспись. Осталось три. Все они выложены красным кирпичом на белом фоне. Мне кажется, надо сосредоточиться на башнях, на которых остались коловороты. По какой-то необъяснимой причине их оставили, а если верить Александру Рунге, то просто не могли затереть. И нам нужна одна из них, это и есть портал.

– И как мы ее найдем?

Дорохов широко улыбнулся и тихо добавил:

– Мы ищем место, где «ветры смогут дуть навстречу друг другу». Коловороты символизируют вихри, дующие в одну или другую сторону. Поэтому нам нужны два разнонаправленных коловорота, которые как бы накладываются один на другой, но один при этом расположен выше другого. Значит, нам надо отыскать второй коловорот, закрученный в противоположную сторону, и он должен быть выше первого, как на «Карте Рома».

– Купола! – в восторге воскликнула Эмма. – Как просто!

– Именно так! Церковь Григория Армянского не подходит. Ее купол содержит коловороты направленные друг на друга, и тогда их получается три. Церковь Александра Свирского тоже не подходит – там на куполе 12 лучей, а не восемь, как под куполом. А вот Церковь Святой Троицы подходит идеально. Ее восьмилучевой рисунок на куполе закручен в сторону, противоположную коловороту под куполом.

– Виктор! Но на фотографии рисунок на куполе Церкви Святой Троицы закручен против часовой стрелки, то есть туда же, куда и рисунок на потолке под куполом...

– Правильно, но только если ты смотришь на него сверху. Если же смотреть на оба коловорота с одной точки – например, снизу, то проекция лучей купола образует восьмиконечный коловорот, направленный по часовой стрелке, то есть в противоположную сторону. В точности как в вестибюле Центрального Театра Российской Армии – два разнонаправленных коловорота.

– Дорохов, наверное, ты прав, но я не очень понимаю.

– Смотри! – торжествуя сказал Виктор, рисуя на листе два коловорота направленных в одну сторону: против часовой стрелки. – На один из них мы смотрим снизу, а на другой – сверху.

– Ловким движением мужчина сложил лист бумаги на одинаковом расстоянии от коловоротов. Сложенные вместе две половинки листа наложили друг на друга рисунки коловоротов. Подняв листок к свету, Виктор удовлетворенно улыбнулся.

– Удивительно! – вырвалось у Эммы. – Это просто волшебство! Теперь они направлены навстречу друг другу. Ты гений!

– Спасибо Эмма, но мы не знаем, существует ли определенное время для процедуры инициации. Возможно, существует день и час для перехода в другое измерение. Нам надо встретиться с Максимовым, думаю, он нам сможет помочь.

На следующее утро, придерживаясь ранее задуманного плана, Эмма и Виктор отправились к Центральному Академическому Театру Российской Армии на Суворовской

площади. Пока они ехали на метро в центр города, предприимчивые люди пытались дважды продать пассажирам поезда какие-то безделушки, но Эмму поразила девочка-попрошайка. Это был ребенок лет двенадцати, плохо одетый, с черными грязными спутавшимися длинными волосами. На руках она держала завернутого в тряпье младенца.

Эмма не удержалась и протянула девочке сто рублей. Во взгляде ребенка не было благодарности. Глаза девочки выражали усталость и безразличие. Ловким движением сунув деньги в карман, девчушка отправилась за новыми подаяниями.

В этот раз они специально много фотографировали здание театра, особенно его противоположную сторону, где были найдены загадочные рельсы. Дорохов вновь встретился с Кондратием Стешиным и проговорил с ним не меньше пятнадцати минут. Проведя больше часа у театра, Эмма и Виктор отправились к Максиму, с которым созвонились и договорились о встрече ранним утром.

– Заходите, дорогие мои, – голос Георгия Ивановича звучал весело. – Жду не дождусь рассказа о ваших приключениях.

Виктор приложил указательный палец к губам, прося ученого ничего не говорить, и направился не на кухню, а в кабинет. Максимов недоуменно посмотрел на гостя, но встретившись с ним глазами, согласно кивнул головой.

Расположившись за большим столом, Дорохов достал диктофон и включил его. Из динамика раздался голос Виктора: «Георгий Иванович, слава богу, все позади и мы очень рады вас видеть. Позвольте мне подробно рассказать о нашем путешествии...».

В то же время гость вытащил отпечатанный лист бумаги и протянул его Максиму.

«Мы полагаем, что за нами действительно следят. Сегодня мы заметили странного типа, слоняющегося у Театра Российской Армии. Такое ощущение, что мы его уже видели. У нас есть фотографии, посмотрите, есть ли среди них тот человек, который приходил к вам?»

Профессор, просмотрев фотографии, отрицательно покачал головой и продолжил чтение.

Мы полагаем, что портал находится в Церкви Святой Троицы, расположенной в Храме Василия Блаженного. В ней мы нашли коловороты, направленные навстречу друг другу.

Мы с Эммой решили, если за нами следят и прослушивают наши разговоры, то нам надо дать противнику ложный след.

На аудиозаписи, проигрывающейся сейчас в диктофоне, я рассказываю о путешествии в Турцию, опускаю некоторые детали, и убеждаю вас, что место перехода находится в Центральном Академическом Театре Российской Армии. После того, как вы дочитаете это письмо, мы будем говорить свободно, но не забывайте, что говоря «театр», мы с вами подразумеваем храм Василия Блаженного на Красной площади».

Потрясенный Максимов после прочтения бумаги переводил восторженный взгляд поочередно с Эммы на Виктора.

Голос в диктофоне замолчал, но ученый все еще не мог вымолвить ни слова.

– Вот такая история, – помогая хозяину дома прийти в себя, заговорила Эмма. – Сейчас за нами уже никто не охотится, и мы можем спокойно разобраться в происходящем. Нам известно месторасположение портала.

Церковь Святой Троицы

коловорот под куполом
(вид снизу)

купол
(вид сверху)

Согните лист по линии сгиба и посмотрите на свет
со стороны красного коловорота.

Произнося последнюю фразу, женщина вытащила из сумки «Карту Рома» и положила ее на стол. Затем медленно и осторожно сняла с шеи золотой цилиндрик. Дрожащими руками Максимов поднял его перед глазами. Эмма помогла открыть его, и взору профессора предстало «Копье Василевса». С большой осторожностью он вернул «копье» Эмме и взял в руки шкатулку. Профессор с почтением, медленно провел своей ладонью по ее поверхности. Он долго и с наслаждением рассматривал ее. Затем принялся читать надпись на арабском языке.

Эмма и Виктор внимательно наблюдали, как Максимов пытается разгадать код. Несколько минут ученый что-то записывал на бумажке и затем торжественно пододвинул к ним листок с написанным кодом 417. Эмма восхищенно кивнула и взяла шкатулку в руки.

Через мгновение она раскрылась, и взору ученого предстала внутренняя часть «Карты Рома». Он внимательно изучал рисунки, а затем вопросительно взглянул на своих гостей.

– Перед вами «Карта Рома», – к ужасу Максимова, произнес Дорохов.

Виктор жестом ему показал, что не о чем беспокоиться, и это признание является частью задуманного им плана.

– Но мы не можем понять, есть ли конкретный промежуток времени для инициации. Мы полагаем, что это может быть связано с фазой Луны. Вероятно, лунный серп должен соответствовать рисунку на «Карте Рома». Но это слишком очевидно. Если все так просто, то зачем код на этом металлическом ящичке?

– Код достаточно простой, – спокойно отвечал Максимов. – Он, что называется, от случайных кладоискателей. Что касается определенного времени для начала перехода, то, вероятно, оно существует. В дневнике Карла Рунге сказано: *«Стоять необходимо в том месте, где ветры смогут дуть навстречу друг другу, и быть центром движения вверх. Чужая планета, глядящая неотрывно, должна полностью раскрыться. Копье должно поразить «Карту Рома» и совершить полный оборот вокруг себя»*. Мне кажется, что речь здесь идет о новолунии, точнее о предноволунии, и вот почему. Якорный крест во многих старинных трактатах интерпретируется, как предноволуние. Последняя уходящая фаза Луны заканчивает цикл и стремится превратиться в полную Луну, не видимую с Земли. Якорный крест показывает переход серповидного месяца в новое состояние. В этот момент Солнце, Земля и Луна находятся на одной прямой. Но, позвольте, это произойдет уже завтра, и я полагаю, что в полночь.

– Мы будем готовы профессор, – уверенно произнес Виктор.

– Черт возьми, – такими словами нетрезвый Тейлор начал собрание сотрудников. – Мы не первый день в Москве, и каковы результаты? Мы топчемся на месте. Куда пропала Эмма Рунге? Кто мне ответит на этот вопрос?

Отдел ЦРУ 4268 собрался в полном составе в «люксе» московской гостиницы Холидей Инн. Этот двухкомнатный номер являлся временным импровизированным штабом отдела. К чести Тейлора, кроме роскошного «люкса» он снял четыре скромных номера для размещения сотрудников, не делая исключение для себя.

– Позвольте мне, сэр, – слово взял заместитель начальника Патрик Стоун. – В свое оправдание могу лишь сказать, что потеряли мы мисс Рунге совсем ненадолго, и сегодня опять она под нашим наблюдением. Вы знаете, что наши ресурсы в этой стране ограничены. Пришлось воспользоваться услугами гражданина США, несколько лет живущего в Москве. Он давно завербован ЦРУ, но он не профессионал. Параллельно с ним в слежке участвовали Линда и Смит, но они не знают город, и им было трудно ориентироваться. Мы знаем адрес русского друга мисс Рунге, господина Дорохова. Линда вчера проникла в его пустующую квартиру и установила прослушивающую аппаратуру, но это результатов пока не принесло.

– Вы уже докладывали, – отмахнулся Тейлор. – Что еще?

Стоун продолжил:

– Сегодня агент наблюдал, как господин Дорохов вел беседу с каким-то рабочим из Театра Российской Армии. Он полагает, что Дорохов заплатил ему за что-то или передал записку. Вы также знаете, что мне удалось проникнуть в квартиру к профессору Максиму и установить прослушку. Полчаса назад мы получили нужный нам результат, поэтому я и попросил о встрече с вами. Спасибо Линде, она в это время дежурила и сразу же позвала меня.

– Так что же вы молчали, – прошипел Тейлор.

Патрик Стоун включил ноутбук с записью недавней встречи в квартире Максимова. Все слушали внимательно, а Линда успевала еще и конспектировать.

– Что мы предпримем босс? – выключая магнитофон, спросил Стоун.

– Хочу услышать предложения от каждого из вас, – устало отозвался начальник отдела.

Первой выступила Линда Шапиро:

– Мы знаем место и время предстоящих событий. Логично было бы снять наблюдение, чтобы не спугнуть Эмму и ее друга. Сейчас стало очевидно, что Дорохов заплатил деньги рабочему, чтобы ему ночью открыли дверь театра.

Немного поколебавшись, Линда спросила:

– Простите, сэр, давать советы в этом случае крайне затруднительно. Только что мы узнали, что некая «Карта Рома» уже найдена. Судя по вашей реакции, вы были об этом осведомлены, но нам ничего не сказали. Это ваше право, сэр. Мы выполняем ваши приказы, но нам будет намного легче их исполнять, если вы объясните нам, что происходит. Скажу откровенно, Патрик Стоун, Генри Смит и я в недоумении. Мы задаем себе вопрос, зачем мы гонимся за Эммой Рунге, что нам от нее надо.

– Гм... – обреченно промычал Тейлор. – Я вижу, что все вы несколько раздражены. Я сам не до конца понимаю, что мы ищем. Нет смысла скрывать, вы сами видели, как ко мне в кабинет ворвался разъяренный генерал НАСА. Отчитал меня, как мальчишку. Все вы знаете о его внезапной гибели.

Тейлор обхватил руками голову и жалобно воскликнул:

– Боже, о его смерти даже объявили в новостях. Генерал Савски приказал мне разрабатывать это дело, следить за Эммой Рунге вплоть до того, пока она не найдет этот загадочный портал. Каждый день мы были с ним на связи, и он контролировал процесс полностью. Но с его смертью приказы прекратились. И, честно говоря, я не знаю, что делать дальше.

– Послушайте, Курт, – осторожно начал Стоун, – мы давно вместе с вами служим. Вы честный исполнительный офицер, и не ваша вина, что генерал использовал вас втемную. Вы в свою очередь были вынуждены многое не договаривать нам, вашим подчиненным. Я, наверное, как и каждый из нас, много раз прочитал записи Рунге и допускаю, что загадочные порталы в другие миры существуют. Недаром этим занимался сам Савски. Вам доверили расследование, и это говорит о том, что генерал был уверен, что вы справитесь с этим заданием. Вы говорите, что приказы прекратились. Из этого следует, что воспоминаниями Рунге занимался лично Савски, не доверяя никому из своего окружения. Сейчас вам все следует взять в свои руки и закончить начатое.

– Вы правы, – ободренный речью своего подчиненного заговорил Тейлор. – Надо взять себя в руки и выполнить приказ, а он такой – следить за мисс Рунге и найти этот чертов портал. Я скрыл от вас по приказу Савски, что «Карта Рома», скорее всего, была найдена. По версии генерала Дорохов и Рунге могли отыскать ее в Турции. Как он это узнал, ума не приложу. На стамбульской таможне проверили их багаж, но ничего не нашли. Могу еще лишь добавить, что генерал не сомневался в существовании портала и, судя по всему, говорил мне много меньше, чем сам знал. Раз такое дело, давайте разбираться сами, что думаете вы, Смит?

– Я рад, что положение немного прояснилось, – ответил Генри. – Наша задача наблюдать и, если Эмма Рунге откроет это портал, то зафиксировать это событие. Я не совсем согласен с Линдой, полностью слежку снимать нельзя. Можно работать не так плотно, чтобы не выдать себя. Я прав, Патрик?

– Рискованно, – задумчиво протянул Стоун. – Но я с вами согласен, необходимо...

– Подождите, – радостно вмешалась Шапиро. – Мой пейджер показывает, что в квартиру Дорохова только что вошли.

– Включи аппаратуру на громкую связь, – приказал Тейлор.

Линда бросилась к ящику, напоминающему ноутбук, только вместо клавиатуры у него были большие светящиеся кнопки.

Комнату пронзил очень громкий мужской голос: «Эмма, приготовить тебе кофе?»

– Бог не оставил нас, – облегченно выдохнул Курт Тейлор. – Сделай чуть потише. Линда, вы молодец, организуйте круглосуточное прослушивание.

– Есть, сэр, – радостно отозвалась Шапиро.

Было решено дежурить посменно по восемь часов: первые часы за Линдой, потом ее сменит Стоун, затем Смит. Слежку за домом поручили тому самому агенту, проживающему в Москве.

Весь следующий день Эмма и Виктор провели, не выходя из квартиры. Они довольно часто обсуждали детали будущего ночного визита в «театр». Подтвердилось и то, что им действительно должны открыть дверь в половине двенадцатого ночи. Их большим беспокойством была возможная слежка от их дома до места ночного визита. Они собирались сесть на метро, затем выскочить на какой-то станции и пересесть в машину. С их слов получалось, что автомобиль уже будет ждать их в условленном месте. На вопрос Эммы, что за станция метро, Дорохов рассмеялся и сказал, что она все равно ее не выговорит.

Это обстоятельство сильно беспокоило начальника отдела, но еще больше внезапное отравление Патрика Стоуна и Генри Смита. Еще за завтраком все весело шутили и предвкушали предстоящую операцию, но буквально через два часа у его сотрудников поднялась очень высокая температура. Диагноз вызванного к больным врача – острое отравление. От госпитализации оба отказались.

Время от времени Тейлор чувствовал на себе тяжелый взгляд Линды, сидящей у прослушивающей аппаратуры. Обстоятельства, конечно, против него. Сначала Савски, а теперь сразу двое, и это перед началом операции. Понятно, что Шапиро подозревает его, а он ее. В конце концов, если ночная операция осуществится, то это многое решит.

Не выдержав, Тейлор обратился к сотруднице:

– Линда, мне надо с вами поговорить.

– Я тоже так думаю, – снимая наушники, отозвалась женщина.

– Возможно, это отравление неслучайно, и тогда Стоуна и Смита отравили либо вы, либо я. Всего два варианта. Больше подозрений на меня, Савски умер вскоре после нашей с ним склоки.

– Все так, – медленно проговорила Линда. – Я долго анализировала произошедшее. Патрик и Генри пили за завтраком апельсиновый сок, а мы с вами, как всегда, простую воду. В остальном наш завтрак был одинаковым. Я не видела, чтобы вы что-то подмешивали в сок, да это было и невозможно сделать. Я тоже все время находилась у вас на глазах. Может официант принес отравленный сок?

– Вы считаете, что это русские нас отравили? – криво усмехнулся Тейлор.

– Нет, я полагаю, что нас всех пытался отравить тот, кто отравил генерала Савски. Мы все вчера решили, что генерал вел законспирированное и чуть ли не личное расследование. Даже для нашего посольства в Москве мы всего лишь туристы. Но кто тогда раздобыл для него информацию о найденных в Турции реликвиях?

Тейлор с удивлением заметил:

– Вы правы. Незвестный обшарил гостиничный номер в Иерусалиме, и еще кто-то поработал в Турции. Савски был не один, и, вероятно, здесь работает еще одна группа. Так что же делать?

– Пойдем до конца! – уверенно произнесла Линда. – Сделаем работу и тогда выясним, кто нам мешает.

– Очень высок риск, – замялся Тейлор.

– Вам решать, – жестко парировала женщина. – Все обстоятельства против вас. Я же пойду до конца, мне не все равно, кто отравил моих коллег.

– Я не отказываюсь, – тяжело вздохнул мужчина. – Давайте проработаем детали.

Они долго обсуждали детали операции и пришли к выводу, что бесполезно следить за Дороховым и Рунге. Видно, начитавшись шпионских романов, они разработали неплохой план для ухода от слежки. Было решено поджидать их у театра. Если появятся конкуренты, то действовать по обстоятельствам.

Перед выходом из отеля они посетили Стоуна и Смита. Обоим стало легче, температура немного спала, но они были слишком слабы, чтобы участвовать в операции.

Дорохов и Эмма вышли из дома ровно в девять часов вечера и медленно отправились к метро. Проехав несколько остановок, они выбежали на улицу и пересели в автомобиль Мастеркова. Машина резко рванула и помчалась по старым переулкам города.

Через полчаса Гарик сбросил скорость и насмешливо доложил:

– Господа разведчики, к сожалению, за вами никто не следил. Предлагаю постоять в тихом переулочке, чего зря бензин тратить.

– Это хорошая новость, – с напускной веселостью ухмыльнулся Виктор. – Теперь и в переулочке можно постоять.

Пытаясь скоротать время и развлечь Эмму, Дорохов рассказал о своем походе в спортзал вместе с Мастерковым.

– Гарик уговорил меня посещать наш местный спортивный зал. Мы оба отправились туда впервые. Глядя на Мастеркова, ты, Эмма, понимаешь, что этот медведь регулярно таскает в зале тяжести, но ходит он в фитнес-центр где-то рядом со своей работой. Мы решили заниматься вместе, так вроде веселей.

– В этот день продавали два абонеента по цене одного, – укоризненно поправил своего товарища Гарик. – И это была твоя идея. В спортивном клубе был юбилей со дня открытия, и они предложили скидки.

– Не перебивай, какая сейчас разница кто предложил идти в клуб. Главное, что там проходили праздничные соревнования. Мы попотели некоторое время на тренажерах, и Гарик повел меня учиться жать штангу лежа. Есть такое упражнение – лежишь на скамейке и выжимаешь штангу вверх. Мы подходим к тому месту, где расположены эти скамейки, а там много народу, и все занято. Мастерков подошел к той, где почти никого не было, и, как я сейчас понимаю, немного размялся. Я же наблюдал со стороны, под такую огромную штангу залезть я не рискнул.

– Но я же предлагал, – весело пробурчал Гарик.

– Предлагал? Предлагал прервать мою молодую интересную жизнь! Итак, Гарик размялся и ходит взад-вперед – ищет освободившуюся штангу, а там прямо очередь. Короче, освободилась там одна, и он под нее залег и выжал раз, наверное, десять. Я смотрю, вся эта толпа вокруг скамеек затихла и за Мастерковым наблюдает. Наш Гарик бодро вскочил и пошел к следующему тренажеру. Вижу, что-то не так. Толпа по-прежнему молчит и провожает его взглядами. Я человек любопытный, подошел и спросил, что произошло. Оказалось, у них соревнование по жиму лежа, и последний вес был подготовлен под местного чемпиона, тренера этого клуба. Он готовился к рекорду и эта скамейка со штангой некоторое время пустела.

– Единственная пустая была, – добродушно признался Мастерков. – Я же не знал, что так получится...

– Нет тебе оправданий, – едва сдерживая смех, перебил друга Дорохов. – Чемпион готовился выжать штангу один раз и предвкушал овации со стороны собравшихся. Тут появляется Гарик и тягает штангу, как на разминке. Местный чемпион так расстроился, что даже не воспользовался своей попыткой...

– Ой, звонит телефон, – всполошилась Эмма. – Это телефонный аппарат Сафира.

– Алло! – в трубке, переключенной на громкую связь, раздался тревожный голос шейха. – Это Сафир.

– Здравствуйте, это Эмма. Что-то случилось?

– Мне позвонил мой человек, он сейчас в Москве. Его и еще одного сотрудника отдела, занимающегося вами, сегодня отравили. У него очень слабый голос, но, надеюсь, все будет с ним в порядке. Он полагает, что «босс» – это их начальник Курт Тейлор. На присланных мною фотографиях он старше всех по возрасту и, если помните, он, скорее всего, левша. С вами все в порядке?

– Да, у нас все нормально. Сегодня в полночь все решится, мы нашли нужное место.

– Не сомневался в ваших способностях. Буду молиться за вас.

– Спасибо, Сафир.

После телефонного звонка шейха Дорохов обеспокоенно процедил:

– Интересно, что у них там происходит. Впрочем, пора выдвигаться, Гарик, поехали потихоньку. Высадишь нас в переулке у ГУМа.

– Может мне с вами пойти? – осторожно осведомился Мастерков.

– Ни в коем случае, – возразил Виктор. – Ждешь, как договорились, до трех часов ночи, затем звонишь мне. Если телефон не отвечает, вызываешь полицию, говоришь, что грабят храм Василия Блаженного.

– А если не поверят?

– Как не поверят? – удивился Дорохов. – Это же Красная Площадь, примчатся в пять минут.

Дорохов медленно открыл тяжелую входную дверь храма Василия Блаженного, и они вошли внутрь. Слабый свет едва освещал ступеньки.

– Куда подевался охранник? – обеспокоенно прошептала Эмма.

– Не знаю, – тихо отозвался Виктор. – Хочешь вернуться?

– Ну, уж нет! Надо все это закончить прямо сейчас.

Через минуту они уже стояли под куполом Церкви Святой Троицы. Эмма вытащила из сумки шкатулку и поставила ее на каменный пол.

– Сколько у нас еще времени? – испуганно спросила она. – Мне немного не по себе, ноги дрожат.

– Не стоит бояться, мисс Рунге, – резкий незнакомый голос разорвал тишину храма. – Времени достаточно.

Одновременно вспыхнули несколько ярких ламп, осветив башню сверху донизу.

Из темноты вышел импозантный высокий мужчина, одетый в дорогой строгий костюм.

– Я Патрик Стоун, и мне очень приятно познакомиться с такой красивой, умной и отважной женщиной. Но вначале разговора мне хотелось бы забрать у вас пару вещей, принадлежащих мне.

– У меня вашего ничего нет, – неожиданно твердо ответила Эмма.

– Ошибаетесь, красавица, – продолжал мужчина. – «Карта Рома» и «Копье Василевса» по праву принадлежат мне. Не хотите отдать по-хорошему, значит, будет по-плохому.

В руке Стоуна появился предмет, напоминающий пистолет.

– Положите «копье» на шкатулку и отойдите к стене, – злобно прорычал американец.

Забрав шкатулку и золотой цилиндр, он попятился к противоположной стене. Рассматривая старинные предметы, он восхищенно заметил:

– Вы даже не представляете, что это на самом деле. За этими вещицами я гонялся много лет и почти отчаялся их найти. Но судьба мне подарила вас, мисс Рунге, и за это я ей бесконечно благодарен. Настолько благодарен, что оставляю вас в живых и вашего русского друга тоже. Вы оба столько для меня сделали, что было бы невежливо вас убивать.

– Что вам от нас надо? – с откровенной неприязнью в голосе спросил Виктор.

– Правильный вопрос, – усмехнулся Стоун. – Вы умный человек и такой изобретательный. Чего только стоила ваша игра в шпионов. Насколько я понимаю, по вашей задумке я должен был сейчас мерзнуть у дверей театра. Но я люблю спектакли, и это моя слабость. Я предлагаю откровенность за откровенность, даю слово, что ничего от вас не утаю. Первым могу начать я, у нас еще уйма времени.

– Ну, а чем мы вам можем помочь? – спокойно поинтересовался Дорохов. – У вас и «карта» и «копье».

– Меня интересуют некоторые ничтожные детали, и за них я сохраню вам жизнь, а сам отправлюсь в далекое путешествие.

– Мы согласны, – сказала Эмма.

– Долгое время я работал в разведке на Ближнем Востоке. Тесно общался с разными людьми. Там я и узнал о существовании «Карты Рома» и о «звездных вратах». Вы их называете порталами времени. Сначала, это выглядело как легенда, но судьба меня свела с одним человеком, и он рассказал о Валленштайне. Не буду углубляться в детали, но мне в руки попали копии записей этого нацистского преступника. Как и положено, я сообщил о находке по инстанции. Похоже, это никого у нас особо не заинтересовало, но через год в Каире я встретился с человеком, которому мой доклад был крайне интересен. Он поинтересовался, есть ли еще записи Валленштайна или подобные им. Я тогда ответил, что не знаю, а подобным поиском навлеку на себя подозрения. Этот человек, офицер НАСА, самостоятельно предпринял поиски, и суфийскому ордену, естественно, об этом стало известно. Они подсунили отрывки подлинных записей, и еще больше заинтересовали того офицера. Видите, мисс Рунге, в какую кашу вы попали.

– А почему вы решили, что орден вам подсунул информацию? – стараясь быть бесстрастной, спросила Эмма.

– Вижу, мисс Рунге, вам уже интересно, и упоминание о суфийском ордене для вас не абракадабра. Значит, вы с ними встречались, спасибо за откровенность.

– Но я ничего не сказа...

– Конечно, ничего не сказали, но я продолжу. Скажу откровенно, мы это выяснили совсем недавно и вычислили их человека. Им оказался сотрудник нашего отдела в ЦРУ. Но все по порядку. У меня произошли неприятности с моей агентурой на Ближнем Востоке, и мне пришлось уехать домой в Штаты. Уже знакомый мне офицер НАСА поведал о Карле Рунге, упоминаемом в дневниках Валленштайна. Так я попал в специальный отдел с его легкой руки. Через непродолжительное время мне стало понятно, что он ведет собственную игру, и НАСА об этом мало, что знает. Я был его единственным доверенным лицом можно сказать. Теория порталов, так называемых мест перехода, много столетий занимала умы человечества. Одни люди пытались построить машину времени, другие искали ее в древних подземельях. Но никому не приходило в голову, что мы ходим мимо них и не догадываемся об их предназначении.

– И вы тоже стали работать на себя, а не на систему, – усмехнулся Виктор.

– Естественно, – парировал Стоун. – Я же умный человек. Меня очень заинтересовал Карл Рунге, особенно его чудесное исцеление, впрочем, как и сама его внезапная болезнь. На такие чудеса способны суфийские мастера, но Рунге не мог с ними встречаться, а вот его отец имел с ними контакт. Из этого мы сделали простой и понятный вывод – дневники Александра Рунге существуют. Признаюсь, это не моя заслуга, тогда я еще не работал в отделе. Этим занимался мой начальник, очень могущественный человек. К сожалению, все наши усилия по поиску дневников оказались тщетны. Но вот умирает Карл, и на свет появляются заветные записи.

– Ваш начальник – Курт Тейлор? – осведомилась Эмма.

– Вот, я ждал от вас откровенного разговора, – удовлетворенно воскликнул Стоун. – Вам же многое известно. Но Тейлор пешка, а мой начальник – генерал НАСА. Я думаю, что вам даже известно его имя.

– Мы знаем, что это вы убили генерала Савски, – спокойно заметил Дорохов.

– Не переигрывайте, – поморщился Стоун. – Я этого не люблю. Откуда вам знать. Не забывайте, что это моя пьеса. Я автор, а вам выпало счастье играть в ней. Савски честолюбивый идиот. Примчался к Тейлору, устроил скандал, сказал лишнее и, как я понял, готов был пожертвовать мной. Он потерял мое доверие. После их встречи с Куртом, я встречался с генералом, но он высокомерно указал мне на мое место. И это после всего, что я для него сделал. Пришлось применить одно замечательное восточное зелье, кстати, в ближайшие часы его обнаружат в кабинете Тейлора. Подозрение в убийстве генерала ляжет на Курта Тейлора, а не на меня.

– А Сьюзан, за что вы ее убили? – с ненавистью воскликнула женщина. – Разве за эти записи стоило убивать? Вы же могли откупиться!

– Бедняга Гроссман, – удовлетворенно произнес Стоун. – Болтлив, самонадеян и глуп. Он думает, что я не знаю, где он. Я очень удовлетворен нашим диалогом, мисс Рунге. Но я не собирался убивать Бековски...

– Но это сделано и вашими руками, – презрительно прошептала Эмма.

– Мне нравится, когда вы злитесь, в этот момент вы особенно красивы. Вы защищаете предательницу, которая сделала вашу жизнь кошмаром. Не стоит о ней жалеть, она получила по заслугам. Гроссман, наверное, вам рассказал, что детектив Мартенс трагически погиб.

– Вы бессовестный и страшный человек, – тихо произнесла Эмма. – Не сомневаюсь, что это вы его убили.

– Все так, но перед смертью он меня умудрился обмануть. Он обещал мне отдать рисунки из тетради, уверял меня, что они у него есть. Я поспешил, и уже не у кого было спросить, почему в переданном мне конверте лежали наскоро сделанные чертежи из школьного курса физики. Все это усложнило ситуацию. Пришлось Гроссману лететь за вами в Израиль.

– Вы знали, что надо ехать в Стамбул? – проявляя любопытство, спросил Виктор.

– Догадывался, – воодушевленно признался Стоун. – И очень рад, что на шахматной доске появилась такая фигура как вы. О такой фигуре мечтает каждый серьезный игрок. В моем спектакле вы – главный герой, жалко на мне нет шляпы, а то бы я ее снял перед вами.

– Перестаньте паясничать, – сухо заметил Виктор. – Вы плохой человек, да и игрок посредственный. К профессору Максиму приходили, видимо, вы, а он сразу понял, кто вы такой, несмотря на ваш грим.

– Не было грима, это выдумка, – несколько наигранно произнес Стоун. – Профессор, ваш выход.

Из темноты появился щегольски одетый, гладко выбритый Георгий Иванович Максимов. Он уверенно стоял на своих ногах и хитро улыбался. Максимов неожиданно оказался высокого роста.

– Всегда любил такие моменты, – трагически вскричал Стоун, наслаждаясь растерянностью на лицах Эммы и Виктора. – Не судите Максимова слишком строго. Он также как и я склонен к излишней драматизации. Профессор три месяца ползал по квартире в инвалидной коляске после нападения на него во дворе дома, но, выздоровев, ее не выбросил. Это была его идея встретить вас недееспособным человеком. Прекрасная постановка, не правда ли? Жалость вызывает доверие, что и требовалось доказать.

– Максимов, вы омерзительны, – гневно прошептала Эмма.

– Не стоит винить профессора, – расхохотался Стоун. – Я пришел к нему раньше вас и сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться.

– Так зачем эти игры с «американским дядюшкой»? – не удержался Дорохов.

– Но надо же было вас стимулировать на дальнейшие действия, – весело продолжал американец. – Успех пьесы зависит от количества заложенных в нее интриг. Правда, Георгий Иванович слегка переигрывал, но его положение инвалида оставляло его вне подозрений. Вам пришлось признаться, что «Карта Рома» у вас, да и другие ваши откровения были мне на руку. Вы даже себе не представляете, как вы мне помогли вашей выходкой с диктофоном. Мои коллеги из ЦРУ многое в тот день узнали, хотя я этого и не планировал. Но благодаря вам сейчас они дежурят у здания театра. По нашей с Максимовым задумке комната прослушивалась, и профессор мог говорить с вами о делах только на кухне. Но вы всех удивили.

– А я вам верила, Георгий Иванович, даже когда Виктор усомнился, – мрачно призналась Эмма.

– Вы знали, где была скрыта «Карта Рома»? – спросил Дорохов американца.

– Признаюсь, не знал, – тут же ответил на вопрос Стоун. – Мне было известно, что «карта» и «копье» спрятаны вместе, и они должны находиться на территории нынешней Турции. Более того, у меня есть доказательства, что святыню передал султану Сулейману московский царь Иван IV.

– Не может быть, – возразил Виктор.

– Все именно так, – тихо, но отчетливо произнес Максимов. – Точнее, он ее вернул обратно. Это было время начала великой смуты на Руси. В традиционной истории излагается, будто смута началась чуть позже, после смерти царя Ивана, но это не так. Это сделали Романовы, чтобы оболгать легитимную власть царей-ханов, главным образом Годуновых. Это и понятно, Годунов нещадно преследовал клан Романовых. Иван Грозный и Сулейман находились в прекрасных отношениях, и в переписке называли друг друга не иначе как брат-император. Этому союзу способствовал и счастливый брак турецкого правителя с близкой родственницей русского царя.

– Роксоланой? – не удержалась Эмма.

– Да, с любимицей царя Василия – отца Ивана IV, – мечтательно произнес американец. – Девушка подчинилась воле своего опекуна. Говорят, что Сулейман влюбился в нее без памяти в первый же вечер, но она оставалась холодна. Будучи опытным и умным мужчиной, он не торопил события, вот что значит умение ждать.

– Профессор, – вступил Дорохов. – Мне трудно поверить, что Сулейман Великолепный называл своим братом Ивана Грозного.

– Ну, отчего же, – с энтузиазмом отозвался Максимов. – Великая Византия давно рухнула, и два ее самых могущественных осколка не имели никакого желания воевать друг с другом. Напротив, они укрепляли свои связи. Сулейман не воевал против России. Были спорные моменты с крымским ханством, но с кем не бывает. На самом деле Сулейман воевал в основном в Европе, а царь Иван наводил порядок в Поволжье и Сибири. Попотел

царь Иван и с мятежной Казанью. Считается, что в честь взятия Казани был построен великолепный и загадочный Покровский собор. «Карта Рома» и «Копье Василевса» обретали там свою силу, а царь стал человеком набожным и странным, одним словом «блаженным». Не на пользу ему пошло путешествие в другой мир.

– Но как Византийские реликвии попали в Москву? – не унимался Виктор.

– Было очевидно, что именно христианская Москва станет преемником Константинополя, судьба которого была предreshена, – несколько удивился вопросу Максимов и с удовольствием пояснил: – Уже после падения Царьграда наследница Византийского трона София Палеолога вышла замуж за русского царя. Она, кстати, была бабушкой Ивана Грозного.

– Это дочь родного брата последнего императора Константинополя – Константина, убитого при взятии города, – обращаясь к Эмме, пояснил Дорохов. – Брата звали Фома, и у него было два сына и дочь. После смерти Фомы сыновья Андрей и Мануил не преуспели на политическом поприще. И к всеобщему изумлению Мануил добровольно вернулся в Стамбул ко двору султана Баязида II, где был обласкан правителем...

– И с этого времени, – перебил Дорохова Стоун, – возникают особые отношения между Москвой и Стамбулом. – Профессор! У нас остается совсем немного времени, и экскурс в русскую историю надо заканчивать.

– Последний вопрос Максиму, – обращаясь к американцу, попросил Виктор.

Тот великодушно кивнул.

– Профессор! О портале вы узнали от нас или вы предполагали, что он здесь?

– Вы мне, конечно, помогли, – ухмыльнулся Максимов. – Считается, что могила Ивана IV была найдена в 1963 году в Архангельском соборе Кремля. Но на самом деле была вскрыта гробница Ивана III, захороненного в этом соборе. Иван III тоже имел прозвище «грозный». Иван IV захоронен здесь, в Покровском соборе. Я был почти уверен, что портал находится здесь.

– Хватит! – взревел Стоун. – Максимов, наденьте на них наручники и усадите их на пол.

Профессор покорно кивнул и затянул пластиковые наручники за спинами Виктора и Эммы.

– Георгий, теперь твоя очередь, – злобно расхохотался американец.

– Но позвольте! – воскликнул Максимов. – Мы так не договаривались.

– Георгий Иванович, не зли меня!

– У меня артрит, – жалобно прошептал профессор, протягивая перед собой руки.

– Ладно, не будем тебе выкручивать руки, – пожалел мужчину Стоун и затянул наручники на протянутых запястьях.

Американец посмотрел на часы и, вытащив из кармана мел, стал чертить под коловоротом пятиконечную звезду. Стоун выпрямился, оружие сунул в карман пиджака и медленно и осторожно поднял на уровень груди «Карту Рома».

– Дорохов, код! – рявкнул он. – Если шкатулка не откроется, я пристрелю вашу спутницу.

– 417! – ответил Виктор.

«Карта Рома» раскрылась, и Стоун воткнул в нее «копье», но поворачивать не стал.

– Максимов, – усмехнулся американец, – думал меня провести. Покаяться, и все такое – об этом говорится в дневнике, но о том, что перед инициацией надо обязательно перекреститься, там ни слова. Но я не верю, чтобы ты не знал об этом. В рукописях Валленштайна это упоминается.

Профессор обреченно кивнул головой и добавил:

– Вы самый прозорливый человек на всей земле, и вы действительно достойны «Карты Рома».

Патрик Стоун, широко улыбаясь, быстро перекрестился и повернул золотой цилиндр вокруг своей оси. Внезапная вспышка синего света озарила помещение, и будто смерч вырвался из шкатулки к потолку. Дорохов попытался встать и броситься на американца, но вихрь опрокинул его и отбросил к стене. Ударившись головой, Виктор замер на полу.

Внезапно все кончилось. Стоун покачнувшись и рухнул на пол, не выпуская из рук шкатулку. Профессор с невероятным для его возраста проворством бросился к американцу и выхватил из его кармана пистолет. Затем он стал шарить по карманам мужчины.

Эмма заметила все это, когда профессор выворачивал ему карманы брюк. Женщина успела подползти к Дорохову и с отвращением наблюдала за Максимовым.

Профессор закончил обыск и направился к Эмме. Он поднял руки, демонстрируя, что освободился от наручников. В одной руке Максимов держал нож, а в другой оружие.

Он наклонился к женщине, но она отпрянула и прижалась к стене. Профессор развернул ее и перерезал наручники, затем быстрым движением освободил Виктора.

Дорохов пришел в сознание и с удивлением обнаружил склонившихся над ним Максимова и Эмму.

– Вы предатель, Георгий, – приходя немного в себя, прохрипел американец. – Что произошло?

– Вы же католик, Патрик, – не поворачивая к нему головы, ответил Максимов. – Вы мне об этом говорили.

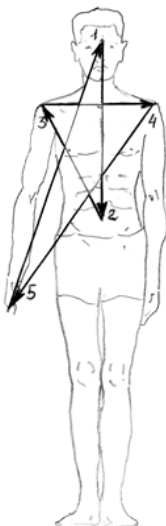
– И что? – еле выдавил из себя Стоун.

Профессор поднялся, сделал несколько шагов и встал так, чтобы Патрик Стоун видел его.

– На рисунке, который вы видели, изображены две пятиконечные звезды. Одна из них симметричная, а другая слегка искаженная. А теперь следите за моей рукой очень внимательно.

Максимов опустил руки и медленно, словно рисуя узор, перекрестился.

– Звезда, – сокрушенно выдохнул американец и закрыл глаза.

– Да, Патрик, католики крестятся слева на право, а православные наоборот. Крестясь, православные христиане, осеняют себя не только крестом, но и накладывают на себя древний оберег – пятиконечную звезду. Православное освящение крестом совпадает с рисунком слегка искаженной пентаграммы. Мой отец настаивал именно на таком чтении рисунка. Вы поддались на мою лесть, потеряли бдительность и машинально перекрестились так, как делали это всегда. Вы забыли, что в Византии вера православная.

– У-у, – в отчаянье зарычал Стоун и тут же испуганно взвизгнул. – Я не могу пошевелиться!

– Вас наказали те самые «звездные врата», о которых вы так мечтали. Вреда вы больше не принесете. Вы сможете говорить, но руки и ноги вам больше не подвластны.

– Георгий Иванович, что все это значит? – прошептал Дорохов.

– Не разговаривайте, – успокаивающе ответил Максимов. – Через несколько минут вы полностью придете в себя. Ну, а я пока все вам расскажу.

– Вы не хотите воспользоваться «Картой Рома»? – удивилась Эмма.

– Конечно, хочу, – откинув голову назад, задумчиво произнес профессор. И тут же бодро добавил: – Но не всегда желания и возможности совместимы, а я, леди, все еще считаю себя приличным человеком. Каждый должен быть на своем месте. Изучая жизнь людей, которых давно нет в живых, понимаешь, что все их ошибки и трагедии связаны с

желанием занять чье-то место, оставляя в пустоте свое. Не воспринимайте сейчас мои слова как пафосные, но мир не терпит пустоты. Все всегда стоит на своих местах.

– Лучше и не пробовать, – едва шевеля губами, вклинился Дорохов. – Посмотрите, что стало с этим Стоуном.

– Я столько пережила не для того, чтобы сейчас отступить. Три поколения моей семьи отдали всю свою жизнь, что бы найти этот таинственный портал. Профессор, подтвердите, что мне ничего не угрожает.

– Думаю, что это так.

– Эмма, это крайне рискованно, – пытаюсь отговорить женщину, едва слышно, произнес Дорохов.

– Я очень тебя люблю, Виктор! Но я для себя уже все решила!

– Если так, то тебе надо торопиться, – тихо произнес Дорохов. – Время уходит.

– Пока ты полностью не придешь в себя, я не тронусь с места, – не терпящим возражения голосом произнесла женщина.

– Спешить некуда, – устало произнес Максимов, усаживаясь на пол рядом с Виктором. Время вхождения в портал с двенадцати ночи до трех часов утра. Впрочем, мне не терпится вам рассказать о своих приключениях с ЦРУ.

– Я вся дрожу от любопытства, – подначила его Эмма.

– Стоун прибыл за день до вашего появления и предложил мне большие деньги, а также перспективы завладеть «Картой Рома». Заманчиво для историка, влачащего жалкое существование. Я спросил его, как он меня нашел, на что он заметил, что сын Ивана Максимова не иголка в стоге сена. Он был уверен, что вы обязательно придете ко мне. Американец предупредил меня, что вы воспользуетесь моим доверием и не расскажете о найденной вами шкатулке. Он также убедил меня, что женщина, которая ко мне явится, не является правнучкой Александра Рунге. Ко мне придет Сьюзан Бековски, обвиняемая в США в смерти Эммы Рунге. Он показал документы и фотокопию паспорта Бековски. На ней была фотография Эммы. Он также упомянул, что сопровождать женщину будет ее поделник.

– Вот это да, – ахнула Эмма.

– Я поверил, – продолжал свой рассказ профессор. – Американец показал документы офицера ЦРУ и был очень убедителен. Я ждал вас и встретил, сидя в коляске. Стоун прав, инвалид вызывает сочувствие и доверие. Мне очень жаль, что я участвовал в этом чудовищном спектакле, срежессированном Патриком Стоуном.

– Вас можно понять, профессор, – сочувственно, произнесла Эмма. – Но почему вы все-таки встали на нашу сторону?

– Во время нашей с вами первой встречи я вспомнил лицо Дорохова, мы с ним уже встречались. Молодой, очень талантливый ученый никак не подходил на роль соучастника преступления. Вы же, мисс Рунге, показали мне рисунок, о котором Стоун даже не упоминал, и это было очень странно. Я видел ваши глаза и не почувствовал лжи. Я засомневался в правдивости слов цэрэушника. После нашей с вами встречи я стал с ним вести себя осмотрительнее. Каюсь, мы вместе придумали историю с «американским дядюшкой». Дальше больше, стало понятно, что он наверняка не знает, есть у вас «Карта Рома» или ее у вас нет.

Профессор замолчал, уставившись взглядом в пол.

– А вы не заметили, Стоун левша? – поинтересовался Дорохов.

– Вроде нет, – замешкался Максимов.

– Георгий Иванович, – вклинулась Эмма, – почему Стоун вас взял сегодня ночью с собой, а не отравил, как уже поступил с генералом.

– Убить меня и не навлечь на себя подозрения было бы трудно. Уличные камеры видеонаблюдения подтвердили бы, что в наш подъезд заходил незнакомый соседям человек. Да и зачем это ему. Мне он до конца все равно не доверял и потому надел на меня наручники. Но ему надо было иметь меня рядом с собой, чтобы, так сказать, контролировать процесс. Чтобы иметь при себе хоть какое-то оружие я прихватил с собой складной нож, и, как видите, он пришелся как нельзя кстати.

– Стоун сказал, что перед переходом надо перекреститься, – продолжила Эмма. – И тут же добавил, что вы знали об этом, но от него скрыли.

– Я надеялся, что цэрэушник попадет в ловушку, не зная, что надо осенить себя крестным знамением. Мой отец разгадал этот рисунок с двумя звездами, но Стоуну я об

этом предусмотрительно не сказал. Я был крайне удивлен и подавлен, когда он признался, что знает о том, что надо перекреститься. Он не мог знать, известно мне об этом или нет.

– Ваше притворно-лживое признание сбило его с толку, – восторженно сказала Эмма. – И он, чувствуя свою победу, уверенно и быстро перекрестился.

– Надеюсь, что мои лживые комплименты содействовали этому. Слава Богу, что все позади. Не будем испытывать судьбу, Эмме пора готовиться к инициации. Помните, что вы можете уйти и не вернуться. Соблазн будет большой, так говорят старинные книги. Что вас ждет, я не знаю.

Эмма встала в освященный пятачок пола прямо под куполом и взяла в руку шкатулку. Быстро и решительно вставила «копье» в прорезь.

– Подожди! – крикнул Виктор. – В дневнике твоего деда говорится, что прежде ты должна покаяться.

– Но как это сделать? – замерев, обеспокоенно ответила Эмма.

– Ты в храме Господнем, – мягко вмешался Максимов. – Попроси прощения за вольные и невольные прегрешения. Затем перекрестись по православному обычаю.

Максимов медленно перекрестился, показав как это правильно сделать.

Эмма молча попросила прощения за все неправильно совершенное в жизни. В полной тишине женщина беззвучно разговаривала с тем, кто ее должен был слышать. Затем решительно перекрестилась и повернула «копье» в «Карте Рома». С легким свистом появилась тень на стенах, от начинающегося закручиваться вокруг женщины подобия смерча. Забравшись под купол, он изменил свое направление на обратное и ринулся вниз.

Эмма почувствовала необыкновенную легкость и спокойствие. Она очутилась в месте, которое очень любила в детстве, и в котором ей было всегда хорошо. После смерти своего отца Эмма стала любить одиночество и часто пряталась от людей на склоне высокого холма рядом с заброшенной кожевенной мастерской. С тех пор, как она с матерью переехала на новое место жительства и пошла в новую школу, потребность неприкасаемого личного пространства стала для нее необходимостью.

Ее укромное место находилось совсем не далеко от ее нового дома, и она приходила туда почти каждый день. Среди густого непроходимого кустарника девочка отыскала укромную площадку с плотно нависшими ветвями высокого кустарника.

Вид с этого места открывался восхитительный. Внизу небольшая речушка, а сразу за ней большое запущенное поле. Старые деревянные ящики превратились в стул и стол, а дырявое железное ведро – в камин. В этом месте Эмма была главной, она была хозяйкой этого кусочка земли. Здесь она мечтала о прекрасном будущем, которое приближается к ней с каждым новым днем.

К ее удивлению, за столько лет убежище и прекрасный вид из него совсем не изменились, хотя она прекрасно помнила, как за рекой на ее глазах рос новый жилой квартал. Но сейчас все было именно так, как в далеком детстве.

– Зачем ты здесь? – вопрос, прилетевший из ниоткуда заставил ее оглядеться.

Страх не было, только любопытство переполняло женщину. Никого вокруг не оказалось, и Эмма крикнула в пустоту:

– Я не знаю! С кем я говорю? Ваш голос кажется мне знакомым!

– Будем считать, что ты говоришь сама с собой. Ты пришла, чтобы узнать себя. Говори.

– Где я?

– В самом реальном из миров. Это твоя территория, и здесь ты можешь все.

– Я всегда мечтала построить на этом месте огромный красивый дом.

В тот же момент, к удивлению Эммы, она оказалась внутри великолепного дома с большими панорамными окнами. Это был даже не дом, а скорее дворец. С высокого потолка спускалась многоярусная хрустальная люстра. Необъятный мраморный камин вдохнул в зал тепло. Белые кожаные кресла и диваны прижались к стенам. Зал был почти без мебели, подчеркивая пустотой свои небывалые размеры.

– Я сдвигала ящики, освобождая крохотное пространство для танца, – еле сдерживая слезы, пролепетала Эмма. – Когда мне было грустно, я танцевала, и очень хотелось танцевать не одной. В пять лет меня отвели в школу бальных танцев, и мне очень понравилось кружиться под музыку. Но девочек было больше, чем мальчиков, и не самые перспективные девчонки, включая меня, танцевали без пары. По истечении года на зачетном балу мне пришлось танцевать одной. Было двенадцать пар и две одинокие

девчушки в красивых платьях, но без мальчиков. Несложно догадаться, что одной из неудачниц оказалась я. Девочки в красивых бальных одеждах встали в круг в большом танцевальном зале. На скамейках сидело много взрослых, родителей учеников танцевальной школы. Под музыку из раскрывшихся в зал дверей выбежали мальчишки в строгих черных костюмах. Они встали напротив своих партнерш, а я и еще одна девочка остались без пары. Это было нестрашно, на репетициях ребята танцевали по очереди с каждой из девочек. Но прошел первый танец, затем зазвучала вторая мелодия, потом третья, четвертая, а мы с другой девочкой оставались в одиночестве. Нам приходилось танцевать с воображаемым партнером, подняв руки, как будто они лежат на чьих-то плечах. Я помню, как вторая девочка, Кэти Джонс, разрыдалась прямо посреди праздника. Она подбежала к своему отцу и, плача, уткнулась ему в грудь. Мужчина встал, он оказался огромного роста, и, взяв дочь на руки, он сам попытался заменить ей партнера по танцу. Его движения были столь угловаты и нелепы, что вызвали смехок в зале. Подбежала преподавательница танцев, миссис Лоук, и попросила мужчину сесть. Он отказался, и тогда она указала ему на дверь. Мой отец, Рон встал со своего места и сказал, что все происходящее неправильно. Все остальные взрослые люди промолчали. Я стояла в этот момент рядом с мамой и отцом. Папа Кэти, держа дочь на руках, тут же покинул школу. Миссис Лоук громогласно взвизгнув, подбежала к моему отцу и процедила: «Вы тоже уходите?». Я хорошо помню, как он сказал: «Нет, мы продолжим». Держа меня за руку, он прошептал: «Танцуй так, будто тебя держит за руки самый лучший танцор в мире, и ты должна помочь ему завоевать золотую медаль. Он очень надеется на тебя, помоги ему». В этот вечер я танцевала как никогда до этого. Я была единственной девочкой без пары, но я танцевала для своего любимого папы и делала это изо всех сил.

– Но ты не удостоилась ни одного призового места на том балу, – с грустью произнес неведомый голос.

– Но я танцевала для папы, и он очень гордился мной. На следующий год он перевел меня в другую танцевальную школу, и там у меня был прекрасный партнер.

– А ты знаешь, что стало с танцевальной студией миссис Лоук?

– Я этого не знаю, возвращаться обратно мне не хотелось. Эта история преследовала меня долгие годы, мне и сейчас трудно об этом говорить.

– Эта школа закрылась на следующий день, – голос из ниоткуда, казалось, потешался над сказанным. – Мистер Джонс спонсировал школу Анны Лоук, бывшей чемпионки США по бальным танцам, но она не знала, за чей счет живет, и никто не знал. Кстати, Кэти Джонс стала примой в ведущих мюзиклах Бродвея. Ее голос и пластика покоряют сердца американцев. Правда, она выступает под псевдонимом, все-таки ее отец теперь известный конгрессмен.

– Я этого не знала. Но очень рада за Кэти. Но почему взрослые не вступились за двух одиноких девочек на том балу?

– Но у всех остальных были пары. И, возможно, Джонс и твой отец высказались лишь потому, что их дети оказались обиженными. Ты же часто думала об этом.

– Мой отец встал бы на защиту любого обиженного ребенка, – уверенно возразила Эмма.

– Но об этом можно только догадываться, – голос, накрывающий ее, ничего не утверждал и даже ничего не спрашивал.

Эмме стало не по себе. А как бы она поступила, если бы сидела среди тех счастливых родителей, которые наслаждались балом. Промолчав, ты объясняешь своей совести, что сегодня так надо и убеждаешь себя в правильности молчания или говоришь себе, что это воля небесная или еще что-нибудь, от чего тебе становится легче.

– Если бы все было по-другому, как бы поступил мой отец и мистер Джонс? – с надеждой вопрошала Эмма.

– В том-то и дело, что точно так же, – бесстрастно отвечал голос. – Меняются декорации, но никогда сам сценарий. Вы, люди, приписываете высказывания и поступки обстоятельствам, чтобы оправдать самих себя. Джонс и твой отец поступили бы еще более жестко, если бы другие девочки оказались в таком положении. По отношению к своим детям они терпели до последнего.

– Значит ли это, что путь человека предопределен? – разочарованно спросила Эмма.

– Не так, как ты думаешь! Каждый выбирает заранее сюжет испытаний, но жизнь на Земле это командная игра, и все время приходится вносить в нее коррективы.

Взаимодействие с другими людьми предполагает право выбора и, самое важное, поиска. Предугадывая твой вопрос о смысле жизни, сразу отвечу, ее смысл в преодолении.

– В преодолении? – удивилась Эмма.

– Именно так. Чтобы было понятно: человек зарабатывает очки за каждый свой поступок. Преодолевая себя, добиваясь поставленной цели, ты движешься вверх. И наоборот.

– Но цели бывают разными и пути достижения тоже!

– Нет, цель одна – быть счастливым за свой счет, несмотря ни на какие внешние обстоятельства. Не бывает счастья за счет других людей. Если они оплачивают твои наслаждения, то потом придется расплатиться вдвойне. Надо научиться создавать и делиться этим.

– Но в реальной жизни все совсем по-другому, – не выдержала Эмма. – Неужели ты этого не знаешь? Может быть людям неизвестно, то о чем ты сейчас говоришь. Да и с кем я говорю, я же тебя не вижу!

– У каждого своя реальность, хотите вы этого или нет. Для одних Эмма – хороший человек, для других – нет, для третьих ее не существует. Впрочем, ты хотела посмотреть на меня. Твое желание закон, закрой глаза и вдохни поглубже.

Эмма сделала все, как сказал голос, и с опаской открыла глаза. Перед ней стояла Эмма Рунге. Точнее копия, но не такая, как она о себе думала. Эта другая Эмма была спокойна и уверенна. Такой женщина всегда мечтала быть. Было ощущение, что она попала на прием к самой себе.

– Расскажи мне, где я сейчас, – настороженно поинтересовалась Эмма.

– Но ты же слышала, что есть Ад и Рай.

– Так я в Раю?

– Тебе решать! Есть время, где ты бесконечен и все мечты становятся твоей новой реальностью. Все крутится вокруг тебя одной, все подчинено твоим желаниям. Сейчас ты именно здесь. Та девочка, которой не хватило пары на балу, теперь будет выигрывать все, абсолютно все танцевальные конкурсы.

Эмма задумалась и спокойно ответила:

– Это не по мне. Где же радость от победы, если она predetermined? Это больше похоже на Ад.

– Похвально, – улыбнулась другая Эмма. – Но многие, не задумываясь, выбирают именно это место и убеждены, что это Рай. Есть и другое время, где ты вместе с такими же как и ты, идешь на встречу к самому себе и каждый раз ставишь перед собой все новые и новые задачи. В этом мире ты готовишь себя к будущим путешествиям.

– Это то, что нужно, – восторженно вскрикнула Эмма. – На земле в кругу друзей можно испытать подобные ощущения. Но прости, я, кажется, перебила тебя.

– О нет, не извиняйся.

– Хотела спросить про Ад, про огонь пожирающий плоть грешника, – не удержалась Эмма. – Нам с детства об этом твердят.

– Но те же люди, кто пугают вас, утверждают, что тела свои вы оставляете на земле. С плотью грешника промашечка выходит. Человека трудно напугать постоянным беспокойством и угрызениями совести, такой и на земле живет в Аду, вот люди и придумали всепоглощающий ужас.

– Но если все predetermined, то в чем виноваты грешники? – удивилась Эмма. – Разве не вы несете ответственность за этих людей?

– Мы арбитры, а вы игроки. Правила известны. Не все находятся в равных условиях, но это ими же и определено. Наше дело выставлять оценки и контролировать соблюдение оговоренных заранее правил. Вот и все.

– А для чего созданы порталы времени? – задала свой следующий вопрос Эмма. – Разве не для того, чтобы помогать людям? И почему они доступны одним и скрыты от других?

– На Земле всегда присутствуют 400 человек, обладающих особым даром видеть будущее, прошлое и настоящее. На смену одним приходят другие, но их количество неизменно. Порталы времени дают им возможность перемещаться физически, а не только с помощью мысли. Сорок человек из них известны людям. Их называют провидцами, экстрасенсами, много для них придумано названий. Остальные не известны широкой

общественности. Все они поддерживают равновесие на вашей планете. Они живут ради других людей, и это тяжелый труд.

– Неужели я избранная? – с надеждой и страхом спросила Эмма.

– Ты гость, но гость желанный. Ты можешь выбрать любое из времен и там остаться. Ты можешь получить ответы на любые вопросы.

Эмма лихорадочно думала, что же такое спросить, но ничего стоящего не приходило в голову. Надо было бы узнать что-то важное для всего человечества.

– Я хочу знать, – смущаясь, начала женщина, – наверное, это слишком простой вопрос... Виктор Дорохов... Ты понимаешь, о чем я хочу спросить?

– Этот мужчина будет всегда любить тебя, и ты его тоже. Это предопределено. Вы будете жить...

– Не продолжай! – радостно закричала Эмма. – Я не хочу знать, как и сколько мы проживем.

– Вижу, ты не собираешься оставаться.

– Нет, не собираюсь. И Рай и Ад есть на Земле. Я хочу назад, но, пожалуй, еще один вопрос или это будет просьба. После смерти я хочу остаться с любимым человеком, и не хотелось бы попасть в Ад.

– В виде исключения я замолвлю за вас словечко, – рассмеялась другая Эмма. – Теперь тебе не о чем беспокоиться.

– Да, еще, – спохватилась женщина. – Профессор Максимов, что ждет его?

– Его книгу скоро напечатают. Он станет знаменит. И пора ему уже признаться своей соседке, зачем он ходит так часто к ней звонить по телефону. Эта женщина к нему тоже равнодушна.

– Он пишет книгу?

– Да, более десяти лет. Это исторический роман о большой и прекрасной истории любви. Ты спрашиваешь о других, и это похвально, ты собралась уходить?

– Пора, наверное, прощаться, – с грустью прошептала Эмма. – Я думала, что у меня столько вопросов, а я почти ничего не спросила.

– Все ответы уже внутри тебя. Ты всегда можешь на это рассчитывать. Откровенный разговор со своим «я» для большинства людей не доступен. Они избегают такого диалога и стараются лгать, даже оставаясь наедине с самим собой. Все это происходит из-за неуверенности в себе. Каждый на земле должен стремиться преодолеть беспокойство. Уверенность в своих силах – это не привнесенный оптимизм, а кропотливый труд. Многим проще поверить кому-то, чем себе самому. Впрочем, все это известно каждому. Напоследок, дам тебе всего один совет – если будет трудно, поговори со своим отражением в зеркале.

Через мгновение Эмма оказалась вновь в церкви. На нее испуганно смотрели Дорохов и Максимов.

– Я была там! – прошептала Эмма. – И профессор оказался прав, там можно было остаться.

– Но ты вернулась! – не скрывая своей радости, воскликнул Виктор.

– Я не могу без тебя Дорохов. Ангел, а мне кажется, я говорила именно с ним, обещал мне, что ты меня будешь любить вечно. Я хочу быть с тобой.

– Значит, ангел сказал тебе то, что я не успел сказать, хотя очень хотел.

Глядя на влюбленных, Максимов всхлипнул от умиления и задумчиво произнес:

– Портал действительно существует? Но вы никуда не исчезали. Несколько мгновений вы находились внутри этого странного вихря, но он стих. Может быть, вам все привиделось, извините за недоверие.

– Может и так! – укоризненно посмотрела на него Эмма. – Но мне также привиделось, что совсем скоро издадут вашу книгу. Вы станете очень известным. Но самое главное ваша соседка готова ответить взаимностью на ваши к ней чувства.

– М-да, – промычал обескураженный профессор. – Мои чувства к Розе, действительно, военная тайна за семью печатями. Неужели она ко мне равнодушна? Если это так, то это здорово. А книга, да, моя рукопись уже много лет не вызывает интереса у издательств. Неужели все, что вы говорите, правда! Впрочем, как бы вы могли узнать обо всем об этом, не побывав там.

Пораженный услышанным Максимов мечтательно посмотрел вверх и благодарно улыбнулся.

– Что по ту сторону? – не удержался Дорохов.

– «Что внизу, то и сверху, что слева, то и справа. И все это иллюзия и истина». Так сказано в дневнике моего деда. Я, наконец, поняла смысл этого изречения. Все наши с тобой открытия, сделанные вплоть до этой минуты, были тому подтверждением. Иерусалим как и место казни Иисуса, которые для большинства людей по сей день – абсолютная истина, оказались для нас иллюзией, и наоборот – иллюзорный потерянный город, как выяснилось, был настоящим местом, где происходили библейские события. Сталин приложил столько усилий, чтобы обрести истину, построил столько культовых сооружений для этого, но все они тоже превратились в иллюзию. А истина была спрятана в другом месте у всех на виду. А уж сколько иллюзий связано с историческими личностями, такими как Иван Грозный или, например, Роксолана. А ведь истина рядом, просто не бросается в глаза. Все чудеса вселенной всегда вокруг нас, но большинство людей не замечает этого. Все зависит от нашего угла зрения. Одним дано от рождения увидеть скрытое, другим надо напряженно вглядываться, третьи даже не станут об этом задумываться. Но Рай и Ад в наших руках и выбор всегда за нами. Сейчас я все это отчетливо понимаю.

С этими слова Эмма обессилено опустила на пол рядом с Дороховым и закрыла глаза. Она пришла в себя только на следующий день в квартире Виктора, который все это время не отходил от нее ни на шаг. «Как же хорошо, что он рядом, – подумала Эмма, – хоть бы ангел оказался прав».

Посреди ярко освещенной комнаты в кресле сидел Патрик Стоун. Вокруг него столпились офицеры ЦРУ, включая Курта Тейлора и Линду Шапиро.

– Мистер Стоун, вы находитесь на территории США в специальном учреждении. У нас есть доказательства вашего участия в убийствах гражданских лиц, а также в уничтожении офицеров специальных служб.

– Кто меня об этом спрашивает?

– Расследование веду я, генерал Чарлсон.

– Савски подчинялся именно вам?

– Да, и я не доглядел за ним, о чем очень сожалею. Так вы признаетесь в предъявленных обвинениях?

– Прежде чем я отвечу на ваши вопросы, могу я задать один единственный свой?

– Задавайте!

– Я не могу пошевелиться. Звучит смешно для современного человека, но я уверен, что на мне лежит заклятие. Могу ли я избавиться от него?

– Не могу вам ничего обещать, но подтверждаю, что врачи, обследовавшие вас в замешательстве. Нам поступило странное сообщение, адресованное именно вам. В нем говорится, что если мы ознакомим с ним вас, то вы будете предельно откровенны, и ваше тело получит некоторое облегчение. Позвольте, я его прочту.

– Прошу вас!

Генерал зачитал краткий текст: «Истина освободит выполнившего свое предназначение».

Стоун хорошо понимал, от кого это послание. Суфийский орден вынес старинное определение, и ему оно было хорошо знакомо.

– Я виновен, – тихо произнес Стоун. – Я признаюсь в убийствах. Савски отравлен мною и Курт Тейлор здесь не причем. Я не доверял Генри Смит и подмешал ему смертельный яд.

– Подробнее об этом, – попросил Чарлсон.

– Мы с Савски занимались поиском «звездных врат», местом перехода в другое измерение. Я отравил Савски и сфабриковал улики против Тейлора. Смит мог разоблачить меня, и мне пришлось убить его.

– Тейлор, вы подтверждаете слова своего подчиненного?

– Да, генерал! Я и мой отдел были втянуты в странную историю. Мой подчиненный Генри Смит скончался в Московской больнице.

– Вы можете это дальше прокомментировать? – Чарлсон вновь обратился к Стоуну.

– Савски предложил мне работу и внедрил меня в отдел 4268. Ресурсы генерала, казались мне безграничными. В Бостоне я нанял бывшего полицейского и платил ему за слежку за домом Карла Рунге. Когда мы узнали о записях Карла, мой агент подменил собой наш отдел и выступил от его имени переговорщиком с нашим информатором.

- Кто прислал это странное сообщение «истина освободит выполнившего свое предназначение», и что оно означает.
- Я работал на Ближнем Востоке с религиозно-мистическими сектами. Они могут наложить и снять заклятие. Это месь из моего прошлого, настигнувшая меня в Москве.
- Эмма Рунге приблизилась к ответу, где находятся эти так называемые «врата»?
- Нет, сэр! Ее и меня ждало разочарование, никаких «звездных врат» не существует. «Карта Рома» и «Копье Василевса» всего лишь красивая легенда.
- Что еще вы хотели бы добавить к сказанному?
- Ничего, генерал, – сказав это, Стоун почувствовал пальцы ног.

Спустя двенадцать дней после ночного посещения храма Василия Блаженного, Эмма и Виктор вновь прилетели в Стамбул. Мехмет выглядел бодро, но при каждом удобном случае подчеркивал, что перенес тяжкое ранение, и ему предстоит долгое лечение. Иногда, правда, он забывал о нем и хромота куда-то исчезала.

Он просил вновь и вновь повторить рассказ о чудесном путешествии Эммы. Его поразило, что, как и было предсказано, Георгию Ивановичу Максиму предложили издать его книгу на самых что ни на есть выгодных условиях. Будучи под впечатлением произошедших событий, профессор сделал предложение руки и сердца соседке Розе, и та без промедления согласилась.

Сначала Мехмета очень огорчило, что Эмма не спросила о его будущем, но, поразмыслив, он философски заметил, что его больше увлекает прошлое.

«Карту Рома» решено было оставить на попечение суфийскому ордену. Что касается «копья», то турок отказался его брать, мудро рассудив, что этим двум вещам суждено быть порознь, и не ему вносить изменения в ход истории.

Эмма и Виктор навестили Сафира и в его доме познакомились с Генри Смитом. В ту ночь после возвращения Эммы из загадочного путешествия она сообщила шейху о произошедшем в храме. Решено было вывезти Стоуна подальше от собора и вызвать машину «скорой помощи». Женщина передала цээрешнику указание шейха не упоминать орден и забыть о «Карте Рома».

Этой же ночью Смита увезли в московскую больницу, и там он по документам «скончался». Его тут же «кремировали», ссылаясь на неизвестную инфекцию, способную заразить весь город. Связи ордена действительно впечатляли. На вопрос Дорохова, как же это удалось, Сафир туманно заметил, что среди мусульман Москвы несколько тысяч человек приверженцы ордена, и они всегда готовы прийти на помощь своим братьям.

Оказалось, что Генри Смита в свое время взял на работу Пол Савски. Именно Генри «нашел» записи Валленштайна и доложил об этом наверх.

В этих записях упоминалось об успехе эксперимента с электромагнитными импульсами вихревой разнонаправленной структуры. Успех эксперимента обеспечивала «батарея» – неживое тело. Валленштайн с восторгом сообщал, что благодаря сведениям, переданным ему сыном Александра Рунге, Карлом, прорывной для науки опыт удалось осуществить. Это была подделка, сделанная орденом.

Савски внедрил Генри в отдел 4268 и постоянно получал от него информацию о деле Карла Рунге. В дальнейшем генерал перестраховался, и в отделе появился Стоун.

Эмма рассказала Смиты о том, что Гроссман был уверен, что его «босс» левша. Генри на миг задумался, а потом с грустью произнес: «Патрик Стоун талантливый разведчик. Казалось, он предусмотрел все. Если бы его информатор Гроссман предал его, то искали бы левшу. В нашем отделе под это определение подходили Тейлор и я. Стоун не учел двух вещей. Нельзя быть хитрее всех, и нельзя быть выше Бога».

Библиография

Lewis Wallace, «The Prince of India or Why Constantinople Fell»

Sir Isaac Newton, «The Chronology of Ancient Kingdoms Amended»

John Carter, «Sex and Rockets: The Occult World of Jack Parsons»

Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко, «Империя»

Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко, «Геракл. "Древне"- греческий миф XVI века»

Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко, «Забытый Иерусалим: Стамбул в свете новой хронологии»

Джозеф Фаррелл, «Братство колокола»

Хаджи Абдулгафур Раззак Бухари, «Путеводитель в тарикат (на основе учения Накшбандия)»

Пьер Тейяр де Шарден, «Феномен человека», перевод и примечания Н.А.Садовского

Г.К.Цверева, «Никола Тесла. 1856—1943»